

Лев Морок

НА ФЛАЖКЕ

постимперский криминальный роман

Это не историческое исследование, и я не стремился восстановить события прошлого в их фактической точности. Хотя даже погода соответствует временам.

Герой этого в какой-то степени выстраданного двухтомника не лучше и не хуже других. Он не обладает суперсилой, тем более сверхспособностями и не знает будущего. Он знает, как всё сложилось, и ощущение, что однажды уже не решился сделать необходимый шаг.

Прошлое в романе — не декорация и не повод для споров о версиях истории. Это пространство выбора. Люди, встречающиеся герою, не символы и не приговорённые фигуры учебника. Каждый убеждён, что поступает правильно. Но выбор за читателем.

Эта книга — не о том, как изменить мир. Она о цене попытки.

Текст публикуется в свободном доступе. Автор будет благодарен читателю за внимание и за собственное, самостоятельное суждение о прочитанном.

Лев МОРОК

Лев МОРОК
На флажке
Постимперский триллер в двух частях

Книга первая
Ильин день

Вместо пролога

Мушка пистолета в правой руке почти не дрожала. Зато ходуном ходил ствол, направляемый левой рукой. Навык всё ж не тот...

Стрелять-то он умел, со школьной скамьи ещё, словно специально готовился. Не «ворошиловский стрелок», конечно, но стрелял довольно неплохо, пусть и практиковался исключительно в тире, с «воздушкой». Пистолеты в тире тоже стреляли пулями, разгоняемыми силой воздуха, сжатого преломлением ствола. Так что там выстрел был чуть громче шёпота.

Сейчас всё было по-взрослому. И первый выстрел грянул, едва за ветровым стеклом лимузина, второго в кортеже, он разглядел широкие брови и чуть обвисшие щёки. А ведь тот парень всякий раз, когда появлялся, говорил, что его здесь не будет. Но вот же он, как на картинке! Не на ладони, а именно на картинке. В рамке ветрового стекла правительственного «ЗИЛа».

Это и стало импульсом, который дал команду окоченевшему пальцу нажать на спусковой крючок.

Пистолет вздыбился, в руку толкнуло отдачей.

Выстрел.

Второй и третий почти без паузы. Но уже с левой. Куда ушли пули — не видать. Хотя расстояние-то — рукой подать.

Машина всё же пошла юзом.

Он видел, что шофёр уткнулся лицом в руль. А брови скрылись под приборной панелью. Зато руки бровастого взметнулись над ней и вцепились в руль,

который заклинило телом водителя. Ранен, мёртв? Не всё ли равно? Главной цели он ещё не достиг, раз руки шевелятся. И уводят машину с линии огня.

На пятом выстреле от кортежа оторвался мотоциклист. Он мало того, что перекрыл обзор, так что ещё и следующие три пули ушли в «молоко». Хотя чего ещё можно было ждать от стрельбы левой. Но куда хуже было то, что мотоциклист летел прямо на него. И не собирался тормозить.

Поэтому последние выстрелы были уже в мотоциклиста, не столько мешавшего вести огонь, а почти наехавшего на Виктора.

Промах! С такого расстояния, и мимо! Вот тебе и победитель! Но в обоях — куча патронов. Ещё постреляем!

И в это время ему прилетело в голову, откуда-то сбоку. Откуда и не ждал. А должен был. Не приятели ведь в оцеплении стояли, и даже не знакомые. Пусть и не обученные. Но мозги сработали. У кого-то одного. Ведь если не они его, то тогда их... Вот и прилетело.

Не пуля, конечно. Тогда бы всё было кончено. На что он и рассчитывал.

Но не вышло так легко отделаться. И это, ясное дело, только начало. Сейчас всего лишь брызнули искры из глаз. А потом в них померк свет.

На какое-то время.

Хотя он ещё успел разглядеть, но уже мысленным взором, словно прокручивая виденное во сне. Или в кино.

Нос не такой мясистый, как на фотографиях в газете, более острый. И щёки... Щёки не такие обвислые. Даже на парадном портрете, весьма, конечно, приукрашенном, они висят, как лопухи на солнце. Но ведь не может же быть, чтобы в жизни щёки были ещё более приукрашены! Потому что...

Это не художник постарался. Просто в рамке лобового стекла лимузина оказалось более молодое лицо.

Значит, парень был прав. А вот он облажался...

Часть первая

1

...Последняя их встреча выдалась куда более холодной, чем все предыдущие. Но из-за погоды, и только. Зима... В Питере она всегда особенно чувствуется. Промозглой сыростью и холодом, пробирающимися сквозь любые одёжки. Меж собой они нормально поладили. И то сказать, сколько лет знакомы. Хотя так и не сошлись во взглядах.

Зябко поёжившись, всё-таки питерская погода была ему не по нутру что в годы службы здесь, что сейчас, Игорь вспомнил с чего всё началось. Точнее, как.

...В тот день он сбежал из министерства пораньше. На минуты, но всё ж. Не было желания участвовать в массовом шоу выражения неискренней любви, а за согнанной для очередного одобрямса толпой его отсутствие могли и не заметить. К таким мероприятиям у Гребнева давно выработалась стойкая неприязнь с неприятием. Ещё с училища. Когда он... Да это дело уже далёкое, пусть и стыдно до сих пор. И порой в закоулках памяти слышится «Ты же без пяти минут офицер!».

Но былого не воротишь. Зато можно, стыд преодолев, жить как с чистого листа, и более не пятнать свою честь. Так что он вырвался вперёд. В гонке со временем между вяло бредущими по перрону и платформе пассажирами.

Вагон электрички, в который Гребнев втиснулся, второй с хвоста — при всей набранной скорости не было времени бежать вперёд, состав отправлялся с минуты на минуту — был забит битком. Не пытаясь обустроиться в продуваемом всеми ветрами тамбуре, Игорь решил попытать удачи в следующем. Вроде как там, впереди по ходу движения поезда, на платформе людей было поменьше. Не факт, конечно, что их будет меньше и в вагоне плавно отчалившей от перрона Ленинградского

вокзала электрички. Конец рабочего дня, ехать всем надо. Удачливые могли просто зайти раньше в вагон, не докуривая до самых пальцев сигареты. А с пивом так и вовсе было спокойнее в вагоне. И теплее. Но попытать удачу, раз уж ухватил её за хвост, вскочив в отправлявшуюся электричку в последнюю минуту, всё же стоило. И он, страсть как не любивший переходить из вагона в вагон из-за привычки сограждан превращать переходные площадки в общественный туалет за неимением иного в составе, надавил на ручку, никогда не желавшую легко поддаваться. Вот он и надавил, сразу и всем телом. И она со скрипом подалась. Открывая дверь. За которой...

Игорь даже отшатнулся.

К этому времени все, кто вскочил в вагон вместе с ним, преодолев сопротивление вошедших раньше, из тамбура втиснулись в салон через раздвижную дверь, еле устоявшую на направляющих. Поэтому никто в спину Игоря не толкал. Не то бы он вылетел в ночь и холод. Потому что...

За дверью была пустота. И ветер. Над дрожащими между вагонов поручнями. Прямо над железнодорожным полотном.

Ну, если быть честным до конца, то между полом тамбура и полотном дороги был ещё стальной лепесток, выступающий за край вагона и за едва прикрывающий дверной проём с боков кожух из промёрзлого брезента или резины. Такой же лепесток переходной площадки был и у торца другого вагона. Вроде как один вагон другому язык показывал. Эти языки чуть-чуть, но не соприкасались, провисая в такт движению над автосцепкой. Буферами, как её обычно называют далёкие от железнодорожного транспорта людишки. Их ещё пассажирами зовут. Вообще-то они недалеко от истины. Однако буфера — это только часть подвагонного устройства, соединяющего состав воедино. Но куда подевалось защищённое от непогоды

межвагонное пространство, где эти самые пассажиры порой не только малую нужду справляли в щели закрывающей его «гармошки»? Было крыльцо крытое, а стало открытое! Со всех сторон. И ещё эти поручни. Железные. Связанные стальной цепочкой.

И всё это болтается, гремит и грохочет. А внизу, едва различимые на такой скорости, мелькают шпалы.

Но как? Ведь электричка только отправилась! А шпалы улетают под вагон как в пропасть...

Игорь затравленно глянул через правое плечо. Туда, откуда он вошёл в вагон. Но ошалел едва ли не больше, чем от вида разверзшейся пропасти.

Тамбур за его спиной тоже неузнаваемо преобразился!

Вместо широкого пространства от распахнувшихся перед ним раздвижных дверей до таких же с другой стороны вагона был узенький деревянный настил тамбура, заканчивающийся с обеих сторон ступеньками, ныряющими под неплотно прикрытую входную деревянную же дверь. Самую обычную. Как в подъезде. Но в поезде! С оконцем, правда, ну так этим сходство с исчезнувшими автоматическими дверьми вагона и заканчивалось. Да и то было это сходство лишь понятийным — стекло в раме. Опять же в деревянной. И потому прямоугольной. Никаких тебе резиновых уплотнений и сглаженных углов. Стекло держится в раме штапиком. И видны гвозди, которыми он прибит. Точнее, шляпки гвоздей. На некрашеном трёхграннике светлого дерева.

Этот светлый ободок очень бросался в глаза. Может, из-за мрачного фона, из которого он вырвал замызганное от времени и несчётного числа отразившихся в нём пассажиров стекло? Дверь-то была старой и потемневшей от ветров и ливней, исхлеставших её на пройденном пути по железным дорогам. А стекло...

Стекло мутным взглядом подгулявшего хулигана выжидательно смотрело на задержавшегося в тамбуре пассажира.

Чувствуя затылком этот взгляд, Игорь вновь заглянул в провал между вагонами. И если прежде он терпеть не мог переходить из вагона в вагон из-за непотребств в этом пространстве, то сейчас его обуял страх. Как в далёком детстве. Когда ему, мальчишке из маленькой захолустной деревушки впервые довелось ехать на пригородном поезде в другую область. Там тоже были деревянные вагоны и похожая переходная площадка, только совсем без поручней. Лишь цепочки. И ходуном ходившие переходные мостики, хоть поезд еле плёлся, не то, что сейчас, когда шпалы мелькают как заведённые.

Страх пробрал холодом до самого нутра. И он же толкнул в спину.

Этот толчок... Он был осязаем! И не привиделся Гребневу. Потому что стало больно, где-то в районе почек. Так что неожиданно даже для самого себя Игорь сделал шагок на раскачивающуюся площадку.

Шагнул и застыл, свыкаясь с болью в спине. И смиряясь со страхом перед провалом, в котором меж двух стальных языков, временами соприкасающихся словно в поцелуе, убегали куда-то во тьму шпалы.

Отпустив дёргающуюся в ладони цепочку, он сделал ещё шаг. Теперь широкий. И оказался на площадке соседнего вагона, судорожно вцепившись в цепочку, точно такую же, как он оставил за спиной.

Ноги дрожали. Да что ноги — он весь дрожал! И покрылся холодным потом. Но стоял твёрдо. Что ж, можно и дух перевести — только сейчас Игорь понял, что всё то время, пока балансировал на краю вагона, он не дышал.

Выдохнув, он толкнул дверь. И оказался в тамбуре, таком же безликом, как тот, что остался позади. И ничто здесь не напоминало электричку, в которую он вскочил буквально перед самым её отправлением.

Но в оставленном позади он хотя бы чувствовал связь с своим временем. Там же были его современники. Их он сейчас уже не видел, но ещё живо себе представлял. Ещё помнил, потому что. Парня, выбросившего едва прикуренную сигарету перед тем, как шагнуть в вагон, девушку в беретике и короткой шубейке, своего ровесника с тяжёлым портфелем, кожаным, на ремне. Кофр фотографа, как ему подумалось и тут же забылось...

Теперь вот вспомнилось. Как якорь, который должен был его удержать в здравом уме. Потому что здесь, в этом вагоне он уже никого не мог себе представить.

Однако сохранять ясность ума было невозможно. Хотя бы потому, что низ живота скрутило внезапно и безжалостно. Да так, как никогда прежде.

На глазах выступили слёзы. И тут же, разорвав полумрак лёгкой вспышкой, под потолком тамбура, перекрывая грохот колёс, гулко хлопнуло. И тьма стусилась ещё больше. А на Гребнева пролился дождь. Точнее, просыпался град. Осколков.

Сквозь слёзы он разглядел всё же, что из двух ламп на потолке одна, прямо над его головой, взорвалась. Плафона у неё не было, и осколки оросили Игоря с головы до ног. Хотя и обошлось без ран. Но внезапно заломило переносицу — как от пропущенного в драке удара, во рту появился привкус крови.

Он мазнул тыльной стороной ладони под носом.

Чисто. Не то бы испачкал белый шарф, крупной вязки, память о жене.

Отряхнувшись, сдвинул вбок дверь в салон вагона.

Ничего похожего прежде не видел.

Вагон был наполовину пуст. Хотя и толпились на платформе перед ним пассажиры, это Игорь хорошо помнил. Именно поэтому и не поспешил он дальше, ближе к голове состава, боялся не втиснуться до отправления. А оно вона как получается, даже сидячих мест на деревянных, светлого дерева лавках полно. Те же, что заняты...

В хаотичном порядке на лавках по всему вагону сидели всего-то десятка два, максимум три, пассажиров. В странных одежах. Словно на съёмках фильма о беспризорниках. Хотя все были уже в том возрасте, когда признание по старости ещё не требуется, а из младенчества, когда за дитятей нужно присматривать, уже вышли.

Таким он впервые увидел прошлое. Может, и не очень далёкое, но и не вчерашний день.

Неожиданно оробев, хотя страх, терзавший душу вместе с болью в паху там, на переходе между вагонами, уже ушёл, он шагнул в салон. И тут же присел на ближайшую скамью, стараясь не привлекать к себе внимание. Окинул вагон быстрым взглядом исподлобья. Потом ещё раз, уже помедленнее. А потом и вовсе вперился в спины и лица пассажиров. То ли дремлющих, то ли не желавших его замечать.

Кто они, куда едут? И судя по всему, едут уже давно — вон как разморило некоторых. За пару минут от станции отправления быть такого не могло.

Игорь, судорожно соображая, переводил взгляд с одного пассажира на другого, потом на следующего.

На него никто не обращал внимания, даже те, кто не спал. Зато он мог спокойно всех лицезреть, пытаясь разобраться в том, что предстало его взору.

Первое. Каким-то образом в составе электрички оказался прицепной вагон. Или как он там называется. Но точно не моторный — гула двигателей не слышно, да и пол от их работы не дрожит. Причём, вагон не просто прицепной. Он ещё какой-то стародавний. Словно из детских воспоминаний Игоря. Окна открываются одной половинкой вниз, верхняя отбрасывается вовнутрь. Стены вагона оклеены зеленоватой клеёнкой. Снизу. А с уровня спинок лавок — бежевой. И потолок, белый, но пожелтевший он дыхания сотен, а то и тысяч пассажиров, прошедших через этот вагон за годы его службы. Игорю

почему-то показалось, что это прожитое вагоном время исчислялось даже десятилетиями — настолько стар он был.

Это в нынешних поездах, подумалось ему, возраст вагона просто определить по изрезанному дерматину на диванах да по слоям краски вдоль оконных рам. Тут же он буквально почуял возраст. Не потому ли, что вагон был едва ли не старше Игоря? Которому в тот момент уже перевалило за полтинник. И очень далеко. Так, что скорее можно было говорить о неполных шестидесяти. Что было ближе к истине, но сейчас не важно. Потому что столько вагоны точно не служат. Разве что в музее. Но и из музея этот вагон вряд ли похитили. Пассажиров-то там взять не могли. А они были.

Впрочем, тусклым осенним вечером, в свете мутных плафонов пассажиры казались не столько музейными экспонатами, сколько инопланетянами. С планеты Голливуд. Или «Мосфильм». Потому как давно никто и нигде, за исключением съёмочной площадки, не носил по доброй воле таких одежд. Мало того что бесформенных, да ещё и мучительно серых. Никаких, как сказал себе Игорь. Или это люди в них были никакие?

Вагон ужасно болтало. И не на стрелках, не могло их быть столько, одна за другой. Сам путь, похоже, был изрядно изношен. Но определить, где они едут, Игорь не смог. За окном был невозможный для города мрак. Да тут же остановочных пунктов и станций пруд пруди! Уж хотя бы они должны были мелькать, фонарями, подсвеченными названиями. Однако в обрамлении деревянных рам окон вагона была только одна картина.

«Чёрный квадрат». Отнюдь не Малевича. И не тех, кто писал такие картины до него.

Вместо того, чтоб вглядеться в лица, запомнить покррой одежд и их убогие цвета, Игорь бросил взгляд на часы. Ехать-то ему всего каких-то двенадцать минут. Из-за чего и выбирал он частенько этот маршрут возвращения домой вместо поездки через центр, богатой многими

пересадками со сменой видов транспорта. Не к самому дому подъезжал, там ещё топтать приходилось, зато быстро. Это и было определяющим. Так что пора выходить. Но куда?

Ответ пришёл сам собой. Раз уж оказался неизвестно где и в непонятно каком вагоне, то для начала нужно отмотать до момента, когда попал сюда.

Бросив последний взгляд на граждан, продолжавших игнорировать его — одной только курткой, светло-бежевой, с белым шарфом вокруг шеи, он уже был чужим на этой мрачной тризне, Игорь поднялся со своего места.

Никто не проводил его даже взглядом. Но и он оглядываться не стал. Тем более что перед ним вновь разверзлась тьма перехода между вагонами. И языки мостков над яростно сталкивающимися буферами кровожадно потянулись к его ногам. А с ними вернулась боль в паху. Однако он пересилил и страх, и боль. И шагнул. Сразу на соседний мостик. И тут же толкнул дверь.

В вагоне, в который он вошёл при посадке, с тех пор вроде ничего не изменилось. Да, прошло-то всего несколько минут, и на перемены надеяться не приходилось. Но...

Здесь всё было иное. Совсем не то, что осталось там, за спиной, по другую сторону провала над мелькающими внизу шпалами.

Игорь, отступив от двери, через которую ввалился в тамбур с переходной площадки, внезапно понял, что оказался не просто в своём вагоне. Он там, откуда провалился неведомо куда!

За раздвижной дверью салона толпились люди в нормальных, а не в фуфачно-убогих одеждах, свет горел ярко, и даже где-то, на другом конце вагона наявнивала то ли гармонь, то ли наспех собранная передвижная музыкальная установка в составе один предприимчивый чел плюс усилитель с аккумулятором. Из сумрака показались и входные двери тамбура, со стеклом, забранным посередине в горизонтальную решётку в три прута и надписью над

ними «Не прислоняться». А за стёклами — огни большого города. Который, как и Нью-Йорк, почти никогда не спит. Разве что дремлет. Да и то на ходу.

Из салона в тамбур вывалились человек пять — обычно здесь сходит куда больше народу. Но электричка была слишком ранней для основной массы обитателей столичной окраины. Всего-то через три минуты после окончания рабочего дня отправилась. Плащи, куртки, шапочки, платки — яркие, как и шарфы, витиевато повязанные поверх дамских голов. И мощных шей мужчин. Игоря — в том числе. Столь же пёстрой была толпа и на перроне, расступившаяся перед выходившими и тут же сомкнувшая свои ряды за их спинами.

Не оглядываясь, Игорь зашагал на выход, к турникетам. Но успел бросить взгляд на вагон впереди того, из которого вышел. Он был ничем не примечателен. А главное совсем не отличался от остальных. Окна как окна, грязные, правда, так они все такие, с тусклым светом внутри. Но никаких тебе прямоугольных рам, тем более со штапиком из дерева.

И тут что-то царапнуло шею.

Игорь провёл ладонью по шарфу. И чуть не вскрикнул от боли.

При свете вокзальных фонарей на среднем пальце правой руки набухла чёрная капля.

Кровь. И тусклый блеск стекляшки в центре капли.

Осколок! Тот самый, что упал на голову после взрыва лампы. Застрял в крупной вязке шарфа.

Сам по себе осколок ни о чём не говорил. Зато Игорь теперь был однозначно уверен, что ему ничего не привиделось. И с ума он не сошёл. Но было что-то такое... Как минимум, из ряда вон выходящее, что не помешает проверить завтра. Можно, конечно, нарваться на неприятности, если его отсутствие до окончания рабочего дня заметят. Ну да пусть. Всё равно ему эта работа уже приелась. И давно пора искать новую.

Он зашагал в сгущающиеся сумерки с твёрдым намерением завтра попытаться повторить свой маршрут. Не столько к дому, сколько в удивительный вагон. Где сидят, ничего не подозревая, странные, убогие по внешнему виду люди...

Назавтра он открыл для себя пространственно-временной туннель.

2

...Традиционная рюмочка за ужином — уже несколько лет с тех пор, как жена ушла, через улицу и в вечность, никто не долбил его тем, что он спивается, стал тихим алкашом, не только не помешала. Наоборот, внесла ясность в ход мыслей. Которые привели к тому, что решать задачу нужно старым штурманским способом. В курсантскую пору это называлось «жопным ходом». Не по высоте звезды над горизонтом искать своё место, а по её координатам в навигационных таблицах внести её данные в штурманский журнал, потом в вахтенный — вот вам уже и место корабля. Если до этого прокладка велась безупречно или хотя бы нормально, то невязка получалась не такой уж и большой. И точность определений не особо хромала, даже в реальном походе. Но всё ж была «липой». Которая однажды могла бы привести к тому, что корабль выскочит на берег. А значит — штурмана к стенке. Раз не вышло наоборот. Когда корабль к стенке, а штурман — на берег. Вся проблема была в умении пользоваться секстаном. Не у всех это получалось, у Игоря — не всякий раз. Поэтому и приходилось порой прибегать к подобным хитростям чтоб получить зачёт. А с ним — увольнение, отпуск... В конце концов — лейтенантские погоны. С надеждой, что в службе этот навык — измерять высоту звёзд — не пригодится. Где он, а где звёзды...

Так что решал Игорь проблему не от противного, мол, такого быть не может потому, что не может быть, а с

конца. Приняв на веру мысль, что его действительно забросило в некое прошлое. А раз так, то...

Ему с подобными проблемами, когда всё не так, как кажется, приходилось сталкиваться всю жизнь.

Со школьной скамьи Игорь Гребнев меж друзей откликался на кличку Грек. Хотя внешне греческого в нём не было ничего от слова совсем. Ладно бы звали Гребнем, Гариком, на худой конец — Игорёшей. Так нет же... Спутал кто-то однажды его гордый римский профиль с греческим, и понеслось. Ну да он был не в претензии. Грек так Грек. Если что и было в нём греческого, так только стопа. Но её же в обуви не видно. А то, что второй палец великоват, кроме как неудобства в узкой обуви, ему ничем более не мешало. Так что к собственной внешности претензий он не предъявлял. Разве что ростом не вышел. По временам его юности средний рост, в каковом он значился, годился только для шкентеля строя в училище. Потом, правда, построений стало меньше, и он перестал глотать пыль впереди идущих. И в строю, и по жизни. Вперёд вырвался. Но зачем? Чтоб оказаться в ловушке чужих амбиций? И кого? Убогих мыслью, но жадных до денег? Как на службе он писал доклады за начальников, так и теперь вкладывал им в уста слова, которые они порой выговорить не могли. Но казаться умными страсть как хотели. За чужой счёт. После долгих лет флотской службы, где ещё можно было кое-как мириться с вопиющей несправедливостью — приказ есть приказ, Гребнев, оказавшийся на нынешней работе, всё больше и больше разочаровывался в происходящем. Когда важно не столько результат дать, сколько засидеться допоздна, демонстрируя лояльность начальству. Которое само вело себя точно так же. Выслуживаясь перед ещё более высоким начальством. А дело... Дело стояло и стоять будет, оно подождёт, за него никто не спрашивает. К тому же в последние годы не только в министерстве, во всей стране складывалась видимость благополучия. После застойных лет и едва ли не

реального голода в конце века двадцатого, полки магазинов теперь ломились от дефицита, обычных товаров и вовсе было завались. Купленных за нефтедоллары. Которых было тоже было завались — нефть в цене шла вверх. Но никому и в голову не приходило, что тем самым проедается будущее. Потому как ничего своего в том изобилии не было. И никто не рвался его создавать. Более того, всякое успешное начинание через год-два отнималось неудачниками-неучами, имеющими «крышу» в виде «корочек». Не важно какого ведомства. Главное — близость к власти. Некогда единый народ, который постепенно превращался в тупой электорат, столь же неспешно, а потому незаметно разделился на тех, кто реально голоден, и тех, кто никак не наестся. Вот последние-то и рвались к власти. Им всё было мало. Их и снедал голод. Властвовать, судьбы вершить. И не упускать эту возможность из загребущих рук.

Нет, поначалу, правда, встречались даже в парламенте люди, жаждавшие перемен. И не просто жаждавшие — предлагавшие их. И даже пути решений намечавшие. Но очень скоро от них ненадеющиеся избавились. Под предлогом что парламент не место для дискуссий. А лишь для подобострастного «чего изволите». Потом избавляться стали и от тех, кто не одобрял такую позицию. И не только в парламенте. Так что очень скоро стоять на коленях, чтоб удобней было лизать начальственный зад, стало нормой. Которую едва ли не в конституции закрепили. В результате неодобряющие малопомалу исчезли сами. И тогда пришёл черёд неподдерживающих. В общем, всё по классике. Игорь понимал, что своим молчанием он приближает час, когда придут и за ним. Просто молчащим. Придут, и защитит его будет некому. Как он, ещё в юности курсантской однажды отказался поддержать здравый смысл, а после не вышел на защиту тех, кого смели с доски, подобно шахматным фигурам прежде, чем добрались до него.

Впрочем, это вроде как и не имело отношения к задаче, которую он вознамерился решить. Но было неизбежным фоном. Давая понять, позволяя помнить, как он оказался не в том месте и не в то время. Не в смысле вагона, а куда раньше. Когда его жену на пешеходном переходе насмерть сбил пьяный вусмерть народный избранник. Которому за это ничего не было. Он даже не пытался откупиться как другие — слишком высоко сидел. А жена Игоря... Она шла ему наперерез. Ну и что, что по переходу. Подумаешь, на зелёный шла! Смотреть должна была, куда прёт. Когда власть едет. Так что не обессудьте... И это было ещё не всё.

Дочери-погодки, выйдя замуж, разругались меж собой так, что не могли находиться вместе ни минуты. Одна с пеной у рта поддерживала несущееся семимильными шагами сползание в дебри каменного века, с вполне себе рабским строем, другая, как и Игорь, на дух не переносила ни власть, ни её представителей. Но, в отличие от отца, говорила об этом открыто. Особенно после смерти матери, что было как бы смягчающим обстоятельством. Хотя Игорю в министерстве уже намекали, мол, выступления его младшенькой там, и палец недвусмысленно вздымался кверху, не одобряют. А вместе с ними не одобряют и его молчание. Не отрёкся от ребёнка с такими крамольными мыслями, значит, сам такой.

Оно-то так и было. Но Игорь в том открыто признаваться не хотел. Понимая, что с признанием даже те мелкие блага, что он заслужил, тут же перейдут в разряд недоступных. Начиная с должности. Пусть и невысокой, но относительно денежной. Относительно той серой массы, что тупо была за власть. Но имела шиш, хорошо если с маслом. Хотя нет, это у Игоря был кусок хлеба с маслом. На других масла уже не хватало. Пока ещё фигурально, но, Игорь исходя из опыта прежних лет, когда даже премороженные куриные окорочка из американской гуманитарной помощи были за счастье, не сомневался, что

фигура речи рано или поздно станет явью. Если прежними темпами будут менять масло на пушки. В том же, что будут, он был уверен. Его знаний истории для этого хватало вполне. Но опять же не это было определяющим.

Игорь погрузился в раздумья, пытаясь найти точку, где страна свернула не туда. Зачем? Всё очень просто. Если есть поезд в прошлое, то, не исключено, есть и шанс всё исправить. Избавиться от того, что уже есть плохого, и предотвратить то, что станет ещё хуже. В чём Гребнев не сомневался. Что станет. Но прежде нужно было убедиться, что поезд в минувшее не был мороком, наваждением, а то и порождением его больного мозга. В том же, что мозг далеко не так здоров, как хотелось бы, Игорь тоже не испытывал сомнений.

Вечером следующего дня, не дожидаясь звонка об окончании рабочего дня, он уже стоял под навесом на платформе, с которой он сел во вчерашний поезд. Стоял за две минуты до его отправления.

Людей в цепочке вдоль поданного в срок состава было поменьше, чем накануне — не все успели сбежать с работы, чтоб поспеть к отправлению сразу после шести. Но входить в предпоследний вагон Игорь не спешил. Свободные сидячие места его не интересовали. И только когда курильщики бросили окурки в просвет между вагоном и перроном, последним шагнул с платформы в тамбур. Пропустил всех в раздвижные двери салона. И отступил к межвагонной двери.

Едва спина последнего пассажира скрылась в салоне, свет в тамбуре померк, сама площадка стала много уже за счёт съеденной с обеих сторон вагона лесенкой, уходящей за входную дверь с деревянной рамой окна. Сегодня Игорь ничуть не удивился метаморфозам. Наоборот, он их ждал. И ждал. А дождавшись, толкнул дверь на межвагонную площадку. И тут же в лицо ударил ветер, хотя электричка ещё даже не отошла от платформы. Ветер же был далеко не сквозняк меж двух вагонов, а

вполне себе встречный, словно неслись они на полных парах. Хотя какие пары у электрички...

Игорь широким шагом, стараясь не обращать внимание на боль внизу живота, переступил через немалый зазор меж двух переходных мостков. И тут же ему в лицо ударил запах дыма. Вроде как в тамбур купейного вагона зашёл, где топится титан. И сейчас будут предлагать чай пассажирам.

Но никакого титана не было. А дым залетал сквозь разбитое окно входной двери. Точно такой же, как и в тамбуре вагона, из которого он вышел. Но был дым чёрным, такого из титана не бывает.

Паровозный дым. И запах угольный. Такой же, как стоял над парком отстоя под мостом через железную дорогу на пересечении с проспектом Мира у метро «Рижская». Но там были десятки труб титанов спальных вагонов. И дымок был сизый, с приятным запахом путешествий. Здесь же невидимая труба где-то в голове состава чадила чем-то удушливым, зловонным.

И куда подевалась электричка?

Размышляя над этим, Игорь занял ту же скамейку, что и накануне, засёк время.

Поезд мотало в колее, как пьяного на дороге. За окнами — тьма, сгустившаяся прежде, чем действительно смерклось. Ну, это если по его часам, а так...

Ладно, с тьмой и несносным содержанием колее потом разберёмся, решил Игорь и окинул внимательным, но вроде как случайным взглядом публику в вагоне.

Здесь тоже, как и на перроне перед отправкой, людей было поменьше. Среда потому что? Так одеяния пассажиров куда как приятнее тех, что повергли Игоря накануне в уныние своей серостью. Тоже, конечно, не блеск микрофибры с переливами джордана — этим его познания в швейном деле и заканчивались. Ну разве что ещё об экокоже не только слышал, но и имел возможность пощупать. Хотя это уже другая история. Однако понятие о

современной одежде у Игоря было. И оно подсказывало: одежонка-то скорее по моде семидесятых. Кой и он сам помнил относительно неплохо. Пусть и был достаточно юн тогда, чтоб рассуждать о моде. Что родители сумели купить, то и носил. Хотя и был модником — по меркам деревни в российской глубинке. Не сибирской, с валенками и фуфайками, а вполне себе европейской. Но всё ж село — оно и есть село. Хотя именно из села и вышло большинство из тех, кто ныне был едва ли не на вершинах власти. За счёт хватки и сметки. Присущих обитателям села в большей степени, нежели горожанам. Конечно, если не считать наследственную номенклатуру. Которая была во власти в абсолютном большинстве — добившиеся успеха своими силами лишь подчёркивали правило, будучи счастливым исключением.

Переводя взор с одного полусонного лица на другое, Игорь насчитал двадцать пять душ. Не густо. Даже в самых ранних электричках, особенно дальних, в его времени вагоны был заполнены под завязку, без свободных сидячих мест. А тут — конец рабочего дня, и на тебе, с ним вместе — две чёртовых дюжины. Непорядок. Хотя каким должен был быть этот порядок, он и сам не знал. Потому как не ведал, где катит раскачивающийся вагон — за окном всё та же тьма. Которой быть не могло. Москва всё ж...

Или не Москва?

Игорь впервые усомнился в том, не когда он оказался, а где. В смысле, что угодил в какое-то иное время, он уже не сомневался. И отчего-то тому даже не особо дивился. А вот отсутствие Москвы за окнами его не столько удивило, сколько насторожило.

Бросив украдкой взгляд на часы на правом запястье, штурманская привычка, укоренившаяся до второй природы, Игорь убедился, что время ещё есть — с отправления прошло всего две минуты. Но поезд-то вон как несётся...

Накануне, уйдя в раздумьях далеко в сторону, он как-то не удосужился прикинуть план действий на случай

повторного попадания в вагон из прошлого. Просто понадеялся на это. А оно — бац! И случилось. Поэтому ещё раз окинув взглядом немногочисленные лица и затылки, Игорь выбрал одно. Как самое близкое по натуре.

Военный. Да ещё и во флотской форме. Чёрная шинель. Белый шарф — кашне. Золото погон. Кап-три. Открытое русское лицо.

Ещё не придумав как к нему подкатить, Игорь поднялся с лавки и шагнул по проходу. И впервые за два дня на него обратили внимание. Тот самый кап-три.

Изучающим взглядом он прошёлся по куртке Игоря, той же, что и накануне, светло-бежевой, с воротником-стойкой, с шарфом, таким же белым, как у офицера, но более грубой вязки. Затем морячок смахнул взгляд на полусапожки, блестящие, прикрытые сверху тёмной джинсовой тканью. И вновь поднял глаза. Умные, проницательные. На волевом лице, обветренном морскими бризами.

На этом лице мало что можно было прочесть — вот чему Гребнев порой завидовал, встречаясь с такими людьми. На его собственном лице эмоции жили в открытую. Не то что у кап-три. Он и не прятал настороженный изучающий взгляд, и не давал прочесть что там ему видится...

И в этот миг их взгляды встретились.

Игорь опустил на лавку напротив офицера:
— Не возражаете?

Тот изобразил подобие улыбки. Ни да, ни нет. Как хочешь, так и понимай. Но неправильный вывод, не исключено, приведёт к скандалу. Хотя от офицера такого ждать вроде как не приходилось.

— Нет, нет, я не пьян, и не собираюсь приставать с расспросами, тем более выведывать военную тайну, — Игорь примирительно выставил перед собой ладони. И тут же запоздало понял, что по его внешнему виду, такому разительно отличному от остальной публики в вагоне,

военный, если они действительно оказались в семидесятых, мог принять его за шпиона. По одежде. Которая и была не только для семидесятых, но и для времени Игоря исключительно импортной.

Чтобы избежать подозрений, он торопливо, даже слегка захлёбываясь словами, выпалил:

— Увидел знакомую форму, вот и решил не отказывать себе в удовольствии вдохнуть запах сукна флотской шинели, — и тут же пояснил, не дожидаясь вопросов: — Сам почти четверть века ходил строем, но моряк вроде как не бывает бывшим.

Кап-три благосклонно опустил очи долу. Как минимум не возражая, чтобы пассажир присел рядом.

Игорь сел напротив:

— Если не секрет, почему далеко от моря? Отпуск?

— Возвращаюсь, — офицер ответил односложно, не проявляя видимой заинтересованности в продолжении беседы.

Он отвернулся к тёмному окну, перекатывая в ладонях маленькую игрушку. Куколку, можно даже сказать. Вполне себе узнаваемый песочный человечек, немецкий, имя которого Игорь запомнил. Но саму игрушку помнил. У него самого была такая, купил для только что родившейся дочки в первом офицерском вояже за границу. В Варнемюнде. Других заграниц тогда не было для моряков-балтийцев. Ходили ещё в Свинемюнде, но курица — не птица, а Польша — не заграница. Не то что Германия...

Рыжие волосы из пряжи, такая же куцая бородёнка, шапка-колпак, штанишки на лямке и большая пуговица застёжки. Этот человечек бросался волшебным песком, навевая сны детям. Дочка Игоря верила в это, и засыпала, сунув куколку под подушку. Пока человечек и без того лишённый черт лица окончательно не истёрся...

Но не это было сейчас главным.

— В ГДР с визитом ходили?

«Вот сейчас вляпался, наверное! — запоздало подумал Гребнев. — Какая такая ГДР? Германия уж сколько лет... Единая и неделимая...».

Кап-три удивлённо взглянул на прицепившегося к нему с разговорами попутчика. Но о единой Германии не обмолвился и словом.

— С чего вы взяли?

— У меня был такой же, — Игорь кивнул на человечка, почти исчезнувшего в сильных руках. И при этом довольно ухоженных. Белая кость. Офицер. Он сам был таким. Хотя порой и спускался в трюма, чтоб наравне с матросами шуршать в ходе ремонта корабля — была такая традиция во флоте. А уж на выгрузке боезапаса сам бог велел таскать снаряды наравне со всеми, даже командир не отлынивал, только старпом и командир БЧ-5 были официально освобождены от этого. По боевому расписанию.

— Sandmännchen, — оживился кап-три, и его лицо озарила улыбка, озорная, доверчивая.

— А я вот забыл, как его звали, — сокрушённо обронил Гребнев. — Дочери рассказывал, что он может забираться под одеяло к плохо укутавшимся детям и забирать их с собой. Но не более...

— И что, даже имя Оле-Лукойе Ганса Христиана Андерсена не всплывало? — совсем весело разрядил намечавшуюся паузу кап-три.

Гребнев развёл руками:

— Каюсь, грешен... Всё забыл. Да и потом, не было у нас этих сказок. У нас же, сами знаете, всё больше по части героев. Чтобы все, как один...

Улыбка исчезла с лица офицера, словно и не бывало.

— Ну, или в лучшем случае, — закончил Игорь, — чтобы умерли в один день.

— Это если по любви. А так... Исключительно по постановлению ЦК КПСС, — щека кап-три непроизвольно дёрнулась.

— Ага, — подхватил Гребнев. — Каким там постановлением объявлен очередной крестовый поход против неуставных отношений?

Теперь уж на лице собеседника Гребнева отразилось удивление. На грани непонимания. А у него запоздало мелькнула мысль, что с неуставными отношениями ещё могут и не бороться. Это в его годы флотской юности было камнем преткновения дерзкое поведение прослуживших более года морячков. После чего они выходили из подчинения, перекладывая свои обязанности на более молодых. В семидесятые такого могло и не быть. Но дисциплину моряки по-всякому не могли не нарушать!

И Гребнев исправился:

— Пьянству — бой, заслон — самовольным отлучкам. А главное — на собрании пропесочить.

На лице кап-три отразилось не то чтоб облегчение, но понимание.

— У вас было так же, как и сейчас?

— А то. Матрос спит, служба идёт.

Игорь напряг память. О чём ещё говорили офицеры в годы его молодости, уйдя от придиричивых глаз старших командиров и замполитов? О бабах или о кабаках. Машины были у единиц, смартфонов не было от слова вообще, интернета — тем более. Так что узок был круг интересов флотских офицеров. И не только флотских. Если же разговор заходил о службе, их можно было заподозрить в пьянстве: ну кому в трезвом и здравом уме интересны в редкое свободное время рассуждения о приборах, курсовых задачах, неблагополучных, а то и вовсе нерадивых подчинённых...

— А что это мы с вами о службе. Вроде ж не пили ещё...

— Я вообще не пью, принципиально, — отрезал, посуровев лицом, кап-три.

И Гребнев не стал продолжать, переключившись на то, через что сам прошёл:

— Семейю где оставили? Жильё-то есть?

Это уж точно всегда было насущной проблемой моряков. С самого рождения российского флота. Бывало, что и на кораблях жили семьи, там же, где служил кормилец. Гребнев сам по молодости помыкался по съёмным квартирам, а это было уже куда позже. Так что вряд ли у кап-три дела обстояли лучше.

— В Балтийске. Квартира. Хоть тут повезло. Но корабль в Риге. Должен был в ремонте стоять. Но... Парад, показуха... Вот и пришлось сорваться из отпуска прямо перед днём рождения сына.

И такая тоска просквозила в голосе офицера, что даже Гребнев, давно уж не реагирующий на всякие душевные эманации, вздрогнул как от боли.

— Я тоже начинал в Балтийске. Теперь в отставке, капитан первого ранга.

У его визави глаза не то, чтоб округлились, но в них вспыхнул какой-никакой интерес.

— Где потом служили? — обронил традиционную в таких случаях фразу кап-три, не столько интересуясь, сколько поддерживая видимость разговора.

Не особо задумываясь, Игорь походя бросил:

— Всю жизнь на Балтике.

И лишь после прикусил язык.

Если поезд катит сквозь ночь в семидесятых, то ещё ни на какой Балтике он не служил. Однако офицер не стал уточнять, наоборот, поделился своим:

— У меня отец тоже в отставке, и тоже каперанг. Он на Севере служил.

С отцом кап-три они бы о пенсии поболтали. А с мальчишкой, лет тридцати с небольшим говорить об этом рано, он не понимает ещё, что служба закончится, и будет моряк никому не нужен. У Родины завсегда так. Пока силен и здоров — служи. А после...

После родину не волнует.

Игорь приправил эту мысль более «изящным», но непечатным флотским оборотом речи. Однако, как и все до неё, про себя. Может, с увольнением со службы кап-три, как Игорь, откроет в себе иной какой навык, а не только умение щёлкать каблуками и брать под козырёк. И будет при деле даже на пенсии. Которой в любом случае будет не хватать. Даже если привык себя ограничивать. И всё-таки не об этом же толковать тому, кто о пенсии ещё и не думает. У него сейчас в рундуке под койкой в каюте припрятан если не маршалский жезл, то, как минимум, мечта превзойти отца.

У Игоря внезапно резко заболела ключица. Словно предостерегая от чего-то. Сломанная ещё в детстве, она всегда вмешивалась болью, если что-то шло не так. Но Игорь предостережению не внял. Хотя и сбавил обороты. Особенно касаясь Балтики.

— На Севере? Не служил, но бывать приходилось. В оперативном подчинении.

Кап-три удивлённо вскинул брови.

— Может, и отца моего знали? У него частенько такие выходы в море случались — с другими штабами и флотами.

— Может и знал, — Гребнев уже понимал, что зря затеял этот разговор. Но остановиться уже не мог. — Скажете фамилию, глядишь, и припомню. Хотя это на лица у меня память хорошая, а на фамилии так себе, — оставил он себе пути к отступлению.

— Саблин, — просто, без всякого пафоса обронил военный.

Игоря словно ударил кто под дых. На вдохе. А горло словно удавкой сдавило, во рту разом всё пересохло. До состояния Сахары.

Это была не просто знакомая фамилия. С неё-то всё и началось. Да даже если и не всё, то многое... И ссора с Вовкой Вдовиным, который и назвал её первым, и затеял всю эту возню с письмом в ЦК, и потом...

Но ведь так не бывает! Так не просто может быть!
Или может? Игорь, всё ещё не придя в себя, удивлённо вскинул брови, воззрившись на кап-три. Что он там мог или хотел увидеть на обычном лице, умеющем скрывать эмоции?

И ладно бы он только брови вскинул. У него внутри всё то ли похолодело, то ли покрылось ржавой коркой. Ни вздохнуть, ни, тем более, слова сказать.

Гребнев не только не знал по службе такого североморца. Он даже никогда, скорее всего, и не мог встретиться с ним. Они были каперангами разных времён, это уж точно, к гадалке не ходи. Но память услужливо преподнесла Игорю то, что та самая родина, что забывала о своих сынах, едва они становились не годны к несению службы, ещё и сама старалась вытравить из памяти других сынов. Которые продолжали служить.

Уж не тот ли сын ли каперанга Саблина перед ним, который Саблин Валерий, советский лейтенант Шмидт?

А что, всё может быть. Кап-три. Корабль в Риге. На параде. Вряд ли на параде в Риге был второй Саблин... Так что пока всё совпадает.

Хоть и пытались те, кто привык говорить от имени родины, стереть это имя из флотской истории, и даже срубили в училище имени Фрунзе с памятной доски, где перечислялись медалисты и отличники, его фамилию, но, как минимум Гребнев помнил такого моряка. И не только он один. И даже первым не был. Потому что был Вдовин до того, как Игорь худо-бедно раскопал данные о Саблине. Оказавшись в подчинении того самого Фирсова, который, по сути, и сорвал восстание, сбежав с корабля и доложив куда следует. Хотя в те годы он уже особо не похвалялся случившимся, так, на совместной пьянке как-то обмолвился. Но куда позже были и те, кто возносил это имя как флаг борьбы с режимом. Да, попытка Саблина поднять восстание оказалась неудачной, точнее, заранее была обречена на провал. Слишком идеализировал тот Саблин, о

котором вспомнил Игорь, общество, встряхнуть которое собирался. Не вышло. И сам бесславно погиб, и других подставил. Но память о себе всё ж оставил. Пусть и пытались её если не стереть, то хотя бы очернить. Преступник, мол, присяге изменил, пытался в Швецию угнать боевой корабль...

Ничего такого, конечно, и близко не было. Корабль, участвовавший во флотском параде в Риге, выйдя из парадного строя на реке, взял курс на Питер, чтоб из города трёх революций провозгласить ещё одну — на сей раз против партийной номенклатурной верхушки. Другое дело, что, уклоняясь от атак с воздуха, порой нос держал не столько по ветру, сколько, действительно, в сторону Швеции. Но в тех водах иначе и быть не могло. Впрочем, не в этом дело. Главное, что не вышло, не случилось, не срослось то, что задумал отличник боевой и политической подготовки, золотой медалист Валерий Саблин. А историю пишут победившие. Вот они и старались. Но и у них, походу, не вышло, коль так легко вспомнилось. Если он не ошибся, конечно, что вряд ли...

И если он, Игорь Гребнев оказался в семидесятых, то этот кап-три сейчас, добравшись до своего корабля, вполне может поднять мятеж. На большом противолодочном корабле «Сторожевой». Имя которого, как и имя его замполита, тоже вычеркнут из списков флота. Переименовав и перегнав сам корабль на Дальний Восток. И запретив впредь так именовать корабли.

Всё это вихрем пронеслось в голове Гребнева. С высоты прожитых лет и своих знаний Игорь должен был бы жалеть сидящего перед ним юного и привлекательного офицера — девки, небось, сохли по нему, пока одна не окольцевала. Но он испытал жалость и сострадание к его отцу. Если только Саблин-старший не был в курсе настроений сына. Но тогда он должен был понимать, что ждёт его в случае неудачи. Всё-таки старший, более опытный... Однако же не отговорил. Так может это сделать

ему, Гребневу? Тогда зачем он сунулся в прошлое? Ведь цель была совсем иная. Чтоб не сказать прямо противоположная, пусть и не ожидал он такой встречи...

Слова застряли в горле. Пауза стала уже куда дольше мхатовской. И надо было как-то разрядить обстановку.

Но тут кап-три неожиданно не просто поддержал разговор, а увёл его в сторону:

— Это в нашей «Берёзке», что ли, так отоваривают отставных военных? — кивнул он на полусапожки и куртку.

Шестерёнки в голове Игоря, вращавшиеся вокруг имени нового знакомого, скрипнув и заискрив, пришли в движение в ином направлении.

Ясен пень, что одеяние, нестандартное для эпохи паровых железнодорожных составов, один из которых сейчас вёз его в неизвестном направлении, должно было вызвать интерес. Как минимум. Игорь и сам, было дело, на скромные лейтенантские «боны», заработанные на боевой службе, простаивал в очередях в «Альбатросе» за дефицитными шмотками. Чеки «Внешпосылторга», этот эрзац запрещённой в хождении валюты, на ступенях что «Берёзки», что чисто моряцкого «Альбатроса», стоили от пяти до двадцати пяти номиналов в рублях. Это был выгодный бизнес. Но сейчас это воспоминание имело совсем иное значение. Потому что...

В перестроечной борьбе с привилегиями эти магазины одними из первых пали в конце восьмидесятых. Хотя какие там были привилегии! Не доплачивая по окладу, власти позволяли морякам немножко шикануть на свои кровные. Ну и заодно импортными шмотками буквально под окнами их квартир скрашивали будни дипломатов, среди которых было больше гэбэшников, нежели знатоков политики международного общения. Чтоб те не особо рвались Родине изменять. Помогало мало — менее всего Отчизну ценили те, кто ей прислуживал, подавляя

остальных. Что в прямом, что в переносном смысле. Так что перебежчиков из числа высокопоставленных партийно-дипломатических бонз и чекистов было в разы больше, чем среди простых граждан. Тем более военных моряков. Которых было не купить шмотками из «Берёзки». Но все флотские о ней знали. И потратить там свои «боны» не то чтобы мечтали, не было тогда таких меркантильных мечт и желаний, но и не упускали возможность. Так что не удивительно, что Саблин в облике Игоря разглядел «буржуйское» происхождение одежд.

И это было ещё одним подтверждением, крупницей в совокупности косвенных улик и совпадений, того, что Игорь Гребнев ехал в одном вагоне с будущим зачинщиком бунта против советской власти. И ехал где-то в ночи семидесятых.

— Ну, типа того, — Гребнев, перебрав за доли секунды множество вариантов дальнейшего развития событий из-за собственной глупости, которая затеяла весь этот разговор, выдал из себя подобие улыбки. Всякое словоблудство о том, что типа теперь это нормальные поставки в обычные магазины, вроде как «второй фронт», причём доступный всем, выдало бы его с головой. А что там бывает от несанкционированного вторжения в иное время? Хорошо ещё не встреча с самим собой случилась.

Машинально Игорь бросил взгляд на часы на своём запястье. На них же взглянул и кап-три. С интересом.

— Штурманская привычка?

— А, это? — Гребнев вскинул правую руку с часами. — Приросли за четверть века службы...

— А сами часы? Тоже оттуда, из «Берёзки»?

Часы были швейцарские, с автоподзаводом, подарок дочери. Младшей. Хотя и не ссорился он со старшей, но отношения не складывались до таких дорогих подарков. Даже несмотря на её более чем приличные доходы в браке.

— Не совсем, — не стал завираться Гребнев, но благодаря жесту нашёл выход из ситуации. — Но близко. Я

бы рассказал, вот только... Судя по всему, мне пора, простите, если помешал одиночеству.

Кап-три изумлённо вскинул брови:

— Наоборот, скрасили. До Риги ещё часа три, если не больше. Только к полуночи будем.

Игорь сумел скрыть своё изумление. Лишь потому, что предполагал нечто подобное. Но не настолько далёкое от столицы! Так вот откуда дым! И нет никакой электрички...

Но тут состав стал замедлять свой бег.

— В Ригу как-нибудь потом. — Он уже открыл рот, чтобы рассказать Саблину, что того ждёт. Но можно ли так бесцеремонно вмешиваться в чужую судьбу? И вместо экскурсии в историю, Гребнев почти натужно выдавил из себя: — Сойду-ка я здесь

Ещё раз улыбнулся, прикидывая в уме, успеет ли перейти в соседний вагон до остановки. И где она окажется — в Ховрино или в каких-нибудь Ливнах.

Что там ещё за остановки до Риги, Игорь просто не помнил. С той поры, как он ездил по этой ветке, прошло четверть века почти. Да и был тот вояж на ту же четверть века позже поездки нынешней, как бы парадоксально это ни звучало.

Однако сохранить хорошую мину всё же не забыл:

— Спасибо, что напомнили о моряцкой юности.

Отцу флотский привет. Уверен, он хорошего сына воспитал. Хотя с вашим отцом я не пересекался.

Удивительно было бы иное для нашей случайной встречи, — Игорь поднялся с лавки: — К пустой голове руку не прикладывают... Но... Честь имею. Всего вам доброго. И это... Удачи. Не сомневаюсь, что она вам потребуется.

Это было уже едва ли не прямое вмешательство в события временной шкалы, на которую его забросило. Он мог бы рассказать Саблину, что его ждёт. Но не рассказал. Потому что оказался не готов, чтоб настолько вмешаться. И ещё неизвестно, к чем бы это привело. Но уж больно не

любил Игорь власть, в любом её проявлении, а не только в депутате, убившем его жену. А тут человек, который эту власть может поколебать. Зачем же его разубеждать...

Если события пойдут несколько иначе, чем было во времени, в котором жил Гребнев, хотя его никто и не уполномочивал представлять время, то не потому, что он вмешался. А потому, что так решит сам Саблин. Который, несомненно, едет поднимать восстание.

Смешавшийся на этих словах кап-три привстал, но руку протягивать не стал. Не по возрасту. И не по чину. Но за пожелания, совпавшие с его устремлениями, в коих Игорь почти не сомневался, поблагодарил:

— Спасибо. И вам удачи.

«Моя удача в том, чтоб выйти на своей остановке. Иначе пропаду», — подумал Гребнев, и шагнул из вагона в привычный уже тамбур пригородной электрички ленинградского направления, как она значилась в расписании. Никак не рижского. И не потому, что Рига была давно уже зарубежной территорией. И туда даже поезда уже не ходили, не то что никогда не ходившие из Москвы электрички. Хотя в одном таком поезде Гребнев и доехал до своей станции.

За окнами тамбура уже мелькали привычные огни.

3

...Ну до чего же холодно!

Утром, когда он ещё только проснулся и выглянул в окно, на термометре было минус 22 градуса. Это дядька здорово придумал — свой термометр. Всегда знаешь, как одеться перед выходом. Вот только не в этот раз. Сейчас, за полночь, а температура вряд ли выше. Но должно же было потеплеть! Ведь с той поры, как он смотрел на покрасневшую от холода трубку термометра, прошло более шести часов! День в разгаре. Но неба не видно. Сплошь хмарь. Серая, как жизнь. Которая обрыдла. Вместо которой было обещано светлое будущее.

Не вышло. Будущее не вышло. Точнее, не пришло. А так да, и в космос опять слетали, и даже вернулись. Хотя он бы на месте космонавтов сюда не возвращался. Ну да у них же выбора не было. Как запустили их на орбиту, так они оттуда и ухнули вниз. Куда было рассчитано. А будь рассчитано иначе, так и не полетели бы. Кто б их пустил, не будь хотя бы мизерных шансов на успех. Чтоб после всякие «голоса» чернили наши «достижения». А достижений-то — кот наплакал. В том же космосе американцы, бывшие вторыми, уже обошли, оставив следы на Луне. Наши же если и оставили где следы, так перед «наливайкой» — полуподвальным магазином, где всегда можно было поправить здоровье. Даже ночью, если знать правильный стук в заднюю дверь. И такой знак нужен не только там. В любом магазине. Если есть желание и деньги что-то купить. Потому как пусты прилавки магазинов. Очередь на холодильник на пять лет вперёд. А куда спешить? И то правда — что в нём хранить. Не берёзовый же сок, трёхлитровые банки которого красуются там, где должно быть мясо. А мяса — нет. Скажи кто об этом вслух, и его не станет. Как в том анекдоте: «Я не спрашиваю, куда мясо делось, я спрашиваю куда делся мой друг, о том спросивший...». Так что баловство, этот ваш холодильник. Даже без очереди. И так сойдёт.

Виктор зябко поёжился, начал дуть на руки, совсем окоченевшие в нитяных перчатках. Потом похлопал себя по карманам. В которых приятной тяжестью наливались два ПМ. Вот только быстро выхватить их не получится. И руки озябли, и карманы шинели цепляются за воронёную сталь, не пускают оружие. Лучше бы переложить пистолеты. В рукава, например. Но так, чтоб эти манипуляции не увидели парни в рваной цепочке вдоль дороги. Пусть и приняли они его в оцеплении за своего. Благодаря форме. И алым погонам. На летнем — как же он не сообразил — пальто! Точнее сообразить-то он сообразил. И понимал даже, что промёрзнет в нём до костей. Вот только деваться

некуда было. От былой дядиной формы осталось только это плащ-пальто да шапка. Пусть и с кокардой, но никак не вязавшаяся с летней формой. Но не идти же ему было к Кремлю в своей серой суконной шинели с погонами младшего лейтенанта? Да ещё геодезической службы! Где геодезия, и где Боровицкая башня Кремля? А ведь другого случая может и не представиться. Да и потом, обратной дороги просто нет. Оружия уже, небось, хватились. А если не оружия, то его самого. Так что отступать поздно.

Оставляя следы на белой пороше, Виктор дошёл до туалета. Теплее там не стало. Но зато он, пока никого не было, переложил пистолеты в рукава своего — дядино — пальто. Так было надёжнее. Стволы сами вываливались в ладонь.

И тут ему повезло ещё раз. Возвращаясь к Боровицким воротам, он оказался меж двух взводов оцепления. И при этом из разных РОВД, как он понял из приглушённого разговора. Да ещё и географически, видать, далёких. Пусть и не силен он был в географии Москвы. Но парни оказались явно чуть ли не с противоположных окраин столицы. Бросают удивлённые взгляды на его пальто. На смуглое, почти цыганское лицо. Смотрят искоса. Но молчат. Пока молчат. А он окончательно замёрз. Ну, где там, этот парадный обоз? Потому как если он ещё задержится, то всё окажется впустую — Виктор просто не удержит оружие.

Ильин вскинул руку, взглянул на часы на запястье.

Два часа пополудни. Судя по времени, с минуты на минуту должны быть.

Он так и не привык к армейскому счёту времени. А сейчас и вовсе не до того.

Кортеж приближается. Наконец-то!

Он прикрыл глаза. На мгновение. И тут же оказался в колодце сумрачного и промозглого питерского двора своего дома. Задолго до того, как принял это решение. Которое и привело его к Боровицким воротам Кремля.

Навстречу парадному кортежу. Хотя и не совсем правительственному. Но из машин того же гаража. Встречающих космонавтов. После очередного триумфа. Для тех, кто не понимает. Ну, да первая в мире стыковка. А дальше-то что?

Ему, Виктору Ильину было прекрасно известно, что весь триумф — не более чем пыль в глаза. Секретность секретностью, но анекдот уже дошёл и до Питера. Мол, полетели, пошатались по космосу, поволили, ни хрена не сделали и еле сели. Шаталов, Волинов, Хрунов. Ну, да, и один из героев чуть жив. И встреча затянулась, потому что приземлился он, проволынив, вёрст на 600 дальше от расчётной точки. Информация, конечно, из разряда ОБС — одна бабка сказала. Но другой нет. По радио — сплошь победа и успех. Как и рассказы из его детства о дружбе народов, да что народов — всех и каждого со всеми! А тут...

4

Едва дверь подтолкнула его внутрь, как из полумрака парадной, откуда тянуло запахами мочи, котов и страха, внезапно ударило по ушам:

— Стоять, Копчёный!

Отрывистая команда, не предполагающая двоякого толкования, раздалась почти из-под лестницы, спиралью взмывавшей вверх литыми чугунными перилами. И такими же ступеньками. Мрамор был выше. А тут — литё. Чтоб грязь падала под лестницу, а не разносилась по всему дому. Теперь же грязь была просто под лестницей. И от неё разило страхом.

В сумраке ноябрьского дня под одинокой лампочкой парадной замаячили три тени. От них-то и тянуло страхом. Хотя они надеялись, что будет от него разить ужасом. Но тут эти трое ошиблись. Назвав его Копчёным. Что вызвало привычный в таком случае всплеск ненависти. Или вброс адреналина. При всей своей довольно успешной учёбе в

школе, Виктор в таких деталях был не силён. Но и без этого взвился. Как от удара плетью. Кличка, прилипшая из-за смуглой кожи, напомнила ему о другом. Или наполнила. Ненавистью. И к цвету кожи. И к тому, на что он намекал. А намёк был более чем прозрачен.

В семье ни у кого не было такого цвета лица. В приёмной семье, поправил Виктора внутренний голос. Потому как намёк именно на это и был — не родной он, хотя мать и доказывала обратное с пеной у рта. Но отец... Отец помалкивал. Долго помалкивал. Покуда однажды не признал. Пусть и косвенно. Уйдя от разговора. В прямом смысле. Встал и ушёл. А Виктор долго переваривал то, о чём давно судачили в доме. Ну как в доме. В квартире. Система коридорная — двенадцать клетушек, туалет один на всех и одна же ванна. С общей кухней. Итого — четырнадцать семей, в двух комнатах семьи из разных поколений. Обе прибавившиеся семьи ещё и собственное прибавление ожидали. Так что народу было — хоть отбавляй. И условия у Ильиных на этом фоне — как бы не самые лучшие.

Во-первых, комнатка угловая, самая большая на этаже. Ещё и с эркером. Да, зимой поддувает, но в целом, когда мать по осени заткнёт все дыры, жить можно, и зимой тоже. Во-вторых, их только трое. В остальных семьях детей больше одного ребёнка. И это ещё мягко сказано. Опять же без учёта тех самых двух семей, что прибавились на жилплощади, едва ли нормальной для одной семьи. Итого — полсотни душ на этаже. Абсолютно разных. Ничем не связанных. Кроме этих проклятых квадратных метров. Пусть и почти в центре города. И вечным оправданием. Одним на всех. Мол, многие живут ещё хуже. И не жалуются. А тебе, приёмному, и вовсе молчать надо.

Это было уже лично его, Виктора, персональное проклятие. Которого он до поры не слышал, но потом его однажды просветили. Добрые соседи. Так мол и так,

подкидыш, ты, Витенька. Да и Витя ли... Личико-то цыганское...

Это прежде цыгане детей воровали. А с тобой, видать, всё наоборот вышло. Тебя они сами подкинули. Так что живи и радуйся, бога не гневи. И хоромы тут тебе, и отец с матерью, да и сам не дурак вышел. Благодаря приёмным родителям. Выучили, воспитали...

В общем, живи и радуйся.

Да уж, легко сказать. Особенно радоваться.

Виктор бы и радовался. Если и был он подкидышем, то из цыганского только характер у него был взрывной, неугомонный, упрямый. Особенно когда ему нагло напоминали о происхождении. Ну, вот как сейчас. Копчёным его звали разве что в уличной драке. Где чем короче окрик, тем лучше. Потому как между ударами и света не видать. Вздохнуть тоже порой нет ни времени, ни сил. Но то в драке. А тут — в своём доме. Да ещё и пытаюсь нахрапом взять. Чего Виктор терпеть не мог едва ли не больше, чем свою кличку. Прилипшую, хоть он и пытался не замечать её и тех, кто позволял себе так его называть. А позволяли единицы. До первой крови позволяли. Своей Виктор не боялся. А вот чужую пустить мог. За что и бывал порот отцом. Который бил, но не признавался в том, что бьёт не родного сына. Знай себе порол, вроде как своего. Что Виктор однажды и высказал, ладонью придержав удар. После чего отец бросил в угол служившую орудием наказания португею. И ушёл. Вроде как подтвердив тем самым отсутствие родства. Хотя как там было на самом деле, знала только мать. А она убила бы всякого, кто посмел бы ей открыто сказать: сынок-то у вас приёмный...

Поэтому запах страха, дополнявший ароматы кошачьих посиделок и частых гостей парадной из числа прохожих, коим негде было справить нужду на Невском, исходил не от Виктора. А от троицы, поджидавшей его под лестницей. Надо ж было набраться наглости до такой степени!

Через единственное не закрашенное стекло окна между этажами луч солнца, почти случайного об эту пору, но мало согревающего промозглый стояк парадной, скользнул по лицу того, кто окликнул Виктора.

Узкая полоска лба, наглые, чуть навывкате глаза, глядящие чуть искоса и исподлобья, белёсая чёлка, свисающая почти до края рта, безвольный подбородок под слегка припухлыми губами. Девчонки говорили, что не будь их обладатель таким наглым и бесцеремонным, то эти губы можно было бы и поцеловать. Но ни одна так и не решилась. Не потому, что было кого целовать помимо Окурка. Мелкого, тшедушного и мстительного, его не уважали. Все. От мала до велика. И у него тоже был свой счёт к каждому. Не только из числа обитателей дома. Ко всем. И это не оборот речи. Констанация факта. Он пытался нагнуть весь Невский. Но на проспекте хватало парней и постарше, и посильнее Окурка. Получившего кличку за свой ростик, а не за страсть к куреву. Он-то как раз и не курил. Силы копил. Чтоб сильнее всех быть. Однако ж всегда выбирал слабых. И издевался над ними. Над девчонками — в первую очередь. Вот они и платили ему как минимум неприязню.

Слабые порой пытались давать сдачи. Да только Окурок один никогда не ходил. Как и сейчас. Хотя и силён был, отпор получить всё же боялся. И страх был ещё одной его отличительной чертой. О чём знали все. Доводя Окурка тем самым до бешенства. Даже его подручные, будучи среди равных себе, признавали: пованивает от Окурка. От страха пованивает. Или страхом...

Окурок такие речи о себе пресекал. И как-то даже избил одного своего подручного чуть ли не до полусмерти. Тот что-то ляпнул не по делу. И понеслось. Не слово за слово, а удар за ударом. Окурок просто не мог остановиться.

Он ударил первым, когда приятель того не ожидал. А потом добивал его, лежачего. Ногами. Еле оттащили. Но

когда уже пацан кровью блевал. Вот только Окурку за то ничего не было. Избитый же на убогих больничных харчах, как ни странно, оклемался. Может, потому что дома с едой было ещё хуже? Но в любом случае после выписки из больницы от Окурка он даже рыпнуться не посмел. Хотя и остался от избиения на память сломанный нос да надорванное ухо — Окуроч ботинком приложился. Но битый, за которого двух не битых не жалко, рот на замке держал. Чтоб не нарываться ещё раз. Окуроч же, которому более никто не перечил и даже запах не поминал, меж тем в силу вошёл. Девоч шупал и поколачивал. Если те сильно визжали. Не до крови, конечно. Но выходило так, что отбивало всякую охоту иметь с ним дело. Тем более — целоваться. От чего бесился он ещё больше.

И ладно бы на улице. Там всегда разборки случаются. Что с Окурком, что ещё с кем — мало ли кому что не понравится. Но дом — это святое. И такого не случалось прежде — чтоб в парадной кого-то ловить. Однако же Окуроч решился. И не просто решился, в чужой дом зашёл. Чтоб, значит, не упустить жертву. Хотя это было как объявление войны. От слободских — невиским. Сам-то Окуроч был из Монастырской слободы, на подвале жил с матерью. С тех пор, как отец помер. Не то бы им дали жильё получше — папаня Окурка чем-то прославился. То ли в войну, то ли сразу после неё. Но и не жил долго. Хотя звериную сущность Окурка это не оправдывало, безотцовщины и без него хватало. Но не все шли в урки.

— Тебе чего? — сдерживая первый порыв сразу ринуться в драку, процедил Виктор сквозь зубы.

Он презрительно окинул тщедушную на первый взгляд фигуру в пальто не по сезону и явно с чужого плеча. Хорошо хоть вечной маминой кофты на поддёвке не было — ещё одна примета Окурка, вызывавшая насмешки. Прежде вызывавшая. Но потом, после того как он помимо дружка избил ещё троих, кофту замечать перестали. Ну, или поминать всуе. Однако не забыли. Виктор, по крайней

мере, помнил. Потому и обратил внимание на её отсутствие.

— Чую, борзым ты стал, Копчёный. От рук отбился. А ведь я предупреждал...

— Чего?! — протянул Виктор, дивясь то ли наглости Окурка, припёршегося в парадную счёты какие-то сводить, то ли натужно пытаясь вспомнить несуществующее предупреждение.

— А то, Витенька... Говорил я тебе: обходи Люську стороной. А ты?

Виктор оторопел.

Предъява была из разряда бредовых.

Люська-велосипед... Она же — Людмила Куваева. Высокая, красивая, с копной иссиня-чёрных волос, она была себе на уме. Вот уж кто цыганка цыганкой. Хотя, как поговаривали, итальянских кровей она. Наполовину, правда. Согрешила мать с пленным итальяшкой. За что Люськин папаня, вернувшись в сорок шестом, жену свою порой поколачивал. Велосипедом же Люську прозвали за страсть развести пацана на кабак и кинуть. Но главное была она не из тех, кому можно указывать с кем быть. Уже года три Люська, выглядевшая даже старше своих лет, считалась некоронованной принцессой района. А всё благодаря не только тому, что ей не сегодня-завтра восемнадцать стукнет в отличие от пятнадцатилетнего Виктора и прочей мелюзги, в том числе и ещё более мелкого Окурка. Хотя и очень борзого.

Но Люська ещё и была подругой, и подругой боевой шалившего вокруг Невского Стаса Корявого. Не урка, не в законе, но дел за ним водилось немало. Доказать не могли. Да и не попадался он. Только подозрения. А их к делу не подошьёшь. Хотя это и не имело сейчас значения. Да, жила Люська здесь же, этажом выше, встречались в парадной. И нравилась она Вите. Ноги, грудь — как у скульптур в Летнем саду. Но... Восхищаться — пожалуйста. А, как говорится, руками не трогать. В общем, Люська была не

того полёта, чтоб Виктор мог ухлёстывать за ней. Да ещё и на что-то надеяться. А Окурок — ставить какие-то условия.

— Ты с лестницы, случаем, не упал? — хмыкнул Виктор.

— Это ты у меня сейчас упадёшь, — Окурок на всякий случай отступил на шаг к окну, а вперёд двинулись его подручные.

Всё ясно, будут бить. Скопом. Причина значения не имеет. Просто Окурок власть свою показывает. И прежде всего своему сопровождению. Или проверку им устраивает — Виктор не знал парней, закрывших собой Окурка. На вид постарше будут, одеты бедно, пусть и в «трубы парохода» вместо нормальных штанов. Или, раз уж модники, брюк. На лицах — три класса образования. Максимум — ещё и коридор. Но кулаки неслабые. Видать, с родителями перебрались в город откуда-то из деревни, где привыкли руками работать. Тут их Окурок, как городской, и охмурил. К делу, видать, решил пристроить. А как, если не через кровь? Пусть и из разбитого носа. До смерти это уже другой уровень, там Окурком ещё и не пахнет, не дорос.

Но трое на одного — очень плохой расклад. А хуже всего, что Окурка не достать. Тогда бы всё быстро закончилось. Битый вожак не располагает к драке. И деревенские могли бы дрогнуть. Значит, нужно прорываться. Поднырнуть под длинные руки этих двоих, вмазать Окурку, а дальше уже как повезёт. Но был ещё шанс договориться...

— Вова, ты ж понимаешь, что этим здесь не кончится, — Виктор решил попытаться достучаться до здравого смысла Окурка. И даже имя его вспомнил. Но, похоже, решение было принято заранее. А он просто попал под раздачу. — Это парни не секут, но ты ж не дурак...

— Чё ждёте? — рявкнул Окурок на своих подельников, понимая, что каждая секунда промедления играет против него.

Однако его крик был заглушён скрежетом двери, впустившей в парадную ещё кого-то.

Кого-то, кто сразу оценил ситуацию.

Вошедший с порога крикнул через спину Виктору в мигом поникшие головы и плечи засады:

— Эй, вы! Трое на одного! Так нечестно!

Виктор скосил взгляд.

Света от приоткрытой двери было, конечно, так себе. Но вошедшего он всё же рассмотрел. Удивиться только не успел. Это уже потом он отметит и странную одежду, и стрижку. А главное — лицо. Не было таких лиц ни у кого в округе. Открытое, спокойное, уверенное. Хотя где-то и слегка надменное, с чувством превосходства. Не в силе, нет. Как старшего над мелюзгой.

Но всё это будет потом. А в тот миг перед глазами Виктора мелькнул солнечный луч из окна. Но нет, не луч.

В узкой полоске света свернул нож. И Виктор уже не успевал ничего сделать. Зато успел тот, из-за его спины...

Три шага по плитке парадной парень не пробежал — пролетел. Даже быстрее, чем что-то брошенное им прямо от порога достало Окурка. И тот, закатив глаза, стал заваливаться на спину. А между ножом и Виктором внезапно оказалась рука.

Не очень мускулистая, скорее сухая. Но увитая венами. Знать, не из слабых, видно же, что качали её. И с умом качали, не так, как Оурук, у которого бицепс вырос, но кисть осталась слабой. В драке он ей ногами помогал. Если удавалось. Но на руках заведомо проигрывал. Поэтому старался соревнований избегать, чтоб не терять авторитет.

Всё произошло настолько быстро, что Виктор едва успел сообразить: пора бить. Иначе бой закончится без его участия. За явным преимуществом. Оурук уже почти на полу. Нож нейтрализован тем, что вовремя подставленная рука заломала наносящую удар. Да так, что где-то

хрустнуло. А потом и сам обладатель деревенских кулаков взвыл. И только дружок его стоял, ещё ничего не понимая.

Тут Виктор его и ударил. Всем весом вкладываясь в удар. Чуть снизу вверх. Прямохонько в челюсть.

Клацнули зубы, закрывая намертво рот. Пацан полетел на своего пахана, вписавшегося затылком в гранитный подоконник. И оба тела сползли на мраморный пол.

— Брось нож, — тихо, но безапелляционно шепнул в ухо оставшемуся стоять с разинутым в крике ртом подельнику Окурка неожиданный спаситель Виктора. — Иначе руку сломаю.

И нож тут же застучал по полу.

— Чем ты его так? — не успев перевести дух, выдавил из себя Виктор, глядя на тупо пьялившегося в высокий потолок Окурка.

Спаситель, довернув руку своего пленника так, чтобы перед тем замаячила дверь, наподдал ему ногой в зад.

Дверь парадной ещё не захлопнулась за вылетевшим из неё одним из нападавших, как Виктор ещё раз удивился. В довесок к удивлению, что зародилось у него с первым взглядом на незваного спасителя. На сей раз причиной была не одежда, а обувь незнакомца, пришедшего ему на выручку. Пришедшего безо всякой просьбы. И даже прежде, чем Виктор успел о том подумать.

Но дело было не в бескорыстии, неведомом в уличных разборках. В них порой даже к просьбам помочь или не сильно зверствовать остаются глухи.

Дело было в обуви. Виктор такой отродясь не видел. От слова вообще. И ладно бы она была просто белой, случались у некоторых модников старые туфли, белые, с коричневыми мысами и задниками. Оставшиеся с незапамятных довоенных времён. Тут же было нечто иное. Мягкое на вид, но удерживающее изящную форму. Спортивную. Типа бутс. Но без шипов. И куда более...

Изящную, вновь мысленно повторил Виктор. Повторил, словно пробуя слово на вкус, перекатывая его между зубами. И тут же перевёл взгляд на чёрный предмет, вырубивший Окурка.

Это была бы полевая сумка, не будь она такой маленькой, на молнии, с мягкими и гладкими скруглёнными краями. И без плечевого ремня, так, ремешок торчит в углу.

Заметив его взгляд, незнакомец, вроде как смущаясь даже, пояснил:

— У меня там ключ. Тяжёлый он...

Это ж какой должен быть ключ, чтоб влёгкую вырубить Окурка, мелькнула шальная мысль в голове Виктора. В кармане которого была целая связка ключей — от парадной, которая давно не запиралась, от квартиры, от комнаты и от чердака, куда он порой поднимался голубей погонять. Ну или бельё по просьбе матери развесить. Хотя с той поры, как домушники повадились чистить чердаки, в том числе и от белья, мать предпочитала развешивать застиранные простыни с наволочками в комнате. Однако не это было главным в его тихих рассуждениях о ключе.

Своей связкой, случалось, Виктор тоже, зажав их в кулаке, охаживал противников в драке. Но вырубить никого не вырубил. Тем более броском. Хотя нет, было однажды. Тискал он Ленку Кудрявцеву под дверью её квартиры, на третьем, и тут в углу — писк. Ленка — в крик. Крыса! А он на каком-то самовзводе ключи из кармана выхватил, да и запулил в угол. И попал! Ну так то он крысу убил. А тут самого Окурка незнакомец вырубил. И тоже якобы ключом.

— Спасибо, что пособил, — Виктор, хмурия брови, переключился с мыслей о неведомом ключе на реальность. — Но я бы и сам...

— Твоё время не ещё пришло, — загадочно улыбнулся незнакомец в щёточку усов, едва пробившихся над верхней, чуть вздёрнутой губой. Был он немногим старше Виктора. Но вёл себя как взрослый, не пацан. И,

кивнув в сторону двух копошащихся тел, протянул младшему руку: — Держись подальше от шпаны. Бывай. Свидимся ещё.

И тут же круто развернулся, на ходу подхватив свою планшетку. Которая планшеткой едва ли была.

Виктор растерянно застыл перед лестницей.

Странный пацан. Ни слова о себе. Ни о причинах драки. Вмешался за здорово живёшь. И не дожидаясь благодарности слинял. Чудно. А ещё смешнее, что Виктор ничего не успел сообразить. Хотя никогда прежде не тупил. А тут...

Дверь за спасителем уже давно закрылась, Окурочек же в себя ещё до конца не пришёл. Но и оставлять его за спиной было рискованно. А вот бить лежащего Виктор так и не научился. Потому и застыл, не зная, как поступить.

— Вова, — неуверенно произнёс Виктор, собираясь с мыслями. — Ты это... Забирай своего дружка. И чтоб я вас в своём доме больше не видел. Никогда. Ну и вообще... Лучше не попадайся мне на пути. Я тебя сейчас убивать не стану. Но обещать ничего не могу. Разве что впредь спуску точно не дам. Так что убирайся по-хорошему. Это последнее предупреждение. И это... Про Люську забудь. Не твоего поля ягода, если ты о том думал. Да и не моего, — закончил он не без сожаления.

О том, что бывает последнее китайское предупреждение, и их может быть много, Виктор ещё не знал. Да и узнать ему вряд ли скоро доведётся...

5

— Сэмэн, што за мансы? Шо случилось?

— Леонид Ильич, слава богу, пока ничего не случилось.

— Тогда што за дела? Чего это я, как пацан, должен бегать?

— Ну, бегать не надо. А вот машину сменить — обязательно. Чтоб и впредь ничего не случилось?

— Сэмэн, ты сколько меня знаешь? Говори прямо!

— Мне нечего сказать, Леонид Ильич. Кроме того, что вам надо сменить машину.

— В честь чего?

— Ну, есть подозрения...

— И на кого ты грешишь? Што, они там, в космосе заговор устроили?

Генерал Цвигун передёрнул плечами, не знаю, мол. Но чем чёрт не шутит. Тем более на небесах.

— Или это не космонавты? Так ты пойми, Сэмэн, покушаться на советскую власть в СССР могут только сумасшедшие.

— Ну, может и есть такие сумасшедшие. Хотя мне видится иначе. Поэтому и прошу сменить машину.

— Ну, раз просишь...

Генсек, вальяжно переставляя не очень послушные ноги, направился к другому лимузину. На который ему указал старый товарищ. Пусть и младший, но товарищ. Их у него немного осталось. И тем они дороже. К тому ж этому он ещё и жизнь своюверяет. Пусть и невелик риск в стране, где подданные народы власть обожают, но, опять-таки, чем чёрт не шутит.

Поэтому Ильич, как звали его все, желая потешить самолюбие, подчёркивая мнимое родство с вождём мирового пролетариата, и отправился к другой машине. Зашагал, всё ещё не совсем понимая, что происходит. Но полагая, что дело не в сумасшедших. Которых быть не могло. Таких, что на власть... Да и дело было не в недопонимании. А в том, что вне поля зрения телекамер, ещё не ставших вездесущими, но уже ведущими прямой телерепортаж со встречи героев космоса, он, Генеральный секретарь партии, вопреки указаниям врачей, успел накатить рюмочку. Именно этим и объяснялась его столь быстрая сдача в споре. И не очень уверенная походка.

— Я уж подумал было, што ты хочешь меня изолировать от героев. Мол, негоже им видеть своего

партийного лидера выпимши. Но если так, как ты говоришь, то ладно...

— Им не до этого Леонид Ильич. У Волынова душа еле-еле держится в теле, и зубов нет...

— У меня, как ты знаешь, тоже зубов нет.

Генерал едва не ляпнул, по дружбе конечно, что, причины, мол, разные. У тебя, дорогой Ильич, — от старости и желания продлить молодость, а Волынов выбил зубы, падая с орбиты. Реально падая. Прямо из космоса. Хорошо ещё, что живой остался. Но хорошо, что не сказал. Дружба дружбой, но не до такой же степени. К тому ж был Цвигун в этой дружбе младшим партнёром. Которого старший тащил за собой. Для таких вот ситуаций в том числе. Чтоб было кому предупредить в случае чего.

Семён и предупредил. А что не сказал больше... Так всему своё время. Сейчас слишком много вокруг людей. Да ещё и телекамеры...

Леонид Ильич грузно опустился на переднее сиденье. Но уже не того лимузина, где планировал сесть изначально и как было предусмотрено протоколом, с космонавтами на задних диванах. Машина ничем не отличалась. Разве что была шестой в кортеже. Что и вызвало недовольство Ильича, любившего комфорт, скорость и быть первым. Во всём. И всегда. Но не спешившего умирать. Он, разминувшийся со смертью, в куда более грозные военные годы, надеялся жить долго. Не править — жить. Кто ж знал, что одного без другого не будет...

— Ну што там? — спустя три дня спросил он явившегося с докладом председателя КГБ.

— Как вы и говорили, Леонид Ильич, сумасшедший. Сумасшедший одиночка.

— Я вам, Юрий Владимирович, такого не говорил, — Брежнев неожиданно бросил на визитёра быстрый взгляд из-под кустистых бровей и машинально потянулся туда, где прежде обычно лежала пачка сигарет. Полгода как

отнятая врачами. Но мышечная память осталась. Вот она и сработала в момент, когда всемогущий глава КГБ прокололся.

Андропов замялся.

— Ну как же... Все же знают, что это вы сказали: покушаться на советскую власть в СССР могут только сумасшедшие.

— Я не от своих слов отказываюсь, — Брежнев с сожалением убрал руки со стола. Убрал, так и не найдя спасительную в таком разговоре сигарету. — Я о том, што вам такого не говорил. А тот, кому я сказал, вряд ли мог вам мои слова передать. Вот я и думаю: кто же в моём окружении на вас работает? Причём, получается, не просто так работает. А против советской власти. И чем тогда он отличается от этого... Как там его...

Во рту у Андропова пересохло. Надо же было так опростоволоситься! Взять и ляпнуть лишнего... Хотя ничего удивительного. Трое суток без сна и отдыха. Трое суток с этим сумасшедшим, утверждавшим, что в партии только Суслов способен страну возглавить, а остальные ведут её в пропасть. И ведь не старый ещё... В смысле, не Суслов не старый, а он, Андропов. Всего-то пятьдесят пять. Не то, что этому шепелявому...

Он тут же одёрнул себя. Не время и не место дурно думать о своём начальнике и партийном лидере. У которого, видать, до сих пор ещё поджилки трясутся с той поры, как узнал, что на него готовилось покушение. Да что готовилось — на него покушались. И случайно только обошлось. Не то бы прогремели на весь мир. И без того «голоса» второй день плетут что ни попадя. А всё этот прямой репортаж...

Признавать, что у западных «голосов» хватает информаторов из советских граждан, всемогущий с недавних пор глава Лубянки даже мысленно не хотел.

Пауза затягивалась, и Андропов выхватил папку из-подмышки, раскрыл наобум.

Он не читал — цитировал наизусть то, что за трое суток вьелось на подкорку.

— Ильин, Виктор Иванович, младший лейтенант Советской Армии. Родился 26 декабря 1947 года в семье алкоголиков...

— Юрий Владимирович, што ты мне, как на фронте говорили, пургу несёшь? Оно мне надо — знать, когда и где он родился? И хто там у него в роду алкоголик, — Брежнев потихоньку начал выходить из себя. — Это ты должен был знать всю его подноготную ещё до того, как у него в голове появилась мысль убить советского лидера. Бредовая, надо сказать, мысль. Тут ты прав. Человек в своём уме на такое бы не пошёл. Но была-то эта мысль у него всего одна. Да и то случайная. Зацепилась просто за что-то. За то, что ты вовремя не убрал. Что там, родители алкоголики, да? Так у нас в каждой второй семье пьют. Но не в каждой рождается такой урод. С такими мыслями. Вот и услышали мы эхо этих мыслей. Выстрелами. Хорошо, что всё обошлось. Я не про себя, я и на войне пулям не кланялся, — ещё б немного, и Ильич мог оседлать любимого конька со своими героическими похождениями. И ведь не возразишь, в газетах той поры написано, было дело. Однако Генсек сдержался, о другом заговорил: — Семью покойного шофёра не обидь, мужик последнюю смену работал перед пенсией, надо ж было такому случиться...

Брежнев пожевал губами, глядя исподлобья на своего визави. Андропов торопливо закивал, что явно было несвойственно его манере. Но сказать ничего не успел. Внезапно Леонид Ильич переключился совсем на иное, к делу не имеющее отношения:

— А што там говорят про какого-то Гленна Миллера?

За стёклами очков глаза Андропова округлились и увеличились до размеров царских пятак. Чего-чего, а такого поворота он не ожидал. Хотя и гуляла давно эта байка, что его подменили американским джазменом,

прославившимся ещё в 1941-м серенадой Солнечной долины. Ну, да, болтали, что они похожи. Так мало ли о чём болтают. Но чтоб сплетни дошли до генсека... И когда! В момент, определяющий его, всемогущего главу КГБ, будущее! Потому что было ещё и прошлое...

Это прошлое почище Гленна Миллера могло утащить на дно Андропова, всего полтора года назад назначенного на должность председателя КГБ. Он знал, что Брежнев знает. И прежде всего о его роли в «Ленинградском деле». Тени более двух десятков расстрелянных по обычным обвинениям, к которым и он приложил руку, Андропова не беспокоили. Куда больше его волновало то, что Ильич прекрасно осведомлён о его амбициях. О чём поспешили растрезвонить всё те же западные «голоса». И что хуже всего — оставили бумажный след. Иначе бы Брежнев и не понял ничего. А так, и это Андропов знал достоверно, от того же человека, что передал ему и фразу, вскользь брошенную Цвигуну, Брежневу подсунили распечатки переводов из журналов, где превозносились лидерские качества молодого члена ЦК...

А ещё он знал, что Брежнев соперника не потерпит. Потому-то он и сослал его в КГБ. Но с этим можно было смириться. Потому как должность сама давала ему в руки столько материала, что он едва успевал его переваривать. И откладывать, откладывать, откладывать. До лучших времён. Которые обязательно наступят. Если только не всплывёт прошлое.

Его прошлое. То самое...

— Леонид Ильич, вот уж не думал, что вам сплетни нашёптывают. Ну какой из меня Гленн Миллер? Ну, да, играю порой джаз. Для души. Кому не нравится, пусть не слушают, — упреждая вопросы о первой жене и первых годах партийной карьеры, не оставивших следа ни в документах, ни в свидетелях, поспешил сбить накал разговора Андропов.

Но Брежнев и сам к этому моменту не то чтобы устал — выдохся. Не прошло и полугода, как ему стало совсем худо на совещании с лидерами стран Организации Варшавского договора, где обсуждались вопросы ввода войск в Чехословакию. И хотя врачи серьёзных проблем со здоровьем вроде как не нашли, курить запретили. И гонять на машине тоже. Он и сам видел, что былой сноровки не вернуть. А тут ещё покушение...

Он не то чтобы испугался, высаживаться под Новороссийском, пусть и не с десантом, а куда позже, было не в пример страшнее. Но голова пошла кругом, мысли сбились с шагу. И без того уже далеко не строевого. Которым он шёл на параде Победы. Да и потом по жизни.

— Юрий Владимирович, ты мне баки не забивай, — почти примирительно проговорил он. Хотя сам именно тем и занимался — забивал баки главному кагэбэшнику. давая понять, что и на него управа найдётся. Если потребуется: — Давай так договоримся. Ты занимаешься своим делом — я своим. Так што там с этим Ильиным? Один он был, или всё же заговор? Я ж понимаю, ТАСС был уполномочен заявить, што покушались на космонавтов...

Под занавес разговора Брежнев, как бы между делом, доказал, что нить его не потерял и ко всему сказанному относится на полном серьёзе. Поэтому и Андропов не стал расслабляться, вновь раскрыв, теперь уже осознанно и на нужной странице, папку.

6

...— Всего один выстрел, а прославился на весь мир!

— А что изменилось?

— Вот только давай не будем про роль личности в истории...

— Об этом и не будем. Но дело в том, что личность — это парадный портрет тех сил, что направляют в

обществе. Самые яркие черты, так сказать. В Далласе убили надежду на перемены.

— А я убью, чтоб перемены свершились.

— Увы, так не бывает. Болезнь слишком глубоко зашла. Да и организм...

— А что организм?

— Оставляет желать лучшего. Есть такие организмы, которым куда приятнее болеть, чем вести здоровый образ жизни. Этот — из таких. Не твоя цель. Хотя и он того, тоже хворый... Но это бы ладно. Вся страна — один большой больной организм. Ему желательно лежать на помойке, источая миазмы и проклиная в своих бедах всех и всё, но не шевелиться, чтобы ненароком не выбраться из дерьма. Наоборот, если и двигаться, то вовлекая в помой всё больше и больше людей. Стран. Народов. Ложью вовлекая. А порой и силой. Он, этот организм — примитивный, рабский, угоднический, не может, когда где-то кому-то хорошо. Ведь ему-то плохо. И он этим упивается. А если он в дерьме, то дерьмом нужно измазать и всех остальных.

— И что, оставить всё как есть?

— Лодку надо раскачивать, лодку, а не ломать вёсла!

— Это как?

— Как делали народники. Шли в люди, разъясняли...

— Ну и много ли они преуспели? Я даже ни одного имени их не вспомню. Да и не только я.

— Всяко лучше могло быть, нежели ломание через колено. Когда ломают, не щепки летят. А основы, устои, фундаменты, на которых зиждется мир...

— Что там это... Зиждется?

— Фундамент. Общечеловеческие ценности. Свобода, равенство, братство... Ну и так далее... Без этого дом, даже обычный не построить. А тут — страна. Да и потом... На сломе-то как раз и всплывает всё дерьмо. И

приходит к власти. Кем были большевики? Правильно, грязью. Грязью под ногами общества. Власть над которым захватили. И отыгрались за свою ничтожность. Истребив лучших. Ничтожества никогда не прощают превосходства над собой. Но они собираются в стаи... Нет, это было бы слишком просто. Они сплетаются в клубки. Как змеи. И жалят всех вокруг. И себя тоже пожирают. В далёком будущем это назовут отрицательный отбор...

— Как-как?

— Эволюция наоборот. Где не лучшие особи выживают и дают потомство, а худшие. И чем дальше — тем хуже. У тебя перед глазами был совсем малый временной отрезок, и то ты понял, что так жить нельзя. А представь, насколько всё плохо на куда большем отрезке бытия!

— И насколько же большем? И насколько хуже?

— Вот ты можешь себе представить, что фашисты победили? Не мы, а они.

— Да ну, брось!

— А вот и не «да ну». А так и есть. В смысле будет. Не исключено.

— Ну так уж определись — так есть или так будет.

— Это не мне определяться нужно, Витенька, а тебе. И твоему поколению.

— Ну так я и определился. Завтра заступаю на дежурство. Билет уже куплен. Послезавтра встреча. И тоже, кстати, 22 числа.

— Ты что, нумеролог?

— Кто?!

— Ну, есть, точнее, будет такая наука. Нумерология. Или псевдонаука. Когда случайным совпадениям в числах и датах придают особое значение. Или звучание. Вот как ты сейчас. Хотя да, в какой-то степени это должно быть похоже на то, что случилось в Далласе. Если получится, конечно.

— А ты сомневаешься?

— Я уверен. Уверен, что не получится.

— Ну, спасибо, поддержал. Скажи ещё, что ты точно знаешь.

— Этого сказать не могу. Потому как всегда есть вероятность случайности. Но в любом случае в перемены не верю. Даже если всё выгорит.

— По крайней мере, прославлюсь. Как Освальд.

— Кстати, и в этом сомневаюсь. Причём при любом исходе твоего безнадёжного плана. Разве что в будущем... Так до него тебе ещё нужно будет дожить. И не сойти с ума.

— С чего бы это мне с ума сходить?

— А где ты, Витенька, будешь, если промахнёшься? Или даже если попадёшь, но о том никто не узнает?

— Так все узнают! Ведь всё будет в прямом эфире. Как в Далласе. Представляешь — я едва успел выстрелить, а уже все знают! Потому что — в прямом эфире. Даже в Далласе такого не было! Там же кино было...

— Не знаю, было ли там в телевизоре... Скорее было. А у нас не будет. Это там телеканалов уже тогда было как грязи. И все соревновались кто будет первым. А значит лучшим. У нас канал один. Государственный. И прямой эфир на нём в любой момент выключат. Так что никто ничего и не увидит. Заподозрит разве что. Да и то только умный. А где их столько взять? Все верят тому, что рупор партии скажет. Или, как сейчас, напишет. «Правда». В которой нет известий. — Но собеседник шутку не то чтобы не оценил, вообще не понял, до неё ещё лет десять. И тогда отчитывавший Виктора продолжил: — А тебе будет прямая дорога в психушку. Потому как ну не могут в стране победившего социализма покушаться на её партийных лидеров. Не могут покушаться нормальные люди. Только душевнобольные. И это, Витя, твоя индульгенция. Иначе — «вышка». Или в лучшем случае пристрелят. Охрана, если сразу. Или потом, при попытке к бегству. Если для начала возьмут живьём.

— И чёрт с ним! Всё равно я от своего плана не откажусь!

— А если я тебе скажу, что твой план повлечёт непредсказуемые последствия?

— А есть предсказуемые? Помимо того, что власть изменится?

— Вот в этом-то как раз я и не уверен. Власть берут не для того, чтоб её отдавать. Или делиться. В том же Далласе выстрел к смене власти не привёл. Поменялись люди. Но не политика. А тут даже люди могут остаться те же. Та же грязь с подмёток.

— Ну и чёрт с ними. Зато они будут знать, что никогда впредь уже не будут неуязвимыми. Всегда найдётся сумасшедший, готовый пожертвовать собой, но выстрелить. Это тоже стоит того, чтоб за него умереть.

— В двадцать два года?!

— Многие и раньше умирали. За свои идеалы.

— Ну и где их идеалы? Их растоптали те, кто послал их умирать!

— Меня никто не посылает!

— Да я с тобой и не спорю...

— Но отговариваешь...

— И не отговариваю. А предостерегаю. Скорее всего не будет его в машине с космонавтами.

— Откуда ты знаешь?

— Не то чтоб знаю... Предполагаю. Вижу так. Чтоб тебе понятнее было.

— Это как с твоими этими... кроссовками? Второй фронт?

— Типа того.

— Не понимаю я тебя временами. Вроде и говоришь по-нашему, но как-то чудно. Ладно, подъезд вместо парадной. Но остальное...

— А что остальное?

— Ну да вот хотя бы это — «типа того». Ну кто так говорит?

— Я говорю. Разве этого мало?

Виктор только махнул рукой:

— Ладно, можешь не желать мне удачи. Раз сам в неё не веришь. Но мне пора.

— Удачи, Витя! Я верю в то, что всё сложится так, как должно. Раз есть такие люди, как ты.

Они пожали руки. И разошлись. Точнее, ушёл Виктор. А его визави остался сидеть на скамейке.

Он сидел, и глядел вслед удаляющейся фигуре. Всё ещё по-мальчишески нескладной. Но уже сгорбленной. Словно на плечах у этого рано состарившегося мальчишки лежит тяжесть всей вселенной.

Наконец и он поднялся, отряхнул снег с брюк, серых, в едва заметную полоску с искрой — больше он не появлялся на людях в джинсах. И куртки не носил. Полушубок армейского образца. А вот с ботиночками не смог расстаться. Уж больно сложно размер ему подобрать. Так что Виктор не случайно вспомнил кроссовки с их одной из первых встреч. Ботинки были тоже «второй фронт», а не какой-то там «скороход», пусть и «тоже обувной фабрики», как он называл фирму ТОФА. Да, не импортные, но иных и не было. Больше не было. Но Виктор заметил. И могли заметить те, кто призван такие вещи замечать. Хотя вместо футболки под полушубком, пусть и никому не видимая, была майка, народного типа «алкоголичка», почти не прикрывающая накачанные плечи и слегка поросшую волосами грудь. Тоже мускулистую. Над кубиками брюшного пресса. Перетянутого не брючным ремнём, а солдатским, с бляхой. Пиджак надевать он не стал. Чтоб не соблазниться на рубашку с галстуком. Это было бы уже слишком. А так... Да, не жарко. Зато экипировка почти ничем не выделяла его из рядов немногочисленных прохожих, рискнувших в эти холод и синь покинуть свои квартиры. Не очень уютные, но относительно тёплые, не то, что на улице...

Эта последняя их встреча выдалась куда более холодной, чем предыдущие...

7

— Папаша, одолжи на упокоение души...

Игорь не успел спуститься в подземный переход под железнодорожными путями на своей станции, как дорогу ему на середине лестницы преградили двое. И, как назло, рядом никого. А нечего было с работы сбегать раньше времени...

— Бездетный я, — отрезал Игорь, делая шаг в сторону от дышащей перегаром парочки.

— Глянь-ка, он ещё и шуткует, — подал голос второй.

Пониже ростом, с короткой стрижкой, выдававшей то ли служивого, то ли недавно откинувшегося зека. Землисто-серое лицо скорее подтверждало второе предположение. Как и отсутствие передних зубов. Ба, да он ещё и из «опущенных» может быть! Ну, тут уж точно никаких подачек...

— Что не понятно? — преодолевая сухость во рту, выдал из себя Игорь, потом, мучительно подёргивая шеей, встретился взглядом вначале с коротышкой, затем с его наглым подручным. — В таком случае, объясняю на пальцах. Средний видите?

Выставленный палец увидели все, не только эти двое. Даже в самом дальнем конце трубы подземного перехода смолкли голоса торговцев, предчувствуя беду. И враз повисла гулкая и при этом гнетущая тишина. Хотя и до этого шума особого не было. Но средний палец Гребнева сработал как дирижёрская палочка: раз, и пролилось десять тактов паузы. Даже нападавшим было нечего сказать.

Игорь подобрался, понимая, что теперь-то уж точно драки не избежать. Двое на одного, и они уверены в себе, чего нельзя сказать о нём. И стар, и давно не ввязывался в приключения. Но адреналин уже вскипятил кровь. И едва

рука в татуированных знаках потянулась к вороту его куртки, как Гребнев ударил.

Ударил не просившего на помин души, надо полагать, души самого Игоря. Ударил он низкорослого, с чубчиком. Но без зубов. Прежде всего, потому что бить его было удобнее, Стоя на пару ступенек выше, Игорь как раз дотягивался ему прямым правой в переносицу. И уже только потом, выбросив кулак, Гребнев сообразил: а ведь этот-то и есть заправила. Просто выставил вперёд беспородного пса. Типа, натаскивая. А сам прикрылся. Но не тут-то было.

Удар получился плотный. С непривычки какой-то палец хрустнул, вылетая из сустава. И хорошо ещё если только из сустава. Но дело уже было сделано.

Рука, тянувшаяся к его вороту, застыла, а потом, словно в испуге, отдёргнулась, возвращаясь в более привычное и более безопасное для неё положение. Так что Игорь не успел перехватить второго нападавшего. Но это и не потребовалось.

Вчерашний сиделец, получив промеж глаз, уже заваливался навзничь. Да ещё и очень удачно — за спину своему напарнику. Так что Гребневу оставалось только подтолкнуть желавшего помянуть его душу. И два тела загремели костями, ссыпаясь по лестничному пролёту до самого пола подземного перехода. В тусклом свете его фонарей торговцы пристроившихся к стенам убогих лавчонок предпочли не замечать издаваемого шума, пришедшего на смену мёртвой тишине. А Игорь не стал наслаждаться своей победой. Но не побежал, а лишь ускорил шаг, минуя на хорошей скорости копошившихся на бетоне двух отморожков.

...Его потряхивало, и было не понять — это нервы полощут последствия драки или же переживания от путешествия во времени. Да и в пространстве тоже. Даже если и не был он под Ригой, то вёрст двадцать всё же проехал. Пусть и в своём времени. Что же до времени

иного, то тут ещё предстояло разобраться. Но для этого традиционных тридцати капель оказалось явно недостаточно.

Игорь, прихватив бутылку «Джека Дениелса», устроился в своём любимом кресле, потягивая вискарик и почти не притрагиваясь к закуске. В этом заключалось неудобство и преимущество кресла: напиться — пожалуйста, объесться — не выйдет. Потому как тарелку с закусью можно приспособить только поблизости. Но тянуться к ней всякий раз из кресла с низкой посадкой — такая морока...

Зато думается в кресле хорошо. И Гребнев, отхлёбывая виски, думал. А потом, чувствуя, как поплыла голова, отставил бокал, бросил на колени планшет, активировал его отпечатком пальца.

Поиски ни к каким открытиям не привели, но подтвердили то, что ему вспомнилось влёт.

Выпускник ВВМУ имени Фрунзе Валерий Саблин действительно в начале семидесятых учился в военно-политической академии. А через два года после выпуска из неё поднял бунт, став во главе восстания на БПК «Сторожевой». Хотя и восстанием, и бунтом его действия назвать сложно. Да, он запер командира корабля в гидроакустической рубке, оставив тому записку с извинениями за причинённые неудобства. Надо полагать, именно из-за них командир, освободившись, первым делом прострелил ногу своему замполиту. Который, собрав офицеров и мичманов в мичманской кают-компании, изложил свои крамольные взгляды и предложил идти на Питер, Ленинград тогда ещё. Откуда потребовать смещения нынешней прогнившей партийной верхушки. А до того — прямой эфир для его воззваний и разоблачений.

Его идеи тронули многих, но не всех. Отказавшихся поддержать восстание отправили по каютам. Вместо того, чтоб скормить рыбам. Как это делается при настоящем восстании.

Поэтому, пока Саблин либеральничал, вместо того, чтоб поднять на мачте «Весёлый Роджер» и прихлопнуть тех, кто не одобрил его действия, один из офицеров сбежал. Чтоб в будущем ненадолго стать начальником Гребнева. Но в тот момент о просто покинул корабль. Да не просто так — тут же доложил о происходящем куда следует. Эффект внезапности был утерян уже в первые минуты восстания. Ну, или того, что под этим подразумевалось. А дальше на мятежный корабль, вышедший из парадного строя на глазах у всех, началась настоящая охота. Не совсем такая, как у Тома Клэнси в его «Охоте за «Красным октябрём», написанной под влиянием этих событий, но всё ж...

Последующие показания разнятся. Причём показания лиц официальных, должностных. Одни вещают об успешной бомбардировке «Сторожевого», другие доказывают, что никакой бомбёжки вообще не было. В общем, всё как обычно в Отечестве, которое славится тем, что оно родина слонов. И чем больше слоны, тем они роднее. Но не в этот раз.

Все спешили переложить вину на других. И друг на друга. И только Саблин брал её полностью на себя, выгораживая матросиков, исполнявших его приказы. Как бы то ни было, но год спустя его приговорили к расстрелу. И быстренько привели приговор в исполнение. Как всегда в таких случаях, не откладывая в долгий ящик. А то как бы чего не вышло. Тем более, что в перестроечные годы приговор был пересмотрен и заменён на 10 лет. Но было уже поздно. Круглый отличник, прекрасный офицер, сумевший заглянуть дальше своих сослуживцев, не пожелавший терпеть косный и подлый режим власти уже тогда престарелых партийных бонз, приказал долго жить.

А его отец действительно долго служил на Севере, и был капитаном первого ранга в отставке...

Краткий экскурс в биографию Саблина лишь убедил Игоря, что случившееся не было сном или бредом наяву. Что подтверждал и синяк на челюсти. Как напоминание о

том, что после встречи с Саблиным он вышел из поезда, едва не унёсшего его в заморские дали. Но он вышел на своей остановке. Чтобы тут же познать действительность, которая не нравилась ещё Саблину. И с тех пор лучше не стала.

Крепыш, желавший выпить за упокой его души, не просто так тянулся к вороту куртки Игоря. Он бил. Но Гребнев его чуток опередил. Поэтому удар пришёлся вскользь, оставив лишь царапину и синюшную отёчность. Игорь не видел, и потому не мог утверждать однозначно, но, взглянув на себя в зеркало, стал подозревать, что у нанёсшего ему удар на пальце был перстень. Или кастет в ладони. И только то, что Игорь сам в это же время нанёс встречный удар, уберегло его от куда худших последствий.

Но это был лишь разбор действий. Куда значимей было то, что привело к этой стычке.

За разговорами о том, что в СССР возникла новая общность людей — советский народ, на самом деле на одной шестой суши выросло несколько поколений быдла — наглого, малограмотного, считающего, что ему всё позволено. А что не позволено, то можно взять силой. Или властью. И они брали. При этом требуя к себе уважения. Как там было у классика: «Мы по три раза сифилисом переболели!». Эти же если и болели, то благодаря антибиотикам излечились. Прежде чем взвыть дурным голосом и потребовать уважения. А дорвавшись до власти — ещё и преклонения. Отсюда же родом был и депутат, убивший жену Игоря. Да, она погибла в автоаварии. Однако было то хладнокровным убийством — пьяный, за рулём, прикрывающийся корочками и властью... Но, чего греха таить, одна из дочерей Гребнева тоже оказалась этой же породы. Где, когда и что он упустил в её воспитании? Сейчас уже поздно искать. Тем более — перевоспитывать. Но Игорь стыдился своего промаха. Стыдился не за ту дочь, от которой требовали его отречения. Стыдился за чинно-благородную барышню, верой и правдой, неправдой,

кстати, тоже, выслуживавшуюся перед властью. Вместе с мужем, бывшим частью этой самой власти. И потому имевшим всё, о чём Игорь даже мечтать не смел. Хотя и заслуживал куда больше, чем мелкий партийный клерк, оседлавший бюджетную кормушку. В личных интересах оседлавший — для страны, для людей, которым он якобы был нанят служить, зять Игоря не сделал ровным счётом ничего от слова совсем. Как и его родная дочь. Что Гребневу было вдвойне обидно. И шрамик на подбородке он считал искуплением своего греха в воспитании дочери.

Но опять же, не это удерживало его в кресле, с бокалом в руке, вглядываясь в который он любовался тем, как маслянисто перекачивалась от края к краю янтарная жидкость. Прижали его к спинке кресла размышления о Саблине. И о том, что ему не удалось. А буде удалось бы, то как бы всё сложилось?

Ответа на эти вопросы у Игоря не было. Но в голове всё ж крутилось: это в любом случае была немножко не та точка отсчёта, которая могла бы всё изменить.

Отсюда возникал ещё один, вполне резонный вопрос. А где та?

С мыслями об этом, он и уснул. Прямо в кресле. А наутро, похмельный и разбитый от ночи, проведённой в неудобной позе, отправился на работу. Ожидая выволочки за ранний побег с рабочего места накануне. И с намерением повторить свой проступок. Чтобы вновь оказаться в ином времени.

Если, конечно, выгорит.

8

Он еле высидел до конца рабочего дня. Ну как до конца... Не до самого, конечно. Иначе бы опоздал на электричку, на ту самую, в восемнадцать часов с двумя минутами. Но он прибежал вовремя. И народу было немного. Хотя и четверг. Пора бы и закругляться с рабочей неделей.

Пропустив всех пассажиров в салон, Гребнев лбом ткнулся в стекло тамбурной двери: что там сегодня за ней?

За ней, как и все последние дни, сквозь мутное стекло взору открылся опасный и окутанный дымом межавгонный переход, громыхавший сталкивающимися языками переходных мостков.

Игорь тихо занял своё — уже своё место — на скамье, ближе к выходу. Прошёлся взглядом по полусонным пассажирам.

Флотской шинели нигде не было видно.

Блин, так бездарно упустить такой момент! И что теперь делать, где искать Саблина? Ну, или хотя бы кого-нибудь, кто знает хоть что-то.

Хоть что?

Гребнев понял, что он и сам не определился, чего же хочет. Но уже привычно засёк время. И не успев опустить руку с поблёскивающим на ней швейцарским хронометром, увидел на лавке брошенную кем-то газету.

За окнами привычная темень, даже в Москве на этом перегоне темно. В вагоне такой сумрак, что тоже много не считаешь. Но, влекомый любопытством, он всё же взял чужое, хотя ему с детства твердили: не смей! Тем более — в общественном месте. Кто знает, кто касался руками этой газеты? А ну как заразу какую подцепит!

Но руки не слушались доводов разума и наказов из детства.

Игорь развернул непривычно толстые для газетных и жёсткие листки, сложенные вчетверо.

На первой странице знакомый логотип — «Советский спорт». Игорь не был любителем спорта и болельщиком-фанатом, тем более читателем этой газеты, но знал её. Хотя ему и показалась странной печать. Да и логотип смотрелся как-то не так... Рядом с ним, в квадратике — дата. От вида которой, хотя он и ждал чего-то подобного, глаза у Гребнева полезли на лоб.

5 ноября. Среда.

Как среда, если сегодня четверг? И да, 5 ноября.
Но это было ещё не всё. Главное открытие ждало
Гребнева в той же строке, но к концу ближе.

1975 г.

В расшифровке эти цифры с единственной буквой
не нуждались. Чай, не код «Энигмы», любой школьник
сообразит. Однако сама дата нуждалась в осмыслении.

Тысяча девятьсот семьдесят пятый год. Ноябрь.
Состав на подходе к Риге. Где завтра на реке в парадном
строю будет стоять «Сторожевой». Пока ещё БПК, не
разжалованный в сторожевики. И пока ещё без
революционно-бунтарского прошлого. До которого всего
один день остался.

Почему один день? Да потому, что газета
вчерашня. На ней, пролистав новости, на которые без слёз
не взглянешь, уже кто-то посидел.

«Во Дворце тяжелой атлетики ЦСКА закончились
соревнования штангистов на Кубок Сил Вооруженных
СССР. Хотя некоторые ведущие атлеты не выступали,
достижения победителей в отдельных весовых категориях
довольно высоки. Было установлено немало рекордов
военных округов. Особенно успешно выступили
прапорщики из Хабаровска...»

Щурясь из-за отвратительного освещения и в силу
развивающейся с возрастом дальновзоркости, Игорь
отодвинул газету на всю длину рук и перешёл к следующей
заметке. О которой никак не скажешь, судя по макету, что
это официоз, передовица. Но из-за плашки «Навстречу
XXV съезду КПСС» ничем иным она быть не могла. Да ещё
и с таким заголовком — «Москвич на правом фланге».

«Каждый физкультурник и спортсмен — передовик
производства» под таким девизом идёт предсъездовское
социалистическое соревнование во всех производственных
коллективах спортивного общества «Труд», говорит
Вячеслав Васильевич Хатунцев, возглавляющий
Московский городской совет общества...»

Игорь пробежал глазами по строчкам ниже — вёрстка была знакомой, но уже давно забытой. И шрифт, и кегль, размер букв если по-народному, а главное — расположение на газетной полосе, подача, всё было... Устаревшим, нашёл нужное слово Игорь. В силу того, что всё изменилось с приходом компьютеров в газетное дело.

Здесь же о компьютерах и не подозревали.

«...армейцам удалось одержать ещё только одну победу. Ее принёс А. Романов. 200 м дельфином он преодолел за 2.17,5. По традиции состязания заканчивались эстафетой. Она состояла из десяти этапов по 100 м вольным стилем. К этому моменту ЦСКА приблизились команды «Труда» и «Динамо». Но армейцы свою команду не выставили, сразу перечеркнув все шансы в борьбе за приз. В эстафете победил «Труд». Но владельцем Кубка второй год подряд стал «Буревестник». На втором месте «Труд», на третьем «Динамо»...»

Гребнев торопливо, словно боялся, что газету отнимут, перевернул станицу. И подивился «свежести» мысли, которой до сих пор порой грешат борзописцы.

ЗИМА СПРОСИТ СТРОГО

Это у них рубрика такая, понял он, вглядываясь в сливающиеся строки и буквы.

«КУБОК ОЛИМПИЙСКИХ ТРАСС» ЗАЗВЕНЯТ ЛИ КОНЬКИ ЗА ПРУДОМ?»

О как. Ладно, обойдёмся без коньков, не станем слушать их звон. А дальше-то что?

Дальше «Совсем чуть-чуть статистики, без которой, видимо, не обойтись. Команда бакинских гандболисток пять раз выигрывала серебряные медали на чемпионатах страны. Была серебряным и бронзовым призером Спартакиад народов СССР. Короче, семь лет подряд в призерах на всесоюзных соревнованиях».

Игорь поспешно вскинул руку с часами. И вовремя. Ещё немного, и проехал бы свою остановку.

На станции его уже ждали.

На станции это, конечно, громко сказано. Потому как сама станция, как пост управления перевозками, была довольно далеко от платформ поездов пригородного сообщения. Пригородного, хотя и были они в черте города. Это когда-то, давным-давно тут была даже не столичная окраина, а пригородная деревня. Да и не совсем тут, деревня с церквушкой тоже была в отдалении. Что не имело сейчас никакого значения. Потому как Гребнева ждали. Пусть и говоря юридически точно не на самой станции, а...

Ждали его в переходе под платформами и путями. Игорь это сразу понял, почти как накануне, когда парочка отъявленных бандюков шагнула ему навстречу.

Сейчас никто к нему не подступался. Однако, бросив взгляд в глубину перехода, тоскливо пялившегося на него сереющим проёмом выхода, он нутром понял, почувствовал: что-то не так.

Дело было в торговцах. Они не сидели, как обычно в своих картонно-пластиковых закоулках, прилипших к стенам перехода, а стояли, как на параде, вдоль складывающихся столиков-прилавков. Кургузых, заставленных бесценными, потому как грош была им цена, товарами, найденными на ближайшей свалке. А в лучшем случае — на развалинах снесённых в ходе реновации пятиэтажек. Ничем новым или, не дай бог, импортным, да и просто достойным внимания даже не очень взыскательного покупателя здесь не торговали. Публика не та. Прежде всего продающая. Да и снующие мимо пассажиры, сошедшие с пролетающих дальше электричек, тоже не слишком вязались с убожеством товара на прилавках и грязью стен. Эти торговые точки, как рассадник торговли в том числе и запрещёнными товарами, не раз сносили, до самых стен, сдирая наклеенные на них плакаты и календари. Но всякий раз торговля, как Феникс из пепла, возникала здесь вновь. Уж больно бойкое, проходное место.

Пусть и безыскусен товар, но и он порой находил своего покупателя.

Сейчас же, как определил Игорь на привычный к обычному бытию перехода взгляд, продавцы выискивали не покупателя. Уж больно пристально они вглядывались в переход, в котором кроме него, как назло, больше никого не было.

Гребнев едва не поёжился под тяжестью обрушившихся на него взглядов. Но всё же шагнул в сумрак трубы перехода. Не стоять же здесь до морковкина заговенья, домой пора, отдохнуть, поразмыслить... Да и есть отчего-то сильно хотелось, хотя Игорь в последнее время даже в обед едва ворочал ложкой. А от второго и вовсе отказывался частенько. Но не это было причиной вечернего голода. Есть ему хотелось от потребности восполнить энергию. И даже чувство было такое, что он перетаскал на своих плечах несколько тонн груза. Как в то, единственное студенческое лето, когда его, первокурсника, вместе с другими поступившими на химфак, бросили в подшефный колхоз на уборку яблок, а председатель за авральную погрузку трёх вагонов — управиться нужно было до рассвета — посулил по четвертному на брата, немыслимые не только для студента деньги по тем временам. Гораздо позже, уже сам став начальником и командиром, Игорь понял, что председатель колхоза не из своего кармана вытащил те сумасшедшие деньжищи. И колхоз не ограбил, наоборот, уберёг от ещё больших трат. За простой вагонов штраф был бы куда больше. Вот он и оформил выплаты студентам как штраф, а разницу положил в карман. Вроде как и все довольны, но осадочек-то остался...

С этим не к месту вспомнившимся осадочком и чувством голода, Игорь и шагнул под своды подземного перехода. Но до светлого на фоне коричнево-ржавых стен выхода так и не дошёл.

— Простите, можно вас на минуточку, — кто-то властно и бесцеремонно подхватил Гребнева под руки с обеих сторон. Он даже не заметил откуда вынырнули эти двое. Куда более профессиональные, чем парочка наемники. И, судя по хватке, намного сильнее.

Игорь попытался повернуть голову вначале влево, потом вправо, но не вышло. Голова вроде и вращалась, но никого разглядеть не удалось — оба его противника умело исчезали из поля зрения ещё до того, как взгляд Гребнева упирался в пустоту там, где по расчётам должно было быть лицо человека, державшего его руку. Что слева. Что справа.

— В чём дело? — только и сумел выдавить из себя Гребнев, подаваясь вперёд под натиском двух тел, постепенно наваливающих ему на спину.

— Не дёргайся, полиция, — раздалось на сей раз справа, гнусавым голосом из фильмов, озвученных Гоблином. — Ответишь на пару вопросов и свободен.

— Если окажешься не при делах, — со смешком уточнил тот, что был слева.

Игорь исподлобья — иначе просто не мог взглянуть — бросил обречённый взгляд на торговцев. Это кто-то из них указал на Гребнева. Они же и эту парочку прятали. В какой-то из палаток. Потому и стояли все рядом, чтоб не привлекать внимания к внутренностям своих торговых точек.

В пустых глазах опустившихся людей, промышлявших добычей пищи путём относительно честной торговли, Игорь не увидел ни злорадства, ни превосходства. А ведь, казалось, должны были бы как минимум радоваться, что их миновала чаша сия — общения с полицией. И жертва на сей раз даже не из их круга. Значит, никому и ничего не грозит. Потому как чужак никого не сдаст. Ибо не ведает, что они творят.

Гребнев смирился со своей участью, хотя и не мог пока понять, за что ему такая честь — два полиция ведут под руки. Он бы и сам мог идти. Сказали бы куда. Но,

оказалось, что вряд ли бы он дошёл. Потому как вход в какое-то помещение, далёкое по убранству от полицейского участка, оказался совсем рядом, слева от выхода из подземного перехода. В глухой с виду стене то ли филиала бургерной, то ли пельменной. С кучей мигрантов на кухне, в грязных, некогда белых фартуках. И таких же не совсем легальных тружеников за столами в обеденном зале, маленьком, всего-то на два столика. А вот тайное убежище сопровождавших его полицейских, если это были они, оказалось куда большей площади. Тут только столов, больших, массивных, из настоящего дерева было три. И к каждому приставлено по три стула. Да ещё кресла за столами, кожаные, офисные, с высокими спинками. И всё это сразу за стенкой, возле которой на кухне грелась плита.

Шкафы в открывшейся взгляду комнате Игорь не только не успел разглядеть, но и сосчитать. Его толкнули на стул так, что как минимум один шкаф, из стекла и металла, оказался за спиной. А сколько ещё осталось там же?

Но это было не существенно. По крайней мере, в текущий момент времени.

— Вы забыли представиться, — разминая чуть онемевшие после далеко не дружеских объятий руки, Гребнев решил попытаться покачать права. И решительно отстранился от пытавшегося ощупать его карманы красавчика, зашедшего при задержании слева — в том, что он задержан, как говорится, до выяснения, Игорь не сомневался. И это в лучшем случае. Как бы дело хуже не обернулось. Поэтому и права он качал так, с ленцой. Хотя и не чувствовал за собой грехов. Разве что только драка накануне, здесь же, в переходе. Ну так он вроде как уклонился от неё, торговцы и подтвердить могут, если поспрошать. Но в том-то и дело, похоже, что поспрошали...

— Для начала сам представься.

Тот, что был справа, уселся за стол и Игорь смог его разглядеть.

Простое русское лицо. Чуть навывкате глаза. Сломанный нос — вот откуда гнусавость. Красные руки, как у работающего на холоде. Но кулаки — молотобойца. С этим лучше не шутить. Да и более мелкий, с косой чёлкой, которую он то и дело отбрасывал со лба, вскидывая голову, был не из слабых. Так что Гребневу нечего было стыдиться, что эти двое считай стреножили его.

— Как только узнаю причину задержания.

Игорь не спешил сдавать позиции, решив прежде всё ж понять, что происходит.

— Вас, гражданин, никто не задерживал, — криво ухмыльнулся занявший место за столом. — Вас пригласили для беседы. На которую вы пришли абсолютно добровольно. Я прав?

— Ну, положим, — Гребнев спорить не спешил. — Ну а предмет беседы?

— А это уже вы нам расскажете.

— Ну, если так, — Игорь пожевал губами, — если так, то... Я ж добровольно пришёл?

— Ну? — буркнул крепыш из-за стола.

— А раз пришёл добровольно, то так же и уйду, — Гребнев сделал попытку встать со стула.

Но ему на плечи тут же легли руки красавчика. И не слабо так придавили.

— Но, но, уйдёшь, когда мы скажем.

— Ну так и скажите тогда о чём спич. А то у нас беседа глухих со слепым получается. И всё на пальцах.

Судя по всему старший, восседающий за столом, неопределённо хмыкнул.

— Вы вчера были примерно в это же время в этом переходе?

Так, значит, всё-таки драка, решил Гребнев.

— Да я тут почти ежедневно хожу. И почти в одно и то же время.

— А раз так, то скажите, знакомы ли вам эти лица?
— стол перед Гребневым веером упали фотографии, штук шесть.

Игорь пододвинул стул к столу.

Фотографии были далеко не художественные, но студийного качества. Вот только студией была то ли камера предварительного заключения, КПЗ, как в народе говорят, то ли дежурная часть полиции.

Вчерашнюю парочку он узнал сразу, остальных, мало чем отличающихся по интеллекту и приклатнённому виду, видел впервые. И что бы это значило? Что за опознание на коленке?

Ещё раз пожевав губами, он ткнул пальцем во вчерашних знакомцев, здраво рассудив, что врать будет себе дороже. Через две минуты, ровно столько уйдёт, чтоб притащить сюда любого из торговцев, который покажет, что Игорь выяснял отношения с этой парочкой. Хотя он будет доказывать, что отношения пытались выяснять эти двое.

— Эти.

— Что эти? — подобрался молодчик за столом.

— Видел вчера. Пытались куревом разжиться. Но я не курю. Из-за болезни. А они были слишком пьяны. И свалились прежде, чем я смог повторить дважды — не курю.

— Сами свалились? — не поверил стоящий за спиной Игоря красавчик.

— Ну, если вам угодно, то божьим помыслом. Потому как не я же их свалил. Силёнки уже не те. А так... Один упал, и завалил второго. Вот и всё, что я могу сказать.

— Ой ли? — не поверил и сидящий за столом. — Так уж и всё?

Игорь сморщил нос:

— Вот этот, — указал он на того, что мечтал выпить за упокой его души, требовал денег. А этот — Гребнев ткнул пальцем в коротышку, — пытался меня ударить. Но

не достал. Отчего и потерял равновесие. И свалился на кореша. А потом они оба упали. Кто из них кого подсёк, я не уловил. Потому как, от греха подальше, поспешил к выходу из перехода. А они барахтались на лестнице. С чего вдруг такой интерес к этим двоим? Или это ко мне?

Сидящий за столом потёр не слабой пятернёй подбородок, глянул на своего напарника. Реакцию второго Игорь проследить не мог, тот был почти вплотную за его спиной.

— Вы сможете это повторить под запись? Для протокола?

— Мужики, — чувствуя, что угроза рассеивается, Игорь вновь взялся за свои права. — Честно скажу — жрать хочу, как собака. Мне нельзя режим нарушать. Сахар подскочит. Домой шёл, думал поем, а тут вы. Ещё и на работе достали, до печёнок. А это стресс. И тоже сахар. Теперь вот здесь... Хотя я ни сном, ни духом. Да я вам что угодно под протокол скажу! Только его ж ещё написать нужно. А это час как минимум. Не сдюжу я. Горит, что ли? Здесь я бываю каждый вечер, кроме выходных. В это время приходит моя электричка, почти прямо к дому. Так что я зайду и подпишу. Но завтра. Сейчас только отпустите. Хотите, документы покажу? — напомнил он то, о чём задержавшие его если и думали, то только в плане обыска. От которого Гребнев решительно, но вежливо уклонился.

Сидящий за столом потерял нос. Вновь взглянул на напарника.

Судя по движению воздуха у Гребнева за спиной, тот пожал плечами. Мол, ты старший, тебе и решать.

Осмелев окончательно, Игорь всем телом повернулся к красавчику:

— К чему такая спешка? Вам что, горит к утру выдать этот протокол? Ни за что не поверю...

— Труп у нас на руках, — теперь сидевший за столом был у Игоря за спиной. И оттуда, из-за спины оглоушил его сообщением о покойнике.

— Труп? — оборачиваясь, переспросил Гребнев. — А я причём?

— А при том. При том, что покойник — вот этот, — старший из парочки ткнул пальцем в приبلатнённого коротышку, — парень с богатым послужным списком. И судя по показаниям торговцев, он вас ударил. Хотя вы и отрицаете это. А если он ударил, то вы в ответ могли и убить его. Счёты свести, так сказать.

— И чем я его? Из рогатки?

— Ножичком. Раз — и готово.

— Ножичком? — Игорь удивлённо-возмущённо вскинул брови. — Вы меня с ножичком представляете?! Да я ножичком только курицу разделяваю! И то с трудом. На кухне, а не в подворотне. И не чаще раза в месяц. В этом месяце уже выполнил план. Так что... — и продолжил с той же удивлённой интонацией: — Ножичком... Ещё чего! У меня и нет такого, чтоб зарезать кого. Ну, такого, из ваших учебников. Который холодным оружием считается. С этими, — опять пожевал губами Игорь, изображая напряжённую работу памяти, хотя признаки холодного оружия знал едва ли не назубок: — с упорами-ограничителями. На рукоятке которые. А у меня нож на кухне только. Один. И пачкать его каким-то уткой? И как? А главное — где? Я из дома ни на шаг после работы.

Полицейские опять переглянулись. Так и не познакомившись толком, они решили расстаться с задержанным. И не тратить время попусту. Прежде всего своё — вряд ли их разжалобили стенания Гребнева о голоде. Но о том ничего сказано не было. Как и не было слов извинений за привод не то в участок, не то в его филиал, потайную комнату. Если уж даже у Гарри Поттера таковая была, то отчего ж полицейским её не иметь? У них порой тёмных делишек бывает и не на одну такую комнату, даже если она не волшебная.

Не было и объяснения тому, почему полицейские, начавшие с таким напором, так быстро и внезапно сдались,

отступились. Видать, парни знали нечто такое, что либо подтверждалось словами Гребнева или, как минимум, не шло с ними вразрез.

— Ладно, давайте документы, Слава, сделай копии, — Игорь ещё не успел подняться и достать портмоне со всеми документами и карточками банков в двух кармашках, как означенный Слава чем-то щёлкнул и за спиной Гребнева, разогреваясь, зашумел сканер.

Почувяв ветер свободы, Гребнев едва всё не испортил. Он уже открыл рот сказать, что с момента увольнения со службы иного оружия, кроме пера, в руках не держал. Но вовремя осёкся. Не то бы они сейчас начали выяснять, где да кем служил. А там история мутная с точки зрения нынешней ситуации...

— Газетку-то свою заberi, — бросил в спину поднявшемуся Гребневу старший из полицейской пары.

Игорь удивлённо обернулся. И увидел на столе, рядом с разложенными фотографиями газету. Сложенную вчетверо и свёрнутую в трубочку. Со знакомым и не совсем таким, как должно быть, логотипом.

«Советский спорт».

Он и не помнил, как прихватил её из несущегося в другом времени вагона. И как бросил на стол тоже не помнил. Скорее всего, когда руки разминал.

Торопливо, чтобы полицейские не заметили, что газета если и газета, то не совсем обычная, Игорь схватил скрученное в трубку единственное доказательство того, что с ума он не сошёл. А вновь реально был в ином измерении.

10

Тридцать капель виски легли на душу покрывалом богоматери, хотя покров давно уж миновал. Зато стопарик пошёл как дети в школу. Только после этого Гребнева слегка отпустило от пережитого. И он шагнул в ванную — умыться и вымыть руки.

Вытирая последние капли с лица, он воззрился на своё отражение. Которое не то чтобы не узнавал, но в коем было нечто новое, прежде невиданное.

Больше минуты не мог он понять, что же задержало его взор. А потом коснулся щеки.

Ни шрама, ни, тем более, припухлости. Того самого шрама, что оставил то ли перстень, то ли кастет прибалтнённого, желавшего со своим напарником испить водки за упокой Игоря, но ставшего, как выяснилось, покойником раньше него. А Гребнев, сидя в тайной комнате полицейских, отрицая факт избиения, даже не вспомнил о шраме! Который вполне мог разрушить всю его защиту. Если бы его заметили. Хотя, если бы ему напомнили, да что там, указали на шрам, как на приметку состоявшейся драки, тут же выдал бы фразу, отточенную ещё утром. Когда у зеркала в туалете на него покосился начальник департамента, вначале оказавшийся в соседней кабинке, а потом пристроившийся рядом мыть руки.

— Порезался, — буркнул Игорь тогда, стараясь не встречаться взглядом с шефом, которого нелёгкая принесла в общий сортир при наличии собственного за комнатой отдыха.

— Рука дрогнула? — хмыкнул начальник, намекая на помятую физиономию Гребнева, хранившую следы возлияний накануне. И, будучи моложе Гребнева лет на двадцать, отечески пожурил: — Дрожь в руках — один из признаков алкоголизма.

— Рука не дрогнула. Станок поехал вскользь с непривычки. Сменил пену на гель для бритья. Вот и не рассчитал, — сказал Игорь практически правду. Умолчав, что смена прошла тремя днями раньше. Он вообще старался всякие начинания или перемены вводить в знаковые дни. С понедельника, например. Или с первого числа... О том, же что шрам и вовсе не от бритвы, Игорь даже не заикнулся. Но начальник и без того утёрся, и больше не приставал.

Так что случись полицейским заметить шрам и попытаться связать его с дракой, Гребнев всё равно бы отбрехался. Однако оказалось, что это и не требовалось.

Шрам бесследно исчез.

Игорь ещё некоторое время пиялился в зеркало, надеясь то ли шрам отыскать в отражении, то ли его следы. Ну, белый рубец там или ещё что. Но вместо этого обнаружил исчезнувшие мешки под глазами. А ещё потемневшие виски, утром только серебрившиеся инеем. Шутка ли, годы шестой десяток отсчитывают. А у него — морщины разгладились на лбу. Пусть и было их немного, но стало-то ещё меньше.

А ещё щёки... И это было самой заметной переменной. Щёки подтянулись, сделав лицо более привлекательным, более моложавым, что ли. Словно лет семь скинул. Не меньше.

Бросив полотенце в корзину для белья — в стирку, немедленно, после таких злчных мест, где он был, Игорь собрался запить своё потрясение, но вискарик в бутылке, заарканенной накануне, подошёл к концу. Да и норму он уже принял, прямо с порога. И он решил не усугублять, а на почти трезвую голову всё обдумать. Тем более, было что.

Во-первых, покойник. Ну до него дела нет, даже полицаи, похоже, убедились, что Игорь к его смерти непричастен. Спросили бы лучше напарника этого любителя поминок. Но о нём сыскари ни словом не обмолвились. Хотя должны были бы в первую очередь его заподозрить, а не ждать в засаде случайного пассажира. А если бы он не приехал? Но, похоже, опознавшие его торговцы настучали, что Игорь достаточно пунктуален, и ходит одной дорогой.

Ладно, с этим относительно ясно — не разбираться же ему самому куда девался ещё один пристава. Главное — сам невиновен, аки агнец. А вот другое...

И тут нужно было определиться с чего начать. Что можно отбросить следующим пунктом. То бишь, во-вторых.

Во-вторых же, будучи невиновным в том, что было во-первых, выходило что он что-то там нарушил в мироздании. Ведь сколько о том писали, пусть и в фантастических романах: нельзя менять естественный ход событий. Тем более — тащить из иного времени что ни попадя. Эффект бабочки, да. Но для того, чтоб он проявил себя, необязательно тащиться в прошлое. Там и своих мудаков хватало. Как результат — куда подевался тасманийский волк? Или странствующий голубь. Уж на что последние обитали стаями в миллиарды особей, но и их извели. Без всяких визитов в прошлое. А Игорь, подумаешь, всего лишь притащил газету, да и то неосознанно. Не бабочка, конечно, но вдруг и в газете есть некий тайный смысл? Ну, код секретный на последней странице или таблица выигрышей в лотерею...

Это было бы неплохо, но это невозможно. Газета-то из прошлого. Вот если бы наоборот... Тогда, глядишь, и выиграл бы чего-нить. Да и то с его везением вряд ли. Непременно перепутал бы — то ли цифры, то ли тираж...

Но это к делу не относится. А вот сама газета, что он утащил...

Игорь ещё раз пролистал её от корки до корки. Благо всего-то четыре страницы. Пусть и большого формата, нет уже таких газет. Полицаи опять же прощёлкали. А как бы они удивились, взглядевшись в дату...

Дата. Вот что имеет значение.

То, что не совпадает день недели с сегодняшним, не суть важно, он и не должен совпадать. Ведь газета издана была почти полвека тому назад. Не почти — 45 лет прошло!

Гребнев потянулся за планшетом, набрал дату в поисковике. Точно, среда была 5 ноября в 1975-м. Да и газета в том не давала усомниться. Случались ошибки в газетах, но не так, чтобы в дате. Хотя и такие, помнится,

бывали. Но не в этом случае, чтоб всё совпало — и ошибка, и газета в руках человека из иного времени, да ещё и попавшая в то время...

Но дата... Дата всё ж имела значение.

Судя по тому, что газета была измята и брошена, осталась она от пассажиров предыдущего дня. Того самого, когда Игорь встретил Саблина. Тот ехал в Ригу. Зачем? Там стоял его «Сторожевой». На рейде. К параду корабли всегда выгоняют заранее. Чтоб потом, на миру, случись чего, не позориться с постановкой на якорь или бочки. Значит, Саблин уже на борту. До начала парада — чуть больше суток. С корабля он уже не сойдёт. Да и сошёл бы — где искать его? А главное — зачем. Сказать, что затея провалится? Так это нужно было иметь смелость и сказать сразу, а не желать удачи. В деле, обречённом на провал. Теперь-то уж чо... И поздно, и невозможно. Да и вмешиваться в ход событий, опять же, недопустимо. Хотя и ничего не изменят ни вмешательство, ни естественный ход вещей. Завтра, конечно, Игорь вновь попытается вернуться во время оно. Да только толку-то что. События уже запущены, идут своим чередом. Ни помешать, ни помочь...

Игорь откинулся на спинку кресла.

Было ещё что-то, что он упускал.

Ах да, шрам.

На нём всегда всё заживало как на собаке. Именно поэтому, быть может, пережив клиническую смерть, даровавшую ему нечто вроде индульгенции в виде свидетельства об инвалидности, он и выжил. В тот раз, когда сердце остановилось. И казалось, что навсегда. Но нет, стучит ещё. Хотя и с перебоями порой.

Какое это имеет отношение к шраму? Да самое прямое. Тогда он выжил благодаря врачам. Но и они не омолодили его. А тут как-то враз случилось, и шрам исчез, и лицо стало свежее. Да что там — моложе. Вещи всё ж надо своими именами называть, пусть и пугают они порой.

Утром шрам был. И выглядел Игорь вполне себе неважно. А вечером — как огурчик. И зверски голоден. Что было между этими двумя точками?

Правильно, вагон из прошлого. В котором была газета. Чтоб уж не сомневаться в том, что прошлое почудилось. А раз вагон был, то...

Вернувшись в прошлое, да ещё так далеко Игорь не мог не омолодиться. Ведь тогда ему и восемнадцати не было. Вот шрам и исчез. И кожа подтянулась. И если такой эффект от десяти минут пребывания в прошлом, то что мешает организовать омолаживающие туры для желающих? За бешенные бабки в лёт уйдут! Конечно, тут далеко не так всё просто...

Игорь понял, что буйная фантазия увела его далеко в сторону. Хотя, как бизнес-проект, эту идею стоило бы оставить на потом, пусть бы и в памяти только. Для начала, конечно, надо бы побольше разузнать о поезде, насколько это всё стабильно, а уж затем...

Так, стоять, Зорька, одёрнул себя Гребнев. Не время и не место. Ещё неизвестно, действительно ли его переход из одного вагона в другой совершил такое превращение. Или это только ему так кажется. Это раз. А главное, и это два, речь сейчас не о том.

Ему в руки идёт шанс изменить настоящее с будущим, поменяв что-то в прошлом. Что — ещё неизвестно. Как — тем более. Но шанс есть. И надо для начала его изучить. Не сам шанс, а его механизм. И найти точку, надавив на которую, можно будет что-то менять. С Саблиным уже без вариантов, разве что оказаться вновь в одном с ним вагоне. Но когда сойдутся эти временные линии вновь? Через год, два? Или завтра?

Завтра вряд ли, ведь газета же явно дала понять, что события не имеют обратного хода, и даже в безвременье за минувшим следует новый день. Значит, надо ждать. И каждый день проверять — а не мелькнёт ли в вагоне знакомая шинель? Да только...

Если переход из вагона в вагон омолаживает, то через сколько таких визитов Игорь станет если не младенцем, то подростком, пацаном? Да даже если и не станет. Сколько времени у сегодняшнего Гребнева чтобы изо дня в день караулить шанс вновь встретиться с Саблиным? И что это даст, даже если времени хватит? Ведь у него же всё равно не вышло...

Да и не могло, честно признался себе Гребнев. Ну не может быть успешным восстание, в самом начале которого его вожак извиняется за причинённые неудобства перед запертым в гидроакустической рубке командиром. Пусть и путём записочек. Да ещё и позволяет своим противникам оставаться на свободе, когда идёт...

Идёт брать власть. Нет, власть брать Саблин не собирався, он только воззвать к совести и разуму хотел. Но у властей предрежащих нет ни того, ни другого. У власти могут удержаться только беспринципные, карьеристы и подлецы. И не для того они до власти дорываются, чтобы её потом вот так запросто отдать. Только лишь после призывов совесть иметь. А значит что?

Значит, мы пойдём другим путём.

Каким, Игорь ещё не решил.

11

На Гребнева в министерстве смотрели с подозрением. Едва он перешагнул порог приёмной. Неужто полицаи по месту службы накатали бумагу? Но о чём? Вины-то за ним никакой. И потом, они что ж, ночь потратили не на поиски преступника, а на выяснение по имени и фамилии его места работы? Оно им надо было? При желании могли выяснить до того, как отпустили, убедившись в его непричастности к гибели какого-то уголовника. Да, он не дал служебный пропуск для снятия копии, достаточно было того, что паспорт отсканировали. Ну, да его копировали уже десятки раз. В основном в банках да в клинике, где Гребнев всякий раз подписывал

бумаги на оказание платных медицинских услуг. Так что утечки своих данных Игорь не опасался — они уже и без того утекли. А вот отношение коллег его удивило. И ладно бы коллег...

Начальник департамента, его прямой шеф, намеревшийся журивший за помятую физиономию, вообще смотрел на Игоря едва ли не разинув рот.

— Сменили не только пену, Игорь Николаевич, но и молодильными яблочками разжились? — хмыкнул он на ухо Гребневу, когда за длинным столом в кабинете министра они занимали места на заседании аттестационной комиссии. Мероприятие сколь обязательное в чиновничьем мире, столь и бессмысленное для всех прочих миров. Соблюдение формы назначения на должности не давало нужный результат, потому как изначально кандидаты были так себе. И как их ни аттестуй, лучше они от этого не становились. Зато они были в обойме. По разным причинам. Кто-то друг и сват самого министра или его друзей, другие выбились иными путями, работая стукачами или обеспечивая откаты, а самые неспособные — тушкой своей, пусть и прекрасной. Причём, независимо от пола. Мужской, кстати, был в более привилегированном положении. При нынешнем министре. Непотопляемом. Сменившем уже немало ведомств. По причине их развала от его руководящей деятельности. Но остававшегося на командном мостике. Невзирая на плачевные предыдущие результаты. Ибо и сам был из числа ублажающих телом. И даже на радикальные меры пошёл — несколько операций перенёс, чтоб выглядеть моложе и презентабельней. Не на это ли намекал начальник? Мол, и ты, Брут? В смысле, Игорь ...

Друзьями они не были не только в силу различия в аппаратных весовых категориях и подчинённости Гребнева. При том, что был он значительно старше своего непосредственного шефа. Пусть и называл себя в мыслях по привычке по имени. Надо бы, сообразно возрасту, по

имени-отчеству, но имя привычной, родней... Но даже при разнице взглядов на суть происходящего вокруг, оба выражали молчаливое неодобрение. Опять же по разным причинам. Игорь просто власть терпеть не мог, особенно нынешнюю, бестолковую до мозга костей, потому как иного мозга не было. Его шеф был недоволен, ибо считал, что пробившиеся наверх тупицы перекрыли дорогу ему. Но в любом случае именно начальник подсказал Игорю причину заинтересованных и удивлённых взглядов.

Его омоложение не осталось незамеченным. А в разгар заседания, когда Игорь вставил свои пять копеек по обсуждаемой кандидатуре на повышение категории, а значит, и повышение оплаты бессмысленного труда очередной чиновницы, не приносящего пользы обществу, но отмечаемого галочкой в каких-то важных для этого сборища тунеядцев таблицах, даже министр бросил на него быстрый и заинтересованный взгляд. И не слова привлекли внимание министра, на скулах которого заблестела натянутая как бубен, без единой морщинки, кожа.

Министр с его операциями по подтяжке дряблой кожи невыразительного лица, а теперь ещё и малоподвижного, не подвластного выражению эмоций, явно проигрывал Игорю. Он и прежде с завистью смотрел на Гребнева. У того всегда на всё был ответ, и собственное мнение по любому вопросу. В то время как министр говорил шаблонными фразами, и плыл, стоило разговору выйти за флажки. Поэтому Игорь и был если не спичрайтером министра, то его шпаргалкой, готовя «под чутким руководством» начальника департамента сводки и доклады, которые высокопоставленный чинуша выдавал за свои, отчитываясь перед более высоко сидящими, но такими же бездарями. Восхищавшимися складностью уже его речей.

Гребнев понимал, что оказывает министерству, стране и тысячам простых и нормальных людей медвежью услугу, создавая видимость, что ими правит разумный

человек. Хотя разума там почти не осталось, всё шло на поддержание красоты. Понимать-то он понимал, но куда деваться было некуда. И сил отказаться от предложенного за эти услуги куска хлеба тоже не было. А может то была обыкновенная трусость. Ведь дочка его нашла и силы, и способы выражать своё мнение в открытую. Прекрасно понимая, что долго ей не спустят такие вольности. И хорошо если это обойдётся только чёрными списками. Которыми дело никогда не ограничивается, списки — это всегда только начало...

Игорь тоже понимал это, но был не готов подсунуть министру очередной доклад со вставками подобными тем, после которых его, тогда молодого капитан-лейтенанта, чуть со службы не попёрли. Он и в ту пору был кем-то вроде спичрайтера, хотя и слов таких в те годы ещё не ведали. И на очередную партийно-хозяйственную конференцию доклад писал не начпо, занятый своими квартирными делами, а он, молодой пропагандист бригады. Писал честно, как велела партийная совесть. Ну, или память о Вдовине, перед которым он был в долгу. Теперь уже в вечном. Но вышло так, как вышло, и в докладе ошибки в руководстве хозяйством бригады и их причины были названы с конкретными фамилиями. Точнее, одной. Коммуниста Басаргина. Он же — комбриг. Настоящий служака — есть, так точно, будет исполнено, щелчок каблуками. Но только — перед вышестоящими. И хам — с подчинёнными. При этом весьма недалёкий. Настолько, что текст доклада не читал, а озвучивал. Даже не вникая в смысл сказанного. Вот и высек себя подобно унтер-офицерской вдове. И только вмешательство начпо, бесцеремонно прервавшего комбрига на полуслове и остановившего этот сеанс саморазоблачения, оборвало смех и довольные выкрики в зале, где собрались все свободные от вахт и дежурств офицеры и мичмана бригады. Они-то порадовались, впервые услышав правду с высокой — по меркам флотской базы — трибуны. Гребневу, конечно, же

досталось тогда, по первое число досталось. Но оно того стоило. И потом от подобной практики он не отказывался, хотя и действовал уже не так прямолинейно.

Да, с той поры прошло много времени и сменилось немало начальников на разных ступенях карьерной лестницы Гребнева. Но в министерстве он сдерживался, понимая, что плетью обуха не перешибёшь. А жить на что-то надо. Так что министр пока пользовался чужим умом беззастенчиво и безвредно для себя. Хотя Игорь и вынашивал план мести за свои частые задержки на работе для написания очередного сборника мыслей министра. И ладно бы задержки, так ещё и правки выводили его из себя — примитивные, зачастую воскрешавшие предыдущий вариант Игорь, а то и просто лишённые смысла по причине отсутствия логики и полной безграмотности.

Всё это пролетело в его голове, когда министр воззрился на своего раба своих слов. Негра литературного, в полном смысле этого слова.

Ну, вот, опять вызвал недовольство. Одним своим цветущим видом. Значит, следующий доклад, к понедельнику, будет ой каким не простым! Не по содержанию, а по работе над ним. Из-за начальственных придинок. Хотя в итоге всё вернётся к изначально предложенному варианту. Но после того, как нервы будут вымотаны, а время — растрчено попусту. Что означает только одно: об электричке в восемнадцать ноль две можно забыть. Но и это было ещё не всё. И доклад был нужен только завтра. Это у нормальных людей выходной в субботу. У чиновников его не может быть, потому что быть не может. Если начальник изволил явиться на рабочее место. То же, что начальник за свои появления в субботу в своём кабинете получает как всё министерство вместе взятое, никого не волновало. Шеф на месте — извольте быть готовы получить вводную. Или быть вызванным на ковёр. Рабочий день у вас, дескать, ненормированный. То

же, что его ненормированность тоже имеет нормы, — это из другой жизни. Там, где действуют законы.

В мире, где жил Игорь, правил только один закон: начальник всегда прав. И чем выше он сидит, тем «правее». Или правильнее. Хотя на самом деле всё было с точностью до наоборот.

За мыслями о бренном Гребнев потерял нить обсуждения, вершившегося за массивным столом, за которым уместилась пара дюжин чиновников всех рангов министерства. Как того требовали нормы формирования аттестационной комиссии. Которые никак не учитывали квалификацию самих аттестующих. Лишь бы они соответствовали галочкам в табели о рангах. Чего нельзя было сказать об аттестуемых.

Об одном Гребнев высказался. Галочка в протоколе против его фамилии теперь есть, можно и не напрягаться более. Но...

Следующей на аттестационную голгофу вошла Екатерина Шевелюха. Миниатюрная, росточком максимум до подмышки Игоря, с точёной фигуркой и слегка полноватыми бёдрами. Такими призывными, что слов нет. Особенно с учётом того, что женщины у Гребнева не было уже ой как давно. И он сам не прилагал никаких усилий к тому, чтобы исправить такое положение дел. И никак не из-за утраты жены, это уже отболело. Просто так сложилось. На абы кого взбираться не хотелось, приличной же всё не оказывалось в поле зрения. Ну, вот такой, как Катюша. С минимумом косметики на лице. Никаких тебе золотых украшений. Ну, разве что серёжки-гвоздики. Так он такие дочерям покупал ещё до школы. Убивало только обручальное кольцо. Хотя никто в министерстве о её семейных отношениях не был в курсе. При всей своей явной недалёкости — служебные обязанности давались Шевелюхе с трудом, подчас вызывая переверивание фамилии с требованием пошевелиться, Катя не распространялась о себе. Что делало ей честь на фоне остальных министерских

болтушек. Даже Наталья Руднева, на что уж не красавица, но однажды едва не соблазнившая оголодавшего Гребнева, и та о себе рассказывала столько, что было не переслушать.

Катерина же была загадкой. Изящной, влекущей. Её не портила незначительная полнота, наоборот, добавляла женственности. Когда она в туфельках на каблукках цокала по коридорам министерства. И видеть её жалкой под градом тупых вопросов, которые Игорь щёлкал как семечки, но которые были не по зубам большинству самих аттестующих, было неприятно. Однако именно ими они засыпали миленькую девчушку, пусть и стукнуло ей за тридцать, что было ещё и обидно. И жалко Катюшу. Как и потраченного зря времени. Ну, уж если не хотели повышать ей оклад, могли бы и без этого цирка обойтись. Так нет же, и поизмываться надо, унижить человека. И при этом умудриться ещё и время убить. Его время.

Примерно на десятой минуте мытарств Шевелухи Игорь не выдержал.

— Что мы, как воронье, набросились на человека? Ну, да, многих вещей, элементарных для некоторых из присутствующих, она не знает, — польстил он себе, и тут же плюнул в чиновничьи души: — Но и не все присутствующие тоже знают верные ответы. И это бы ладно. Времени жалко. Поэтому хотелось бы спросить... Не я, мой друг интересуется... — Игорь бросил наглый взгляд на министра, потом перевёл его на своего непосредственного начальника. И выдержав паузу, продолжил: — Где был её заведомо? Подготовил ли он её к аттестации? И знает ли он сам ответы на эти вопросы? Может, с него начнём? И тут же получим весомую экономию фонда заработной платы. Сняв с него незаслуженные надбавки. Которые с лихвой, — сверившись с бумажкой, поставил Гребнев точку, — прекроют грядущее повышение оклада одной сотрудницы. Которая, если на неё не набрасываться скопом, уверен, выучит всё,

что ей положено знать. А не вот это вот всё, что не имеет никакого отношения к её должности.

Неожиданно с другого конца стола в поддержку Игоря раздался голос начальника департамента материального обеспечения. Отставной майор Калиниченко любил изъясняться витиевато:

— При всё при том, что мы с господином Гребневым редко сходимся во мнениях, вынужден признать, что тут он прав. И мы действительно попусту тратим время. Которое куда дороже той суммы, что в качестве прибавки к жалованью получит мадам Швелюха...

— Мадмуазель, если на то пошло, — внезапно подала голос сама аттестуемая.

— Что? — запнулся второй её защитник.

— Я не замужем, — тихо, но решительно, покраснев при этом, сказала Екатерина свет Геннадьевна, не глядя на своих мучителей.

— Тем более, значит, больше времени будет отдаваться службе.

Мнение Калиниченко всегда что-нибудь, да значило. Все сменявшиеся, как в калейдоскопе, министры прислушивались к нему, выходцу из спецслужб. И сохранившему там прежние связи. Которыми он умело пользовался. Не только в личных целях. Но и оказывая услуги. Тем же министрам. Что, впрочем, тоже отражалось и на его благосостоянии — благодарности благодетельствованных хоть и знали границы, но порой не знали меры.

— Думаю, пора ставить вопрос на голосование. А завождем в понедельник, на планёрке примерно пропесочить. Не поможет, так пройтись по всему отделу, там, похоже, дела если и идут, то не знают куда, — получив поддержку, подвёл итог дискуссии Гребнев.

— Других мнений нет? — вальяжно бросил со своего места министр, пресекая позы желающих

высказаться, чтобы не прозвучало ещё какое-нибудь предложение. Более крамольное. Или, наоборот, возобновляющее бессмысленный торг.

Игорь, склонившийся над бумагами чтобы спрятать ухмылку, краем глаза заметил, как лицо Кати засветилось. Губы, нетронутые помадой, дрогнули. Словно выпустив в мир слово. И это слово он не прочитал по этим изысканно изогнутым губам — угадал.

Спасибо.

Ну, и на том спасибо, подумал уже он. Заседание продолжилось, но пошло уже куда бойчее. Да и министр, похоже, устал изображать из себя труженика. Так что всё шло к тому, что на электричку Гребнев успеет.

Да не тут-то было.

Вначале в отделе у всех нашлось что сказать шефу в последний рабочий день — для рядовых сотрудников суббота рабочей бывала только в исключительных случаях, ибо им в таком случае нужно было бы доплачивать за сверхурочные часы пребывания в офисе. Не было в их трудовых договорах строчек о ненормированности рабочего дня. Что, впрочем, не мешало министру порой и им устраивать «субботники». А когда стрелки в часах над дверью перевалили за шесть вечера и спешить стало некуда, Гребнев в углу шоурума — въехав в новое помещение министерство переняло и новые правила, поселив всех работников не в закутках отдельных кабинетов, а в стеклянный аквариум, с окнами в пол и скромными перегородками, лишаящими любого уединения, увидел изящную фигурку Екатерины.

Они никогда прежде не оказывались наедине. Хотя Игорь не раз почти крадучись ходил за ней по коридорам, слушая, как цокают её каблучки. Было что-то в Катюше влекущее, не имеющее ничего общего с её неброской красотой. И голод Гребнева на женщин тут был не причём. Шевелюха действительно была очень привлекательной.

Хотя и было ей, как сейчас заметил Игорь, куда больше первоначально отмеренных им тридцати.

— Вы спешите? — окинув взглядом стол, с которого Гребнев сметал в ящики так и не пригодившиеся за день заметки к будущему докладу, Катя не дошла к нему каких-то два-три шага. Её маленьких ножек. Или полшага Гребнева. — Я зашла поблагодарить...

— Не за что, — буркнул Игорь. А глазами незаметно, как ему казалось, ощупал ладную фигурку, прошёлся по открытой шее и подчёркнутой линии груди, и оторвался лишь дойдя до ног, заметив круглые ямочки у колен.

Платье Шевелюхи было на грани дресс-кода, заканчиваясь много выше этих привлекательных коленок. К тому ж большинство женщин министерства, не способных похвастать такими ножками, предпочитали брючные ансамбли. Так что Катерина ещё и этим выгодно отличалась от серых мышек, мнивших себя королевами министерского подковёрного царства. Подковёрного, потому как на ковре безоговорочно властвовала ещё одна Наталья. Даже фамилию — Благоева — называть не нужно было, чтобы министерские поняли о ком речь, если называлось имя Наталия. Именно так, через «И». Хотя в документах написано было по правилам русского языка. Внешне эта Наталья недалеко ушла от Рудневой. Красавицами их назвать было сложно. Только на лице одной была написана деревенская простота, у другой — великорусское хамство и пренебрежение. Но в силу должности Наталия ещё и раздобрела, не только частенько просиживая на многочисленных служебных заседаниях, но и отбывая повинность в виде фуршетов и благотворительных обедов. Поэтому одного стула ей порой уже бывало мало. Однако отпугивала она не этим, а щёткой усов под клювом носа. Ну и конечно безмерным влиянием на министра, который, чтоб не утруждаться, многие вопросы отдал ей на откуп. Вот она и вертелась. И вертела. Почти всеми. Не пытаюсь

посягать на вотчину Гребнева, где мало в чём разбиралась. И не трогая организационный департамент. Там властвовала престарелая Раиса Александровна, пересидевшая то ли шесть, то ли семь министров.

Обе матроны на дух не выносили молоденьких сотрудниц. Поэтому Шевелюхе досталось ещё и за возраст — большинство вопросов на комиссии было именно от Наталии. Вопросов не только пустых и не имеющих отношения к делу и должности Екатерины. На них ещё и у самой Благоевой ответов не было. Но они были заданы. И потрепали нервы молодой женщине, которая пришла благодарить Гребнева за то, что он вступился за неё.

— Игорь Николаевич, — сделал ещё два шага, Катя вплотную подошла к столу, опершись на него руками. — Я не раз видела, как вы смотрите на меня...

12

...Гребнев, которому теперь некуда было спешить, потянул направляющие жалюзи. И шоурум погрузился во мрак. После того, как щёлкнул выключатель у двери.

Катя всё взяла в свои руки. Те самые, что опирались на полированную столешницу, покрытую прозрачным пластиком.

— Вы простите меня. Это, наверное, не хорошо... Ну, или не очень хорошо. С моей стороны. Так себя вести. Но я про вас всё знаю...

— Чего, к стыду своему, я не могу сказать о себе. Точнее, о том, что знаю о вас. Пусть не всё, но...

Гребнев чувствовал, с каким трудом выталкиваются из него слова. Ничуть не легче, чем из таких манящих губ Катюши на аттестации. Но она совладала с собой. И сказала то, что хотела. А вот Игорь...

По количеству чиновников министерство ничуть не уступало численности экипажа сторожевого корабля. Того самого, что в сорока пяти годах отсюда сейчас стоял на рейде в Риге, а менее чем через сутки сорвётся с якоря и

понесётся в свой бесславный поход. Игорь, сам служивший на таком же сторожевике, считал необходимым знать всё о своём экипаже. Но в министерстве эти его знания не простирались дальше отдела. В лучшем случае он знал дни рождения руководителей других отделов, это было вписано в отдельный поминальник. Ибо поздравления коллег входили в кодекс внутренней этики. Большого он не знал. Да и не проявлял рвения узнать. Даже касаясь нравившейся ему Шевелюхи. На службе вольностей он себе не позволял, обжёгшись однажды. Давно, правда, уже и забыть бы следовало. Но урок, видать, пошёл впрок. Поэтому Гребнев желание имел, но волю ему не давал. Особенно после попыток Натальи, Рудневой, не Благоевой же, соблазнить его. Так что сейчас он с трудом пытался вспомнить отчество Екатерины Шевелюхи. Чтобы отбить её натиск. Которому он хотел, настоятельно желал сдаться. А вместо этого с трудом вспоминал только недавно звучавшее на аттестационной комиссии отчество зеленоглазой, как он успел рассмотреть, красавицы.

— Игорь Николаевич, это не страшно... Я знаю, как вам нелегко...

— Екатерина... Геннадьевна, — всплыло в памяти отчество, и Гребнев буквально выдохнул его, надеясь, что возведённая между ними стена официального обращения друг к другу разрулит двусмысленную ситуацию. — Честно говоря, я не очень понимаю цель вашего неурочного визита. Разве вам не нужно домой? Ладно мне, я привычен, по должности приучен. Да и не ждёт меня никто... Но вы-то... Молодая, красивая, тем более мадмуазель, — вспомнил он её слова на заседании. — Вам-то что делать в этом замшелом кладбище и талантов, и хороших отношений...

— Вы не поняли меня, Игорь Николаевич... Я вам очень благодарна, за то, что вы вступились за меня. Впервые я почувствовала себя как за стеной...

— Э, нет, Екатерина Геннадьевна, нет во мне никакой стены. Я просто терпеть не могу, когда скопом —

и на одного. Я всегда был не за сильного. И, не исключено, не за слабого — слабые бывают всякими. Я за справедливость. Не более. Так что ничего личного. Хотя да, вы мне нравитесь, — решительно, но не глядя на молодую женщину, брякнул Гребнев. И тут же пожалел: — Но в силу целого ряда причин я не могу позволить этому чувству взять верх над служебными, отношениями, ибо... Ибо...

Игорь замялся, подбирая слова, но Шевелюха уже вновь взяла инициативу в свои руки. Она уже не опиралась на стол. А медленно обходила его по большому кругу, приближаясь к застывшему от удивления Гребневу.

— Игорь Николаевич, не надо ничего объяснять. Я сама всё понимаю. И то, что не права, придя к вам. И то, что вы устали от одиночества. А ещё больше не хотите брать на себя ответственность за кого бы то ни было. Помимо должностных обязанностей. И это правильно. Но и я ничего этого не прошу! Я просто вам благодарна. За то, что вы разглядели во мне женщину. Привлекательную, как я понимаю. На другую вы бы и не глянули. За то, что вступились за меня. За то, что никогда не позволили себе пошло подкатывать ко мне, хотя и испытывали симпатию. Не то, что эти...

Катя передёрнула плечиком, и Игорь понял, что она имеет в виду. И кого.

Её непосредственный начальник, Сергей Лопатин, более чем посредственный как специалист и куда негодней, как человек, порой даже руки распускал, не говоря уж о словесных эквилибрах в сторону Шевелюхи. Нет, он, конечно же, не бил её. Но прихватить за округлости пониже спины пытался, что Гребнев сам видел не раз. А на словах частенько опускал Катерину ниже плинтуса. Не только как специалиста, в её знаниях сегодня Игорь тоже разуверился, но и как человека. За такое и в морду можно было бы отвесить, но корпоративная этика... При этом сам Лопатин был типом крайне неприятным, и прежде всего внешне. В отличие от Екатерины. Особенно это неприятие как

возникло, так больше и не покинуло Игоря с той поры, когда он увидел Лопатина за обедом. Прямо за рабочим столом. Даже не отодвинув бумаги в сторону — вот почему документы из его отдела зачастую выходили в сальных пятнах, тот алюминиевой ложкой наворачивал то ли суп, то ли борщ прямо из литровой банки. Но дело было не в брызгах и не в прилипших к подбородку волокнах капусты или вермишели. А в выражении лица Лопатина.

Круглые, бесцветные глазки на плоском лице пялились в одно только им известное место. И была в них такая безысходная пустота, что, если бы Гребнев верил во все эти теории заговоров, то принял бы коллегу за какого-нибудь рептилоида, позволившего ради утоления голода сползти камуфляжу, маскировавшему его среди людей. Игорю пришлось трижды повторить свой вопрос, с которым он зашёл во внеурочное время — когда было свыше приказано, тогда и зашёл, день-то ненормированный. И только после третьей попытки ему удалось достучаться до мерно работающего челюстями Лопатина. Да и то лишь для привлечения внимания.

Подобно поршням кривошипно-шатунного механизма, челюсти заотдела, восседавшего посреди шоурума, едва ли не вдвое большего, чем у отдела Игоря, продолжили ходить ходуном. Взгляд уже прошёлся по Гребневу. Но отзыва ещё не было. Хотя и прозвучал пароль — министр требует. И срочно.

Игорь едва не вышел из себя. Но тут у жующего в глазах мелькнул проблеск мысли. И тогда дело закончилось мирно. Чего вряд ли можно теперь ожидать после предложения Гребнева вытащить на внеплановую аттестацию самого Лопатина. За плохую подготовку подчинённых. Прежде всего, конечно, достанется Шевелюхе. Но и Гребневу придётся опасаться удара в спину. Таковы законы министерских джунглей.

Что ж, сказанного не вернёшь, одно утешает — прибавка к жалованью у Кати будет. А уж как там потом

пойдёт — не важно. Первая победа одержана. И самая важная для молодой женщины. Гребнев уже знал, чем так важна эта победа.

Катюша, едва выпалив первую часть признания — о том, что всё знает о нём, — рассказала и о себе. Такое, что Игорь вряд ли бы узнал, даже сунув нос в папки кадрового отдела. А туда он соваться не хотел от слова совсем. Хватит, сунулся однажды, на прежнем месте службы. Узнал о связях начальника и некоторых его приближённых. И что? С первым же взмахом метлы работы лишился. Как там у классика? Он слишком много знал, да? Так точно...

Но Шевелюха-то о том не знала, и следом за фактическим признанием в любви — кто ещё, скажите, будет интересоваться жизнью какого-то вдовца, рассказала о том, как её бросил парень, давно уже, оставив с ребёнком и без средств к существованию, как она выживала, перебиваясь пусть не случайными заработками, а меняя работы одну за другой. Где-то её брали чтобы тут же сократить, где-то находились желающие воспользоваться ситуацией и попользоваться одинокой мамашей, но везде и чаще всего почти не платили. Так что министерство, пусть и не с большими окладами, но стабильной зарплатой было как луч света в её безысходном положении. Да ещё и ребёнок постоянно болел, из-за больничных её тоже не особо жаловали на прежних местах. Здесь же — терпели. Потому как была она в том не одинока. А всех не выгонишь — работать-то кому-то надо. То же, что один больничный по уходу за ребёнком сменялся новым, пока сказывалось только на доходах. Министру было не до таких мелочей, другим — тем более. Пока их не затронуло. Хоть каким-то боком. Так она и выживала. А тут — удача. И всё благодаря Игорю. Который оказался первым, кто в кои-то веки подставил ей плечо.

— Вам домой разве не нужно? — Гребнев в очередной раз попытался выпроводить гостью со своего

рабочего места, уже переставшего быть таковым минут как тридцать.

— Нужно. Но я хочу сегодня отпраздновать свой первый жизненный успех. И всё благодаря вам.

— Я тут абсолютно не причём, — Игорь развёл руками, прекрасно понимая, что, не вмешайся он, то никакой прибавки у Кати могло и не быть. А она уже метнулась к двери. Туда, где, как он только сейчас заметил, оставила на стуле пальто и сумку.

Приходить с вещами в чужой отдел было уже чревато. Тем, что завтра по офису разговоры пойдут. И даже если он сейчас её выставит, разговоры уже пойдут. Потому как его подчинённые уже видели Екатерину. Ожидавшую Гребнева. И уже с вещами.

Игорь вздохнул. Этого ему только ещё не хватало. Да ещё и его неожиданное омоложение... Тут к гадалке не ходи — всё свяжут воедино. Хотя ничего общего нет. Но не станешь же всем и каждому о поезде в прошлое рассказывать. Так ещё и идиотом сделают. А пока же только плюс к репутации — соблазнил девушку. То же, что соблазнил на рабочем месте... Ну, так у нас вроде пока за харрасмент не привлекают. Да и не соблазнил покуда. Хотя и хочется. Но лучше перебдеть. Потом, как-нибудь, быть может...

Гребнев проводил взглядом изящные изгибы тела Шевелюхи, надеясь, что она подхватит вещички и исчезнет за дверью. Но не сбылись надежды.

Катя подхватила только сумку. И щёлкнула ключом в двери. А следом — выключателем. Игорю ничего не оставалось, как закрыть жалюзи, оставив только круг света от настольной лампы. И огонька кофе-машины:

— Кофе хотите? — обречённо спросил он.

— С удовольствием, — радостно пропела Катюша, возвращаясь к столу с бутылкой шампанского.

Ну как шампанского... Игристого. Отечественного. Но не из дешёвых.

Надо же, а она подготовилась. А если бы не Игорь вступился, то с кем бы она его распивала?

Последняя мысль, как надёжный якорь, удержала Гребнева от любых дальнейших поползновений в сторону соблазнения Екатерины. Хотя ему и хотелось дать волю хотя бы рукам. Эти груди в вырезе её платья, миниатюрные ножки в туфельках, отстукавшие по полу брачный танец, изящные пальчики на горлышке бутылки — всё это сводило его с ума. Но он, дрожащими руками, подставил чашки под сопла кофе-машины и заставил себя отвернуться. Чтоб не соблазниться изящной фигуркой.

— Вам покрепче?

— А бокалы у вас есть?

— У меня есть всё, — невесело обронил Гребнев. — Стаканы для виски подойдут?

Шевелюха радостно кивнула. Игорь решительно, однако с несвойственной ему нежностью, отобрал бутылку у молодой женщины. Впрочем, она уже успела её взболтать. А он, едва коснувшись её пальчиков, тут же забыл о том, что игристое вино, оправдывая название, уже вышло из склянки тёмного стекла, и готово вот-вот выплеснуться. И поэтому еле удержал пробку, из-под которой шампанское злобно прошипело что-то грозное и злое. Но в итоге этим и ограничилось. Правда, ещё сердито пенилось, пока он разливал напиток по широким хрустальным стаканам, доставшимся ему после какой-то праздничной встречи в министерстве. Её организаторы оставили почти всю посуду на радость чиновному люду, немедленно растащившему тарелки и склянки по кабинетам. Игорь урвал хрустальные стаканы, чему сейчас был несказанно рад.

За кофе, шампанским и разговорами они просидели часа полтора. И только когда в запёртую изнутри дверь ткнулась и отступилась уборщица, что Игорь опознал по шворканью швабры вдоль плитусов коридора, Катя неловко поднялась:

— Ой, а я, кажется, пьяна...

Она, похоже, была не столько пьяна, сколько удивлена тем, что ею, такой доступной в это миг, не попытались овладеть. Что, вероятно, имело место в её прежнем опыте. Да и ребёнок-то у неё не святым же духом появился. Но Гребнев не думал о том. Точнее, старался не думать, что было нелегко, имея перед глазами такие призывные формы. Однако же вместо греховных мыслей Игорь вызвал и оплатил такси, проводил покачивающуюся женщину, сменившую туфельки на сапожки, до машины, а потом неторопливо отправился в сторону метро. Хотя Катерина и настаивала подвезти его. Но ему нужно было проветриться. И обдумать, как себя вести дальше.

То, что он не позволил себе вольностей с благодарной невесть за что коллегой, ничего не значило. Это он сегодня не позволил. И правильно сделал. Но дальнейшее воздержание было бы глупостью. Особенно с учётом того, сколько он уже уклонялся от подобных свиданий. Он же не монах, да и не траур его удерживает...

Просто, и тут Екатерина была права, он не хотел брать на себя никаких обязательств. Помимо должностных. А женщины такие существа, которые не могут без того, чтоб мужчина был им обязан. Теперь же получалось, что обязаны ему. Катя обязана, хотя сам он так не считал. Но считала она, и это развязывало ему руки. Ну и, само собой узлы самоограничений, что он наложил на себя.

До метро он шёл неспеша, подставляя промозглому ветру разгорячённое лицо. Шёл, рассуждая о том, что в мире много смертных грехов. Которым он предавался с превеликим удовольствием, оставив расплату на потом. Но только одного греха старался всегда избегать. Даже смерть жены не повергла его сдаться на милость греха уныния. Тем более сейчас, после бутылки шампанского на двоих...

Утром, как всегда после шампанского, независимо от дозы, болела голова. Да и во всём теле была какая-то невнятная ломота. Что не отменяло зарядку. Наоборот, требовало движения. Но махи руками, приседания и скручивание в талии с гантелями не привели мозги в норму. А ему сегодня работать. Головой. Оставалось одно средство — пробежка. Благо — суббота. Пусть и рабочая.

Лучше было бы, конечно, в его-то возрасте, поваляться в кровати. Но если и валяться, то с женщиной. Да только нечего было накануне себе в том отказывать. Когда женщина сама напрашивалась. Теперь же только бегом бежать. Не от похмелья — этим Игорь никогда не страдал. Болея после выпитого шампанского, для себя он вывел формулу — всё дело в волшебных пузырьках. Ударявших в голову. Хотя в рекламе речь шла совсем об иных пузырьках. Но сейчас ему нужно было вывести пузырьки из организма. Те, что не вырвались из него намеренно с благородной отрыжкой и совсем неблагородными ветрами, оставившими в спальне удушливый запах. Даже при открытом на микропроветривание окне. Уж больно часто пускал он ночью эти ветры. Хорошо ещё, спал один...

Сунув ноги в зимние кроссовки и натянув на лысеющую со лба голову вязаную шапочку, Игорь бегом скатился по лестнице со своего третьего этажа. И тут же, буквально сразу за порогом натолкнулся на хвост очереди. Протянувшейся от угла дома до газетного киоска у конечной остановки автобусов и троллейбусов, идущих к его дому от «Речного».

«Это ещё что такое?», — мелькнула и тут же скрылась в пучине всплывающих пузырьков мысль.

Но, словно подслушав её, сразу едва ли не десяток звонких мальчишечьих голосов ответил Игорю:

— Московиты требуют выдернуть занозу, нацеленную в самое сердце православия!

— Дума Помории большинством голосов приняла резолюцию «Руки прочь от Руси исторической, исконной!».

— Ставка в Ростове Великом объявила мобилизацию!

— Объявлен благотворительный займ «Все на защиту Руси Изначальной!». Всего под пять процентов!

— Менталисты злобно клеветают на Северную Поморию, называя её совместным предприятием...

В утренней прохладе голоса были особенно звонкими. А слова... Слова хоть и были знакомыми, но оставались непонятными. Как и само явление продавцов газет на московской улице. Чего здесь не бывало лет сто, если не более.

У Игоря голова пошла кругом. То ли от свежего воздуха, то ли от шума. Хотя, не исключено, от тех самых волшебных пузырьков, что не переносил его организм, мстя за них головной болью. И требуя вместо более слабого напитка с пузырьками куда больший объём виски. Но без пузырьков. Чтоб, значит, с тем же удовольствием, но без боли головной...

Утренний сумрак едва рассеивал белый снежок, сыпавшийся с чёрного неба. Так что спустя каких-то полминуты, так и не рванув на свою традиционную дистанцию вокруг дома, Гребнев разглядел, что очередь-то выстроилась отнюдь не в газетный киоск.

Точнее, киоск был на месте. И очередь была к нему. Но киоск был не газетный. Да и что такого могло быть в газетах, чтоб за ними с утра выстаиваться в очередь? Притом ещё, что функции киоска выполняли голосистые мальчишки, прижимавшие пачки газет к груди и носившиеся вдоль очереди, то исчезая порой во тьме, то снова возникая уже в другом месте очереди. Которая не сдвигалась ни на шаг от своих баулов и чемоданов, составлявших хребет этого беспозвоночного существа. И бесполого. В нём все были очередники. Ни женщин, ни

мужчин, ни детей. Все среднего рода. Образующего новое существо. По имени очередь.

Это была особая очередь. Советская. Которую ни с чем не спутаешь. И не потому, что такое существо, как очередь, не водилось нигде более. Хотя Игорю и не доводилось видеть иных очередей, кроме как в резиденцию папы римского да в Саграду Фэмели. Ах да, ещё в Коллизей, но и там, и там влечение очередников было иным. Не исключено, конечно, что вели они себя чинно в этих очередях исключительно в силу их познавательного статуса. Или искупительного.

В очередях отечественных главным было не искупление грехов, а борьба за право к ним прикоснуться. Даже в пору, когда очередь была в Мавзолей. Ведь, кто, как не величайший грешник, возлежал там в свете неоновых ламп? А что уж говорить о других очередях, в которых жили и подчас даже умирали, причём не только фигурально, советские люди? Бесконечными были очереди квартирные. За «Фиатами», когда их под названием «Жигули» стали выпускать в СССР. Или в детский садик. Ладно, тут грех был не столь велик. Да и ради будущего, ради детей можно было и постоять. Пусть и в очереди. А если, к примеру, нужно было взять по талону водку в годы её повального дефицита? Дело ведь до драки доходило частенько. И начиналось всё со слов «Вас здесь не стояло».

Не проще было и добыть место хотя бы в плацкарте на юг, когда поездов было мало, а ехать было больше некуда. Чтoб там, под южным солнцем или в тёплой ночи под звёздами оторваться по полной. На грязном пляже, где босоногие тётки с вселенской скорбью на почерневших от солнца лицах предлагали стаканчик домашнего вина, ударяющего в голову как пуля из снайперской винтовки. Или варёную кукурузу, но это уже потребителям иного, более юного возраста. Чуть позже там же, на южных пляжах появились очереди за шезлонгами. Но это среди более состоятельных отдыхающих. Уже вкусивших

заграничных пляжей. Чистеньких и со всеми удобствами. Коих всё ещё не было на юге Отечества. Зато были очереди. В те же столовки, сменившие номерные общепитовские вывески — «Столовая №2» — на вычурные ресторанные названия. От «Плакучей Ивы» до «Фетуччини». И отпечатавшие меню на раскисших от множества касаний грязных рук картонках. Но это уже другой разговор. Не об очереди.

А очередь, в хвост которой упёрся Гребнев, по советской традиции жила своей жизнью. Гомонила. Скандалила. Но стояла насмерть. Как в поликлинику. Где талон на приём к врачу действительно мог означать жизнь или смерть. Здесь же, похоже, место в очереди тоже гарантировало либо выживание, либо...

Уже одно то, что очередники стояли со всем своим скарбом, каким-то очень уж унылым и убогим для третьего десятилетия двадцать первого века, как бы намекало: не всё так просто, как может показаться. Хотя и без того намёков было с избытком. Но ни один из них не давал ответа на вопрос: что всё это значит? Очередь, мальчишки с газетами, киоск, над которым в свете красного фонаря, явно не электрического, виднеется вывеска.

«Эвакопункт».

Это ещё что за зверь?

Гребнев о подобном даже в учебниках истории не видел упоминаний. А тут — прямо под его домом. И когда!

Вот именно — когда!

Игорь одёрнул, приструнил себя, уже готового ринуться с расспросами в толпу.

Голова, конечно, болела, пузырьки продолжали своё подлое дело, но сквозь эту завесу пришло не то воспоминание, не то понимание.

Что-то случилось. Что-то, из ряда вон. Такое, чего не бывало прежде. И, быть может, никогда не будет больше. Но сейчас — вот оно, случилось. Но что?

Что за очередь? И там, где очередей не было и быть не могло. С вещами. В такую рань...

Что за мальчишки с газетами? Откуда у детей — газеты? За одну ночь сменились все собственники газетных киосков? Типографии стали напрямую торговать своей продукцией, используя детский труд? Куда смотрит власть? И эти, профсоюзы, типа... А издаёт газеты кто? И кто все эти упоминавшиеся пацанами — Дума какой-то Помории, Русь Изначальная, Ставка в Ростове, менталисты...

По отдельности слова были понятны. Московиты, Дума и даже менталисты... Но всё вместе — лютей бред. Да ещё и на фоне происходящего действия. Пусть и почти недвижимого. За исключением всё тех же шумных и вездесущих пацанов, мелькающих в очереди, поникшей под мелким снежком.

И это... Раз есть эвакупункт, значит, идёт эвакуация. Кого, куда? И почему нет света?

Сколько Игорь себя помнил, газетный киоск всегда был освещён. И сверху — набором букв. И изнутри подсветкой витрин. Даже когда был закрыт. А тут — лампа. Одна. Керосиновая? Или же на батарейках? Но свет вон как колыхнется, значит, всё ж живой огонёк, а не нить накаливания...

Ну точно, едва не хлопнул себя по лбу Гребнев: спускаясь по лестнице, не видел он ни одной горячей лампочки в подъезде. Такое случалось, конечно, но чтобы сразу все перегорели...

Значит, над эвакупунктом всё ж керосиновая лампа.

Вопросов, конечно, и без этого невероятного, даже не третьестепенного вывода оставалось море. Не меньше, чем пузырьков, рвущих голову на части. И эти вопросы, стоило их облечь в слова, точно так же взрывались в воспалённом мозгу. Хорошо хоть взрывались по отдельности. Правда, не добавляя ни внутреннего света, ни понимания. Но зато голова пока оставалась цела. Хотя и гудела от эха этих взрывов.

И тут, стоило ему утешиться тем, что он живой покуда, в голове внезапно полыхнуло. Белым пламенем. И обожгло. Как напалмом. Но изнутри. Да так, что глаза чуть не вылезли на лоб.

Сегодня суббота. 7 ноября.

В этот день, давным-давно Игорь Гребнев, тогда ещё курсант, стоял в строю на Крещатике. Сверху сыпал мелкий снежок. Сединой покрывая чёрную суконную шинель, чуть сдвинутую набекрень бескозырку и выбелив до состояния операционной булыжную мостовую. Так что, когда над главной киевской улицей прозвучало многократно усиленное динамиками «К торжественному маршу!» и строй колыхнулся, двинув половину своих рядов вперёд и занимая всю проезжую часть, на освободившейся от курсантов брусчатке остались тёмные круги. Словно тени сгоревших в пламени ожидания этой команды. И то правда, ведь ожидание тянулось с пяти утра. А команду дали спустя ещё пять часов. Правда, ожидавшие не выгорели. А вымерзли. Но шаг чеканили. Суконные шинели к тому времени стояли уже сами по себе, промёрзнув до нитки. И было это в 1981-м.

Но ещё в 1975-м, таким же субботним утром «Сторожевой», тогда ещё БПК, тоже стоял в парадном строю. Над которым по сигналу «Слушайте все!» в девять ноль-ноль взметнулись флаги расцветивания. А к ночи, покинув строй, чем-то напоминающий растянувшуюся перед взором Гребнева очередь, корабль будет на пути в Ленинград.

Но что значит будет?

Судя по тому, что видел Игорь, «Сторожевой» уже побывал в Ленинграде. И у Саблина всё получилось. Ибо откуда тогда взялись мальчишки с газетами, кустарные фонари со свечками за красными стёклами, и этот... «Эвакопункт».

Гребнев ещё не осознал всё. Но сообразил: всё, что могло случиться, уже случилось. В результате история

двинулась в ином направлении. Не пойдёт — уже пошла. С той самой субботы 7 ноября 1975 года. Никакой иной точки отсчёта он не находил для объяснения того, что видел.

Внезапное озарение вызвало и острое сожаление. О том, что не сбылось. По его собственной глупости. Или из-за его же упрямства. Но тоже глупого.

Было это, конечно, не к месту. Но так уж он был устроен. Думая о возвышенном, помнил и о красе ногтей. Пусть и бывали они у него частенько обгрызенными. Порой до крови.

Но тут Игорь внезапно пожалел, что накануне не воспользовался тем, что само шло в руки.

Екатерина Шевелюха, маленькая, миниатюрная даже, очень женственная в своей изящности, пришла его отблагодарить. Не шампанским единым. Что было ясно ещё до шампанского. А он устроил цирк... Отказался принять более чем естественную благодарность. Единственно возможную для молодой женщины, оказавшейся в невыносимых условиях, которые он, хоть немного, но изменил в лучшую сторону. Своей непрошенной и негаданной для неё защитой.

А ведь, чего греха таить, он её хотел. И поводы выискивал чтобы подкатить. Хотя так и не решился. Ни разу. Когда же судьба сама пошла в руки, отказался принять её щедрый дар. Которого ему теперь вовек не видать! Потому как если за одну ночь всё так изменилось, то о новом свидании, скорее всего, можно и не мечтать. Ещё неизвестно что с министерством, которое тоже, должно быть, погружено во тьму, и ещё хорошо если оно вообще есть. Ибо информационных технологий без электричества может и не быть. Конечно, и для печати газет технологии нужны, но совсем не те, над которыми билось несколько НИИ и руководило всем этим целое министерство. Со штатом, как на сторожевике, на котором Гребнев не просто служил — буквально прожил не менее шести лет.

Весь этот сонм мыслей катком-асфальтоукладчиком прокатился по Игорю. Прокатился, выбив остатки сознания, оказавшегося не в состоянии воспринимать действительность. Чёрно-белую. С пятном алого света фонаря над эвакупунктом. Но по инерции Гребнев отмерил ещё шагов десять вдоль очереди, не обращая внимания на людские молекулы, её составляющие. А зря.

И прошагал, и внимания не обращал зря. Потому как его провожали весьма неприязненными взглядами от самого порога дома, из которого он торопливо выскочил, надеясь быстренько привести себя в норму. До нормы было далеко. А вот до подножки...

До подножки, которую ему подставил грузный мужчина из очереди, оказалось куда меньше тех десяти шагов, что он себе неосознанно отмерил. Хотя прежде был чемодан. Который выпирал из очереди своим углом, сглаженным стальной накладкой.

— Игорь! — внезапно окликнул то ли его, то ли ещё какого-то Игоря тоненький голосок где-то за спиной. Но голос вроде был знаком. Значит, его?

Катя?

Гребнев непроизвольно повернул голову. Тогда как смотреть стоило себе под ноги. И вперёд. А так...

Выпиравший из очереди чемодан свой шанс не упустил. Попал. Или подставился. Кому как.

Натолкнувшись коленом на его угол, Игорь отметил про себя, что чемодан, скорее всего, фанерный. Из таких, что клеил Менделеев. Когда не изобрётывал свою таблицу. Хотя Менделеев изобретал. Потому что Дмитрий Иванович был свободным человеком. А изобрётывали сидельцы многочисленных шарашек, трудом которых СССР надеялся догнать и перегнать проклятый Запад. Ведь учёные-зеки не науку двигали — изобрётывали нужное под бдительным присмотром малограмотных надзирателей и комиссаров из ВЧК, ГПУ, НКВД и КГБ с ФСБ. Которые не позволяли им не только шаг в сторону, ибо это уже побег. Но и впасть во

лженауки не позволяли — генетику, кибернетику, квантовую физику, теорию относительности, социологию... «Лженауки», без которых был немислим прогресс. Но то по мнению умных, учёных. У их надзирателей было иное мнение. Удивительно, как при этом ещё в космос слетали. Но в космос-то слетали, а чемодан — фанерный. Судя по звуку от удара по нему коленом. Больно, но терпимо.

Гребнев споткнулся, но не упал, не загремел во весь рост на присыпанную снежком землю, а лишь запнулся и неловко семена переступил, пропустил шаг. И тут — подножка.

Вот тут он уже не устоял. Тем более что очередь обрушилась на него. Обрушилась ещё не массой, а пока только потоком, лавиной оскорблений, возмущённым рёвом, который и привёл его в чувство. Хотя и запоздало. Потому как отдельных оскорблений он не разбирал, а причин, вызвавших их, не мог понять. Но голову вскинул. Чтоб увидеть, как над толпой взлетают кулаки. Готовые опуститься на его голову. И без того мало что соображающую.

Игорь отступил на шаг. И на тот же шаг очередь, казалось, прикипевшая к своим вещам, шагнула на него. Надвинулась, оставив баулы, мешки и свёртки там же, где они создавали хребет очереди. А значит — почти без присмотра. Боковым зрением, конечно, они ещё могли видеть своё добро. Но Гребнев сделал ещё шаг назад, и баулы остались за спинами очередников.

Ему дела не было до их вещей. Зато было дело к своей безопасности. Над которой нависла явная угроза, причину которой он не мог понять. А оскорбления, несущиеся в его адрес, — разобрать и осмыслить. Не то бы он, глядишь, по-иному поступил бы. Но тут сработал инстинкт.

Будут бить.

А ты не стой, где попало, не то ещё попадёт.

И тут Игорь совершил фатальную ошибку.

Он попытался разорвать дистанцию между собой и очередью. Однако, стараясь сделать это как можно быстрее, выбрал кратчайший путь. И почти повернулся к очереди спиной.

А врага нельзя упускать из виду. Это было как с чемоданом, когда Игорь смотрел не куда ступать, а кто там кричит, за спиной. Теперь же за спиной оказался не чемодан, а чей-то кулак. Или что потяжелее.

На затылок Гребнева обрушился мощный удар. Такой силы, что искры из глаз на мгновение осветили весь двор, по краю которого тянулась очередь, изрыгавшая проклятия в его адрес. Проклятия, понять которые он был не в состоянии. Что сразу, едва раздались первые. Что теперь, когда в голове взорвалась маленькая такая бомбочка. Но, как и у большой, типа атомной, у неё было несколько поражающих факторов. Вспышка. Звуковая волна. Ударная волна. Хотя и шли они не в той последовательности. Ведь первой была волна ударная. С ней и подкосились ноги Гребнева. А вспышка в мозгу уже погасила всё остальное. В том числе и волну звуковую, содержания которой он так и не уловил до конца. Что-то было там про менталистов, о которых он равным счётом ничего не понял ещё по выкрикам пацанов. Потом про эвакуацию... Точнее про то, что надо бы выметаться... Таким, как он выметаться... Это не совсем эвакуация, конечно, но некое перемещение в пространстве. Которое для Игоря после вспышки в голове сузилось до маленькой чёрной точки. Но эта точка росла, росла и росла. И наконец заполнила весь мир.

Гребнев, проваливаясь во тьму, отключился. И это его спасло.

14

Голова нещадно болела. Там, где по ней ударили? Тогда почему он валяется в своей кровати, а не на заснеженной улице? Вон сколько снега привалило —

белым-бело за окном, словно уже день-деньской. Хотя может так и есть?

Превозмогая боль, Игорь перевёл взгляд на часы над книжной полкой. Стрелки циферблата призрачно отсвечивали в центре штурвала — у Гребнева вся квартира была выдержана во флотской тематике, хотя и пришлось ему в своё время вытерпеть немало баталий с покойной супругицей по этому поводу. И тут в кои-то веки он подумал, что невинно убиенная жена, быть может, была и права. Потому как стрелки отсвечивали, а разобрать время он не мог. За окном — серый сумрак, подсвеченный белым снегом. В комнате он же, но уже без снега.

Гребнев щёлкнул выключателем прикроватной лампы.

Под абажуром полыхнула молния, заставив Игоря зажмуриться. Не столько от света, сколько от боли, пронизавшей голову. От основания черепа ко лбу.

Так сильно его ударили? Или всё дело в волшебных пузырьках? Ну и что, что такого отродясь не бывало после шампанского, да и прочих креплённых напитков. Всё когда-то случается в первый раз. А по голове его били. Но ведь и после ударов такого с ним тоже не было...

Сбросив усилием воли ноги с постели, Игорь приблизил лицо к циферблату.

Четыре часа пополуночи. Вряд ли иначе можно трактовать сумерки за окном. Да и иная примета то подтверждала.

С некоторых пор Гребнев регулярно просыпался примерно в это же время. То ли корабельная привычка стоять «собачью вахту» давала о себе знать. То ли страх синдрома внезапной смерти будил организм. Хотя, скорее всего, возраст. Требовавший именно в это время избавиться от излишков жидкости в организме. Это прежде Игорь мог терпеливо высиживать на многочасовых совещаниях, особенно когда пошёл по железнодорожному ведомству, которое и вывело его в министерство. Но то было прежде.

И как бы не отголоски того многотерпения теперь давали о себе знать этими ночными позывами. Впрочем, как и думал Игорь, это могло быть обычное возрастное изменение организма. Что в данный момент не имело значения. Потому как он всё равно уже поднялся. И самое время выяснить что с головой.

Гребнев осторожно коснулся затылка, опасаясь нащупать там гигантскую шишку. Или шрам. Всё ещё кровящий. Но ничего такого не было. Затылок даже не отреагировал на прикосновение. А боль — осталась. Где-то там, внутри, под сводами черепушки.

Значит, всё же волшебные пузырьки.

Игорь, прошлёпав до туалета, возвращаться в постель не стал. Тяжело опустился в кресло за письменным столом. Прошелестел бумажками, подготовленными к работе над докладом. Иногда в такие утренние часы ему работалось на удивление легко. Иногда, но не сейчас.

Сейчас сосредоточиться мешали и боль, прочно угнездившаяся в затылке, и последняя мысль из сна. Если это был сон.

Ничем иным Игорь свои ночные видения называть не мог. Потому как и свет был — вон как полыхнула лампа, едва глаза не лопнули, и затылок, по которому его звезданули, был цел. А вот Катюши не было. И Гребнев в который раз не без сожаления подумал об упущенном шансе. Которого больше может и не представиться. Сегодня так уж точно. Рядовых сотрудников министерство по выходным не привлекало, разве что в случае крайней нужды. Сейчас таковой не было, и Катюши в офисе не будет. До понедельника. Так что он даже адрес её не узнает. Тот, что называл таксисту, без квартиры, только улицу и номер дома, он благополучно забыл. Точнее, не стал запоминать. Не было нужды. Не стоять же ему у подъезда, в ожидании её случайного выхода. Это раз. Но, куда хуже другое — живёт-то Катерина не одна, с сыном. Так что место встречи нужно не менять — назначить. Самому. Но

как? Телефонами они тоже не обменялись. Можно узнать в приёмной у министра, но и без этого уже пойдут разговоры. Мало ли кто заметил, что они уединились после работы. Ему-то нипочём, а ей зачем?

В общем, сон в одном был прав — шанс упущен. Надо терпеливо ждать следующий. Не сон — шанс. А пока заняться делом. И он вновь переверорoshiл бумажки.

Будущий доклад от этого яснее не стал. Но контур наметился. Наметился к тому, времени, когда Гребнев, обжигаясь, испил крепчайший кофе и шагнул на лестницу. Где, в отличие от сна, горели все лампы. Как и фонари на улице. А освещённый изнутри газетный киоск был на месте. И в своём привычном амплуа — никакой тебе эвакуации, никакой очереди, никаких менталистов. Хотя они бы не помешали. С тем же докладом. Кому, как не им знать, чего там хочется министру. Да и вообще, неплохо было бы заглянуть с их помощью в будущее. Пусть и шарлатанство всё это.

— Ой, как голова болит... А у вас, случайно, чашки кофе не найдётся?

Игорь удивлённо поднял взгляд в сторону двери.

Там, в проёме, стояла Катя. Такая маленькая, изящная, с лёгким наброском косметики. И ароматом... Нет, не духов. Какого-то мыла. Но аромат был очень приятный. Хоть и сильный, если уж Игорь уловил его, да ещё и на таком расстоянии — от двери до его стола было никак не меньше двадцати шагов.

Скуластенькое личико, с чуть раскосыми глазами и вызывающе влекущими губами, которое ему то ли снилось ночью, то ли привиделось, сейчас было наяву. Прямо перед ним. Катя. Катюша. Такая желанная...

А он-то думал, что до понедельника её не увидит.

— Екатерина Геннадьевна, какими судьбами?

Катя непринуждённо хохотнула:

— Плата за ваше участие. Не успела я домой вчера вернуться — звонок, — так, значит, есть мобильный, а то и

домашний, хотя последний вряд ли, она ж снимает жильё. Игорь сделал себе пометку в больной голове — спросить номер, спросить, ничуть не смущаясь. Они-то намерены вроде как дали понять друг другу, чего ждут от этого внезапного сближения.

— И кто ж вам звонит по ночам? — он мог бы и не спрашивать. И так ясно. Тот, кто выдернул её на работу. Лопатин. Но с чего вдруг?

Только из-за скидки на больную голову Гребнев мог простить себе, что долго соображал — ничем иным он не мог объяснить то, что было налицо.

Лопатин не стал откладывать месть. Едва вчера он узнал, что его собираются заслушать на планёрке, тут же слился. Занемог якобы. И подставил получившую повышение Шевелюху. Пусть и не по должности повышение, а только по прибавке к окладу, но всё ж... Это был вызов. Вы, мол, ей оклад повысили, вот и спрашивайте с неё. А меня оставьте в покое.

— Ну как кто? — округлила свои чуть раскосые глаза Катерина. — Лопатин. Так-то за него обычно Руднева отдувается. А тут вроде как и она приболела. Хотя это вряд ли. Но в любом случае решил он меня подставить. Чтоб, значит, сразу поняла, кто хозяин в отделе. И кому должна кланяться.

Этим было сказано многое, о ещё большем Катя умолчала. Но и без того ясно, сделано было всё, чтоб она понимала: никакой Гребнев её не защитит в случае чего. То, что повышение случилось после его мудрёной речи, всего лишь случайность. Держаться же нужно его, Лопатина. Простого, как лопата, с таким же плоским лицом. А не интеллигента с римским профилем. Он, может, и симпатичнее, но петлю на горле Катерины при случае затянет другая рука. И ещё неизвестно кого кривая вывезет. А кому — не повезёт. Даже сегодня. Потому как министру нужны будут цифры, а они у Лопатина. И подменяющая его Шевелюха вряд ли справится. Вместе с Гребневым.

Которому доклад доводить до итоговой формы. Вот и министр пусть заодно поймёт, на своей шкуре ощутит, кто матери-истории более ценен.

Но эти рассуждения так и остались невысказанными. В чём и не нуждались особо.

— В таком случае, — Гребнев отработанным жестом вскинул правую руку с часами почти к глазам, — прошу к столу. У нас меньше десяти минут на то, чтоб выпить по чашке кофе. Его превосходительство ждать не любит.

День, начавшийся не по плану, так и пошёл, покатился дальше. Оказалось, что Шевелюха всё ж не зря получила прибавку к жалованью. И выдала все необходимые цифры и обоснования. На что Лопатин уж никак не рассчитывал. Да и Гребнев, кстати, тоже. Потому как слишком быстро она выдала гору цифр. Так что Игорь ещё стучал по клавиатуре, а его Катюша уже благополучно отбыла домой. А он так и не спросил номер её телефона. Зато засиделся не то чтоб совсем уж допоздна, но жалкое ноябрьское солнце давно уже скрылось где-то в промозглой серости неба над городом.

Выйдя из министерства, он, прямо на площади, ничуть не смущаясь, потянулся, разминая плечи, затёкшие от долгого сидения у монитора. Тёмно-синее, с бледной искрой, пальто, длиною почти в пол, обрисовало контур ещё крепкого тела. Широкие плечи развернулись, сведя лопатки почти вплотную. Выпятив грудь, Игорь простоял так с минуту, пропуская мимо поток горожан, спешивших по своим делам, потом резко выдохнул. Молодецки сбив шляпу на затылок, Гребнев вскинул трость-зонт и впечатал его в подмороженный асфальт.

Цок!

Этот звук повторялся с каждым третьим шагом. И он же работал как метроном у гипнолога, ввергая Гребнева в размышления, которые прервала работа над докладом.

Что это было, ночью? Сон или воплотившиеся в реальность, но в ином измерении его мысли? Или же

действительно дела Саблина сместили сам центр мироздания, и жизнь потекла по иному руслу? Но стало бы лучше в таком мире, каким его краешком глаза увидел Гребнев в своём сне-наваждении?

Игоря толкнули — народу на подходе к метро прибавилось, и тут же его мысли потекли в ином направлении. И очередной «Цок!» прозвучал с задержкой.

Катя-Катерина. Два подхода, и мимо. Но это были два её подхода. А Гребнев своё слово ещё не сказал. Но попытка у него — только одна. И надо не промахнуться. Значит, нечего спешить. Как минимум до понедельника.

Игорь, перехватив трость как зонт, посередине, вновь зашагал к метро. Пусть и один, как прежде. Но шёл он, наслаждаясь покоем и чувством выполненного долга. Хотя и не было написание доклада его обязанностью. Тем более долгом. Но что сделано, то сделано. И сделано хорошо, чтобы там ни говорили у него за спиной. Поэтому он и не реагировал на звуки за спиной. До того момента, как не стало поздно.

Впрочем, среагируй он, как бы хуже не вышло.

В переходе на «Тверской», едва Гребнев дошёл до середины лестницы над путями, ему в затылок что-то прилетело. Да такое тяжёлое, как ночью. И так же, как во сне, из глаз сыпанули искры. Только в этот раз Гребнев устоял. Устоял, схватившись за поручень, благо шёл ближе к краю лестницы. И не просто устоял — начал разворачиваться вокруг непроизвольно сжавшейся намертво руки. Лицом к поручню поворачиваясь. А за спиной в это время пролетело что-то тёмное и неповоротливое.

Не совсем чисто пролетело. Прежде ткнуло Игоря по затылку. И только вынудив Гребнева этим ударом вращаться вокруг руки, ставшей осью его мироздания, полетело мимо. Дальше. Но по той же траектории. Метрах в полутора над ступеньками.

Гребнев, у которого перед глазами плыли круги и мерцали звёзды, ещё долго ничего не мог понять, тем более разобрать во внезапно возникшем гаме на лестнице и у её основания, уже на платформе, человеческую речь. Там, где сгрудились люди, что-то доказывая друг другу и тыча пальцами в распростёртое на граните пола тело, вокруг которого уже начинала алеть лужа, матово поблёскивающая в свете плафонов.

Приложив руку к затылку, Игорь убедился, что у него-то крови нет. Но боль... Боль была куда сильнее, чем та, что утром разбудила его.

Разглядывая в поисках крови руку, Гребнев заметил, что пальцы порой двоятся. О том, что они дрожат, и говорить не приходилось.

Сотрясение. Как минимум. А то и трещина в черепе.

Придерживаясь за поручень, он осторожно спустился на платформу, бросил взгляд на распластанное тело.

Этого человека Игорь видел впервые. Чем же он ему насолил, да так, что мужик кинулся с верхней ступеньки лестницы, чтобы выбить дух из Гребнева? И почему именно головой вперёд? Кинулся-то вроде неплохо, да что-то пошло не так. Вот он и пролетел до самого низа. И до своего конца.

Игорь поднял сбитую и улетевшую вперёд шляпу. Которая, видать, и спасла его. Широкое поле настоящего стетсона смягчило удар. А потом — разворот, и тело метившего в голову Игоря пролетело мимо, задев только по касательной. Но и такой удар едва не свалил Гребнева. И ещё неизвестны последствия. Это сверху повреждений нет, а внутри?

Отряхнув шляпу, он водрузил её на гудящую, как колокол, голову. Поправил выбившийся белый шарф. Сфокусировал зрение на противоположной стороне платформы, к которой из туннеля уже выбирался головной вагон. И сделал шаг.

За его спиной раздался женский крик:
— Куда же вы?! Он ведь вас едва не убил!
Но Игорь даже не оглянулся.

Он боялся, что упадёт от такого движения головой.
Поэтому поспешил, как только мог, к распахнувшейся
двери подкатившего вагона.

Домой, домой, — застучали в голове колёса.

О том, что случилось, даже думать не хотелось. Да и
не могло.

Боль заполонила всю голову. Как тьма ночью в его
сне, когда из маленькой точки стала всепоглощающей.

Единственная мысль, стучавшая в виски — только
бы не уснуть в вагоне.

И он не уснул.

15

Воскресное утро облегчило боль лишь наполовину.
Он долго лежал, вслушиваясь в удары молотов по
наковальне в голове. Хотя и понимал, что это пульсирует
кровь, а не работает во всю мощь паровая кузница. Но, как
и в кузнице, уши закладывало от непрерывного уханья.

Чашка кофе помогла мало, боль угнездилась где-то
за глазами, и попытки их сфокусировать на чём-то
заканчивались головокружением с последующим желанием
лечь и больше не вставать. А лучше — вернуться в постель.
Но по опыту он знал, что это не лучшее решение. Боль
никуда не денется, как и головокружение. И единственный
путь не то чтоб к выздоровлению, но возвращению в более
или менее рабочее состояние — заняться делами. Не
требующими работы мозга.

Можно было бы прибраться — слой пыли уже
заметен на мебели и экране телевизора. Но с приборкой
стоило повременить, там же наклоняться придётся. А это
чревато. Игорь решил совместить выход на свежий воздух с
походом в магазин. Идти-то чуть больше двух шагов, в
извечный «Универсам 76». Который давно уже сменил

хозяев, и не по одному разу, но так и остался с советских времён универсамом. С тем же номером на вывеске. Пусть и не у всех в памяти. Но на одной из касс всё так же восседала дамочка, совершившая на заре перестройки стремительную карьеру из кассирш в любовницы престарелого директора магазина, а затем, с его уходом в мир иной, с той же скоростью — обратно за кассу. Это Игорь знал не по слухам, пришлось однажды столкнуться с её хамством, вот ему и вывалили всю её подноготную. Вывалили-то на голову, которая тогда ещё не болела. А он за доставленные неприятности мстить не стал. И продолжал захаживать в универсам, благо потребности его были невелики. Встречаясь взглядом с незадачливой карьеристкой, делал вид что не узнаёт. Хотя трудно было не узнать извечный перманент на голове, карминные, без всякой меры, оттенки помады и контура, губы и нос клювиком. Но в числе его пороков злорадство не значилось.

Вот и сейчас он, расплатившись, миновал кассу со знакомой фигурой и разукрашенным личиком, но вспомнил, что неплохо было бы забросить в холодильник овощей. Почему не взял сразу? Не вдохновил вид упаковок на полках.

Так что Игорь повернул не к дому, а в сторону базара. Некогда здесь был рынок выходного дня, с длинными прилавками под навесами, потом появились избушки, где торговали уже на постоянной основе. А когда снесли и их, ещё при Лужкове, в последние его годы, — вырос торговый центр. Ну как центр, центрик. Правда, в два этажа, но в окрестностях все торговые заведения были не ниже, если не считать сгоревшего «коровника», как величали самый старый магазин в округе. За что и сожгли, уж больно он привлекал аборигенов, отбивая покупателей от расплодившихся сетевых «маркетов».

В торговом центре, где власть менялась год от года, был и канул в Лету неплохой ресторан, едва ли не единственный в этой столичной окраине. Теперь вот рынок

занял большую часть площади. Тут власть менялась ещё чаще, чем в самом центре. Ну да Игорю было не до того, главное — при всех владельцах рынка цены были не то чтоб умеренные, но для такого товара вполне приемлемые. И, что немаловажно, весь неходовой и порченный товар незамедлительно летел на свалку, в мусорные баки позади торгового центра. Так что фрукты практически всегда были свежими. Как и овощи.

Сам не поняв как, Гребнев неожиданно вышел из торгового центра не в центральный вход, а боковой. Ведущий к той самой свалке. Потом-то он больной головой сообразил, что свернул не туда, не пожелав проталкиваться к выходу — в торговом центре намечалась какая-то распродажа, и народ польстился на мнимую дешевизну. Однако же, как бы то ни было, но вышел Игорь аккурат к мусорным бакам.

Ничего крамольного в том не было. Подумаешь, мусорка. Даже запах отсутствовал. Нынешняя власть на рынке за этим следила строго. Зато путь домой отсюда даже чуть короче. И всё бы ничего. Если бы не старикан в длиннополой дублёнке, ковыряющийся в баке.

Сразу Игорь заметил только торчащие из-под зелёной крышки ноги в разношенных башмаках с голыми щиколотками. И только потом уже вынырнул из бака и весь старик. Лоснящийся от грязи и благоухающий почище чем вся мусорка.

На лацканах воротника дублёнки зияли проплешины — то ли моль постаралась подесть овчину, то ли табаком прожжено. Цветастый шарф был трижды обмотан вокруг тоненькой шеи, давно не встречавшейся с мылом и водой, не говоря уж о бритве. Лицо бомжа было сморщено, как печёное яблоко. Разве что цвет был не столь ярок. Зато переливался красками — от ярко-красной до ядовито-зелёной. Но был и порченный «бочок» — наливающийся фингал под левым глазом. Сам же глаз затянуло белое бельмо. А вместо яблочной плодоножки из-под грязно-

серой вязаной шапки выбивался пучок седых волос, таких же сальных, как и рукава дублёнки.

Вынырнув из бака, старикан довольно твёрдо встал на ноги. Правда, издав при этом какой-то странный звук. То ли в нём что-то оборвалось, то ли благородная отрыжка — от старикана тянуло сивухой даже с трёх метров, отделявших его от Игоря — нашла себе иной путь выхода. Гребнев в том разбираться не собирался. И сделал шаг чуть левее, намереваясь обойти это страшилище так, чтоб даже случайно не соприкоснуться рукавами. Хотя между ними уже было не менее пяти шагов.

Но не вышло.

Не в смысле не соприкоснуться не вышло. Тут-то всё было в норме. Старик стоял, спиной привалившись к баку, а Гребнев, бочком-бочком, но продвигался к опоясывающему торговый центр тротуару. И с генеральным курсом в сторону дома.

Но тут старец открыл беззубый рот.

Не совсем, конечно, беззубый, пара гнилых пеньков там присутствовала. Вместе с запахом. Почище сивушного. Однако прежде до Игоря дошёл звук. Дребезжащий. Как затроивший движок вазовской «копейки», обнаруженной где-то на свалке. Хотя даже на свалке «копейку» с работающим мотором уже не найти. Свою Гребнев продал на исходе двадцатого века. Но, перебирая её нутро не реже раза в месяц, поддерживал в ней силы разгоняться до немислимых в её возрасте ста вёрст в час. А вот с крыльями поделаться ничего не мог, сгнили, прямо на корню. Как он ни пытался их подклеивать стеклотканью. Ткань устояла, железо — нет.

Так и старик: дублёнка стояла колом, а он под ней раскачивался. Но не падал. И бубнил себе под нос.

Игорь притормозил, прислушался.

— Не каждый зрячий видит больше слепого. Дальше видит не дальнзоркий, а голову имеющий на плечах. Голова нужна не для того, чтоб шапку носить, а чтоб руку к

ней прикладывать, честь отдавая. В шапку подачки хорошо собирать, если только не зевать. Отнимут — не вернёшь. Попытаешься вернуть — костей не соберёшь. Если бегаешь плохо. Нечего зырить в корень, если он квадратный...

Ну надо же, как ни болела голова у Гребнева, но одна мысль в неё всё ж прибилась.

А не дед ли пишет мемы для Джейсона Стэйтема? Или всё же Стэтхэма?

Тут Игорь и сам запутался. В фамилии артиста. Как и в монологе старикана. В котором почуял всё же некий смысл. Не в старике, с дедом всё было ясно, испился до ручки. А вот его бессознательное несло какую-то информацию. Иначе говоря, бред бредом, но не так чтоб просто бред. Или это уже у Игоря начинается маниакальный бред, и чудится нечто, там где его нет? Не то, чтоб да, так нет...

Ведь и с ним порой случалось уйти в подобие транса и заговорить стихами, к примеру. При том, что поэтом он не был. От слова совсем. Однако же если успевал записать за собой, то сам потом дивился ладности и складности строк и смыслов.

Так было и тут.

Старик себе под нос ворчал, но слова имели не только присущее им значение, а были чем-то большим. Да и сам старик вроде как не случайно возник. Как и Гребнев не просто так пошёл этим путём, через боковую дверь.

Он был зрячим, Игорь Гребнев. А старик — слеп. Как минимум на один глаз. Но видел нечто большее, что было недоступно зрячему, вторгшемуся на помойку за торговым центром. Это раз.

Чтоб увидеть то, что видел дед, зрячему нужна голова на плечах. Значит, нужно думать. А что думать?

Игорь начал терять аудиовизуальную связь с бомжом, продолжавшим что-то блажить, но уже за спиной у Гребнева. А там и за углом торгового центра остался. Так что последних слов старикана Игорь не услышал. Но его

голова уже была занята тем, что он должен видеть. Хотя бы из того, что видел бомж, нарисовавшийся перед ним в прямом смысле из помойки. Олицетворявшей наше бытие.

Игорь застыл с занесённой для следующего шага ногой, сделал разворот на опорной и шагнул назад, к мусорке.

Но на помойке никого не было. Только сивушный запах всё ещё витал в воздухе. Как запах серы после появления нечистой силы. Впрочем, с нечистым Игорю встречаться не приходилось, так что об этом он знал разве что по слухам. А вот исчезновение бомжа было сродни появлению чёрта. Пропавшего при первом же дуновении от ладана.

Но ладаном и не пахло. А чёрт, в смысле бомж, исчез. Оставив за собой шлейф ароматов. От которых нормального человека, с не таким крепким, как у Гребнева желудком, могло и вывернуть.

На все три стороны — торговый центр с четвёртой — не было ни души. И следов на пороше тоже. Искать старикана не было смысла — тому просто негде было укрыться. А вот думать...

Думать и смотреть, как вещал старик, Гребневу было необходимо. Не столько для того, чтоб понять предостережение, а в том, что это именно оно, Игорь не сомневался.

Понять нужно было нечто большее. Для чего не дальнорозкость важна, а голова на плечах.

16

...Если бы не головная боль...

Впрочем, что кивать на боль, если голова просто не работает. О чём и говорил старик с помойки. Потому как всё, о чём он говорил, имело смысл. И было вполне объяснимо. Или объясняло то, что происходило с Гребневым.

Для начала стоило разобраться с дальноркостью. Потому как это казалось самым простым.

Ни с каким зрением в 1975 год сегодня не заглянешь. Будь ты хоть трижды дальноркий. Тут голова важна. И Гребнев своим умом дошёл до того, что встреча с Саблиным в вагоне электрички если и была, то в иной какой-то реальности. В которой потом могли возникнуть и эвакоцентры, один из коих Игорю привиделся. Ночью. После того, как два опера пытались развести его на чистосердечное признание в убийстве, которого он не совершал. Вот вам и отдание чести. Из набора слов старика. И кости он свои едва собрал. Когда странный мужик влетел ему в голову. По итогу выходило, что и дед объявился перед ним не так просто. А всё это некая большая игра. В которой он, Игорь Гребнев, если не главное действующее лицо, то ключевой персонаж. Вокруг которого крутится интрига. Суть которой он пока не понял. То одно отвлекало, то иное. А что же главное? На чём нужно сосредоточиться?

На Кате.

Это решение далось слишком легко, чтоб принять его безропотно. Да, оно было желанным. Но уводило в сторону. Хотя как уводило...

С Саблиным, независимо от того, выгорело ли у него в его времени и в его реальности, нет ли, уже не встретиться. Потому как в любом случае его не будет в электричке. Если история Саблина пошла по известному сценарию, то он уже в застенках. В лучшем случае — в больнице. Где ему должны заштопать ногу, простреленную командиром «Сторожевого». Это непереносимое условие. Для того, чтоб потом расстрелять относительно здоровым. Так что в электричке ему нет места. Как и в случае реализации авантюрного плана по разоблачению партийной верхушки. Где он окажется в этом случае, Гребнев даже не задумывался.

Что там было дальше в камлании бомжа? Отдание чести? Ну, так у полицейских это не особо в чести. И их тоже

можно оставить до лучших времён, при желании сами найдут, не зря же копии с документов снимали.

О том, что костей не соберёшь, убегая с добычей, дедок, видно, выдал из своего опыта. Хотя и Игорю досталось. Но он не убегал никуда. И никакой добычи не имел. Ни на руках, ни в мыслях. Разве что в мечтах. О Кате. Так не из-за неё же мужик пожертвовал собой, чтоб бестолково ткнуть Гребнева в голову и разбиться, не выполнив задание. Если таковое было. А если было, то от кого?

На этом голова Гребнева начинала дико раскалываться, и дальше нить рассуждений тянуть было невмочь. Да и некуда. По причине нехватки информации. Да и та, что была, по большей части была не то чтоб притянута за уши, но скорее являлась плодом домыслов Игоря.

На том он и решил прекратить ненужные споры с самим собой. И заняться ужином. Зря, что ли, на рынок бегал. Нарезал лоскуты мяса из вырезки, отбил, завернул в них сыр творожный, обернул для надёжности беконом и сунул в духовку. С головками брюссельской капусты. Отваренной до полуготовности и политой сметанно-горчичным соусом. В отведённые до готовности ужина тридцать минут угостился виски. На односолодовый рассчитывать не приходилось — алкоголь на рынке в торговом центре был далеко не элитный. Но это было лучшее из того, что там можно было купить. Снять головную боль — в самый раз.

Но боль внезапно ушла сама. На её место пришло понимание, что это ж-ж-ж, как говаривал Винни-Пух, неспроста. И всё дело в том, что он, Игорь Гребнев уже который день только и думает о том, как могла бы пойти жизнь, если бы в какой-то момент история его Отечества пошла иным путём. Вот только какой момент мог бы стать в ней переломным? Как там на учёном языке... Точка бифуркации...

Но до критического состояния, когда система станет неустойчивой и возникнет неопределённость, то ли она ввергнется в хаос или перейдёт на новый, более высокий уровень упорядоченности, её ещё нужно довести. Что и хотел сделать Саблин. Правда, слишком наивно подойдя к вопросу. Ведь одними словами систему не то что не изменить — даже не расшатать. По крайней мере, быстро. И нужен для этого не один утлый кораблик, а не менее эскадры. Вооружённой до зубов. Добро с кулаками должно быть. Чтoб достучаться до отупевших голов. Взяв если не ударом по Кремлю, то хотя бы страхом перед такой возможностью. А что мог «Сторожевой», идущий в ремонт, противопоставить военной машине СССР? Ничего... Так же, как и «Очаков», с возглавившем его Шмидтом. Вот они, оба корабля, и были расстреляны. Как и их вожаки. А система стоит. Да, после «Потёмкина» рухнула и система. Но, во-первых, не сразу. А во-вторых, и это главное, прямой связи в том не видно. Ну, да, флаг был красный. Но то в легенде. И в кино. Где был он раскрашен вручную. Однако же слом произошёл в иное время, и по иным причинам. Так что не сходится, нету связи...

Потягивая виски, Игорь пришёл к выводу, что сейчас раскатать систему и вовсе немыслимо. Не потому, что она несокрушима. Рушились и более совершенные, причём, рушились в одночасье. А вот раскатать...

Слишком многих она не то что устраивает — без неё им места не будет. Полицаи, чиновники, красные и прочие директора, главврачи и даже учителя. Все они приспособились к этой системе. И хотя кусок хлеба, коим они довольствуются, у каждого сословия, а общество стало сословным по профессиям, должностям, близости к власти, по готовности умереть за неё, разный, но он их устраивает. И на большее они не претендуют. Прежде всего потому, что даже не подозревают, что могут иметь больше. Да что там, знать не желают, что где-то люди живут лучше. Даже не имея тех природных богатств, с которых они ничего не

имеют. Но на которые, якобы, зарятся наши западные соседи. Которым на эти богатства не то чтоб плевать... Не завидно, факт. Потому как не собираются они за них воевать, чтоб потом заниматься их разработкой и добычей. Не стоит овчинка выделки. Ведь с землями, на которые якобы посягает Запад, ему достанутся и люди. Которых нужно будет как минимум держать в узде, что самое простое. Ибо они не приучены сопротивляться, и готовы тащить ярмо, кто бы не подгонял их бичом. Но ведь, кроме этого, их нужно кормить, содержать аппарат, ими управляющий, организовывать производство... А славяне — народ особый. Их на протяжении многих веков угоняли в рабство, но они и там ничего не делали. Это известно любому школьнику. Которому давали задание написать сочинение на историческую тему. Так что куда проще оставить их в покое. Вместе с их богатствами. Когда есть захотят, сами попросят забрать. И нефть, и газ, и драгоценные камни... Кстати, и было уже так. Когда вместе с минувшим веком закончилось всё, что сумел отложить для будущих поколений царь-батюшка и не успели растащить большевики. Которые первым делом стали продавать на ненавистный Запад всё, что можно было сбавить. По-быстрому. А на русскую землю нога солдата НАТО впервые ступила куда позже. Да и то для того только, чтобы доставить куриные окорочка — «ножки Буша». А заодно и перемороженные гамбургеры и всё то, что дало распавшемуся Союзу дожить если не до светлых дней, которые так и не настали, а до очередного вставания с колен. Дабы тут же мордой плюхнуться в грязь. Чтоб уж наверняка...

То, что понимал Гребнев, к величайшему его сожалению, было недоступно всем, кто, как к груди матери, припадал к голубым экранам телевизоров. И переубедить их Саблину с его планами выступить на радио было не суждено. Даже если он дошёл бы до Питера, и ему предоставили эфир.

Но без таких безумцев, понимающих, что их ждёт эшафот за попытку подарить людям добро, нечего и думать раскатать систему. Превратившую миллионы людей в тупых скотов. Готовых своими руками рвать тех, кто идёт на смерть ради их блага.

Игорь не собирался умирать ради миллионов баранов. Это раз. Во-вторых, он был уверен, что время упущено, и сейчас остаётся либо ждать, когда система рухнет сама, а что она рухнет сомнений не было, либо искать в прошлом точку, от которой могли бы пойти круги по воде. Те самые, что смоют эту систему раньше, чем она погребёт под собой Гребнева. И тех немногих, кто понимает пагубность её существования.

Была только одна проблема.

Выйти в эту точку. Для начала найти. А потом уж — выйти.

Но встреча с Саблиным уже убедила Игоря что ничего невозможного в этом нет. Правда, неясно было как это осуществить. Но бомж ведь сказал, что не все зрячие могут видеть то, что дано даже слепцам. Вот и нужно приглядеться...

17

...Понедельник шёл по плану. То бишь, мерно катился к концу рабочего дня. Тихо и спокойно. Ибо.

Ох уж это великое — ИБО. В этот раз оно было в том, что министр протирал штаны от костюма Burberry на заседании правительства, и некому было выносить мозги подчинённым. Они и без того имели вид придурковатый. Не штаны, подчинённые. А в отделе Лопатина шло нескончаемое совещание, и Гребнев даже думать устал о том, чтоб хоть взглядом обнять свою Катеньку. Это он про себя уже звал её своей. Хотя шансов к концу дня становилось всё меньше и меньше даже просто увидеть её. А тут ещё Благоева внезапно велела через секретаршу всем старшим чинам министерства собраться в зале коллегий.

Коллегии в министерстве не проводились со дня прихода нового министра — ему недосуг было. Но зал почти не пустовал, занимаемый под самые любимые занятия чиновников — совещания. Последним была аттестация, где Гребнев так удачно выступил в защиту Шевелюхи, что появился шанс обладания ею.

— Игорь Николаевич, Наталия Андреевна велела начальникам департаментов собраться в зале коллегий, — Оленька, секретарша министра, привалилась пухлым плечиком к дверному косяку, не желая переступить порог комнаты, в которой могла работать сама. Ведь прежде она была в подчинении Гребнева, но и с повышением — никто не хотел занимать место в приёмной с приходом нового министра, а Ольга внезапно сама вызвалась и, похоже, не прогадала, — не утратила дружеских связей с Игорем. Впрочем, дружескими он их называл потому, что дальше дело не зашло. Прежде помехой была его жена, потом — любовник Ольги. Вот и не срослось. Хотя могло. Тянуло их друг к другу. Как настоящих любовников тянуло. Которыми они не были. Да и не могли, наверное, быть. Двое взрослых, умных, даже слишком, при этом ещё и не сильно возрастных, вряд ли они поменяли бы своё положение на сомнительную связь, из которой ничего не могло выйти. Кроме разового секса на бегу. По разным причинам. Впрочем, они и без того с уважением относились друг к другу. Однако же и не дружили в общепринятом смысле — в гости друг к другу не ходили, коллег не обсуждали, замыслов против начальства не вынашивали. На людях блюли приличия, наедине могли и матерка в беседе подпустить. И даже зло пошутить. Но рукам волю не давали. Хотя у Ольги и было за что взяться и с удовольствием подержаться.

— А что сам? — поинтересовался Гребнев.

— Звонил. Напрямую Благоевой. Мне перед тем сказал, что уже не вернётся. Но, сам понимаешь, это может означать только одно.

Ольга могла не рассказывать дальше, что подразумевал такой звонок. И зачем начальников средней руки собирают совещаться.

Министр сегодня уже не приедет. А Благоева, пользуясь случаем, соберёт своих приближённых и закатит пир. Повод? А он нужен? Понедельник, в таком случае, тоже сойдёт как повод. Как штатный участник всех министерских застолий, она имела неограниченный доступ в закрома, где хранился фуршетный фонд, поэтому бежать за бутылкой никому не придётся. А то, что от слишком частых возлияний Наталия всё больше утрачивала женский облик, никого из её собутыльников не интересовало. Важна была халява. И чувство приближённости к власти.

Сама же Наталия, ещё не чувствуя того, просто спивалась. И на этой почве даже сблизилась с Раисой Александровной, хотя друг друга они всё ж не выносили. Но то по работе. Зато пили — вместе. И если Александровна в силу возраста уже довольно быстро ломалась, после третьей рюмки так уж точно, то Наталия продолжала пить пока было что. А поутру болела. Но старалась не подавать виду. Особенно перед министром, тщательно жуя кофейное зёрнышко, прежде чем войти в его кабинет.

Но сегодня она была ещё трезва. Что можно было легко исправить. Для чего и были собраны начальствующие кадры.

— Друзья, — как обычно, грудным голосом, просто и задушевно обратилась она к собравшимся за столом, всё ещё гремевшими стульями, рассаживаясь. Но властный взор уже выдавал нетерпение. И далеко не дружеские чувства к людям, бывшими, во-первых, в её подчинении, а во-вторых, и это главное, своей суетой и неорганизованностью мешавшими ей перейти к главному. К тому, ради чего она и велела собрать под конец рабочего дня столько народу. — Друзья, мы славно поработали. Звонил Юрий Ильич. Поблагодарил всех причастных. Ведь

наш доклад, — она голосом выделила слово «наш», хотя это был плод размышлений Игоря, а совсем не коллективный труд, не считая дюжины цифр из открытых источников, но он предпочёл о том не напоминать, — принят очень благожелательно, премьер одобрил. Будем разрабатывать под него программу. Это уже, можно сказать, вопрос решённый.

Стулья опять нервно задвигались. Большинству перспективы явно не понравились, опять грядёт горячка — «это нужно было ещё вчера!», а сверхурочные бдения над бумажками мало кого обрадуют. Но были и те, кто открыто радовался. Выдавая себя с головой — штатные бездельники. Но при должностях, и принятый доклад означал, что министерство обойдут модными ныне оргштатными мероприятиями напоказ, а — значит, никого не сократят. И только Гребнев остался безучастен к новости. Понимая, что ни сам доклад, ни программа, разработку которой он сподвиг своим сочинительством, не имеют ровно никакого значения. Ни для страны, ни для населяющих её народов. Так, имитация бурной деятельности. К которой, к великому его сожалению, причастен и он. Но, не будь его, другой кто-то сочинил бы то же самое. А так Игорь себе ещё и на кусок хлеба заработал.

Понимая, что так себя оправдывают все, кто позволяет кормиться действующей властью, высасывая все соки из нищающей на глазах страны, Гребнев понурился. Но, услышав, что сегодня все свободны, тут же воспрял — можно и на электричку в прошлое успеть. И даже сбежать с работы для этого не нужно.

...Ноябрь, видать, был не самым любимым сыном у природы среди её двенадцати молодцев. Мрачный, сырой, промозглый. Ещё и тёмный. Как по освещённости, так и по сути. Ибо, опять, именно в ноябре вершилось куда как больше глупостей, нежели в иное время года. Статистики,

конечно, такой не было, лишь личные ощущения Гребнева. Но что это меняло?

Игорь пришёл на перрон задолго до отправления нужной ему электрички. И, уйдя в себя мыслями о Саблине, о том, кто мог бы составить ему конкуренцию в создании точки бифуркации, пошёл вдоль состава. По привычке. Это для перемещения во времени ему нужно было в последний вагон. Чтоб потом перейти в предпоследний. Почему так? А он откуда знает? Так было. И так, наверное, будет. Если будет. Но сегодня Гребнев последовал иной привычке. Выработанной годами поездок домой, а не парой случаев визитов в прошлое.

Чтоб сойти ближе всего к выходу на своей станции, Игорю нужно было садиться в третий вагон. С головы состава. Вот он и пошёл, не торопясь, вперёд. И только пройдя третий вагон с хвоста спохватился — ведь в прошлое переносил предпоследний вагон.

Гребнев остановился, пожалел, что давно бросил курить и нечем занять руки и убить время до отправления, вернулся на один вагон назад. В тамбуре, из которого он намеревался шагнуть в вагон из прошлого, народу было не то чтоб много, но дверь открывалась с трудом, расталкивая пассажиров. Пришлось подождать, целый перегон. Но Игорь никуда не спешил. Он был точно уверен, что Саблина сегодня не встретит. Но его всё равно тянуло в вагон, ставший переходной дверью между мирами. Или временами. И это он ещё не сбрасывал с весов принятия решения тот факт, что такое путешествие может ещё и омолодить его. И тогда подобное уже заметят все. А главное — Катюша. Пусть и не собирался он с ней устраивать долгую жизнь. Совместную. Однако же к более молодому, как он надеялся, Шевелюха будет благосклоннее. Впрочем, а был-то у неё кто до Гребнева?

В этот момент в тамбуре стало на пару пассажиров меньше — они протиснулись в салон. Игорь открыл дверь, зажмурился от ударившего в лицо ветра. Поэтому и не

видел, как перешёл из одного вагона в другой. Но явно по открытой площадке — за шиворот упало несколько дождевых капель. Не конденсата с «гармошки», укрывающей переход, а настоящего дождя, не слабого, даже можно было сказать.

Тусклый свет в первом тамбуре предпоследнего вагона не позволил сразу ничего разглядеть. Хотя обычно это случается, когда из тьмы выходишь в свет. Здесь было наоборот. Но глазам пришлось привыкать к сумраку едва ли не больше. Может, потому что тамбур был забит людьми, и сразу охватить взглядом всю картину не получалось? Да ещё и воздух был спёрт настолько, что, казалось, будто кислорода в нём совсем не осталось. А ведь Гребнев даже не успел захлопнуть дверь за собой.

Прямо перед его носом был чей-то погон. Мятый, с синей окантовкой чёрного поля, на котором сиротливо светилась одна звезда под скрещёнными молотками — французским, как называли некогда разводной ключ, и обычным.

Чуть выше был стриженный затылок над тонкой, почти мальчишеской шеей. Фуражка, сдвинутая на этот затылок, едва держалась на макушке. В тамбуре было слишком много людей, чтоб она держалась спокойно. Да и состояние пути оставляло желать лучшего — тамбур трясло и мотало вместе со всем вагоном. В котором, насколько хватало взгляда Гребнева, люди были одеты совсем не так, как те, с которыми он сидел в электричку. Но и поездка с Саблиным тоже отличалась по одежде немногочисленных в тот вояж пассажиров.

Тут же, несмотря на их громадное число — вагон забит под завязку, ватники, пальто и шинели были явно из другой, пусть не эпохи, но временной шкалы. Гребнев не был большим знатоком моды, но и ему хватило ума понять, что в этот раз его забросило куда дальше во времени. И не только по запахам он ориентировался — прокисшим, грязным был не только вагон и воздух в нём, но и

пассажиры не отличались особым даже не то что шиком — элементарным приличием в одежде. К тому же пахнувшей, как и всё вокруг, довольно дурно. Хотя, скорее всего, сами носители этих запахов их не ощущали. Как Гребнев, когда курил, не чувствовал не только дыма, но и оставленного им запаха. Во рту, на одежде. Только приняв хавшись мог он уловить въевшийся в лацканы пиджака запах табака. А так думал, что благоухает одеколоном.

Зато сейчас он действительно благоухал на общем фоне. Но не это его внезапно не то чтобы испугало, а заставило подумать о ретираде.

На фоне уставших, грязных в общей своей массе, плохо одетых людей он был как бельмо на глазу. Благо ещё никто не бросил на него хотя бы беглый взгляд. Прежде всего потому, что Гребнева прикрывал военный с молоточками на погонах. Но не его ли мокрая шинель стала причиной столь категоричного мнения Игоря об ароматах, исходивших от всех пассажиров?

Докапываться до сути Гребнев не стал. Ему хватило того, что он убедился: пространственно-временной переход не его горячечный бред. Он существует. И работает с двух концов вагона. Разве что с разным результатом. Хотя три попытки — это ещё почти ничто для науки. Однако кто говорит о научности его открытия? Он и сам о нём будет молчать. И не по причине жадности к омоложению и нежеланию им делиться. Этот факт тоже ещё нуждался в подтверждении.

Пользуясь военным как щитом, Игорь вынырнул из тамбура обратно — на переходные мостки меж вагонами, под лютый осенний дождь. Так что, когда он нарисовался в тамбуре вагона своего времени, на него, мокрого, воззрились все стоявшие у входной двери, готовый распахнуться на очередной станции. Гребнев хоть и был буквально мгновение, по его ощущениям, в ином мире или времени, проехал, как оказалось, большую часть пути к

дому и следующая остановка, как прохрипело поездное радио, была уже его.

Страхивая с себя дождевые капли, Игорь виноватым взглядом ответил на взоры тех, кто косился на его мокрое пальто и шляпу. А в голове бурлило: «Получилось! Получилось!». Правда, что получилось, он пока и сам не знал. Но был приятно возбуждён. Настолько, что ничего не замечал вокруг. Да и сложно было что-то различить в ноябрьской ещё не ночи, но довольно поздней поре. Пусть и отгрохали на его станции современный павильон с кассами и турникетами, но света это почти не прибавило.

Поэтому он и не видел, как следом за ним, в зев подземного перехода юркнула тень. Человечка, которого он уже видел однажды. Тот, что был пониже ростом, в парочке, пытавшейся обчистить его карманы, а после выпить за упокой.

Короткая стрижка выдавала то ли служивого — это по аналогии с только что виденным военным из далёкого прошлого, то ли недавно откинувшегося зека. Но это если бы Игорь взглянул в землисто-серое лицо. Да только он был занят своими мыслями. И тем, что надо бы прибавить хода — мокрое пальто внезапно стало очень тяжёлым, словно не мгновение он был под дождём, а целую вечность, и добротное сукно напиталось влагой по самое не балуй. Поэтому от забытого разделительного падежа Гребнев рывком переключился на превратительный. Чтoб на пути домой не стать замороженной статуей — обещанное похолодание накрывало город с изумительной пунктуальностью, и на шляпе уже повисли сосульки, маленькие, почти незаметные издали, но хорошо различимые из-под её полей. А сами поля, скукожившись от влаги, врезались в череп почище инквизиторских инструментов, той же дробилки голов, например. Но Игорь думал не о том.

Его занимало практическое значение того, что ему открылось. А до освещённой остановки автобуса было ещё

сто двадцать шагов. По тёмному пространству под развязкой.

Сто двадцать шагов от зева подземного перехода, освещённого пусть и тускло, и до яркого табло остановки.

Игорь сделал первый шаг, из необходимых и неизбежных ста двадцати, и внезапно его начало колотить. Как от холода. Хотя почему как?

Ему и было холодно. И лютый, иначе и не скажешь, холод пробирался уже не только под пальто, но и куда глубже.

Гребнев потянул шляпу за тулью, водружая её глубже на голову.

И в тот момент, когда шляпа поддалась, и растянулась едва ли ещё не на размер, за спиной Игоря раздалось:

— Стоять! Руки держать так, чтоб я их видел.

18

Гребнев обернулся.

Он сразу, одним взглядом всё ухватил. И тень, которую приметил, подходя к остановке, но которой не придал значения — мало ли кто там отливает в сумраке, пусть и почти на виду, но в сторонке от людей. Время такое. Лучше не вмешиваться. Не то испорченный акт изливания отработанной жидкости может стать предметом судебного разбирательства. Если человек болен, страдает недержанием. Но это к примеру, Гребнев таких болячек избежал покуда, а вникать в хворобы других не собирался. Как и думать о том, чем это может закончиться. Однако о судебных прецедентах был в курсе. Когда у кого-то из-за внешнего вмешательства случилось ещё более крутое заболевание. Однако надеялся, что до суда дело не дойдёт. Как и до более скорого разбирательства. На кулаках. Хотя бы потому, что к этому Игорь был не готов.

Но помимо тени в кустах была ещё одна. Которую он тоже разглядел в короткий миг поворота головы. И даже признал. И не обрадовался.

Свитер с растянутым воротом, лежащим поверх широких лацканов плащика не по сезону. Клетчатый макинтош распахнут на груди, так, словно тридцатилетнему, не более, хулигану жарко ноябрьским вечером. Его напарнику, но в выдавшей виды болоньевой куртке, скорее сорокалетнему, которому уж точно не исполнится больше, тоже было жарко. И чем всё закончилось? Но то было уже позавчера. Хотя в любом случае перегрев до добра не доводит. Особенно если он за счёт внутреннего подогрева.

Эта вторая тень, надо полагать, следовала за Гребневым по пятам, шагах в пяти. Видать, от самой платформы шлёпал, почти не таясь. Уж точно от выхода из подземного перехода. Но Игорь ушёл в себя, и не оглядывался. Зря, как всегда бывает в таких случаях.

Теперь же низкорослый знакомец из дней минувших держал его на мушке маленького револьвера. Тупорылого. Почти игрушечного. Однако явно с испорченной биографией, судя по сточенной мушке и потускневшему металлу. Да и сам коротышка, как его обозвал Игорь, рассказывая о первой встрече с ним операм, не в игрушки баловаться собрался. А был настроен весьма решительно. И только палец на спусковом крючке, не прикрытом предохранительной скобой, предательски подрагивал. Да ещё был он, похоже, в изрядном подпитии. Не то, если бы по трезвому уму, не стал связываться с тем, кто его уже однажды обыграл.

Гребнев вновь мысленно понадеялся на удачу. Вот только расстояние между ним и человеком с ружьём, пусть и был это тупорылый револьвер, «бульдог», явно не «наган», оказалось слишком большим, чтоб повернуть один раз уже удавшийся приём. Да и пацан, не исключено, уже топтавший зону, дважды на одну и ту же приманку не

купится. Даже если он и не сидел, а только набирался ума-разума у старшего подельника. Поэтому Игорь руки поднял, а сам глазами шарил по окрестностям, пытаясь найти ту самую спасительную соломинку, что вытащит его из этой передраги. Но... Слишком зачастили напасти по его душу. Так что на каждый чих, видать, не наздравствуешься — помощи ждать не приходилось. Ниоткуда.

И если помощи ждать не приходилось, то Игорь сам сделал шаг. Навстречу чуть подрагивающему стволу. Хотя и без того расстояние уже было таким, что, как бы беглый преступник не психовал и не боялся случайно выстрелить, промахнуться он практически не мог.

Почему в мозгу Гребнева всплыло «беглый»? Ну, во-первых, ещё с первой встречи он почти безошибочно узнал в нём уголовника. Если ещё не сидевшего, то уже созревшего к тому, чтоб отправиться в места не столь отдалённые. Во-вторых, ищут этого в свитере не по размеру с момента внезапной кончины его напарника. Парня, куда более крутого. Но приказавшего долго жить. От ножичка. Который этот его дружок пока не доставал, довольствуясь револьвером. Не исключено, добытым в той самой схватке, из которой истинный владелец оружия ушёл в мир иной. Так что парень по-любому в бегах, даже если он честно «откинулся», отбыв своё. А если и вовсе не сидел, то теперь уже точно вляпавшийся по самое не могу. И сейчас ему предстояло выбирать. Или двигать на нары, или бежать дальше. Но он отчего-то выбрал промежуточный вариант. С глупой мстостью тому, кто обломал первоначальный план парочки. И надо же, дождался-таки Игоря. Однако с решительностью просчитался. Ему бы пальнуть в спину, раз уж так хотелось отомстить, и на том бы всё закончилось. Но, как и у всех убийц, его, вероятно, подвело желание высказаться, оправдаться. Хотя бы глазах жертвы. Видать, не совсем он конченный, раз так печётся о своём «облико морале». Вот только в любом случае Игорю от

этого не легче. Если даже просто вот так стоять с поднятыми руками, но на прицеле.

Впрочем, если парню хотелось сделать заявление, хотя бы для единственного слушателя, и только тогда пальнуть, то вёл он себя ещё более чем странно.

Держа Гребнева на мушке, пусть и сточенной, парень молчал. Только сопел. Странно так сопел, вроде как вырываясь из чьих-то объятий.

— Мы же вроде обо всём договорились, — не дождавшись слов от прячущегося за револьвером паренька, спокойным, насколько это было возможно, тоном произнёс Гребнев. Он говорил, надеясь, что слова не спровоцируют выстрел раньше, чем он подойдёт на расстояние, с которого можно будет попытаться обезоружить противника. Но расстояние было всё ещё слишком велико. И он продолжил говорить: — Выяснили это ещё при прошлой встрече. Родни у меня среди урок нету. Как и денег тоже. Так что спрячь пукалку, не ровён час пальнёт, сбегутся люди. Оно тебе надо? Ты ж в бегах. С той самой поры, как зарезал своего кореша. Может, и случайно, махнул, и вот оно. А не специально на фашистские знаки построгол. Но зарезал, факт. С тех пор и бегаешь, да? Или ты ещё раньше от «хозяина» подался?

Револьвер качнулся, но далеко в сторону не ушёл. Хотя как раз в стороне от остановки что-то зашуршало, и Игорь многозначительно взглянул туда. Но и этим трюком не провёл уголовника, пусть и не такого уж матёрого. Который мог показать ещё больше приёмов отвлечения внимания. Иначе бы не выжил на зоне. Но не такой уж он был там крутой, если его подобрал и пытался пристроить к делу тип, съевший свои же зубы. А подвело их то, что этот желал выпить за упокой Гребнева. Ещё до того, как у них хоть что-то выгорело. Не стоит дразнить удачу до того, как она в руки далась. Вот и пришлось ему пить за упокой своего несостоявшегося наставника.

И это было его второй ошибкой. Идти на дело в изрядном подпитии. Куда более пьяным, чем в первую, неудачную попытку. Гребнев это уже понял, и надеялся на этом сыграть. Хотя ставка в этой игре была очень высока. Его жизнь против никчёмной жизни уголовника.

Даже не так. Его жизнь против того, что уголовник его не пристрелит. Потому как сам Игорь даже не помышлял отнимать жизнь своего противника. Он был готов довольствоваться тем, что они разошлись бы. Мирно, без выстрелов. И даже без мордобоя.

Судорожно цепляясь за жизнь воспоминаниями о событиях последних дней, слишком уж богатых на приключения, Гребнев надеялся вспомнить, что говорили опера о его противнике. Получалось, что ничего. А ему ума не хватило расспросить. Оставалось импровизировать и надеяться, что отвлечение внимания сработает, хотя бы частично.

— Слышь, ты, пёс...

Игорь не успел добавить киношное «смердячий», а его визави уже откликнулся.

— Ты мне погонялом моим не козырай, в нос не тычь, — судорожно сглотнув, наконец-то выдавил из себя пару слов урка с револьвером. А Гребнев чуть не присел от удивления. Стрельнув по воробьям, угодил-то едва ли не в центр мишени. Он ведь назвал парня псом за его послушание старшему уголовнику, ну, вроде как на поводке он у него был. Оказалось, что братва его так и кличет. Подтвердив, что клички в уголовной среде выбираются порой совсем уж странным образом. Что ж, Пёс так Пёс. А то, что в нос не тычь...

— Это, сынок, не ко мне. А к тем, кто щенком тебя подобрал и в драку кинул. К здоровенным псам. Где ты никто, и звать тебя никак. Одним словом — Пёс, — Гребнев сделал ещё шаг навстречу стволу. Из которого до сих пор не полыхнуло смертельным жаром. И, как он надеялся, не полыхнёт. Если не вовсе, то хотя бы в

ближайшие минуты, необходимые для того, чтоб сойтись до рукопашной. Где револьвер уже будет не столь важен. И не преимущество, а почти обуза. Паренёк-то хоть, может, и топтал зону, но испорчен не до конца. Он-то и кореша своего, скорее всего, полоснул ножичком случайно. По пьяни. Тот мог начать права качать, за неудачу в переходе. Ну и понеслось — слово, за слово, хреном по столу. А ножом — по горлу. Вроде как глупость, тупая ссора. А вышло — насмерть... Ну, как вышло, так и вышло. Как и с первой ходкой Пса, если она была, — по глупости, видать, сел. Но то было в первый раз. Теперь-то уж ему не отвертеться. За кореша, которому давно было пора наострить лыжи в край, откуда не возвращаются, срок пацану дадут немалый. Хотя, получается, что наказание будет за доброе дело. Избавил мир от подонка. Но, увы, мир так устроен, что ни одно доброе дело безнаказанным не остаётся. И потом... Право отнимать жизнь только у творца и есть: как дал, так и забрал. Пусть и не очень верил Гребнев в мифическую сущность, властвующую с небес над людьми, но право на смерть признавал только за ней. И даже суд, приговаривая к высшей мере, превышает свои полномочия. А уж если без суда и следствия...

— Ты, главное, не усугубляй, — продолжал Гребнев, хотя и не был уверен, что парень с дрожащим в руке револьвером его понимает. Слышит — да. Понимает — вряд ли. — С корешем твоим самооборону можно хотя бы за уши притянуть. Со мной и револьвером такой финт не пройдёт. Так что давай разойдёмся миром...

— Нет! — неожиданно вскричал пацан, тряхнув чубчиком а-ля Рональдо. — Не разойдёмся! Стой, где стоишь! Не то ща пальну...

— Ну, пальни, пальни, — Игорь едва не заигрался: ствол, нацеленный ему в грудь, неожиданно застыл. Но только на мгновение — как-то слишком уж быстро пьяный кураж весь вышел из дурной башки по сути пацана сопливого в сравнении с Гребневым. И револьвер-

бульдожка снова едва ли не в землю уставился тупым срезом ствола. Но стоило Игорю сделать ещё шаг, как пёс в душе урки вновь воскрес.

— Я сказал: не подходи! — в срывающемся голосе уголовника внезапно послышались слезливые нотки. Словно он незримо спорил с кем-то, заставляющим его так поступать, против собственной воли. Вон и рука опять ходуном ходит. То отводит ствол, то вновь ловит грудь Гребнева на прицел. Хотя зачем целиться? С оставшихся двух с чем-то метров уже не промахнуться даже при желании. — Я должен... Понимаешь, должен...

Игорь не понимал, что за такой долг у парнишки, которого ему даже жалко стало. Но тут он едва всё не испортил. Потому как увидел, боковым зрением или ещё как, что тень, которую он заприметил за остановкой, давно переместилась за спину парнишки, державшего в дрожащей руке револьвер.

Тень, как ей и положено, двигалась бесшумно. Но Игорь, не отведи он вовремя взгляд, мог бы и выдать её. Однако он не стал пялиться за спину своему противнику, наоборот, вновь попытался вроде как увидеть что-то сбоку, отвлекая оружие в том направлении. Вот только это уже и не потребовалось.

Взгляд Гребнева не успел вернуться к нацеленному на него стволу, как в вечернем воздухе раздалось отрывистое «Гэк!». А потом, с оттяжкой и вместе с грохотом падения ствола на асфальт рухнуло и тело беглого уголовника. Пусть и не была его вина доказана, однако Игорь отчего-то не сомневался, что на руках именно этого парнишки кровь его не менее преступного наставника. Тем более что над распластанным телом стоял знакомый опер.

Ну как знакомый, Гребнев знал, что зовут его Слава. По крайней мере, так к нему обращался его старший товарищ. И, видать, более умный. А Слава... Слава был мускулом. Гребнев даже поморщился, вспомнив, как этот Слава вдавил его в стул возле стола, за которым восседал

его напарник. А поморщившись, ощутил, как из носа на верхнюю губу скатилось что-то горячее.

Сопли? Так они холодными будут.

Мазнув ладонью по лицу, Гребнев даже в сумраке разглядел красный след на её тыльной стороне.

Кровь.

Уж не успели ли парниша в него пальнуть? И что, прямо в нос?

Игорь криво усмехнулся. Носового кровотечения без причины в виде удара в носопырку у него отродясь не бывало. Давление зашкалило? От нервов?

Не исключено. Но то, что кровавые сопли испачкали лицо, было полбеды. Как бы хуже не стало. Хорошо ещё, что сосуд лопнул не в мозгу, не то бы на асфальте могли лежать двое...

19

«Доберусь ли я сегодня домой?», — тяжело вздохнул Гребнев, которому пришлось вместе с едва не убившим его парнишкой вначале тащиться на гроыхающем «Уазике» в райотдел, благо был он недалеко от станции, потом долго отвечать на вопросы напарника Славы, появившегося ещё возле остановки и сопровождавшего задержанного беглеца и Игоря до самой «конторы», а не в тайную комнату, до которой было буквально два шага. Из чего Гребнев сделал вывод, что опера о своём убежище начальство в известность не ставили. Но от этого ему было ни холодно, ни жарко. Зато совместными усилиями было установлено, что Песцов Вениамин Сергеевич, какого-то совсем уж постыдного в сравнении с Игорем года рождения, задержан при попытке вооружённого на падения на гражданина Гребнева и подозревается в убийстве дважды судимого Никанорова Алексея Петровича...

Сам Песцов по кличке Пёс упорно молчал. С той самой минуты, как старший напарник Славы посадил его в выгородку «уазика» с зарешёченным окошком. Всё, что Пёс

из себя выдавил перед тем, как за ним захлопнулась дверь, «Начальник, ну ты ж и сам понимаешь... Не должен он...», не имело внятного объяснения.

Что и кому Гребнев не должен, так и осталось недосказанным. Парень замолк. Надолго. Более того, его была такая крупная дрожь, что он просто не мог говорить. Так, мычал что-то порой, не столько бессвязное, сколько непонятное. Но в конце концов они доехали и их развели по разным комнатам. В одной из них пару часов спустя Гребневу дали подписать протокол. А потом, отмахнувшись от расспросов по поводу покушавшегося, и вовсе указали на дверь.

За дверью падал снег. Не прошлогодний, но и далеко не осенний. Новогодний, можно было бы сказать, если бы до нового года не было ещё больше месяца. И по этому снегу Гребнев стал торить тропинку. Не став дожидаться позднего автобуса — время близилось к полуночи, только замёрзнуть можно было, пританцовывая на пустынной остановке. Так и в ледышку было недолго превратиться. Пусть и за время сидения в комнате для допросов пальто не то чтобы высохло после дождя из иного времени — оно напиталось стойкими запахами, защищающими от стремительно-пронзительного наступления зимы. Запахами не ушедшей в иное время электрички, а уже этих, нынешних лет. И запахами камер, забитых под завязку, несмотря на понедельник — алкаши, девицы, не отягощённые моралью, мелкие пакостники с баллончиками краски, изъятými и выстроившимися на столе дежурного. И как вишенка на торте, в отдельной камере — Пёс. Дрожащий. Временами смердящий страхом. Или иным чем. Но смердящий.

В пальто Гребнева впитался и этот запах. И он же грел — более никаких угроз. И подозрений. А то, что из режима выбился... Ну что ж, бывает. Универсам ещё работает, можно во искупление этого греха бутылочку виски прикупить. И запить все горести и страхи — Игорь

только сейчас, на выходе из райотдела признался себе, что испугался револьвера. Так испугался, что сахар в крови, наверное, зашкалил. А ещё адреналин...

В общем, под слегка просохшим пальто, прямо под белым вязаным шарфом, у самого горла, в груди Гребнева учащённо билось сердце, сбиваясь порой с ритма. И он вынужден был замедлять дыхание, отключая все сторонние мысли. До самого порога своей холостяцкой квартиры. Иной она уже и не станет — семейное гнездо умерло вместе с супругой, дочерям не до него, а новую хозяйку Игорь заводил не собирался.

Но дома... Дома мысли вновь догнали Гребнева. Да так, что почти до рассвета он не мог сомкнуть глаз. Точнее, глаза-то он закрывал. Но всякий раз вскидывался, осознав, что опять что-то упустил. И не только он.

Допрашивавшие Пса опера не придали значения его словам о том, что Игорь кому-то чего-то должен. Гребнев же, который терпеть не мог быть кому-то обязан, наоборот, за них вцепился. Хотя и понимал, что никому и ничего не должен. Однако же, со слов Пса, выходило, что кто-то думает иначе. В результате, стоило Игорю глянуть в зеркало, как он увидел побуревшую от крови щёточку усов. Не отгёрлось. Хотя он и мочил платок в туалете райотдела, прикладывал к носу — старший из парочки оперов настоял. Но кровь под носом осталась. И это был самый слабый знак его задолженности. Какой и кому — непонятно. Однако Гребнев уже платил. Пусть и неосознанно, и таким кривым способом — кровавыми соплями. Хотя ведь всё могло быть и гораздо хуже. Если на него действительно кто-то взелся, и поручил двум уголовникам с ним разобраться. Но у них просто не вышло. Это у этих двоих не вышло. А будут ли новые попытки взыскать некий долг, о котором Игорю ничего не известно? Так что новых угроз нет только пока, рано он возрадовался.

Гребнев стал дальше раскладывать по полочкам — что и когда сделал, где и кому мог насолить. В прошлом у

него случалось немало косяков. Но вряд ли тот, кому Игорь перешёл дорогу, стал бы столько времени ждать. Из последних не то чтоб неприятностей, но поступков — заступничество за Шевелюху. Ну так на него напали прежде того. Лопатин? Опять же, нападение случилось до конфликта, никак ещё не проявившегося в недрах министерства. А заказ должен был поступить ещё раньше.

Благоевой перешёл дорогу? Но где? Да и не стала бы Наталия опускаться до найма уголовников. У неё спортсменов знакомых пруд пруди, те поймали бы Гребнева в тёмном углу, отмудохали, да так, что он мог бы и не выжить. А тут — дебилы в прямом смысле слова. Ладно ещё старшой, но Пёс... Этот только для того и нужен, чтоб завалить любое порученное дело. Он же и почти выдал — неспроста, мол, напали. Должен Игорь... Что и кому не сказал, но если бы опера поднажали... Да только у них была своя теория. Которой они не менее тупо, чем Пёс, придерживались. По их мнению выходило, что решил Пёс отомстить за неудачу. Из-за которой он случайно ещё и кореша своего положил. А тот был и наставником, и вдохновителем нападения с целью ограбления. Ибо нечего по подземным переходам, там, где бал правит криминал, где не рискнёт появляться ни один здравомыслящий и благополучный гражданин, шляться вечерами в приличном прикиде. Ну, да, есть даже в столице такие места. Где власть принадлежит тёмным силам. Не во всём, конечно, городе, а в таких вот закоулочках. И да, полиция пока не в силах с этим справиться. Но пусть гражданин Гребнев благодарит за бдительность двух скитальцев-оперов, проторчавших больше суток в импровизированной засаде у трубы подземного перехода. Не то бы отпевали его сейчас, как будут отпевать уголовника, но тоже гражданина Никанорова. Алексея, значит, Петровича. Безвинно погибшего от подлого удара такого же гражданина, но с более низким социальным статусом. И ещё более низкими моральными качествами.

Потому как незнакомо ему оказалось чувство дружбы, пусть и извращённой уголовными замашками. Однако поднимать руку на своего... Это даже у таких подонков не в чести.

Вначале Игорю о том втирал Слава, но, будучи лишь мускулом в тандеме двух оперов, быстро уступил место старшему, Николаю Андреевичу, как тот наконец изволил представиться. Не назвав фамилию. Которую Игорь прочитал уже выйдя из кабинета.

Потужний. Могучий, значит, в переводе. Хотя могучим как раз был Слава.

Ну, Потужний, и ладно. Пусть тужится. Раз не захотел прислушаться к доводам Игоря. Правда, в тот момент и доводов-то как таковых считай не было. Это Гребнев уже дома дошёл до такой расстановки акцентов. Но пока был не в состоянии ответить даже себе на простой вопрос: кому он должен?

Или что...

Забывшись тревожным сном под утро, Гребнев, как обычно, подхватился за пару минут до звонка будильника. И в это мгновение — между сном и явью — его внезапно озарило.

Пёс не говорил о долге. Он сказал, что Игорь не должен.

И он действительно никому не должен. Ничего. Но он же и не должен...

Тут Игорь едва не потерял нить, которую случайно нащупал, но вовремя её подхватил.

Он не должен соваться в вагон, уносящий в прошлое.

Это было единственное, что увязывало Гребнева и напавшую на него парочку.

Как они или их наниматель узнали, второй вопрос. Если не десятый. Но иного объяснения у Игоря не было.

Сказалась ли бессонная ночь, или потому что она была не первой без сна, а может, всё сошлось в одной точке — и ночь, и нападение с последствиями, и вояж в иные годы, причём, не только в электричке, но Игорю было не амурных походов. И Шевелюха, если они и столкнулись где-то случайно в коридорах министерства, прошла незамеченной. Хотя Гребнев такого и не помнил. Он еле-еле досидел до вечера, его, как мальчишку, влекло к неизведанному, к игрушке, творящей чудеса. Необъяснимой, но такой желанной. Куда более желанной, чем Катюша. Ещё пару лет тому назад всё было бы наоборот. Хотя и был бы он моложе, не так далеко уйдя от детства. Теперь же важно было уже не это расстояние. А то, какое он не дошёл до старости. И получалось, что влечение тела уже менее значимо, чем тайны мироздания.

Не будучи застигнут окриком из приёмной министра, Игорь вновь досрочно сбежал с работы. Пусть и всего на пару минут, но и такое не приветствовалось. Зато грозило навлечь гнев начальства. Достаточно было министру или кому-то из его замов поднять трубку телефона. Его уже не вернули бы, но следующее утро гарантировано было бы испорчено. Однако, хотя и раньше он сбежал, но едва поспел в последний вагон — на бег перейти постеснялся, а от быстрой ходьбы задохнулся, суставы уже не те. А они-то вроде как должны были омолодиться.

Шагнув в тамбур в числе последних, Игорь привалился спиной к двери, собираясь с духом. Прежде чем шагнуть в вагон, уносящий в иное время, он надеялся унять прерывистое дыхание, не предвещавшее ничего хорошего. Ему казалось, что одышка предвещает проблемы с сердцем, но оказалось, что совсем иное.

Предчувствие действительно не обмануло. Но только в том, что за дверью не оказалось никаких чудес. Обычный переход, никаких иных времён. Достаточно было

бросить взгляд сквозь помутневшее от времени и погоды стекло, чтоб убедиться в этом...

Сникнув, Гребнев остался в своём тамбуре. Потеряв шанс заглянуть в прошлое, он теперь надеялся пораньше оказаться дома, чтобы хотя бы просто отдохнуть, раз так вышло. Но и тут не сложилось.

Сумерки, холодные и скользкие, внезапно коснулись его спины. Не просто коснулись — стекли холодным потом вдоль позвоночника. Как давным-давно, в год, когда его, сопливого юнца, с пушком под носом вместо нынешних щегольских усиков а-ля испанский гранд, как и полагалось к гордому профилю, призвали на службу.

Игорь внезапно осознал, что с той поры минуло как раз столько же времени, как и с обречённого бунта Саблина. В тот год он, не Саблин, а Гребнев, конечно же, и слыхом не слыхивал ни о каком бунте. Только что призванный, едва успевший переодеться в стоящую колом повседневную флотскую форму, которая по жёсткости могла фору дать джинсам, хотя их тогда ещё и знать не знали, только в кино и видели, Игорь ими обзавёлся уже в училище, молодой матрос в те дни тащил бессменную вахту на камбузе. Команды призывников всё прибывали и прибывали, а затем точно так же, как появились внезапно, растворялись в эшелонах и маршевых ротах, отправляющих их дальше, по экипажам и кораблям. Но всех нужно было кормить. И сия почётная миссия выпала на долю призванных первыми, аккуратно к 7 ноября. Призвали-то их ещё раньше, но пока довели, помыли, переодели после унижительного медицинского осмотра — «Спиной ко мне, трусы снять, ягодицы раздвинуть!», как раз и пришёл праздник. Который никак не ощущался в суете бесконечного камбузного наряда: столы накрыть, обедки убрать, посуду помыть, картошку начистить... И так изо дня в день. И в ночь тоже. Ту самую, когда Игорь, покрывшись холодным потом, свалился на свою кровать, вернувшись с очередной чистки картошки. Которая

закончилась к четырём утра. А в шесть уже надо было накрывать столы.

Гребнев же, вспомнив под утро, что наметни был праздник, лишился сил прежде, чем смог расстелить постель. В насквозь промокшей от пота тельняшке под засаленной за три дня форменкой, он рухнул, не раздеваясь, на кровать. Тельняшка была ледяной, а сам Игорь горел в огне зарождающегося воспаления лёгких. И сон не шёл. Однако же Гребнев и не бодрствовал — сил не было. Он просто отключился. Ровно на полчаса. Через которые дневальный по учебной роте тронул его за ногу — пора на камбуз. Но именно в тот миг его ещё раз окатило холодным потом. Который и привёл Гребнева в чувство. Прямо как сейчас.

Ледяной пот ещё катился вдоль позвонков, когда Игоря внезапно окликнули. Со спины. И без того мокрой. Чего он терпеть не мог. Но шаг сбавил.

Слава. Мускул из тандема оперов.

— Я как чувствовал, — подхватил он Игоря под локоток, вынырнув из тени и промозглого вечернего сумрака.

— Что? — не понял Гребнев.

— Что чувствовал? Что встречу вас, Игорь Николаевич. Именно в это время. Вот и дождался.

— А смысл?

— Смысл в том, что надо бы ещё кое-что обсудить...

— Что обсуждать-то? Убийцу своего вы взяли, ещё одну жизнь спасли, за что вам не только честь и хвала, но и всякие няшки, как я полагаю. От начальства и благодарных жителей. И от меня лично. Дело закрыто. Надеюсь. А я-то теперь на кой вам?

— И не надейтесь. Пёс, собачья морда, говорить отказывается. Вас требует.

— Меня?! — удивлению Игоря не было предела.

Он даже остановился, но Слава почти бережно, с учётом его силы, увлёк Гребнева на выход с платформы. Туда, где всё началось — к трубе подземного перехода.

— Да вы не волнуйтесь, Игорь Николаевич, у меня тут машина. Потужний расщедрился. Пригнал дежурный «уазик», — Игорь вспомнил прошлую свою поездку в автомобильчике, провонявшем пассажирами, далеко не всегда блюдущими гигиену, и уже готов был отказаться от такой чести, решив идти пешком. Но Слава, у которого не было фамилии, по крайней мере, доступной для знания Грековым, придавил локоть. Как при первой встрече. Так что Игорь не стал упираться. Ещё не сошли предыдущие синяки, пусть и оставленные неумышленно. Зато болезненно. — Он даже чай распорядился поставить, памятуя о ваших проблемах со здоровьем и жёстком режиме.

— Лучше кофе, — на автомате буркнул Гребнев. — С чего бы такая забота? Ну прям как в кино. Добрый следователь, злой... Ну так я в такие игры не играю, вы же знаете, Слава. Стар я для игр.

— Вячеслав, если на то пошло. Константинович, — осклабился Слава, увлекая Гребнева в трубу перехода. — А возраст я ваш уважаю. Мне б дожить. Да боюсь, не выйдет.

Игорь с удивлением смерил собеседника с головы до ног внимательным взглядом. Признаков скорой смерти не наблюдалось. А спросить он не успел — Слава и сам оказался сегодня на удивление словоохотлив.

— Переводят меня. Из оперов — в гвардию. Там некомплект. Чую, кинут нас. И на деньги, и на фронт. Которого якобы нету. Ну так и «зелёных человечков» там, — Слава выразительно повёл головой куда-то в сторону, намекая на необъявленное вторжение в соседские пределы, — тоже вроде как не было. Поначалу. А потом нашлись.

И он то ли вздохнул, то ли хихикнул.

— Повышение или немилость? —
полюбопытствовал без особого интереса Гребнев.

— Скорее ссылка. В надежде, что всё решится естественным образом. Как некогда ссылали на Кавказ.

Надо же, а Игорь считал его мускулом. А он вишь чо знает — Кавказ, ссылка в одну сторону, как способ решения проблемы. Впрочем, это давно известно: нет человека — нет проблемы...

— И за что же, если не секрет? — уже с большим интересом Игорь взглянул в лицо Вячеслава, мысленно добавив «Константиновича».

— Как говорили в советских фильмах про шпионов, «он слишком много знал», — хмыкнул Слава, и отвернулся.

— Как говорил один мой хороший знакомый, ныне покойник, — поддержал разговор Гребнев, но далее пошёл не по тексту: — тут у вас ошибочка вышла. Кино не про шпионов. О контрабандистах. А это, как говорили в Одессе, две большие разницы.

— Большие или не очень, мне по барабану. Влип-то я по самое не могу. И главное за что? За честное исполнение долга...

— Супружеского? — хотел пошутить Гребнев, но Слава зыркнул на него так, что Игорь предпочёл если не заткнуться, то перевести разговор в иное русло.

Поперхнувшись под взглядом опера, дослуживающего последние дни в должности, он продолжил:

— Продолжая киношную тему... Или жанр... Вот мы сейчас приедем... И что? Уголовник увидится с жертвой, а в это время добрый следователь через одностороннее стекло будет наблюдать за беседой? И вскроется некая тайна, я так понимаю?

— Не так, — от бывшего дружелюбия Славы, пусть и показного, возможно, не осталось и следа. — Нет у нас таких стёкол. И слушать тоже не получится, для этого нужно оборудовать кабинеты немного иначе, чем у нас. У нас так точно не кино...

— Ну, я тоже как-то заявил на партийном активе флота, что агитировать за коммунизм нужно не на словах, а на деле, за что и был сослан в стройбат, — Игорь постарался смягчить своё неловкое высказывание экскурсом в личный опыт. Который родился от желания не исправить — загладить свою застарелую вину перед Вдовиным. Но вышло так себе. А вот со Славой он не ошибся. Опер понял и поддержал.

— Вот и я заявил... Не про коммунизм, конечно. А про личный пример. Коммунизм хрен бы с ним. Не было его и не будет. А вот такое — с переходом на личности — точно не прощают. Да ещё и при наличии фактов...

— Что, судя по вашей почётной отставке, и требовалось доказать. В назидание другим, — закончил за Славу Гребнев.

21

— О, вы, как я погляжу, уже спелись? — Потужный, вглядываясь в лица шагнувших в его кабинет, встретил Гребнева в сопровождении опального опера кивком головы.

Выражавшие если не дружелюбие, но понимание происходящего, их лица действительно выдавали хорошие отношения двух вроде бы далёких друг от друга людей. И, чтоб разрушить эту случайно возникшую связь, Потужный вышел из-за стола, протягивая Игорю руку:

— Спасибо, что согласились приехать.

— Уговоры были весьма убедительны, — Гребнев кивнул в сторону Славы. И демонстративно потёр локоть. — Давайте без политеса, домой хочу. Что там не так с этим Псом?

— Без так без, — Потужный вернулся на своё место. — С вами говорить хочет. Сказал, что пока не увидится, ни о чём его спрашивать не стоит, не ответит. И не ответил. Хотя разговор и был... — тут пришла очередь Потужного проглотить слова. Но взгляд на Славу был весьма

красноречив. — Да вы присаживайтесь, сейчас чай принесут. Настоящий. Почти чифирь.

— Вот с этим как бы без надобности. В смысле чифиря. А рюмку кофе проглотил бы, даже растворимого, если иного нет.

— Слава, распорядись. И Пса давай сюда, — скомандовал Потужный, раскладывая на столе, где красовалась винтажная подставка под ручки и карандаши, свои бумаги.

Дверь распахнулась буквально через пару минут. Но вместо Славы, забывшего, что он Константинович и метнувшегося выполнять указание старшего товарища, с подносом на вытянутой руке, как заправский халдей, в кабинет вплыл пухленький старлей. Не Оленька из приёмной министра, но всё равно довольно куртуазно вышло.

Чай в стакане — для Потужного, парил, как паровоз, изображённый на литом подстаканнике. И кофе Игорю — с лёгкой ароматной дымкой над фарфоровой чашкой на блюдечке с голубой каёмочкой. Никакого растворимого — арабика чистой воды, тут и к гадалке ходить не нужно, Гребнев на запах повёлся как телок.

Но запах запахом, а Игорь засмотрелся на чашку с изображением мужчины в плаще. Из позапрошлого века. Не просто мужчина. Дэнди. Чашка же была явно чайной, но в ней был кофе. И нечего было капризничать — чашке тоже было лет немало. По крайней мере, модели — Гребнев хоть и не особо разбирался в посудных тонкостях, но сумел понять, что перед ним — императорский фарфор. Настоящий. Хорошо живут опера, мелькнула мысль. Которая окрепла, когда он кофе пригубил. Хотя и по запаху уже в том не сомневался.

— Ну-с, Игорь Николаевич, как я понял, вы не особо жалуете нашу власть...

Гребнев чуть не поперхнулся:

— А это к чему? И откуда такие выводы, если я сам, в некотором роде, представитель этой власти?

— Ну, как же, как же, — Потужний откинулся на спинку офисного кресла, почти такого же, как и в его тайном офисе. — Мне тут, в силу заявлений Пса о том, что ни с кем, кроме вас общаться он не будет, пришлось прошерстить ваши социальные сети. Ну и так, по мелочи... Не подумайте чего, искал не компромат на вас. Мне нужен был повод, ставший спусковым крючком для двух отморозков. Вдруг вы их чем обидели, вот они и того...

Гребнев напряг извилины. Из соцсетей у него только «Фейсбук», и то от случая к случаю. Да и по возможности с минимумом оценок. Не приветствовалась личная точка зрения в министерстве. Особенно если она высказывалась общественно доступным способом, как было сказано в приказе по министерству, ограничивающем словоизлияния где-либо помимо совещаний у министра. У него там тоже не особо пословоблудничаешь, но там разве что на лишение премии наболтаешь. А где-либо ещё — вообще низзя. Под страхом увольнения.

Но даже при таких ограничениях и самоцензуре он порой умудрялся — на грани фола, конечно, сказать то, что думает о власти. К которой формально принадлежал. Однако не разделял взгляды и методы. И уж тем более результаты. Коих и было-то кот наплакал.

— Где я, а где ваш Пёс? И как могут наши интересы пересечься? Да ещё и так, чтоб я этого Пса обидел...

— Ну, как же... Всяко бывает. Одно неосторожное слово — и всё. Враг на всю жизнь.

— Или подследственный, — поддакнул Игорь. Но Потужний не повёлся, не стал развивать тему. И тогда Гребнев спросил в лоб: — И что же вы для себя уяснили из моих прежних высказываний?

Он прищурился, отхлёбывая горячий кофе, намеренно опутив имя-отчество Потужного — не будет меж ними ни деловых, ни, тем более, дружеских

отношений. Да и никаких иных тоже. Вот послушаем, что там Пёс надумал сказать, — и прости-прощай, товарищ опер. Или господин полицейский.

— Ну вот к примеру, — опер за столом пододвинул к себе одну бумажку и зачитал, с выражением: — «Глуповатое благополучие, блаженное самодовольство, вот наиболее выдающаяся черта эпохи у нас; и что особенно замечательно, это то, что как раз в то время, когда все эти слепые и страстные национальные самоутверждения, враждебные друг другу, унаследованные христианскими народами от времен язычества, сглаживаются и все цивилизованные нации начинают отрекаться от презрительного самодовольства в своих взаимных отношениях, нам взбрело в голову стать в позу бессмысленного созерцания наших воображаемых совершенств». Писали?

— Не я, — мгновенно вспомнил Гребнев эту запись ещё четырнадцатого года. Когда категорически отказался участвовать в митинге по случаю «возвращения Крыма в родную гавань». А по сути — в поддержку аннексии полуострова. Вспомнил, потому что и после не раз её цитировал. — Могли бы и заметить, раз уж взялись изучать мои мысли, изложенные в интернете, что это цитата. Но я к оценкам присоединяюсь. А не нравится... Претензии автору — в «личку».

Потужний удивлённо вскинул брови.

— Кому и куда? — и пододвинул чистый листок под правую руку.

— Я, видите ли, не мог это написать, потому как не настолько сумасшедший, подобно автору, каким его пытались выставить. И не столь образован. Как написавший сие Чаадаев. Слышали о таком?

На лице Потужного отразилась мучительная борьба мыслей. Но успехом она не увенчалась:

— Декабрист, што ле? — скинув столичный и мусорской лоск, подал он наконец голос.

— Близко, но мимо. «Басманный философ».

— Это ещё что за зверь?

— Он первым не признал царский лозунг, пошёл вразрез с государственной идеологией «Православие, самодержавие, народность». Жалкое подобие которой видим мы и сейчас... Ну да дело не в этом. Вы что же, шьёте мне мыслепреступление?

— Что вы, боже упаси! — делано вскинул руки Потужный.

Но в голове у опера пронеслось, что это было бы весьма кстати. Иметь такую статью под рукой. Чтоб привлечь по ней, усилий особо прикладывать не нужно, хоть раз, но любой человек супротив власти за свою жизнь да выскажется. И слепать такое дело куда проще чем расследовать убийства. Искать мотивы, доказательства, спорить с адвокатом... К тому же Гребнев неожиданно сам подбросил ему исходный материал:

— Если вам, уважаемый, нужно... Для галочки там или для отчётности... То я помогу. Чувствуя моральный долг за спасение моей никчёмной жизни. Пусть и не лично вами. Так вот. Да, терпеть я не могу нынешнюю власть. Власть выскочек и подхалимов. Малограмотных. Ещё менее образованных. Вы, кстати, уж простите, но тоже из их числа. Из одной когорты, так сказать. Что и доказали минуту тому назад. Наглядно доказали, запутавшись с Чаадаевым. И, скорее всего, он у вас ассоциировался с Чацким, это ближе к школьной программе, которую вы, полагаю, худо-бедно, осилили. Хотя, как видится, и без выдающихся успехов. Простите, разговор у нас откровенный, один на один, а я в споре слов не выбираю, говорю, как есть. Но сейчас не о том. И даже не о том, что не признали цитату, приписав авторство мне. Не потрудившись установить её происхождение. Я о том, что вы даже близко не знаете Чаадаева как выдающегося русского философа. Впрочем, как и, — Игорь кивнул куда-то в потолок, делая намёк на необразованность более

высоких лиц, тем более — властителей. Но вслух сказал иное: — Не то знали бы, что государственные верхи усмотрели в идеях Чаадаева «антипатриотизм» и «преклонение перед Западом». Это вам ничего не напоминает?

Потужний судорожно зашелестел бумагами на столе, удивлённо поглядывая на расположившегося справа от него Гребнева. А Остапа, что называется, понесло. Случалось такое с Игорем, как и с героем Ильфа и Петрова. Что-то в мозгу клинило, и Гребнева было уже не остановить. Сейчас же, памятуя слова Славы, что прослушивание кабинетов в РОВД на нуле, Игорь и вовсе распоясался.

— Да вы, господин Потужний, не суетитесь, я вам почти под запись дам. Всё, что хотите. К примеру, я не просто против нынешней власти. Я бы, вырвав её из алчных рук... — тут Игорь немного сбавил обороты, ибо сказанное уже выходило за рамки политических теорий и разговора тэт-а-тэт. — Я бы, получив к власти доступ, первым делом, раз уж пошла такая мода, тоже изменил бы Конституцию. Но совсем не так, как её меняли до того. Я бы внёс первым пунктом, сделав это главным и нерушимым законом, что во власть человек может прийти только раз. И то при условии, что на момент выборов он не просто не достиг пенсионного возраста. Но и по истечении срока полномочий ещё не будет пенсионером. Ну, хотя бы день. Пока дела не передаст следующему. А то как трамвай водить или там самолётом управлять, так старики уже не годны, но вершить судьбы государства, миллионов людей — это пожалуйста. При том, что таким деятелям жизни десятков, максимум сотен доверять, оказывается, нельзя. Уже одного этого хватило бы, чтобы сократить очередь на доступ к трону. Хотя в запасе есть и куда более радикальные мысли на сей счёт. Вторым пунктом я лишил бы избирательных прав... Да, да, именно так, — по аналогии с не достигшими совершеннолетия — установил бы запрет участвовать в

голосовании всем, кому пенсия уже выплачивается. Не, ну а чо... Раз можно лишить избирательных прав миллионы юных, вроде как не соображающих ничего в политике, коим при избранной власти жить, то чего оглядываться на стариков? У них опыт? Ну, пусть советуют. Но сами не лезут. Ни на должности, ни в избирательный процесс. Не им жить при избранной власти, — ещё раз подчеркнул свою мысль Гребнев. — Избиратель должен быть молод и на себе ощущать все прелести трудов вождя, которому он доверит управлять собой от имени государства. При этом голосующий не должен надеяться на подачки со стороны системы. Только то, что по закону. Во всём. А то... Тут пенсию на рубль подняли, там ездить за полцены разрешили — вот вам и подкуп избирателя. Который уже в силу возраста с головой не особо дружен. Но при этом активен и давит массой. В отличие от тех же юных и молодых. Хоть и умных, но не верящих в систему, а потому голосующих без особого энтузиазма. Вот их и душат...

Потужный едва не плакал. Такое дело само в руки шло! И так бездарно пропадало... Ну, да, занимаются политикой другие, он сыскарь. Уголовный. Но отчего бы не отличаться опытному работнику! А если за этим Гребневым найти ещё парочку таких болтунов? Так ведь это готовый заговор! Антиконституционный!

Дрожащими руками опер отодвинул свои записи. Всё равно был не в состоянии строчить вслед за дерзкой и довольно стройной речью Гребнева, не стенографист он. А ведь говорили ему — учись, пригодится. Вот и пригодилось бы. Так нет же...

А Игоря было даже этим не остановить.

— Ах, да... Возвращаясь к началу... В той же Конституции должно быть закреплено: человек в ответе за годы, проведённые во власти. Обещал, но не сделал — к ответу. Украл — никаких оправданий. Использовал служебное положение в личных целях или для друзей по кооперативу — квалифицировать как отягчающее...

Гребнев оборвал свой сказ на полуслове — открылась дверь, и на пороге возник Пёс, понукаемый Славой.

Беглый бандит за сутки уже обжился на нарах и выглядел совсем домашним, насколько это возможно «на хате» у хозяина. Разве что воротник его свитера и украсился дополнительными пятнами, не исключено — собственной крови, пущенной всё тем же Славой во имя выбивания ответов на многочисленные вопросы, вызванные образом жизни и действий Пса.

— Ну что ещё, начальник! Опять я стоя спать буду! — прямо с порога загундосил задержанный. — Не о чем мне с вами бакланить...

— Ну-с, Песцов Вениамин Сергеевич, мы, как видите, держим слово, — Потужний на словесный поток не среагировал. Зато встретил «гостя» почти радушно, разве что не привстав из-за стола. Это-то и понятно, хоть какая-то передышка после того ушата, что вылил на него Гребнев. А он при этом ничего не мог сделать. — Вы хотели видеть Игоря Николаевича? Вот, пожалуйста. Что вы хотели ему сказать, до того, как признаетесь в убийстве своего поделщика?

Пёс поднял голову, обвёл мутным взглядом кабинет.

На сером лице, явно избитом, но без следов в виде ссадин и синяков, постепенно оживали мышцы.

— Я?! Сказать?

Выглядел Пёс не то чтоб потерянным, а... Ошарашенным, вот. Типа, понятия не имею о чём вы. Вот и пропал интерес к нему. У оперов. Которые, видать, не сговариваясь, пришли к одному выводу: время, паскудник, тянул.

Гребневу было не до выводов. Он во все глаза смотрел на человека, дважды пытавшегося его убить.

Внезапно губы Пса изогнулись в злорадной ухмылке, а глаза обрели ледяной блеск. И тем не менее голос его был едва слышен. Да и не голос, так, бормотание.

Которое Игорь едва разобрал. Но всё равно не понял. Хотя слова ему и напомнили что-то смутно знакомое...

— Мене... Мене... Текел, фарес...

Пёс внезапно подобрался, распрямил плечи. И эту перемену в нём, как и непонятные слова, похоже, уловил только Гребнев. Да и то потому, что сидел вполоборота к нему. Слава стоял за спиной Пса, Потужний всё еще шуршал бумажками. А Игорь...

Игорь встретился глаза в глаза с подобравшимся к прыжку зверем. И только поэтому успел...

Да что там он успел...

Ничего не успел. Когда Пёс, прямо от порога кабинета прыгнул на него, странно так, по-звериному, человек бы прыгал вперёд ногами, а этот летел, вытянув скрюченные пальцы, единственное, что сделал Гребнев, плеснул в звериный оскал подостывший кофе. Следом полетела и чашка. Императорского фарфора. Но не она остановила прыжок, от которого Игорь уклонился только тем, что оттолкнулся двумя ногами и стул поехал от стола к стене.

Как в замедленной съёмке — не зря они со Славой о кино говорили, Гребнев увидел, что Пёс в прыжке дотянулся до винтажной карандашницы и выхватил из неё что-то остро заточенное. Карандаш, шариковая ручка, фломастер. Всё в руках обречённого уголовника в таком узком пространстве могло стать оружием. Оно и стало. Вот только на его пути был уже не Гребнев. А Слава.

Упустив тот короткий миг, когда Пёс сорвался, как с поводка, и ринулся на Гребнева, опер реабилитировался таким же немислимым прыжком. На долю секунды опередив бандита, Слава оказался у него на пути, вытянул руку, сжатую в кулак, ударил...

Но за ту же долю секунды у Пса в руке уже оказался карандаш. Который он по инерции, всей массой летящего тепла и всадил оперу в глаз.

Хотя скорость звука и меньше скорости света, Игорь вначале услышал хруст разрываемой человеческой плоти и только потом грохот падения настольной лампы, от чего в кабинете стало не то чтобы темно, но сумеречно. И сквозь эти сумерки рванулся к запылённому потолку дикий, предсмертный крик Славы. Который предчувствовал свою смерть. Но не такую скорую.

Потужный, вжавшийся в спинку кресла, со своего места потрясённо взирал на происходящее, не смея пошевелиться. Может, он думал так помочь своему подчинённому? Чтоб не отвлекать...

Но в помощи Слава уже не нуждался. Он был мёртв ещё до того, как с каменным стуком, спиной и затылком коснулся пола. А на нём, готовясь продолжить прерванный прыжок, замер на мгновение Пёс.

Гребнев, уже схлопотавший изрядную долю адреналина, частично выплеснутого вместе с кофе, второго прыжка дожидаться не стал. Благо стул прочно упёрся спинкой стену.

Разжавшейся пружиной Игорь вскочил на ноги. И не просто вскочил.

Ещё не успев обрести опору, Гребнев ударил правой ногой. Ударил вместо того, чтоб просто опустить её на пол. Скользящий от пролитого кофе. И в то же время липкий. В чашке была изрядная порция сахара, которую за своей многословной тирадой Гребнев сразу и не заметил. Но понял это по слипшимся губам и враз пересохшему языку. Правда, к тому времени он уже почти всё сказал. И пить дальше сладкий кофе не собирался. Он вообще предпочитал кофе без сахара. Зато тёплым сладким напитком успешно отбил первый натиск. И устоял на липком полу при отражении второго. Хотя всего-то и было нужно нанести один удар.

Модельные полусапожки Гребнева не очень годились для уличной драки. Ну так они и не на улице дрались. Поэтому острый носок на тонкой подошве

впечатался точно в нос на мгновение застывшего на теле опера Пса.

Любой собаке такой удар был бы не по нутру. Псу в человеческой личине — тем более. Потому как Гребнев не просто попал в нос.

Своим ударом, в который он вложил и ненависть к уголовнику, и всё пережитое в последние дни, и месть за Славу, в общем-то не самого худшего человека среди полицейских, которому он к тому же был обязан жизнью, и едва ли не дважды, Гребнев вмял лицевые кости гражданина Песцова ему же в череп. С хрустом вмял, на всю глубину стопы. И едва успел выдернуть ногу, чтобы заваливающийся на бок Пёс не утянул его за собой — падать на перепачканный пол не очень хотелось...

22

...Что-то не давало покоя Гребневу. Ни в РОВД, пока шли следственные действия — шутка ли, два трупа, и где — в районном штабе правопорядка! Ни после, пока он, покачиваясь на непослушных от долгого сидения ногах, шёл к дому. На сей раз никто не предложил его подвезти. И не потому, что машины не было или не до того оказалось из-за смерти одного из полицейских.

Игорь шкурой ощутил, что его считают виновным в обеих смертях. И если Пса ему простили и даже в плюс зачли, то за Славу готовы были рвать зубами. Не оттого, что тот при жизни был исключительно хорошим. Просто он был свой. А Гребнев — нет. И эта мнимая вина — Игорь даже убийство Пса не считал преступлением, хотя будет суд и ему отвечать всё же придётся, мешала сосредоточиться и понять, что же его беспокоило. Ещё с того момента, как покойный ныне Слава подошёл со спины.

Уснуть не получилось, и он сполз с кровати задолго до будильника. Который всегда запаздывал. Нет, он звонил вовремя, в тот момент, когда и было заказано. Только Гребнев к тому времени всегда уже был на ногах. И

отключал будильник прежде, чем тот разразится своей песнью трудового пламени во льдах сновидений. Но не сейчас.

Нет, будильник он выключил. Но звонок всё же прозвучал. И спросонку, хотя и будучи уже на ногах, Игорь не сразу понял, что звонят в дверь.

Он привычно потянул дверь на себя, даже не потрудившись глянуть в глазок.

На коврик перед дверью, повернувшись бочком, стоял Потужний.

— Вы? За мной? — признавая себя виновным в убийстве Пса, Гребнев всё ж не думал, что его упекут до суда на освободившееся после смерти уголовного место.

— Я. Но не за вами, — буркнул Потужний. — Войти можно? Не на лестнице же нам обсуждать дела...

Гребнев раскрыл было рот по поводу санкции прокурора, ордера на обыск или чего там ещё, но тут же захлопнул варежку, отступив вглубь коридора. Как-то не вязался этот визит со всеми официальными атрибутами.

Потужний был изрядно помят, хотя и был куда моложе Игоря. Ну так Гребнев хотя бы полчаса дремал. А даже если и не дремал, то лежал под одеялом, пытаясь понять, что же его насторожило до того, как случилось то, что случилось в РОВД. И эти полчаса выгодно отличали состояние Игоря от измочаленного опера.

Капитан, кажется, такое звание было указано на табличке кабинета Потужного, не стал раздумывать над тем, предложит ли ему хозяин комнатные тапочки, спокойно прошлёпал на кухню в мокрых башмаках. Судя по их виду, он тоже не на машине добирался.

— Чем обязан? — Гребнев и не пытался изображать радушного хозяина, бросив неодобрительный взгляд на оставленные на полу следы.

Зато непрошенный гость не стеснялся.

Грузно опустившись на табурет у стола, Потужний спиной навалился на занимавший угол кухни холодильник и поднял взгляд на Игоря.

— Был бы искренне признателен за чашку кофе, любого. А лучше — чай. И покрепче.

Гребнев, кутаясь в старенький махровый халат, рисунком в полоску схожий с теми, в которых в советском кино изображали басмачей, и не подумал шевельнуться.

Их взгляды встретились.

Потужний первым не выдержал, взгляд отвёл, и прохрипел:

— Приношу свои искренние извинения за столь неурочный визит. И без приглашения, и в такую несусветную рань. Но думаю, что вести, которые я принёс, стоят стакана кипятка.

Надо же, мелькнуло в голове Игоря, а он не так прост, судя по тому, что изъясняться умеет совсем не как обычный мент. И на игру не похоже. Это он прежде играл, в РОВД. Сейчас всё иначе.

Гребнев нажал кнопку электрического чайника, и пузырьки тут же сорвались со дна — воды в чайнике было ровно на одну чашку. Которую он и выставил на стол, сняв с полки сушилки над раковиной. Для кофе велика, для чая... Ну, почти в самый раз.

— Так чем всё-таки обязан? Не чай же пить вы ко мне пришли, — Игорь покосился на часы, — в пять утра...

— Ещё раз вынужден извиниться. Но теперь уже по существу. Примерно полчаса тому назад принято решение, — Потужний положил свои кулаки, куда как более слабые, чем у почившего Славы, на стекло столешницы.

Гребнев поморщился. Под ногтями опера было черным-черно. И это на его столе, со стеклянной столешницей, прозрачной до призрачности...

— Мне что, каждое слово из вас клещами вытаскивать? Так мне на работу пора. Спасибо, что в камеру не посадили. Придётся трудиться.

Игорь отвёл взгляд от коротких тупых пальцев, с плоскими ногтями, заканчивающимися прямой кромкой с полоской грязи под ней. Эдакие пухлые колбаски. Выдающие крестьянское происхождение.

У Гребнева были пальцы нейрохирурга, о чём ему не раз говорили. Едва ли не с детства. Но что толку, не ту стезю он выбрал... А так, да, пальцы тонкие, цепкие. С аккуратными ноготочками. Разве что без лака. Но и против крестьянских он ничего не имел. Как и сам не пользовался своим врождённым даром. Который и пропал-то даром. Из него даже обычный хирург не получился. Вышел, весь вышел, целиком и полностью. В погоне за мечтой о море. И пошёл в адмиралы. Но и туда дошёл. Так что не происхождением Потужного был Игорь недоволен. Его отношением к себе прежде всего, к своему облику. Из этого бескультурия, по мнению Гребнева, проистекало и всё остальное. То же стремление любого упечь за решётку — Игорь чутко уловил это желание опера, когда растекался мыслию по ветвистому древу своей конституции, с лишением прав выживших из ума и ответственностью дорвавшихся до власти.

Но опер сбил его с этой мысли.

— Вот об этом я и пришёл поговорить. О том, что трудиться придётся, — гость судорожно протёр руками глаза, потом потянулся за пододвинутой к нему чашкой, куда Гребнев от щедрот своих бросил целых два пакетика. Чай он недолюбливал, в пакетиках так вообще не переносил, но держал на всякий случай. Вот он и подвернулся.

Игорь не стал подгонять опера. Но руки сложил на груди, отгораживаясь от гостя.

— Видите ли, Игорь Николаевич... — капитан отхлебнул из чашки, поморщился от горячего напитка, но продолжил: — Вчера мы потеряли нашего коллегу. Нормального парня. Которому не повезло. — Потужный уставился на Игоря, но тот промолчал, давая гостю

высказаться. Чтоб понять, к чему тот ведёт. — В нашей службе такое случается. Не то чтобы сплошь и рядом, но да, бывает. А у Славы семья. Недавно женился. Может и не совсем по любви, скорее по залёту, но... Жена, будет ребёнок... А он погиб. Нелепо. Да, будут какие-то выплаты... Но вы сами понимаете — это скорее слёзы, чем помощь вдове.

— Вы кинули клич собрать деньги? Готов поучаствовать, — Гребнев подумал, что это будет воспринято как попытка откупиться за смерть человека, ставшего на пути его смерти. Однако же решил не отступать от этого порыва. — Материально. Оклад позволяет.

Но Потужний вроде как и не услышал его, продолжил на своей волне:

— Поэтому было принято решение... — хотя это и так было ясно, что решение принято. Но опер счёл своим долгом акцентировать внимание не на том, какое, а что оно принято. Как Гребнев — на желании материально поддержать семью убитого.

Тяжело, словно сбрасывая мешки с песком из корзины воздушного шара, слишком близко опустившегося к земле, Потужний вздохнул и продолжил:

— Решение может показаться неоднозначным. Но, следует признать, единственно устраивающим. Устраивающим всех. Надеюсь, устроит и вас. В связи чем я и заявился в такую рань...

— И долго вы будете тянуть кота за хобот? — не выдержал Гребнев.

— Это была преамбула, — вновь удивил Игоря гость: ишь, сколько слов, не присущих по чину, уже произнёс. И это ранним утром! Что же будет к вечеру? На иностранном заговорит? И тогда, быть может, объяснит странную фразу Пса. Мене, текел, фарес.

Воспоминание пришло внезапно, и Гребнев ухватился за него. Чтоб вновь не забыть. Как забыл об этом

шёпоте убийцы перед последним прыжком за всем, что случилось после. А забыться это могло, потому как Потужний, покончив с преамбулой, продолжил, на той же волне, убаюкивающей. Пока убаюкивающей.

— Присказка, так сказать, это была. А теперь сказка. Хотя и без счастливого конца. В общем так, — Потужний наконец бросился как в омут и заговорил быстро-быстро. То ли боялся, что Гребнев станет перебивать, то ли страшился сбиться и забыть что-то важное. Он и так уже много сказал чего. Что играло против него прежнего. — Решение пришло сверху, — Потужний поднял глаза горе, но там был всего лишь потолок стандартной двушки. — Так вот...

По решению, которое опер помянул все уже несколько раз, смерть Славы уже выглядела совсем не так, как её видел Гребнев. Своими глазами видел. Теперь он не должен был им верить. Потому как Слава якобы погиб в неравной схватке. При задержании опасного преступника. До сего момента вроде всё совпадало. Ну, почти совпадало. Но дальше...

Дальше получалось, что никакого Гребнева в РОВД не было. Никакой, следовательно, угрозе его жизнь не подвергалась. Поэтому никого он и не убивал. А преступника, матёрого, на руках которого кровь его подельника, тоже не менее прожжённого уголовника, Слава убил голыми руками. При попытке задержания. Когда тот на него набросился. В общем, так вышло, что был Слава безоружен, потому как его дежурство закончилось, и свой табельный пистолет он сдал. А тут — Пёс, собственной персоной. Который в розыске значился уже не первый день. Случайно выполз из своего схрона. И надо же — рядом с РОВД. И прямо перед Славой. Ну и...

— И вы полагаете, это прокатит? — усомнился Гребнев.

— Уже.

— Что уже?

— Уже прокатило. Дело закрыто, Слава посмертно будет представлен к награде, орден Мужества обещают. Не бог весть что, но с ним и прибавка к пенсии по случаю потери кормильца, и разовая выплата обещана...

— Ну а я-то причём? — передёрнул плечами Игорь, затягивая пояс халата, полы которого попытались разойтись, но были вовремя перехвачены. Чтоб не светить перед гостем неглиже.

— Вы, Игорь Николаевич, не зная деталей, могли бы испортить стройную версию. Ненарочно, конечно, так, в разговоре. Или прихвастнув, как убили уголовного. Одним ударом, хвалю.

— Нечем хвастаться, — в голове Игоря, занятой поиском некой несуразности в том, чему он был свидетелем, в его замутнённом бессонной ночью сознании не нашлось места ни радости, ни облегчению из-за свалившегося с плеч груза. Груза-«двести», как на военном сленге именуют покойника. Впрочем, теперь трупы так именуют все кому не лень...

Поэтому он почти равнодушно отметил, что никакого суда не будет. И можно со спокойной душой отправляться на работу. Думая, чем объяснить измождённый вид.

— И всё же я счёл своим долгом, во избежание неприятностей, так сказать...

Потужний сделал большой глоток, поморщился, словно обжёгся, хотя чай уже должен был остыть.

— Хороший у вас чаёк...

— Всё дело в том, чтоб не жалеть заварку, — бездумно ляпнул Гребнев, переводя взгляд с грязных ногтей гостя, не дающих ему покоя, на чашку. Не императорского фарфора, конечно, но придётся и с ней расстаться — по краю чашки тянулся след почище, чем от губной помады. Точнее, грязнее. Что там у Потужнего с губами? От курения налёт?

— Ну, полагаю, мы обо всём договорились. Пойду я. Поспать всё равно уже не успею, но домой стоит заскочить. Не то опять скандала не избежать. Да и вам в присутствии, я так понимаю, пора собираться. Или как там оно у вас называется?

Потужний тяжело протопал к входной двери, плечом подвинув хозяина квартиры.

— А Слава... — наконец очнулся Гребнев. — Как его фамилия? Была... Знаю, что Константинович... Свечку поставить...

— Ему теперь уже без разницы. А прежде стеснялся. Пырлог.

— Как-как?

— Вот и вы тоже...

Потужний толкнул дверь. Да так, что она стукнулась в стенку соседней квартиры. И от удара вернулась обратно.

Закрылась ещё одна страница бытия. Не лучшим образом закрылась...

23

Навалившиеся новые знания, как и новые печали, неожиданно оказали совсем не то воздействие, что должны были.

В голове Гребнева внезапно посветлело. В смысле, просветление на него снизошло. И он, как наяву, увидел то, что долго не замечал. Или не хотел замечать. С того момента, как накануне сел в электричку. А может, и раньше.

Он словно вновь оказался в тамбуре, снова толкнул межвагонную дверь, мысленно почти прильнул лицом к стеклу, отделявшему его от впереди бегущего вагона. К мутному такому стеклу. Сквозь которое видно только в общих чертах. Но прильнул на сей раз основательно.

Он однажды уже смотрел через это стекло. Но тогда не увидел ничего необычного. Зато сейчас, вспомнив то, что уже понял относительно предостережений Пса по

поводу долга — это озарение пришло ещё минувшей ночью, но как-то не сформировалось, Гребнев неожиданно понял: вагон, в салон которого он заглядывал, всё ж был из прошлого. Просто, видать, ему не хотелось ввязываться в тот момент. Или же он ничего не ждал от этого перехода. Саблина в вагоне быть не могло — его звёздный час миновал. Разве что события в том вагоне повторяются раз за разом. Но такого ведь и не было — во второе посещение вагона добычей Игоря стала газета, раскрывшая ему временные рамки его прыжков в прошлое. Значит, войдя в вагон, он мог увидеть нечто новое. Точнее, старое. Но хорошо забытое. Настолько, что оно могло стать новым. Для Гребнева. А он не пошёл. Не потому, что струсил. Не понял. Не увидел. Потому что не хотел. Или не должен был? А ведь всё в прошлом...

Не в смысле, что всё прошло. А в том, что причины происходящего, как корни дерева, именно там, в прошлом. И всё, что происходит, и ещё будет происходить, ведёт свой отсчёт оттуда, издалека, из дней минувших. Притом, что у тех событий, далёкого или не очень прошлого, и не было такой цели — убить, к примеру, Пса или его подельника. Но причины были. Которые и привели к этим смертям. Как и к смерти Славы. С фамилией, весьма несозвучной ни с его обликом, ни с его службой. Да и с чисто человеческими качествами. Но фамилия была ни при чём. Хотя Слава её всё ж стеснялся. Что не помешало ему стать неплохим опером. И хорошим человеком. Каким он был до своего звёздного и смертного часа, которые сошлись в одной точке, Гребнев, конечно же, не знал. Но почему-то думал, что был Слава, как минимум, человеком долга. Потому и бросился под удар, прикрывая собой свидетеля. Которого сам же и привёл. И потому был за него в ответе. Но бросился прежде всего потому, что была тому причина! Должен был выжить не Слава, а Гребнев. Почему? Да кто ж его знает. Так решило мироздание. У которого не было цели кого-то убить. Но была на то причина...

С этим Игорь до конца не определился, но твёрдо решил вечером во всём разобраться. Если ничто не помешает.

Помехи были, но он от них отмахнулся, как от назойливой мошкары. И вновь с мальчишечьим упрямством, достойным лучшего применения, в последнюю минуту вскочил в отходящий состав. А там уже было дело техники — растолкать пассажиров, которых к середине недели стало больше, и протиснуться к двери, распахнуть её.

Окно в вагон, который должен был перенести его в прошлое, вновь было мутным...

Часть вторая

1

— Мы ж договаривались, что будем на ты... И потом, по всем канонам это я бы должен выкатать. Потому как ты старший. Хотя сейчас всё вроде наоборот. Но это видимость. Я ж тебе говорил.

Виктор упрямо качнул головой:

— Да, говорил. Но ведь говорил и о том, что такого быть не может. Потому как иначе...

— Да, да, иначе мирозданье не простит. Но не думаешь же ты, что я сошёл с ума? И все наши встречи подстроены?

— А кто его знает? В смысле тебя... Вас...

— Ну тогда ответь мне на такой вопрос... Самую первую нашу встречу помнишь?

— В Летнем саду?

— Нет, раньше. Когда тебя гопники бить собирались. В подъезде собственного дома...

— Кто? Гопники? Опять непонятками говоришь. Это ты о том, что было в парадной, что ли?

— Пусть в парадной. Но помнишь ли?

— Так это был ты? — удивлению Виктора не было предела. Даже обычная сдержанность куда-то подевалась.

— То-то мне всегда казалось, что лицо знакомое, напоминает кого-то...

Пританцовывая от холода, собеседники почти соприкоснулись головами. Или то было облачко паровозного пара, на миг укутавшее их, слишком долго простоявших у дверей Балтийского вокзала. Долго для того, чтоб определиться наконец — внутрь или уже разойтись, ведь и без того сказано многое. А всё проговорить всё равно не удастся. Да и смысла нет. Раз решение принято. Но оставался ещё один вопрос. И он был задан.

— Лицо, значит, всё ж запомнил. Но не связал сразу. Однако меня другое интересует. Помнишь, как звали того, кто тебя бить собирался?

— Ещё бы. Окурок... — он хотел продолжить, но собеседник перебил Виктора вопросом.

— А где он сейчас, этот Окурок, знаешь? И как его по-настоящему звали?

Ильин напряг память. Но след давно остыл — потерялись они со своим врагом. Может потому, что был тот младше, хотя и свирепее, чем и прославился?

— Вова, кажись... Да на кой он мне? — пожал плечами Виктор.

— Тебе, может, и незачем. А вот мне его личико знакомым показалось...

— С чего бы? — хмыкнул Ильин.

— Бывает. Ты ж вон тоже мучился вопросом: а где я его видел?

— Было дело, — согласился Виктор. — Но Окурок тебе-то на что? Всё уж быльём поросло...

— Ну, как знать, может он и есть главное зло?

— С чего бы? — опять переспросил Виктор. — Да и кто он такой, чтоб быть вселенским злом?

— Сейчас — никто. Но времена меняются...

Через секунду они вернулись к разговору, прерванному замечанием по поводу обращения на ты. И продолжили мёрзнуть, выдыхая клубы пара. Потому как оба понимали: следующей встречи может и не быть...

Они даже присели на припорошенную снегом лавку — в ногах правды нет. И говорили, говорили, говорили. Покуда Виктор, бросив взгляд на вокзальные часы, не махнул рукой:

— Ладно, можешь не желать мне удачи. Раз сам в неё не веришь. Но мне пора.

— Удачи, Витя! Я верю в то, что всё сложится так, как должно. Раз есть такие люди, как ты.

Они пожали руки. И разошлись. Точнее, ушёл Виктор. А его визави, хоть и продрог изрядно, остался сидеть на скамейке.

Он сидел, и глядел вслед удаляющейся фигуре. Всё ещё по-мальчишески нескладной. Но уже сгорбленной. Словно на плечах у этого рано состарившегося мальчишки лежит вес всей вселенной.

Наконец и он поднялся, отряхнул снег с брюк, серых, в едва заметную полоску с искрой — больше он не появлялся на людях в джинсах. Игорь Гребнев умел извлекать уроки из своих ошибок. А сделано их было немало. Главная же, не исключено, была в том, что не на ту лошадь он поставил. Вот если бы в первую встречу с Ильиным он принял другую сторону...

Нет, с Виктором, нагрянувшая по его душу троица, справилась бы и без помощи Гребнева. Зато после расклад мог быть иным. Не пришлось бы мотаться в прошлое, встречаться по закоулкам с Ильиным, рассказывая ему порой небылицы о своём появлении, но чаще — суровую правду. О том, что всегда должен найтись кто-то, кто возьмёт на себя смелость вершить суд истории. Суд, который может изменить ход этой самой истории.

Гребнев, конечно, подводил Виктора к этой мысли исподволь, не рискуя нарушить естественный ход пока ещё не истории, а череды событий, которые и составят эту историю. Так что в решении Ильина если и была крупница влияния Гребнева, то исключительно микроскопическая. Не могла она привести к тому, что сделает Виктор пару дней спустя. Гребнев, наоборот, как мог пытался его отговорить от давно созревшего замысла. Ну как давно, с той поры, как у Виктора на службе появился доступ к оружию. И года не прошло. А вот исключить это самое решение можно было ещё в самую первую встречу. Неблагополучным исходом драки.

Для Виктора неблагоприятным. Но и для его противника тоже. Потому как, вред причинив Ильину, тот

мог прямиком загреметь на нары. С его-то бэкграундом в лице избитого друга. В расквашенном, если быть точным, лице. После чего Окурку была бы заказана дорога, которой он ещё пройдёт. Как катком. Но не по асфальтной смеси, а по судьбам. Если, конечно, Игорь, не ошибся.

Но в том-то и беда, что, похоже, Гребнев не ошибся.

2

Это было сложно, Игорь мог бы даже сказать, чертовски сложно, вспоминая сейчас свои мытарства с поисками путей в прошлое. Хотя нет, не так...

Он искал не просто пути. И не просто в прошлое. А в пресловутую точку бифуркации. Которую ещё предстояло определить. Зато потом, от неё всё пойдёт иначе.

Так он думал. Как думал и о том, что ничего может не выйти из его потуг. Ведь он уже упустил шанс — с Саблиным. А второго шанса может и не быть. Но отчего-то же дорога в прошлое не закрылась! Хотя всякий раз при попытке попасть в предпоследний вагон он оказывался совсем не там, где думал оказаться. Ну, или не совсем там. Что и заставило его задуматься ещё крепче — отчего так?

Нет, в вагоне из прошлого он оказывался регулярно, тут к гадалке не ходи, всё было путём. А вот прошлое...

Оно было всякий раз разное. И не только по причине входа с разных концов вагона — это Игорь заметил ещё с того печального вечера, когда стал невольной причиной гибели опера Славы. Который бросился его спасать. Потому что заложенная в Пса-убийцу программа должна была остановить Гребнева. Который не должен был...

Вот если бы он это сразу понял... Так нет же, хорошая мысль приходит опосля. Он с опозданием понял, что Пёс говорил не о долге Игоря, а о том, что Гребнев не должен. Не в смысле, что нет за ним долгов. Они может и есть. Но что-то он делать не должен.

Понимание же чего он не должен делать пришло ещё позже. И это Гребнева не обрадовало.

Потому что не должен он был ходить меж времён. Кто-то знал о том, Игорь открыл дверь между мирами. Меж которыми — годы и десятилетия. Хотя... Мир-то мог быть и один. Но годы всё равно разные. И это кому-то мешало. Да так, что этот кто-то науськал на Гребнева парочку недоумков. А может и не только их — Игорь вспомнил, как ему в голову врезался какой-то бедолага, упав, да что там упав — пролетев несколько метров над лестницей навстречу своей смерти. И лишь задев Игоря. Закончились ли на этом попытки его остановить?

Тут Гребнев не мог сказать ничего однозначно. Да, его пока оставили в покое. В том смысле, что никто более не покушался. Даже после того, как в качестве следующей точки бифуркации он определил покушение на Брежнева. На что его натолкнула память.

Нет, он не о покушении вспомнил. Неудачном, к тому же. Ему вспомнился погон. На серой отсыревшей шинели. Тот, что оказался у него перед носом при попытке войти в вагон с другой стороны — тогда это была первая такая попытка. И этот погон ему не случайно, как думал Игорь, вспомнился. Да и не столько сам погон. А молоточки на нём...

Геодезист. Младший лейтенант.

Позже Гребнев едва не уверовал, что уже тогда всё понял. Хотя на самом деле ему пришлось перелопатить горы литературы... Ну как литературы... Ссылок в интернете. Далеко не всегда перекрёстных, что зачастую уводило его поиски далеко в сторону. И не раз. Но однажды всё сошлось.

И лейтенант, и погон, и электричка.

Младший лейтенант геодезической службы Ильин Виктор Иванович.

Человек, покушавшийся на генсека партии в эпоху самого расцвета социалистического благоденствия. Когда

казалось, что лучше жизни и быть не может. А он — стрелял в того, кто всё это олицетворял...

Это так не вязалось с той прекрасной историей, что советским детям вдалбливали в головы с малолетства, вместе со сказочками о добром дедушке Ленине. Уже за одно это Ильина стоило вписать в анналы летописи СССР. А его — вычеркнули. Ну, или попытались по крайней мере. Вычеркнуть. Не Ленина, с ним-то, лежащим в свете неоновых ламп в мавзолее, всё хорошо до сих пор. Лежит себе и лежит. А вот Ильин...

В отличие от Саблина, или потому что это было до него, и власть ещё не так испугалась, подумаешь, одиночка, поплёр против ветра, Ильина не расстреляли, а упрятали в психушку. Как и говорил, пришепётывая, наш дорогой Ильич. Опять же, не Ленин. А Брежнев. Что говорил? Что нормальный человек, в здравом уме не может покушаться на партийного лидера советского государства. Народного, так сказать. И государства, и лидера. Хотя и то, и то было ложью. Ну, или пропагандой.

Да, тогда власть ещё так не боялась своего народа, как годами и десятилетиями позже. Когда на пулю в спину и срока огромные уже номинировались ненормальные с её точки зрения граждане за куда меньшую вину. За слова несогласия с партийным курсом. За критику власти. И её отдельных индивидов. За это — так вообще по высшему разряду. «Новичок» там или иная отравка... Но, невзирая на это, всегда находились люди, бросавшие власти вызов. Порой — ценой своей жизни. Хотя и не было больше покушений на «любимых» народом вождей. По крайней мере, широко известных. А те, что вроде как по большому секрету раскрывались в кулуарных беседах, чаще всего были легендами. Для возвеличивания никчёмных вождей: ишь, как они мешают нашим врагам, те даже наймитов подсылают для их устранения. Хотя в дворцовых переворотах нынешней власти стоит опасаться ближайшего окружения, а не засланных убийц. Но это уже другая песнь.

Давшая сюжет ещё одной. О том, как в прошлом было хорошо. И вот туда, а не в какое-то неведомое будущее стремиться надо. Что и делается. Научным языком выражаясь, страна в архаику впадает.

Дело не в технологиях, хотя и в них мы далеко позади. По крайней мере, цивилизованных стран. Архаика в способах отбора. Там, где должны быть лучшие, — прихвостни и лизоблюды. Иначе как объяснить, что в политику и просто на должности, где нужно голову иметь на плечах, приходят не то чтобы случайные... Дикие люди. Ограниченные, необразованные, неспособные не то что нести перемены — сами меняться не в силах. Единственная заслуга коих — близость к начальственному телу. Ну, там горшки за ним выносить, поддакивать, где нужно... Вчерашние опричники, охранники, халдеи. Не важно кто, важно как. Как любит хозяина его раб. Иными словами, важна личная преданность. А ум и умения — побоку. Как и прочие навыки. Особенно способность мыслить самостоятельно. За неспособностью мыслить приходит и всё остальное: вера в богоизбранность — вождя и народа, их величие, помноженное на самомнение... То, чем тешат себя вожди, идёт на корм рабочему скоту. Не просто скармливается — вдалбливается в головы. И рождается племя безголовых...

Хотя... Государство к моменту выстрелов Ильина давно уже не было народным. Возможно, что оно не было им с самого начала. Потому как ещё тогда, на заре советской власти, половина народа шла под расстрел, а вторая — стреляла, в лучшем случае — конвоировала. Вождь же был предметом насмешек и анекдотов — вот и всё обожание. И с вождём, кстати, тоже не с Брежнева началось. Даже усатый таракан, при всей его человеконенавистнической внутренней политике не сумел вытравить из народа насмешки над властью. Так что, следуя этой логике, когда белое — это чёрное,

покушавшийся только и мог быть нормальным. А его — в психушку...

Из психушки Ильин, как Гребнев выяснил, вышел только в начале перестройки. Пусть и было до того послабление практически тюремного режима, его вернули «долечиваться» в родной Питер, который ещё был Ленинградом. Но некоторое время спустя Виктор Ильин всё же вышел на волю. Живым. В отличие от Саблина. И поговаривали — меж строк публикаций о незадавшемся покушении на Брежнева, что он даже из психушки пытался внести свою лепту в модернизацию существующего строя, писал прожекты нового устройства державы, её конституции. И что даже голос его якобы был услышан. Но, естественно, не учтён — что взять с сумасшедшего.

Но был ли он сумасшедшим? Безнадёжным романтиком — да. Идиотом и фанатиком — нет. Но всё же решился пожертвовать собой ради благого, благородного дела. Дела вскрытия гнойника, опасного, по причине загнивания тела, ведущего к смерти головы. И только ради спасения всего организма гнойник надо было вскрыть. Что было чревато — уж больно близко к голове. На что в здравом уме мало кто пойдёт. Даже Гребнев был не готов к такому повороту. И это мучило его. Как наличие некоей вины: Ильин смог, Саблин тоже, а он оказался слабаком. Ещё и делал всё, чтоб власть, которая давно была голым королём, выглядела более приличной при дневном свете.

А ещё некоторое время Гребневу не давали покоя слова Пса.

Мене, текел, фарес.

Набор слов был на слух знаком, но смысл ускользал. До тех пор, пока Игорь не влез в мировую паутину. И мигом нашёл. Почти библейский текст. Который вряд ли мог знать Пёс. Но однако же он цитировал... Или провозглашал? Как пророк Даниил в пятой главе книги Ветхого Завета: «исчислил Бог царство твоё и положил конец ему, ты взвешен на весах и найден очень лёгким,

разделено царство твоё...». В переводе на современный язык — ты измерен, взвешен и приговорён. Точнее даже так — приговор в исполнение приведён. Немедленно.

Что Пёс и попытался сделать. Но это уже была мистика какая-то. Свои визиты в прошлое Гребнев мистикой не считал, а вот то, что беспородный уголовник знает библейские страсти, его удивляло. И это ещё слабо сказано...

Измерен, взвешен и приговорён.

Игорь и так, и эдак играл этими словами. Но всё ещё не сходилось. До той самой поры, как он внезапно отважился не просто ещё раз заглянуть в прошлое, проехавшись в вагоне, где время бежало вспять.

Гребнев решил сойти на остановке. Не возвращаясь в свой вагон.

3

...Он не был к этому готов. Как потом понял. Но сделанного не воротишь. Другое дело, что ошибки можно исправить. Что он потом и делал. Не раз. Благо ограничений на визиты в прошлое у него не было. По крайней мере, он так считал. Даже с учётом побочных явлений. В виде омоложения. Которое ворочало организм вспять, стоило войти в вагон через другую дверь. Или выйти. Чем Игорь и пользовался. Для сохранения привычного окружающим облика. Пусть и хотелось ему стать моложе.

Но самое важное было в том, что эти его переходы никак не отражались на течении времени! В том смысле, что родное время Гребнева при этом текло так же, как и без его скачков туда и обратно — плавно, с утра до вечера. И с вечера — до утра. С точностью до секунды. Словно никуда Игорь и не исчезал. Даже если задерживался в прошлом на сутки. А потом и более. В своём времени он появлялся в ту же секунду, когда уходил в прошлое. Хотя в этот миг, незаметный никому, даже Гребневу, пролетали порой дни и

даже месяцы. Причём некоторые — проведёнными в иной эпохе. А как иначе назвать годы строительства несбыточного социалистического рая, когда вокруг стройка даже не капитализма — опричного государства, контуры которого с каждым днём проступают всё явственнее. И то, что прежде видел только Гребнев, не видеть может уже только идиот. Или подлец. Отрицающий очевидное.

Трудности возникли только с объявлением пандемии. Но до этого у Игоря было целых три месяца. За которые он проделал основную работу. Хотя и понимал, что вряд ли она принесёт необходимы плоды. В его мире. Где-то в ином — вполне может быть. Но в его всё будет идти точно так же — ночь, улица, фонарь, аптека... Однако ради того, чтоб хоть где-то хоть что-то изменилось стоило рискнуть.

Вот тогда Гребнев и впервые сошёл с поезда. Правильно рассудив, что на безвестной платформе внимания он привлечёт меньше, чем на большой станции. Пусть и людей вокруг не будет, но зато вернуться в вагон следующего поезда всегда можно будет без проблем. В виде кондукторов и проводников, покупки билетов. Ясное дело, здесь их продают ещё не по паспорту, но за наличные деньги. Которых у него не было. С тех пор, как появилась возможность платить карточкой. А после и телефоном. Но он ушёл в иной, параллельный мир ещё до того, как решил проблему денег. Вынужденно ушёл. Когда Ольга набрала его утром прямо из кабинета министра.

Игорь, снимая трубку, поначалу удивился, министр вроде как отбыл на очередное и столь же бессмысленное заседание где-то в недрах правительства. И надеялся провести спокойно день после бурной ночи в отделении. И более чем раннего визита старшего опера.

— Николаич, зайти-ка, что покажу, — голос Ольги в трубке был манящим, с каким-то грудным придыханием. Какового не случалось в быту их служебных отношений. — Ну, и задание тут тебе оставлено.

Ольга сидела на месте министра, и Гребнев подумал, что она была бы куда полезней в этом кресле, нежели в приёмной. Цепкая память, скорая на принятие решений, она была незаменима как секретарь. Но и за то время, что провела в приёмной, Ольга усвоила куда больше своего шефа. А потому спокойно могла обходиться и без него. Что и делала порой. Позже докладывая о свершившемся таким образом, что министр и не сомневался: это он так решил, а Ольга — проследила за выполнением. И что характерно: ни разу не допустила ошибки в своих решениях. В отличие от кучи бессмысленных и глупых указаний министра, ушедших в массы минуя её.

— Вот, глянь. И послушай, — Ольга повернула кресло так, чтобы Гребнев тоже мог подойти к массивному столу из тёмного дерева с вкраплениями завитков из светлой груши, на котором возвышался монитор, перекрывавший вид на окно. Он-то и стоял здесь большей частью для того, чтоб солнце министру не мешало. Потому как с компьютером министр был на вы, предпочитая пальчики Ольги на клавиатуре. Так, для масс мог порой изобразить что-то, мышкой поведив по экрану. Но остальное было обязанностью Ольги: почту открыть, ответы подготовить, документы рассортировать. Она могла это и со своего места делать. Через удалённый рабочий стол компьютеры были связаны тончайшими нитями единой нервной системы. Но порой она поступала так, как сегодня. Когда, судя по всему, министра не будет как минимум долго. Но, скорее всего, по устоявшейся привычке он уже больше и не появится до вечера.

Игорь склонился перед монитором. На котором в прямоугольнике видеотрансляции был тот же кабинет, в котором находился сейчас и он. Но без Ольги. И без него естественно. Зато с Калиниченко перед столом. И Наталией Благоевой в отдалении.

Калиниченко, чуть сторбившись, вроде как выражая уважение министру, докладывал. Но голоса слышно не было. Пока Ольга не прибавила звук.

...— по старой памяти. Но всё равно еле уговорил. Выходной, сжатые сроки... Сами понимаете, пришлось пообещать...

— Мы своё слово держим, так что обещанное будет, — раздался голос министра, и Гребнев даже оглянулся: не стоит ли тот за спиной. — В разумных пределах, конечно.

— Я так и сказал, — продолжил Калиниченко. Судя по всему, в той части, что Игорь пропустил мимо ушей по причине отсутствия звука, речь шла о том, что бывший чекист поднял свои старые связи. И они что-то обещали сделать. Потому как чекист бывшим не бывает. И все они свои. Меж собой. Даже предатели. И те, что только в душе, и реально предавшие. Потом правда, счёты всё же сводят. Но ничего личного. Работа такая. Сегодня я тебя, завтра — ты меня. Если прикажут. А покуда не приказали... — Так вот, прогнали они текст. Результат... В общем, не стопроцентный...

— А я что говорила? — с грудным трепетом в дыхании вставила Наталия с другой стороны стола. — Надо было править, уж больно заумно. И цифирь с потолка...

...— но больше девяноста восьми и ожидать было невозможно. А он дал девяносто девять, — невозмутимо, словно его и не перебили, продолжил Калиниченко. И Благоева на полуслове захлопнула рот. Зато министр удовлетворённо крякнул из-за спины Гребнева.

— О чём это они? — непонимающе переспросил Игорь, косясь на экран.

И Ольга хохотнула. Добавив тоном, каким пару минут тому назад с придыханием говорила в трубку:

— О тебе, милый. И о твоём докладе.

Ещё не вникнув в слова, Гребнев взгляделся в цифры в правом верхнем углу записи.

Утро воскресенья. Не самое раннее, но кто ж потребует от начальства являться в выходной ко времени начала рабочего дня. Ещё хорошо, что его не призвали, хватило и субботы.

— И что там за девяносто девять? —
поинтересовался Игорь, примерно уже догадываясь.

— А ты чо, не знал? — Ольга придвинулась к столу, продолжая какую-то одной ей известную работу, положив клавиатуру на колени и вслепую шлёпая по клавишам. — Этим Калининченко и взял шефа за горло. Через свои связи все документы, выходящие из министерства, прогоняет. Ну как все... Все самые значимые, там, где министр подпись ставит или лично озвучивает которые. Смотрят на предмет воздействия. На аудиторию, на конкретного человека. Чтоб, значит, не палить в холостую. Вот и твой доклад через такую программу в срочном порядке прокатали. А он — не в бровь, а в глаз. И Наталии тоже — вон как её искорёжило, когда Калининченко процент назвал. Так что гордись, такого на моём веку ещё не было. И, думаю, не будет. Разве что ты ещё что-то такое выдашь на-гора.

— Значит, успех доклада был предопределён ещё до того, как министр его озвучил? — дошло до Игоря с некоторой задержкой. — То-то Наталия гордилась «нашим» трудом, отпуская всех по домам...

— Это ты гордись, — Ольга одной рукой придвинула к Игорю на край стола пухленькую папочку, продолжая не глядя выстукивать буквы другой. — Оказанным доверием гордись. Вот тебе за это. Пирожок.

— Не понял, — Гребнев подхватил папку, не позволив ей упасть.

— А что понимать, Николаич. Шеф, в ознаменование твоих заслуг, задание тебе оставил. Уверовав в твой талант, ждёт очередной шедевр. Горячку не пороть, к выходным сделать. Можешь даже из дома работать. Чтоб никто не мешал. И не вмешивался. Но чтоб результат! Результат! — Ольга деланно погрозила Гребневу

пальцем, имитируя манеры министра, отодвинула клавиатуру и выпалила с ухмылочкой: — Свободен!

Тогда-то Игорь и понял, что это его шанс.

Даже если у него не заладится, искать сразу не кинутся. До выходных. А там — видно будет. И этим же вечером Гребнев сошёл на станции. На первой попавшейся. Хотя это и был безумный риск. Не зная броду...

Но ему повезло. Как прежде повезло открыть этот временной коридор. Червоточину во времени. По которой можно перемещаться. Пока ещё не куда захочешь, а между временами и дорогами. По которым катят, не подозревающие о своём значении для истории, поезда. Пусть и пригородные. Но почти международные. Потому как люди в разных временах сродни разным народам. Это Игорь сразу понял, едва ступил на платформу в той же стране, но в ином времени...

Бросившись, как в омут, он, неожиданно, не только не утонул во временах былых, но и угадал с направлением.

«Дачное» — значилось на белой вывеске над ограждением платформы. А дальше была тьма с редкими и далёкими огоньками. Но явно большого города...

4

Свои первые шаги в другом времени Гребнев соизмерял с шагами Армстронга по Луне. Хотя позже он честно признался себе: просто струсил. Куда ему было идти? Ему нужно было ждать следующий поезд. А он даже не знал, не нужно ли ему перейти на противоположную платформу. Потому как, не исключено, что ехать нужно было бы в обратном направлении.

Но Игорь рискнул остаться на месте. Потоптался для виду, сделал несколько глубоких вздохов, дойдя до ограждения, и вернулся к краю платформы. Аккурат к моменту, когда из темноты глазом циклопа на него взглянула подходившая электричка. Тупорылая, с парой

подслеповатых фар и тускло поблёскивающих окошек в прямоугольных рамах по бокам от лобовых стёкол.

Он с замиранием сердца считал первые вагоны, издали заметив предпоследний, и поспешил к нему едва ли не от середины состава.

И всё получилось!

Шаг на болтающийся в воздухе переходный мостик — и он в своём вагоне. В своём времени.

Тамбур забит едва ли не битком. И Гребнев, развернувшись, сделал шаг в обратном направлении. Туда, откуда прибыл.

И вновь запах дыма ударил в ноздри. А по глазам...

По глазам резанул солнечный свет. Тусклый, правда. Сквозь неуверенную дымку в утреннем небе.

Но ведь когда Игорь сажился в электричку был вечер! Пусть и ранний, но вечер. Конец рабочего дня. С привычными сумерками и светом фонарей. А тут — утро.

Игорь неуверенно шагнул к двери. Открыть которую ему предстояло самостоятельно. Как в лучших современных пригородных поездах. Даже у нас уже их полно, пусть и в основном вокруг Москвы, на её кольцах и диаметрах, не дальше. Но, что в них, что в заморских, с которыми Игорь познакомился куда раньше, чем с отечественными, для открытия двери стоило всего лишь нажать кнопку. В круге с подсветкой. В зависимости от её состояния — доступна или заблокирована. Зелёная или красная.

Здесь не то что подсветки — кнопки не было. И нажимать нужно было на сально поблёскивающую ручку. Как в обычной квартирной двери. Ну ладно, пусть не межкомнатной, а в подъезде. Хотя в подъездах такие долго не живут. Как и в вагоне электрички.

Ручка от нажатия едва не отвалилась, но дверь послушно распахнулась. Ещё до того, как вагон застыл у края платформы. Над которой не было уже знакомой по

прежней высадке белой таблички «Дачное». Зато была табличка «Лигово».

Игорь напряг память. Пока его крейсер стоял в ремонте в Кронштадте, по этому маршруту он ездил не то чтоб частенько — частые сходы с корабля несовместимы с корабельной службой, как написано в корабельном уставе, но случалось. В последние визиты в Питер сюда он не забирался. Однако выходило всё ж что он проехал ещё как минимум одну остановку от Балтийского вокзала. И Дачное осталось позади.

Машинально Гребнев вскинул правую руку с часами. 6.20.

Это если утро. Хотя по его внутренним часам было 18.20. И ушёл он с работы не утром, естественно...

Да какая разница, мысленно махнул Гребнев рукой. И вновь, как семью минутами раньше, сошёл на бетон платформы. Сошёл, не имея ни плана, ни даже мыслей о том, как быть и что делать дальше. Просто сошёл. А через минуту остался один как перст — народ, высадившийся из вагонов, мигом растворился по обе стороны платформы, сбегав по двум бетонным лесенкам-ступенькам.

Игорь тоже повернул на выход, но притормозил. Что и говорить, страшно было покидать платформу. А ну как больше не окажется электрички в будущее, пусть и не очень светлое оно? Но, с другой стороны, ключевой шаг уже сделан. И Гребнев решил. Однако, притормозив, поймал себя на мысли, что было бы неплохо запечатлеть пейзаж, унылый и почти пустынный. Пейзаж из прошлого.

Вытащив из кармана смартфон, Игорь убедился, что связи нет. Но в остальном аппарат работает. И, стоя у самых ступеней, ведущих с платформы вниз, в грязное месиво, именуемое, видать, дорогой или тротуаром, обвёл видеокамерой окрестности.

С одной стороны, там, откуда он приехал, — стройка путепровода. Моста, проще говоря. На месте, где, видать, прежде был железнодорожный переезд. Теперь развязка

будет в разных уровнях. Но будет ли? Игорь не помнил, дожил ли путепровод до его времён. Когда в городе, ставшем Питером, вновь закипела стройка — КАД, или как там всё это называлось. С переводом из Кронштадта Гребнев утратил связь с городом трёх революций. Или с той поры были ещё? Чем чёрт не шутит, если и он, простой смертный, внезапно оказался в мире, где его самого ещё не было. Даже в проекте. И определил он это легко и просто. Стоило только подойти поближе к зданию, которое он принял за пост ЭЦ — электрификации и централизации.

Пост там, может, и был. Но довольно новое здание было вокзалом. Правда, слеplено оно было кое-как. Или сшито. Цыганской иголкой. С громадным ушком и толстенным телом. Оставившем на фасаде и по бокам здания, над билетными кассами кучу рваных стежков. В виде коряво уложенных кирпичей. Да и сами камни были разномастными, со следами былых кладок. На здание вокзала, ажурное от резьбы по дереву, строение никак не походило — тот, прежний вокзал на станции Лигово Гребнев знал по фото в энциклопедиях, большей частью электронных.

Разгадка оказалась примитивно простой. Рядом с подслеповатыми окошками касс, забранными косой решёткой с вырезом для подачи денег и получения билета, оказались витрины печатных изданий. Но не вокзал, его возраст и кассы заинтересовали Гребнева. А четыре листа желтоватой газетной бумаги под стеклом.

«Вечерний Ленинград». Это в «шапке». А в квадратике перед ней — воскресенье, 20 марта. 1949 год. Номер 66. И в скобках — 999.

Под коллажем из трёх фото — статья «Воскресный отдых». И это в городе, ещё не отошедшем от войны и блокады! Глаза у Гребнева внезапно увлажнились, и прочесть подслеповатый шрифт он не сумел. Или не захотел. Потому что был в шоке. И уже вообще мало что замечал вокруг. Разве что на секунду задержался у последней

страницы, где красовалось «Атлантический пакт — безумный курс политики США». А рядом, на фото — бредущая по Невскому, если Игорь не ошибся, колонна животных: слоны, верблюды, лошади...

К чему всё это он так и не понял. Тем более не сумел прочесть. Не успел. Потому как его цепко схватили под локотки и даже чуток приподняли, так, что лицо едва не вмялось в стёкла газетной витрины. А уткнувшаяся в неё шляпа съехала набок.

Над ухом раздалось властное:

— Пройдёмте, гражданин! И не советую дёргаться, я на фронте и не таких брал!

Гребнев скосил взгляд. Что ему, в отличие от недавнего далеко не дружеского приглашения в столичное РОВД, удалось достаточно легко. Хотя и здесь его удерживали двое. Но не в пример слабее. А то и нежнее. Хотя один и похвалялся своим военным прошлым. Но у Игоря на уме было иное.

Надо же, пару минут как в прошлом, а уже вяпался. И всё почему? Никак не подготовился! Речь даже не о плане визита в прошлое, до этого ой далеко. И то если он выкарабкается. А сейчас... Просто рот разинул. Вот и влип.

— А я, товарищ начальник, ещё вчера его приметил, — донёсся радостный возглас из-за спины Игоря, сбивая с и без того нестройного шага мысли.

Не сопротивляясь толчкам в спину, Гребнев сделал пару шагов в сторону двери в вокзальной стене, однако сумел всё ж глянуть на того, кто видел его здесь же ещё накануне. Хотя этого и не могло быть. Однако же, скорее всего, было. Что могло означать только одно: он уже давно ходит по струнам времён. И даже успел примелькаться настолько, что на него объявлена охота. Увенчавшаяся успехом. К его величайшему сожалению. Потому как на этом его хождения могут и закончиться. С такими-то обвинениями:

— Ходит, понимаешь, и ходит. Никуда не едет. Высматривает что-то. В приборчик какой-то глядится...

А вот это уже статья. Если действительно год 1949-й. Да даже если иной какой... Статья в любые годы у нас находится, ничуть не лучше той, по которой Саблина расстреляют. Пусть и в иные времена. У нас такая страна: меняются времена, но не казни.

Хоть и была левая рука заломлена, но Игорь разглядел бдительного товарища.

Поношенная железнодорожная шинель на «рыбьем меху», чёрная форменная фуражка, измождённое лицо. Не испитое, а именно измождённое. А глаза — горят. Праведным гневом, видать. Вон как его несёт в доносительном кураже!

— Вы только посмотрите, товарищ начальник, пальтишко-то какое! У нас начальник депо так не одевается. Да что там депо — в райкоме на всех одно кожаное пальто. А такого драпа никто отродясь не видел. Разве что в торгсине. С довоенных времён. Так это ж когда было!

Стукач не унимался, а Игорь всё больше и больше понимал, что влип он основательно.

Скосив взгляд через другое плечо, он разглядел такую же шинелишку, да только милицейскую, стального цвета. Тщательно застёгнутую на шесть латунных пуговиц с гербом СССР, пуговицы расползлись аж на два ряда. Над шинелью — коричневая шапка-кубанка цвета с верхом тёмно-синего цвета. На плечах — красного цвета погоны с синей окантовкой. И с одной лычкой. Но вряд ли это ефрейтор, Гребнев не слышал о таком звании в милиции.

Пониже — нарукавный знак в виде горизонтального ромба бирюзового цвета с малиновой окантовкой и такими же буквами. «РУД». Регулировка уличного движения? Расшифровка пришла помимо сознания. Однако скорее всего была верной. Но почему РУД и на вокзале? Тут же должна быть линейная милиция, вон и рядом с дверью

табличка — «Опорный пункт». Но с этим как-нибудь потом. А пока...

Взгляд зафиксировал в вырезе шинели, вокруг тонкой шеи — синего цвета воротник-стойку кителя, с красным кантом. Сама шинель подпоясана ремнём с латунной бляхой. Справа на нём, на двух пасиках — кобура с упрятанным в неё оружием, скорее всего револьвером. Его выдавал шнур из гаруса красного цвета. Револьверный, как пить дать, не для ТТ такой, к пистолету больше кожа подходит плоской шлейкой. Слева на ремне — кожаная сумка. И там же, но на плечевом ремне снаряжения — свисток. Который пока молчит. Но в любой момент может выдать трель, требуя подмоги. И тогда уже не вырваться.

Разглядев форму и амуницию, Игорь так и не увидел лица за всем этим. Или над. Но, вспомнив измождённое лицо железнодорожника, сосредоточился. И разглядел перед собой мальчишку.

И это он похвалялся своими фронтовыми похождениями?

А что, вполне. Сейчас ему на вид 20. Плюс-минус. Мог и повоевать. И даже не сыном полка. Другое дело, что вряд ли он так хваток, как говорил. Но и это не факт.

Железнодорожник услужливо распахнул дверь. И мальчишка довольно грубо, но всё ж не очень сильно толкнул Гребнева внутрь.

— Документы! — потребовал он, едва дверь за ними захлопнулась.

— А на перроне вы не могли спросить? — стараясь держать себя в руках, довольно спокойно спросил Игорь, оглядывая небольшое и полутёмное помещение.

Это был далеко не кабинет московских оперов, так, кладовочка, со столом под тарелкой громкоговорителя и портретом усатого вождя всех народов. У стола — два стула, оба колченогих. Хотя и знавших лучшие времена. Если судить по крутым гнутым спинкам. Вот и всё убранство. Ни тебе шкафа с документами, ни телефона на столе. Зато с

железной кроватью в дальнем углу, едва прикрытом цветастенькой занавеской. Там же — рукомойник над тазом. Рядом — зеркало. Ну как зеркало... Примерно его треть. Не в смысле размера, просто осколок чего-то большего. С изъеденной амальгамой по низу.

То, что это зеркало, Игорь понял не сразу. Хотя и отразился в нём. Но решил, что это чей-то портрет. Всё-таки Питер, культурная столица. Тут и в таких убогих кладовках могут висеть картины. Пусть и кисти безвестного мастера, но из средних или ещё более ранних веков. Облупившаяся амальгама именно на эту мысль и наводила. Вроде как кракелюры. С потёками масла. А с учётом изображения, молодого человека в шляпе, без перьев, правда, и вовсе выходил вроде как портрет неизвестного в треуголке из Третьяковки. Он вспомнился Гребневу по одной причине: мужчина на картине по первоначальному замыслу был женщиной. Так и он в своём отражении был совсем не тем, кем казался окружающим. Пусть и выглядел белый шарф модным для портретов тех времён жабо.

В узенькое окошко напротив стола свет едва пробивался утренний свет — мешала оборванная до половины светомаскировка. Не с войны она. Хотя, если станцию восстановили сразу после того, как отсюда ушла линия фронта, то могла и остаться с той поры. Но факт, что на занавески для окон пока не разжились. Ни железнодорожники, ни милиция. Однако света хватило, чтобы Гребнев хорошо рассмотрел своё отражение в осколке зеркала. Вот только сам себя едва узнал. Импозантный мужчина. Тридцати с небольшим. Но никак не в два раза больше, как было в действительности. Но при этом — шляпа. Не в смысле на голове, она на месте. Он шляпа. Подпустил к себе этих двоих... Теперь-то чего уж, надо выкручиваться. Тем более что в отражении был далеко не мужчина в возрасте. Но и не юнец, как милиционер, прикрикнувший:

— Разговорчики!

— Товарищ старший милиционер, — чётко выговаривая слова, едва ли не по буквам, Игорь придал голосу назидательный тон, — где вас учили так обращаться с советскими гражданами?

Звание он приплёл по аналогии с флотскими, где ефрейтор — старший матрос. Но, судя по тому, как вытянулся перед Гребневым мальчишка, не ошибся. Не, парень, никакой ты не «товарищ начальник», по крайней мере, не для меня, — рассудил Игорь, и продолжил натиск.

— Вас разве не учили, что рукоприкладство, как и просто применение силы к законопослушным гражданам, не допускается? А вы? Мы что, в окопах? Или вообще за линией фронта? Где у вас, быть может, и случались подвиги. В чём лично я глубоко сомневаюсь. Потому как этим не кичатся. По крайней мере настоящие герои.

В этом Гребнев действительно ничуть не сомневался. Его покойный тесть, напивавшийся всего раз в году и исключительно девятого мая, молчал как в гестапо на допросе, когда его просили рассказать о войне. А ему, судя по иконостасу на парадном мундире полковника, который провёл несколько лет у немцев в тылу, в партизанских отрядах, было о чём рассказать. Но ни слова Игорь от него так и не услышал. Особенно после того, как прочёл воспоминания сослуживца тестя. И спросил его мнение о книге. Тесть только крикнул. И ушёл. Не только от разговора. Просто встал из-за стола и ушёл.

Зато его сослуживец на страницах книги красок не жалел. И хотя в звании так и не вырос выше капитана, правда, НКГБ, обзавёлся Золотой Звездой и приличной должностью по партийной линии. А тесть... Он так и ушёл полковником. Вначале в отставку. Чтоб уже после службы, метаясь в горячке на больничной койке и от боли порываясь в последнюю атаку, сгореть от метастаз.

Так что, тыкая мальчишке в нос его бахвальством, Гребнев ничуть не преувеличивал.

Но и мальчишка был не лыком шит.

Он быстро отошёл после первого натиска, и попытался вновь взять инициативу в свои руки. Тем более, что был вправе.

— Документы! — повторил он своё требование.

И Гребнев едва ли не сник. Ибо, сунув руку в карман, понял, как сейчас шокирует паренька своим орлом на паспорте. Да и всем его видом, не имеющим ничего общего с зелёной книжицей гражданина СССР. Даже тот паспорт, что Игорь получал в последний год своей учёбы в школе, уже был не таким, какой хотел увидеть рудовец.

Вместо паспорта, в этот раз неожиданно оказавшегося в кармане пиджака под пальто, Гребнев достал смартфон. И положил его на стол.

— Вот! Я ж говорил, — неожиданно залебезил железнодорожник, разглядев через плечо Игоря матово блеснувший стеклом «Самсунг».

— Что это? — опасливо отодвинулся от стола рудовец, так и не присев на стул.

— А это то, чего у начальника депо и всего райкома не будет ещё лет семьдесят, — Игорь позволил себе ухмыльнуться, и нагло взглянуть в бесцветные глаза юноши. Испуганные, надо сказать. Потому как неизведанное всегда пугает почище слов и угроз.

Гребнев всё ещё улыбался. Но губы рудовца даже не шевельнулись.

5

— ...В двухэтажном доме, его и отсюда было бы видеть, будь он цел, это ж недалеко от Весёлого переуллка, жил у нас кузнец. А зять его служил у немцев землемером. Дочка училкой была. И как немцы пришли тоже. Работала в открытой ими школе. Правда, какая там школа, так, полуподвал... Но детишек грамоте учили. Всё время, что была оккупация. И даже без каникул... Суд неделю тому назад... По восемь лет. Обоим. Кузнец, прости его господи, не дожил...

Железнодорожник, усевшись на кровать, продолжал просвещать Гребнева, сидевшего перед столом, на который он поверх смартфона бросил свою шляпу. Как и у старшего милиционера, отправившегося в кабинет начальника станции, по другую сторону здания, у железнодорожника был наган. Которым он и поигрывал, без нужды вращая барабан. Но приближаться к Игорю не рисковал, выцеливал с кровати. Когда барабан вставал на место. И при этом болтал без остановки. Так что за время отсутствия рудовца Гребнев узнал все новости и сплетни пристанционного посёлка. Имени Урицкого. Как оказалось. Хотя Игорь считал, что это — Лигово. Однако выходило что станция — да, Лигово. А вот посёлок при ней получил имя первого советского «мученика». Формально-то первым был убит комиссар по делам печати, агитации и пропаганды Володарский. Он же — Моисей Маркович Гольдштейн. Но всё дело в том, что «красный террор» начался со смерти Урицкого. И тоже Моисея. Проспекты их имени в посёлке шли параллельно, между проспектами Маркса и Дзержинского, это отложилось в памяти Игоря с давних пор, как пример увековечивания революционеров. Но как оно было сейчас, в этот момент, когда он из будущего заглянул в нечто среднее, между далёким прошлым и не очень близким, Гребнев сказать затруднился бы. Зато он помнил описание внешнего вида назначенного первой жертвой Урицкого. Который на мученика никак не походил. Приземистый, с круглой спиной, с маленькой, вдавленной в плечи головой, бритым лицом и крючковатым носом, он, по воспоминаниям современников, напоминал толстую жабу. Хриплый голос походил на свист, и при встрече казалось, сейчас из его рта потечёт яд. Таким его описывали обыватели. И враги советской власти. Но не исключено, что было то правдой. Потому что, уже по мнению однопартийцев, был он самым страшным в Петрограде врагом воров и разбойников империализма всех мастей и всех разновидностей. Однако ненавидели его и обыватели, для которых он был

воплощением большевистского террора. Хотя именно он же был, на словах, и противником «красного террора». Так частенько бывает, в том и парадокс бытия: кто против зла, от него же и гибнет, а при жизни если не побиваем камнями, то вечной притчей во языцех остаётся.

— Н-да, — обронил Гребнев, оставаясь где-то в дебрях своих мыслей. — А переулочек-то отчего весёлый?

— Да с чего переулочек-то быть весёлым? С царских времён так прозывается. Весёлый, и всё тут. Он сам по себе. А мы — сами по себе. Весёлые. Так что ты уж, это, не серчай. Что взяли тебя. Враг он везде. Кем только не прикинется.

— Такие сроки... И за что? Потому что сдали посёлок? И людям не было куда деваться? — продолжил мысль Игорь, словно железнодорожник его и не перебил.

— Э, ты мне это брось! Слышь, брось! Фашистскую пропаганду мне тут разводить. Так надо было. Вот и сдали. Может, план такой был.

— А может, потому сдали, что кое-кто мнил себя великим геополитиком, и просчитался?

Гребнев прикусил язык: до него внезапно дошло, что тот, кого он подвергал критике в разговоре с безвестным железнодорожником, напичканным штампами пропаганды почище жертв «голубого экрана» из его времени, жив и вполне себе здравствует. И его репрессивная машина отлажена куда лучше, чем у плешивого безусого наследника. Так что сейчас не до дискуссий. Недопустимых в будущем. А в его положении, здесь и сейчас, они и вовсе могут закончиться только плачевно. Он и без того подставился. И сейчас с тревогой ждал возвращения рудовца. Которому наплёл лишь немногим меньше, чем с три короба. Но всё равно едва не запутался. И тот пошёл проверять. Для чего нужно было позвонить. В Смольный. Откуда якобы и прибыл Гребнев. Готовить материалы для будущего увековечивания подвига ленинградцев. Война хоть и недавно закончилась, но думать надо о завтрашнем дне, втирал юному старшему милиционеру Игорь. Вот, мол, ему

и поручили. Хорошо ещё, что не стал демонстрировать преимущества смартфона, прикрыв его шляпой. Во избежание ненужных расспросов. Хотя они и последовали. Вряд ли его объяснения удовлетворили старшего милиционера. Ну, да чем богаты...

Железнодорожник продолжал что-то говорить, но Гребнев слушал вполуха. Он мысленно представлял, как рудовец, сняв трубку, кричит в неё: «Барышня, мне Смольный нужен! Смольный дайте!». Конечно, на практике могло быть и не совсем так. Но Игорь был уверен, что связь идёт через телефонистку. Потому как звонок с железнодорожного телефона. Через коммутатор. А там до номеронабирателей ещё ой как далеко. Зато есть связь с самыми дальними станциями. Пусть и с неважной слышимостью.

Но пока он раздумывал, а железнодорожник болтал, дверь распахнулась, и в каморку опорного пункта втиснулся рудовец. Хотя, скорее всего, им он и не был, так, нашивка осталась от прежней службы. Зато был он хозяином клетушки. Где в зеркале над тазом отражался Гребнев. Вполне себе молодой. Немногим только старше старшего милиционера. Это Игорь разглядел за то время, что сидел под присмотром болтливой конвоира в железнодорожной шинели. Но подивиться перемене не успел, занятый другими мыслями. И прежде всего о своём будущем.

Рудовец вернулся в замешательстве. Или в задумчивости. Неторопливо уселся за стол. Недобро зыркнул на железнодорожника. Да так, что тот поперхнулся очередным предложением из своего бесконечного сказа.

— Я свободен? — Гребнев решил сразу брать быка за рога. Раз противник ошарашен, значит, против него нет ничего. А самое главное — нет команды хватать и не пущать. Это не бог весть что, но шанс. Коль так, то нужно им воспользоваться. И вырваться. Своими силами.

Игорь привстал со своего жалостливо скрипнувшего стула, потянулся за шляпой.

— Не так быстро, — внезапно ожил рудовец. — В Смольном подтвердили, что город не только восстанавливают, но и делают его лучше прежнего. А павшие... Павшие, мне сказали, не нуждаются в том, чтобы как-то особо увековечивать память о них...

Гребнев внутренне содрогнулся. Потому как не подумал, говоря о мнимом задании по увековечиванию памяти жертв блокадного города, что партийные вожди дойдут до совсем иных мыслей. О том, чтоб замолчать случившееся. И случилось большей частью по их вине. Ведь кольцо вокруг Ленинграда замкнулось 8 сентября 1941 года, но в Ставку об этом доложили только спустя почти две недели, надеясь, что бьющиеся из последних сил красноармейцы прорвут всё же блокаду. Выстоят и отбросят врага. И тогда можно было бы бодро рапортовать верховному главнокомандующему Иосифу Сталину об «успешном дезавуировании фашистской провокации». Не вышло. Сил не хватило. А потом и хлеба. Ведь запасы продовольствия тоже никто не готовил. И пожар на Бадаевских складах был далеко не главной причиной голода. Который фактически начался ещё раньше — те же продовольственные карточки были введены ещё в августе. И уже тогда нужно было бить тревогу и принимать меры. Ведь город сидел на голодном пайке. Но то город. А у городской партийной номенклатуры даже в самые голодные дни блокады не переводились пирожные! Пирожные, Карл, или как там тебя зовут, товарищ старший милиционер! Позже, уже новые партийные вожди, правда, той же выделки, но в иной расцветке пытались сей позорный факт отрицать. А чуть погодя и вовсе взялись искоренять упоминания о нём как домыслы. Искажение истории войны, дескать. Фейки, мол, это, как стало модно говорить. Порочащие подвиг народа. Хотя народ-то был как раз и не причём. И на фоне этих пирожных подвиг его был ещё куда как зримее...

Сразу же после войны партийное руководство города, да и страны не просто не думало об увековечивании

подвига блокадного Ленинграда. Оно его опасалось. И города, и народа. Выжившего вопреки властям. И во избежание огласки своих неблагоприятных поступков и некомпетентных решений, которые обошлись городу очень дорого, в 1946 году партноменклатура сначала разразилась погромом в журналах «Звезда» и «Ленинград». А в 1949-м, в котором Игорь относительно благополучно до этого момента пребывал, внезапно вспомнил Гребнев и у него по спине побежали мурашки, родилось «Ленинградское дело». В ходе которого не благодарности раздавали и не памятники ставили. А репрессировали. В том числе и руководство Музея обороны и блокады Ленинграда, открывшегося ещё во время войны. Экспонаты для этого музея собирали сами ленинградцы. Потому как знали им цену. Но власть и музей не пощадила. А тут он, Гребнев, явившийся чистеньким и тёпленьким из своего благополучного будущего, ещё и мальчишку науськал звонить в самое сердце этого антиленинградского заговора с вопросом об увековечивании памяти. И когда? Когда блокада Ленинграда продолжается! Ещё как продолжается... Ну и куда его идея об увековечивании её памяти приведёт? Прямоком к разоблачению тех, кто блокаде дал зелёный свет!

Нет, никто с фашистов вину не снимает. Но действовали они не одни, не в безвоздушном пространстве! У них были хорошие союзники. Давшие годы спустя замечательное потомство. Которое во времени Гребнева породит иную блокаду — блокаду совести. Возможно, куда более худшую. В Питере без малого 900 дней блокады коснулись двух, ну двух с половиной миллионов человек. Ещё полтора или два миллиона умерли, не дожив до победы. И это была цена, которую заплатил город за тупость и подлость своей власти. Новая же блокада, культивируемая дорвавшимися до управления потомками той власти, с помощью телевизора лишила разума более ста сорока миллионов. Такое не снилось ни Геббельсу, ни его идеологическим противникам по другую линию фронта...

Игорь внезапно понял, что влип окончательно. И юный старший милиционер сейчас арестует его уже официально. А там — скорый суд и лагеря. Из которых он выйдет аккурат к своему дню рождения. Настоящему. В лучшем случае. Хотя не исключено, что, нарушив ход истории своим прыжком в прошлое, он так и сгинет где-нибудь на лесоповале. И просто родится самим собой. Или не родится вовсе...

— Товарищ старший милиционер, — сдаваться Игорь не хотел. Тем более, что сдача, да что там сдача — простое отступление от заявленных позиций означало конец. В любом из его проявлений — смерть, тупое исчезновение во времени, ещё как-то иначе... — А вот вы как думаете... Ваши павшие... Друзья, сослуживцы, товарищи по оружию, с которыми вы ходили по вражеским тылам... Они как... Все вернулись? А те, кто не вернулся... Они что, не стоят того, чтоб о них помнили?

Враз постаревший мальчик в милицейской форме, сидевший за столом, дёрнул головой. Точно так же, как дёрнулся, выслушав Гребнева, разливавшегося соловьём по поводу важнейшего задания Смольного, для выполнения которого ему выдали секретное изобретение. С этими словами Игорь накрыл шляпой свой смартфон, на который жадно пялился железнодорожник. Юный же милиционер от блестящего монолита из стекла и пластика отшатнулся. Он-то паспорт ждал, а тут — не бомба ли?

...— Это для создания летописи подвига ленинградцев, — продолжал гнуть своё Гребнев, надеясь, что вопрос с документами забудется.

— А предписание у вас есть? — рудовец продолжал стойко править службу. Ни дать, ни взять — оловянный солдатик. Стойкий. Но оловянный. На всю голову.

— Я ж говорю: прибор секретный, меня из Москвы выписали, поработать с ним. Потому как здесь не было специалистов. И я прямо с поезда... Чтоб время не терять...

— А билет-то остался? — мальчик в форме не унимался.

— Выкинул, — равнодушно пожал плечами Гребнев.
— Я ж не думал, что его придётся ещё предъявлять.

Игорь демонстративно пошарил по карманам пальто, выудил и тут же смял бумажку билета на электричку, поискал глазами куда бросить получившийся шарик. Не нашёл. И вновь сунул в карман.

— Ну-ка, ну-ка, что там у вас?

— Это наш, московский билет, — абсолютно честно признался Гребнев. Не услышав в голосе ни толики игры или лжи, рудовец не стал настаивать на продолжении разъяснений. Но руку открытой ладонью всё ж протянул.

Гребнев был готов отдать билет. Но там же дата... Он мысленным взором прошёлся по билету: зрительная память — это то, чем он всегда гордился. Вот и сейчас он буквально увидел набор букв и цифр. Которые мало что скажут милиционеру из сорок девятого. Разве что ещё больше запутают. Но ему, в его двадцать первом веке было всё понятно в этом наборе сокращений.

ОАО Центральная ППК. Ленинградский вокзал.

Хорошо, что вокзал не переименовали в Питерский или Николаевский. В погоне за историчностью. А ППК... Что ж, мало ли аббревиатур у железнодорожников.

Но дальше...

Дальше цифирь ИНН и дата.

ИНН его не смущал. Как и ППК. А вот дата...

Игорь не помнил в какой день ехал в электричке в этом пальто. Но был уверен, что это не тот билет, по которому он в неё сел в час, забросивший его на семьдесят лет в прошлое. Тот лежал во внутреннем кармане пиджака, в портмоне. Так что дата хоть и выглядит скорее всего как «11 ноя 20», но это никак не март. Хотя может это и к лучшему. Но в то же время всё равно сложно будет объяснить 20. Явно же не сегодняшний день. Или вчерашний, судя по газете? Неужто её спозаранку вывесили, да ещё и в воскресенье. А

что? Строгость порядков в эти годы была, наверное, не в пример нынешним. В смысле, современным Игорю. Так что всё может быть...

Нехотя Гребнев протянул скомканную бумажку, втайне надеясь, что прочесть год выдачи билета у милиционера не получится, а остальное только подтвердит его московское происхождение.

— Надо же, на что в Москве отличную бумагу изводят, — хмыкнул старший милиционер, разворачивая билет. В его голосе было осуждение. Ещё бы, ведь на столе рудовца лежала потрёпанная тетрадь, видать, журнал происшествий или чего они там ведут. Но имело значение не это, а то, что бумага в тетради была жёлтой и плотной, почти обёрточной, какой её Игорь помнил. По дефициту восьмидесятых. До которых теперь ещё дожить надо было.

— Бумага что... Вот шедевр, — Игорь кивнул на шляпу, под которой притаился смартфон. И не просто притаился. Перед тем, как опустить его на стол, Гребнев, повернув экран к себе, успел нажать на иконку записи разговора. Зачем, он и сам не знал. Но сейчас под шляпой бесполезный в качестве телефона агрегат фиксировал каждое слово, произнесённое в комнате.

— Разберёмся, — отмахнулся старший милиционер, который фактически хоть и был много старше Гребнева, казался куда моложе. Но из билета он не выудил для себя ничего полезного. Кроме как признал его московское происхождение. Видать, по вокзалу. Ну, или ещё и Ховрино мог знать, всё-таки питерское направление. Но всё равно до опера, до настоящего сыщика ему далеко. Так что Гребневу не пришлось ничего объяснять. Хотя он почти придумал красивую легенду, довольно стройную. С объяснением и ППК, и ИНН... Да только рудовцу и движение регулировать было стрёмно доверять, он справился бы с ним разве что в полупустом городе. А уж как опер был и вовсе слаб. В довершение ко всему он ещё и билет вернул Гребневу, который поспешил его ещё больше смять и

сунуть в поглубже карман. — Пригляди за ним, я в Смольный звякну... — рудовец вышел из-за стола, кивнув железнодорожнику. Он вообще частенько кивал. Или это его голова не держалась на тонкой шейке?..

Как бы то ни было, но очередной кивок юного милиционера, уже по возвращении после звонка в Смольный, заставил Игоря внутренне содрогнуться. Но он ещё не сложил лапки. А рудовец, видать, тоже не слишком возрадовался мнению Смольного. Или его задело слова Гребнева. И он ещё глубже ушёл в себя. Но всё ж не то чтоб ответил Игорю, а проговорил, вроде как для себя...

— Не все ушли... Некоторые всё ещё там, на войне. Помнишь, Михалыч, — юноша повернул тонкую шейку в вырезе шинели в сторону железнодорожника, — года два тому минёры проходили. На Староивановской улице...

Железнодорожник встрепенулся, вновь открыл рот и почти радостно выдал:

— Это там, где хозяева пирамиду из мин дровами прикрыли? А то как же, помню... Ну так они ж по недомыслию, а не с умыслом...

— Никто и не говорит, что с умыслом. Два года под домом лежал боезапас миномётной батареи гитлеровцев. И никто на него не позарился. Где уж тут умыслу взяться. Мозгов просто не хватило. Да и наши не подумали, когда взорвать их собрались. Сложили в уцелевший дот на берегу Ивановки, и рванули.

Железнодорожник не позволил, чтоб последнее слово осталось не за ним.

— Как же, помню, хорошо рвануло. Бронекопак дота метров на полста улетел.

— А в сорока метрах, на поляне мы играли в футбол. У самой воды, где травка зеленее, коза паслась, привязанная к столбику. — Мальчишка в форме судорожно сглотнул, заново переживая случившееся: — И тут рвануло. Нас раскидало кого куда. А вот козе и Ростику не повезло.

— Это ж какому Ростику? Настасьиному?

— Ему, — в очередной раз кивнул юноша. — Мы дружили. Я вот в милицию пошёл... А у него глаз нет. И мать калека...

— Так да, — малость растерялся железнодорожник, не улавливая, куда ведёт юный милицейский начальник.

— А что, ему хоть кто-то помог? Или матери его? Ты вот в райкоме был... Там стёкла есть?

— А то, — железнодорожник не стал обвинять рудовца в пропаганде, подтвердил известный факт. — Им поставили, ещё когда эту халабуду только собирались строить. Из битого кирпича. Благо, его хватало. На развалинах собирали. А наши тут так и сидели, без окон, без дверей...

Он только тогда осёкся, когда понял, что слишком далеко зашёл. Но вместо того, чтоб прикусить язык закончил мысль:

— Но поезда исправно шли...

Сказанного было не воротить. И костёр обличения власти уже полыхал. А масла в огонь подливал уже старший милиционер.

— А Ростик с мамкой так и живёт на подвале. С заколоченным фанерой окошком. Слепой...

— Ну так это... — железнодорожник рот открыл, но нужных слов так и не нашёл.

Он мог бы сказать, что сейчас едва ли не все, кто пережил блокаду, так живут. Но вместо этого или не к месту вспомнил:

— Так это, начальник, — судя по обращению, железнодорожник, видать, жизнью был не просто битый. А ещё и сиделец. Что подтверждали обиженно прикрытые тонкими губами изъеденные кариесом и голодом зубы. Ну, или то, что от них осталось. — Я ж всё понимаю... Вон и сорок второй когда встречали, из райкома — хоть бы спасибо. Пусть не всем — детишкам хотя бы. Так только наши и спасли праздник. Профсоюз дороги. Собрали сахарку, и каждому мальцу по ложке. Столовой! Завернули

в кулёчек из календарного листка. Детишки еле шевелились, но сахар слопали за будьте-нате! Мой до сих пор помнит. Говорит, слаще никогда не было.

— А чья вина, что Ростик ослеп? — словно и не услышав своего добровольного помощника или наушника, стукача, то бишь, — гнул своё рудовец, разве что дух перевёл, пока несло железнодорожника в обличительном кураже. — Кто не предупредил о том, что мины будут взрывать? И кто должен помнить о Ростике и его мамке? Кто? Для чего сидят толпы бездельников в тёплых кабинетах? В райкоме, в Смольном... И никого из них нет рядом, когда нужно помочь инвалиду. Или построить станцию... Ты вот, Михалыч, сколько отпахал на стройке этой хибары?

— Ну так, это, с первого дня. Как клич бросили, так, почитай, кажинный вечер.

— А сколько было прикомандировано от райкома? Ну, чтоб руки испачкать, после бумажной-то работы?

— Ну так, это... Руководить-то приходили, отчёты требовали, соревнование организовывали. Итоги потом подводили типа. И спирт, казённый, глушили. Как же без оного... А кирпичи мы таскали... Потому как у райкомовских грабки в лучшем случае под хер заточены. А так — только бумажки перекладывать. И талоны на хлеб делить.

— Вот и я о том. И теперь мне эти люди говорят, что павшие не нуждаются в том, чтобы хоть как-то увековечивать память о них. Потому как и о живых там, куда я звонил, не особо помнят. А тот же Ростик... Мишка он на самом деле. Но в нём росту действительно от горшка два вершка. Вот и прозвали Ростиком. Тогда. Да и сейчас он не особо попрос. На голодное-то брюхо не сильно вырастешь. Мать, конечно, подсовывает ему кусочки получше, да где ж их столько взять... Но это он ещё мальцом тушил «зажигалки» на крышах. И это он был седым уже в тринадцать. Когда первый раз возле него рвануло. Но тогда

обошлось, оглох и поседел только. Да малость обгорел. Ему уже за то можно было памятник ставить. Так нет же. Хоть и говорят, что снаряд дважды в одну воронку не попадает, не в этом случае. Ростик попало. От своих. Чтоб теперь в девятнадцать не жить, а доживать свой век. Доживать, не видя солнца... И что, забыть парня? Да полно, его уже и так забыли. Как и то, что геройским малым он был. Нет наград, значит, и не отличился. Забыть... И его, и то, что он совершил. Пусть не подвиг, но дела добрые, славные. Без него и таких, как он, и половины бы не уцелело от того, что есть. Но главное — как бы мы победили? А мне — забыть, говорят. О Ростике — и забыть? Я уж не говорю о тех, кто и до этого не дожил...

Под ногами Игоря задрожал пол — на станцию, посвистывая, прибывал поезд, увидеть который не было никакой возможности — окно выходило в противоположном направлении. Но Гребнев и не стал выглядывать в подслеповатое из-за светомаскировки окошко, вслушиваясь в слова рудовца, в которых было нечто такое, что заставляло усомниться в том, что он сейчас арестует путешественника во времени. Власть, якобы народная, своими антинародными мерами и решениями, настраивала против себя народ. Ещё не на борьбу поднимала, но уже на неповиновение. Даже если из Смольного и велели задержать странного вояжёра, гнавшего волны памяти, которые раскачивают лодку власти, то милиционер пока не горел рвением такой приказ исполнить.

И в этот момент где-то невдалеке утробно ухнуло. Да так, что стёкла задрожали, а стулья не выдержали веса худенького мальчика-милиционера и помолодевшего Гребнева.

Ножки стульев, подгибающиеся, как у только вылупившегося цыплёнка, вначале разъехались, а после подломились. По крайней мере, под старшим милиционером. Видать, стул его больше пережил чем тот, на котором, откинувшись на спинку, сидел Игорь. Успевший

сгруппироваться едва отзвук близкого взрыва донёсся до станции и ударил в окна. Именно поэтому он подхватился на ноги даже прежде, чем рудовец распластался на полу, а железнодорожник, опрокинувшийся навзничь на жалобно скрипнувшей кровати, взвыл шальным голосом:

— Опять! Разнесло кого-то! Снова на мину кто-то напоролся!

Наган железнодорожника взметнулся стволом к потолку. И ещё хорошо, что так. Потому как доигрался мужик. Ибо тут же грохнул выстрел. Дымным облаком стало затягивать каморку опорного пункта, пуля, срикошетив от потолка, со свистом унеслась куда-то, никому вреда не причинив. Ни стрелку, ни Гребневу. Ни тем более, юному милиционеру, который и вовсе свой ствол не обнажал, но валялся почти под столом. Так что риска получить пулю в спину считай не было — один наган разряжен, пусть и частично, второй и вовсе в кобуре. Пока там ещё железнодорожник барабан провернёт, а мальчишка выдернет своё оружие за шнур из алого гаруса. Это ж целая вечность!

Гребнев, одним движением сграбастав шляпу и смартфон, уже был у двери, когда его стражи ещё только сучили ногами, чтобы подняться. Успев порадоваться, что применять силу не пришлось. Уж очень ему не хотелось бить юного старшего милиционера.

Однако, шагнув за дверь, куда бежать, он и сам не знал. Но и задерживаться не стал. Вылетел опрометью, благо дверь наружу открывалась, и застыл на миг на платформе. Прямо перед прибывающим поездом. Предпоследний вагон которого только что проплыл мимо — состав, похоже, не собирался останавливаться. Хотя это и было странно, всё-таки станция, не какая-то безвестная платформа посреди поля или болот.

Однако Игорю было не до этих рассуждений.

В развевающемся, как бурка Чапая, пальто он метнулся вдогон ускользящего вагона. И вскочил на подножку.

Сунув смартфон в карман, толкнул дверь, которая, как ему показалось, держалась на одной петле.

Позади запоздало раздалась трель милицейского свистка. Или то железнодорожник посвистывал?

Игорь не стал оглядываться. Он ввалился всем телом в тамбур. Натолкнулся на кого-то, кто пнул его под дых, злобно выругался. Не Гребнев — его оппонент,дохнувший Игорю в лицо перегаром:

— А ещё интеллигент, сука, вырядился...

Игорь поднял взгляд.

Толпа в тамбуре неодобрительно пялилась на него, припавшего на одно колено, а не на пьяницу, выразившегося куда как более непристойно, чем Игорь мысленно перевёл в более благопристойное словосочетание.

Но Гребнев разом успокоился.

Толпа была своя. Из двадцать первого века. По крайней мере, одежда на вид была оттуда.

— Прошу прощения, — пробормотал Гребнев, да так, что и сам едва расслышал за стуком колёс, набирающего ход состава...

6

— Была у Альки сестра, намного старше его по возрасту. Ну да речь не о ней... Я про Альку... Когда нам исполнилось лет 14-15, Алька, в отличие от остальной братии, был стройный, худенький мальчишка, вроде как затюканный немножко. Ну да, мы все были худенькими, а потому стройными. Но Алька, как бы это сказать... Отличался правильными чертами лица, ну, как с картины. Но опять же, был он не улыбчивый и немногословный. Не то, что другие — и поболтать, и позубоскалить. Хотя чего там было у нас смешного, пожать бы... Хотя война давно закончилась, вдоволь мы ни разу не наедались. А старшие и

вовсе смотрели на еду голодными глазами. Ну, те, кто в блокаду в городе оставался. Но ни они, ни тем более мы смеяться не разучились. Зато язык придержать за зубами мог только Алька. Я потом от него эту манеру перенял. Жаль, что только эту. А ведь был он по-настоящему талантлив! Изобретатель! В полном смысле этого слова. Техникой увлекался. Всё, что двигалось, завораживало его. Часами мог сидеть и наблюдать за любым механизмом. Пусть и было их в ту пору всего ничего. А потом Алька захотел свою машину. Представляешь? У родителей ничего такого не было, а у него — машина! И ведь собрал! Да, из дерева. Кузов, сиденье, двери — всё было деревянным, даже колёса. Чтобы «ехать», надо было работать ногами. И чем быстрее ими перебираешь, тем шустрее катился Алькин «опель».

В самый первый заезд мы гурьбой бежали за этой «самобеглой коляской», как Алька называл свой автомобиль. И он всем дал прокатиться. Чтоб мы могли убедиться, что Алька — настоящий изобретатель. Да что там автомобиль! Прежде, чем его построить, Алька ещё с одним мальчишкой, с Толиком, собрали и установили в одном из сараев настоящую электропилу. У Толика от работы на пиле осталась память на всю жизнь — рваный шрам на лице. Ну да шрамов у всех хватало. Так что Толик был не в обиде на приятеля. Тем более что сам был виноват, хотел железку перепилить. А она возьми и отскочи. Прямо в лицо. А вот Алька...

Ему все дороги были открыты: трудолюбивый, талантливый, рукастый, да ещё и изобретатель, не разбазаривавший свои умения по мелочам. Но в день шестнадцатилетия кто-то из соседей сказал ему, что он — сын фашиста, да и настоящее имя у него немецкое... Альберт. Алькой, мол, его все из жалости звали. Алька промолчал, только желваки заходили. Сам видел. А к вечеру его вытащили из петли. В том самом сарае, где его электропила стояла...

— Виктор, а ведь и про тебя поговаривали всяко разное...

Тонкие губы Ильина сжались так, что превратились в линию. Почти прямую. У которой нет ширины, только длина. Ровно на треть скуластого лица, в котором можно было бы усмотреть некую восточную кровь. Цыганскую. На которую ему не раз намекали, как знал Гребнев. За что юный Виктор Ильин спуску обидчикам не давал. Даже будь они старше и сильнее. Отпор давал, но в петлю не лез.

Это была уже далеко не первая встреча Гребнева с его личным потенциальным киллером. Чей выстрел мог бы изменить будущее, в котором жил Игорь. Потому как за ним, за будущим Гребнева, иного будущего, кажется, и не было. Если бы оно было, то оттуда давно кого-нибудь прислали бы. Чтобы исправить, предотвратить ошибки в этом своём будущем. Игорь же вот отправился исправлять ошибки своего времени в прошлом. Пусть и получается пока не очень. Но важен сам факт.

...Предпоследний вагон электрички, облюбованный Игорем для временных переходов, обладал удивительным свойством. Которое Гребневу раскрылось далеко не сразу. Но раскрылось же!

Всё дело было в том, что за время поездки он проживал дни, недели, если не месяцы, а в его времени проходили всё те же 18 минут. От Ленинградского вокзала до Ховрино. И ни минутой больше. График движения патамушта...

Но если время не менялось и не происходило ничего, что не укладывалось в эти временные рамки, то сам Игорь менялся. Раз от разу. То молодел. То от болезней избавлялся. То...

Нет, чего не было, того не было. Он не старился. Старше становился на 18 минут, и всё. Причём, внешне это было не всегда так. Да, он не становился старше своего возраста. Того, в котором вошёл в вагон. Минуты поездки не в счёт. Зато на платформу выходил порой моложе, чем

садился в электричку. Но так, что это тоже было почти незаметно. Даже для тех, кто Игоря знал. А если и случалось выйти сильно моложе и даже краше, то случалось это в выходной. До понедельника эффект дарованной юности проходил, и Гребнев шёл на работу прежним. Ну, или почти прежним. Хотя за поездку и переживал многое, от взлётов до падений.

Было ли ему страшно? Ну, к примеру, не вернуться в своё время. Или пропасть меж миров. Которых, действительно, великое множество. И прав был Хью Эверетт ещё за год до рождения Игоря выдвинувший теорию расщепления миров. Он утверждал, и Гребнев в этом сам убедился, что вселенная каждый миг делится на мириады себе подобных. В таком количестве, что и подсчитать невозможно. Да и ненужно. Потому как смысла нет. Ведь в следующий миг эти вселенные делятся вновь. И толчком к такому делению служат наши мысли. Или поступки.

Так что Игорь не боялся. Разве что совсем немного. Да и не того, что никогда не вернётся в своё время. Скорее всего он и так давно уже в каком-то из ответвлений развития вселенной. Причём, не исключено, что там он оказался задолго до того, как обнаружил переход меж времён.

А боялся Гребнев что все его труды, все походы в прошлое окажутся напрасны. Ведь он знал итог того, к чему пусть и не умышленно, подталкивал Ильина. Виктор и сам пришёл к тем же выводам. Не по части межвременья — по необходимости перемен. Которые связывал с конкретными личностями. Хотя по мнению Гребнева ставки были сделаны неверно. И не потому, что он знал итог. Люди, на которых ставил Ильин, были ничуть не лучше. Если не хуже. Впрочем, это они, не исключено, потом сделаются хуже. Чтоб оставить именно такую память о себе. Уже Игорю оставить. А Виктор ещё был уверен, что они достойны того, чтоб взять бразды правления в руки. И изменить мир к лучшему.

Гребнев не разубеждал своего нового приятеля. И не подталкивал сделать последний шаг, который для Виктора станет роковым. Но мало что изменит. Разве что в расстановке сил в охране первых лиц государства. И на многие годы вперёд именно личная безопасность вождей станет главной заботой всей страны. Особенно после того, как власть окончательно и бесповоротно перейдёт в руки ЧК, пусть и изменится её название за прошедший век, причём, не единожды изменится. Но останется суть. Человеконенавистническая. Потому как иначе не удержаться ей во власти, кого бы из своих рядов она не выдвинула. Ведь остаётся неизменным её сознание. И коллективное. И личное — всплывшего из мутных вод спецслужб лидера. Подавлять и властвовать. Мысля категориями спецопераций, желательно тайных. Суть которых — корректировать естественный отбор. Незаметно, ненавязчиво, но вывернуть его. Не наизнанку, а навыворот. Когда выживают и поднимаются по иерархической лестнице, взбираясь на плечи и головы своих соплеменников, самые бездарные, самые никчемные, наиболее вонючие, и не только физически, но и нравственно. Наверх при таком отборе прут неумелые и бездушные, а самые сильные, одарённые, умные, заряженные на свежую и творческую жизнь, — гибнут. Гибнут под ногами этой мерзкой толпы. Возвышенной властью, выращенной на навозе спецслужб. Но ничего иного на удобренной таким образом почве и произрасти не может. Однако и власти иного народа не нужно. Именно таким проще управлять. И не бояться, что он очнётся от дурного сна и скинет с себя рабское ярмо.

Не скинет. Рабство — это не только ярмо. Это ещё и родовое клеймо. Печать, навеки лишившая разума, чувства собственного достоинства, жажды свободы. Евнухам выжигали их мужское естество, чтоб не помышляли о продолжении рода. Тут же размножение было обязанностью. Нужно было плодить новых слуг. Оставив им только

желание кланяться. И радоваться, получая кулаком в морду — надо же, власть заметила! И отметила...

...— Убогоизбранный народ, — проскрипел зубами Гребнев перед тем, как вытащить определённо бесполезный в качестве средства коммуникации смартфон, но исключительно незаменимый как магнитофон.

Воспроизводящий запись разговора из его самого первого хождения в прошлое. С отходом от несущейся между временами электрички. Хотя, как уже тогда выяснилось, то был не первый его визит. В Лигово, по крайней мере.

Это было то, в чём Игорь так и не разобрался.

Электричка, увозившая его в прошлое, всякий раз оказывалась в ином времени. И эти временные координаты не шли в какой-то последовательности, подобно прожитым годам. Так что даже с Ильиным они пересекались порой весьма странно: какая-нибудь встреча могла состояться до того, как они увиделись, чтоб договориться о ней. Хотя этот договор и был невозможен. Но это так, для понимания.

Ильин изумлённо вскинул брови. Поскольку встреча была далеко не первой, и они уже успели подружиться, насколько это было возможно. Игорь даже почти признался в своём статусе путешественника во времени. А сейчас и доказательство выкатил — смартфон. Но вытащил для того, чтоб дать послушать, а не доказывать своё превосходство, в нём Ильин и так был уверен и не подвергал сомнению. А прослушав запись, вспомнил Альку... Мальчишку уже из своего прошлого. В котором одного только подозрения в «неправильном» происхождении хватило чтоб довести парня до самоубийства. Но Гребнев своё суждение высказал ещё до того, как услышал рассказ. Так, словно знал о чём пойдёт речь. И это лишний раз подтверждало его уверенность в отсутствии прямолинейности его возвращений в прошлое.

Впрочем, какое могло быть возвращение! Ведь он бывал там, в тех временах, когда ещё не родился!

А ночью, когда он всё же вышел из электрички на своей станции и отправился домой перевести дух после путешествий, впервые затянувшихся на двое суток, во сне к нему пришла убиенная жена. Убиенная и неотмщённая. Пришла как напоминание, что у него к власти есть собственный счёт.

Во сне он с женой был там, где они не бывали при жизни. Нет, в Питере они были — она приезжала к нему, и по большому благу, будучи тогда ещё неженатыми, они даже устроились в одном номере ведомственной гостиницы. Строгости совковой системы уже отмирали по причине своей глупости, но в открытую ещё нельзя было поселиться вместе без штампа в паспорте. Впрочем, со штампом тоже — мест, как водится, в гостиницах не хватало. Но через сослуживца, горячего армянского парня, чья очередная подруга работала в этой гостинице, Игорь номер получил. За символическую шоколадку. Правда, не простую, а из «Альбатроса», так что цена её в переводе на рубли как раз и соответствовала стоимости номера. Но ему было всё равно. За две ночи безумной любви он готов был и больше отдать.

Да, тогда любовь была обоюдной и временами действительно безумной. Это после уже всё приелось. Дети, быт... А с первой клинической смертью Игоря и вовсе превратилась в обыденность. Так что потерю жены он, конечно, переживал, но не настолько, чтобы видеться с нею во снах. Но она пришла. И хотя они во сне занимались тем, что им больше всего нравилось в прежней жизни, Игоря не покидало ощущение, что жена явилась не просто так. Не для этого. Или не только для этого. Что-то она хотела сказать своим появлением. Или местом, где они оказались.

Это тоже был отель. Но не та жалкая советская гостиница, где они двое суток не вылезали из кровати. Нечто фешенебельное, сродни тем отелям, что Гребнев узнал много позже, с появлением возможности путешествовать. Не по временам, а по странам. Однако при всей заграничной

фешенебельности заведения Игорь понимал, что отель нашенский, расейский. И стоит где-то в Питере. Место вроде и было знакомо, но он никак не мог его признать. Сон всё-таки.

Во сне, в отличие от серого беспросветного и предзимнего вечера, была ранняя осень. Но в Питере она далеко не всегда золотая. Для этого нужно идти в парк. А улицы пости всегда остаются серыми — нет там такого количества деревьев, как на его московской окраине. И в эту серость Игорь отправился гулять. С женой. Отправился, устав от игрищ в кровати. Широченной, занимающей большую часть номера. Однако из сна ему запомнилось не это. А тихий шелест шагов на серой и унылой улице.

Чьих шагов?

Этого он не знал. И не видел никого. А вот жену рассмотрел довольно хорошо. Хотя никогда прежде не видел её во снах. К чему бы это?

Этот вопрос, как и о шагах, он задал себе, ещё не проснувшись. То есть, он понимал, что спит, понимал, что видит сон. Но не мог понять почему во сне пришла к нему жена. И кто идёт за ними следом.

7

Поутру, уже привычно отмахнувшись от нормальной зарядки парой-другой круговых махов руками и десятком приседаний, Гребнев торопливо пробежался до троллейбусной остановки, решив, что на метро будет проще добраться до работы. Ему и без дополнительных нагрузок не хватало сил. С учётом того, что бесщётно тратил их в других временах. Особенно в последнем выходе из электрички. Не потому ли и жена во сне явилась? Из царства мёртвых в царство морфея путь тоже не близок, но явно короче, чем к живым...

Приткнувшись в углу голубого вагона, Гребнев вспоминал, как он вышел на Лигово. В очередной раз. Уже едва ли не привычно. Чтобы встретиться с Якушевым.

Повзрослевшим с первой встречи. Ровно на 10 лет. Игорь же никак не изменился. В своём времени. Где прошло чуть больше суток. Так что сложно было рассчитывать на видимые перемены. А в иных мирах они если и произошли, то совсем не так, как можно было ожидать.

Гребнев то старился, приближаясь к истинному возрасту, то становился моложе. Всякий раз вводя в ступор Якова. С которым он довольно близко сошёлся. И которому почти открылся. Когда своими вояжами в прошлое подбирался всё ближе и ближе к дате, когда Ильин должен был сделать свой выстрел. Но до выстрела ещё далеко, сейчас планировалась только встреча. Да и то, как планировалась. Ожидалась. Пока же у Гребнева была другая встреча. Без которой было сложно ожидать, что сложится то, что он задумал.

Эта встреча, на платформе Дачное, не всё же маячить на одной станции, он и без того примелькался, была специально оговорена. Власть Якова Якушева, уже не старшего милиционера, а старшего сержанта транспортной милиции, простиралась и сюда, так что ничего не было удивительного в том, что в рабочее время он появится на Дачной. Где и встретится, не привлекая внимания, с человеком, одетым не совсем так, как все вокруг. Да и по манере держать себя этот человек от иных отличался. Не горбился, не сутулился, взгляд не прятал. Не суетился, торопясь уйти с открытого пространства. Наоборот, прогуливался. Хотя платформа вряд ли хорошее место для прогулок. А уж комнату милиции и вовсе трудно таковым назвать. Разве что укрытием...

Но Гребнев, всякий раз сойдя в Лигово, спешил к заветной двери в торце здания станции не прятаться. Это было единственное расстояние, которое он проходил торопливо, как все. Чтоб не маячить. До того, как переоденется. Вот только слишком часто он злоупотреблял гостеприимством Якова. Поэтому и решили они — по

обоюдному согласию — место встречи перенести. Для разнообразия. Вот только с датой, как всегда, была заковыка.

Гребнев никогда не знал в какой день объявится. Точнее, в какой день из прошлого он вернётся. Поэтому брали на глазок. Только по времени суток и можно было прикинуть момент встречи. А день... Как повезёт. Так что Якушеву предстояло наобум поездить в Дачное, до встречи. Однако Гребнев и в этом ему малость насолил. Потому что выйти из поезда на Дачной... позабыл.

Ну, не то чтоб забыл. Просто пропустил остановку, задумавшись о своём. О девушке. Хотя девушкой она уже давно не была. Да и ему не принадлежала. А всё потому, что вкусив прелестей межвременных переходов, Игорь напрочь позабыл о своей зазнобе.

Да, это там, в иных временах, он о ней позабыл. На самом же деле они не виделись всего-то день-другой. Максимум неделю. Да и то по большей части из-за работы министерства: доклады, планёрки, совещания — не до свиданий. По вечерам же Гребнев, если успевал, бежал на свою электричку в 18.02. Вот он и проехал. Но это уже не страшило. Игорь теперь всегда мог проехать от одной станции к другой на электричке обычной. Которая не махнет в иные времена. Что он и собирался сделать, выйдя на Лигово.

...Мода возвращается, сделав причудливый круг, сделал Игорь вывод, оглядевшись вокруг и ещё не оценив время.

В толпе, хлынувшей к выходу с платформы, на фоне фуфаяк и поношенных шинелей уже было изрядное количество гражданских мужских пальто, пусть и двубортных, в отличие от его, сшитого на заказ после две тысячи пятого года. Шляпы тоже мелькали. Между кепок и фуражек. Но из толпы его всё же выделял белый шарф на фоне серых тряпиц, обёрнутых вокруг щетинистых мужских шей, довольно тощих, хотя и давно миновала блокада. И голодные пятидесятые, самое их начало, тоже прошли. Об

этом Игорю рассказывал Яков, когда они засиживались за рюмкой чая в прежние визиты Гребнева. Однако следы, пусть не голода, а жизни впроголодь, всё ещё были налицо. Их, эти лица, тоскливые и что-то ищущие пожухлым взглядом, не скрывали даже женские шляпки. А подставные плечики на пальто и мешковатых, ещё довоенных шубах, траченных молью, лишь подчёркивали убожество послевоенной моды. Едва разбавленной вкраплениями дорогих одежд, видать, остатков заморской помощи. Или привезённых из оккупированной Европы. Что-что, а вывозить добро из захваченных земель у русских всегда было в крови. Из-за неспособности производить своё. И, что немаловажно, самостоятельно. Да и грабить выходило дешевле. Подумаешь, положили пару миллионов граждан, своих, прежде всего, зато на дармовщинку добром разжились...

Гребнев, почувствовав, как на лицо упали первые капли дождя, пока ещё мелкого, но холодного, на всякий случай ткнулся в комнату милиции. Однако дверь ожидаемо оказалась заперта. И он стал ждать. Поезда в обратном направлении.

Ожидание его не тяготило. Тем более что было чем заняться.

В кои-то веки Игорь не забыл прихватить с собой фотоаппарат. Старенький «Зенит», на который с покупкой дорого цифрового «Кэнона», он уже собирался махнуть рукой. И плёнки купить проблема, и проявить их проблема ещё большая. А потом ещё печатать... Да и один объектив всего, штатный «Гелиос», когда Гребнев давно уже привык иметь минимум три под рукой, делали «Зенит» обычным чемоданом без ручки: снимать не очень комфортно, а выбросить жалко. Всё-таки с ним он по молодости полмира объездил. Теперь же, в холодном Питере, который пока ещё Ленинград, этот аппарат был в самый раз.

Да, на плёнку в наступивших сумерках особо не поснимаешь, чувствительность не та. Зато запечатлеть город в год своего рождения... Это было заманчиво.

Игорь вытащил «Зенит» из кофра, одолженного от того же «Кэнона», взвёл затвор, прильнул к видоискателю. И тут же резко опустил фотоаппарат.

Прямо на него, от ступеней с платформы надвигалась массивная туша, явно не порождение оголодавшего за десятилетие города. Или специально откормленная в тайных бункерах. Где во время блокады укрывалась партийная верхушка. И там же питалась. Совсем не так, как подвластные ей аборигены.

Вокруг и без того массивной шеи надвигавшейся на Игоря туши в два слоя был намотан шарф. Ну как шарф — холщовая тряпица неопределённого цвета. Над ней нависали щёки. То ли с холода пламенеющие, то ли от избытка крови в организме крепыша. Тогда как бы их давлением не порвало, вон и прожилки видны, где может порваться. Между щёк — нос-картошка и пухлые губы, сложенные гузочкой — так вот откуда женская мода берёт начало, хмыкнул про себя Гребнев, и поднял взгляд чуть выше. А там — кепка, козырьком нависающая над низким лбом. Каракулевый воротник пальто, добротного, двубортного, застёгнут под самое горло. Ну и тот самый шарф.

Закончив с просмотром того, что не помещалось в поле зрения видоискателя, Игорь перевёл мысленный взор на себя.

Интеллигент, в пальто и шляпе. Такой не выстоит против грубой силы. Да что там силы — против одной только массы. Значит, драки не избежать.

Подтверждения долго ждать не пришлось. Тем более что повод сам напрашивался — фотоаппарат в руках интеллигента был лакомой добычей. Хотя грабитель, не исключено, и не представлял его ценности. Игорь так точно не знал сколько можно выручить за фотоаппарат в 1960 году

на чёрном рынке. Да и есть ли он... Но скупка есть однозначно.

— И што тут у нас за фильму снимают? — голос громаилы оказался на удивление писклявым, но не без повелительных ноток: — Ну-к, дай-ка сюды аппарат...

К Гребневу потянулась мощная длань. Такой хорошо песочные замки строить —загребает сразу много, пальцы сжаты, ничего не уронит. Тем более фотоаппарат.

Игорю было не жалко, он бы отдал. Подарил. Но не в такой ситуации, когда ему командуют. Однако, скосив взгляд вначале влево, затем вправо, не стал спорить.

По бокам от него, неведом откуда выросло ещё две фигуры. Одна в бушлате, армейском, подпоясанном брезентовым ремнём. То самый ватник, из которого выросло целое поколение без ума, но напичканное традиционными ценностями. Якобы ценными. Хотя кто их там оценивал...

Другая фигура, ростом повыше, была в габардиновом или как он там зовётся, плаще. Бушлат в шапке, плащ — в кепке. Оба на полголовы выше Гребнева, вечно переживавшего, особенно в общении с девчонками, из-за своего неказистого роста. У бушлата кулаки — не уступающие протянутой к фотоаппарату длани. У плаща, скорее всего, кастет. А то и нож.

При таком раскладе нечего было и думать рыпаться, защищая бесполезный фотоаппарат.

«А ведь потом именем моего фотоаппарата местную футбольную команду назовут. Когда-то», — мелькнула шальная в своей несвоевременности мысль.

— Ну, што пялишься, руки в боки, хер в карман. Сказал же — гони свою цапку.

Спорить было бесполезно. И Гребнев, вздохнув, протянул «Зенит» писклявому.

Фотоаппарат-то Игорь протянул, но плечевой ремень из руки не выпустил. Вроде как чтобы писклявый не уронил. Но пальцы здоровяка оказались ловкими. Он довольно

проворно нащупали защёлку и в тот же миг задняя крышка фотоаппарата откинулась:

— О, гля-кошь, што у нас тут случилось! Бяда!

Пальцы писклявого гиганта поковырялись во внутренностях фотоаппарата, и без всякого зазрения совести извлекли кассету с дефицитной плёнкой. На которой отснят был всего один кадр, и это тем более делало потерю ощутимой — тридцать пять кадров оставалось нетронутыми светом. И ещё не поздно было всё исправить, подумаешь, один кадр засветился.

Но в следующий миг, взвизгнув, кассета полетела в сторону, оставляя за собой шлейф плёнки, закреплённой в фотоаппарате. И уже ничего исправить было нельзя.

По бокам от Гребнева хохотнули. Подобострастно. С одной стороны. И нагло — с другой. Но на самого Гребнева никто из этой парочки внимания не обратил, с наслаждением упиваясь его унижением.

А Игорь тоже не стал на них заикливаться. За ремешок, оставшийся намотанным на предплечье, он потянул фотоаппарат на себя.

— Вот так кино! — писклявый ещё не понял, что жертва сопротивляется. А добыча в прямом смысле ускользает из рук. И продолжал кривляться.

Но фотоаппарат уже выскользнул из толстых пальцев.

Он не упал. Наоборот. Начал подниматься. По замысловатой кривой. В сторону. Вверх. Опять в сторону. Чуть назад. И ещё выше. А потом — вперёд!

Это только в паспорте говорилось, что корпус фотоаппарата из лёгкого сплава. Или алюминия. А так — не меньше килограмма, летящего с изрядным ускорением.

Удар пришёлся точно в переносицу, чуть ниже козырька.

Писклявый и хрюкнуть не успел, а фотоаппарат уже летел влево от Гребнева. Не в более сильного с виду бушлата, а в голову плащу, у которого нож. Или кастет.

Вид оружия, спрятанного то ли в кармане, то ли в рукаве бандита, значения не имел. Важно было то, что у Гребнева не совсем оружие. И противостоять с ним оружию настоящему затруднительно. Однако фотоаппарат в скоротечном бою тоже оказался грозным средством. Пусть и всего лишь средством возмездия. Тем, кто пытается нападать на безоружного, чувствуя своё превосходство в численности, силе и вооружении.

Бушлат только взглядом проводил взметнувшиеся ноги плаща, и тут же сам огрѣб. Но его такой удар не свалил. Это ещё хорошо, что с мордатым так вышло, за счёт внезапности. А плащу просто не повезло — поскользнулся, пытаясь уклониться. Первые капли дождя действительно оказались очень скользкими. А тут ещё и ремешок фотоаппарата тоже выскользнул из рук Гребнева. И уже не так грозно вращался, слегка провиснув. Но Игорь уже вошёл в раж. И накинулся на бушлат с кулаками.

Ему повезло. Не бушлату, тому как раз наоборот. Гребнев, провалившись в этот раз в год своего рождения, как, сойдя с поезда, он рассчитал по беглому взгляду на газетную витрину, опять был молод и полон сил. Поэтому первым же ударом, уронив наземь болтающийся на ремешке фотоаппарат, бесполезный в ближнем бою, вмял кулак в переносицу расплывающегося перед ним лица.

Это было странно. Но не то, что Гребнев побеждал троих, одним, считай, махом. Тут повезло, нечего сказать. А то, что лицо противника плыло перед глазами. Да и над верхней губой стало горячо...

С чего бы? Ведь в него никто не то что не попал — замахнуться не успел. Он же нанёс уже три удара. Фотоаппаратом. И все достигли цели. Ещё и кулаком помог бушлату осознать свою ошибку. Теперь нужно было закрепить результат. Но лицо противника расплывалось, и вроде как даже растворялось в вечернем сумраке, едва рассеиваемом единственным фонарём.

Гребнев не столько оцепенел — застыл на мгновение. И тут же слева прилетело уже ему. Хорошо не кастетом. Пока только кулаком. Но в голове загудело. И засвистело.

Хотя нет, свист был не в голове. Да и сложно назвать свистом трель милицейского свистка.

Игорь повернул голову на свист. Туда, где в неверном свете фонаря, глядевшего на происходящее с крыши станционного здания, мелькнула фуражка с чёрным околышем, малиновой тульёй и черными кантами. Её он разглядел. А вот кулак бушлата — не увидел. И напоролся на него.

8

...— Невежество чаще рождает уверенность, нежели знание, это ещё Чарльз Дарвин сказал. Знал бы твой толстячок с кем связывается, десять раз подумал бы, и хорошенько подумал, прежде чем нападать. Но те, кто испытывает уверенность, глупы.

Гребнев не стал продолжать мысль, уничижающую в конечном счёте и его. Кому захочется признаваться, что имея воображение и понимание происходящего, человек, как правило, оказывается в плену сомнений и нерешительности? Но он-то в конечном итоге не стал сомневаться. И ударил первым. Когда пришло понимание, что драки не избежать. Это его и спасло.

Хотя нет, спасло появление Якушева. Который не то чтобы забыл о встрече на Дачной, просто не успел — служба задержала, начальники любят к вечеру совещания назначать, вот и вышло, что Яков опоздал. Но, намереваясь всё же ехать к месту встречи в надежде что Гребнев дождётся, он бегом взбежал на платформу в Лигово, аккуратно к моменту, когда Игоря начали, что называется, месить. Но милицейская трель спугнула нападавших. Толстяка, в падении проломившего себе череп, кореша вытаскивать не стали — сиганули в темноту с платформы, даже не убедившись, что писклявый жив. И Якушеву пришлось возиться с двумя пострадавшими.

Но потерпевший-то был один, и его Яков оглядел в первую очередь.

Убедившись, что Игорь не просто стоит на ногах, но и может идти, Якушев сунул ему ключ в руку и отправил в комнату милиции, велел лечь в кровать, ничуть не изменившуюся за прошедшие десять лет. Да и сама комната мало изменилась, разве что вместо светомаскировки на окне появилась рулонная штора из плотной чёрной бумаги. Ну и замызанная цветастая занавесочка, делившая комнатушку надвое, уступила место более новой. Главное было в другом — потерпевший стражу закона хлопот не доставил, и на знакомом в целом месте обосновался самостоятельно.

А вот с пухляшом Якову пришлось повозиться. Тот был без сознания — череп лопнул от удара о бордюр («Поребрик», — мысленно поправил себя Игорь), чёрное в вечернем сумраке пятно крови тускло отсвечивало на сером теле платформы. Казалось, что в асфальте открылся провал в преисподнюю. Куда упали и растворились капли крови Гребнева, грозя утянуть за собой. Но он устоял. А Якушев тренчиком от пистолета, едва сведя его концы, перехватил руки писклявого и оставил того лежать, метнувшись в комнату дежурного по станции — звонить, вызывая подмогу.

Гребнев меж тем, самостоятельно добравшись до опорного пункта, благо каких-то два шага их разделяло, доковылял до застеленной на армейский манер кровати, утирая кровавые сопли носовым платком с вышитым вензелем — подарок на прощание одной из влюблённых в него дурочек. Сам-то он не то чтоб был примерным мужем, но влюбляться себе не позволял. Хотя и не мешал другим себя любить.

Откинувшись на спину, Игорь вытянулся на потёртом одеяле, закинув ноги на боковую дужку и время от времени елозя платком под носом. Ему неожиданно вспомнилось, что беспричинная кровь из носа это уже не впервые. А раз так, то...

Мысль крутилась, но никак не давалась. А некоторое время спустя его размышления и вовсе прервал своим появлением радостно возбуждённый Яков.

Он с грохотом — а что ему будет после трёх ударов — опустил на стол фотоаппарат Игоря, подвинув кофр, с которым Гребнев и в драке не расстался, и повернулся к лежащему на кровати гостю:

— Ну, всё, благодаря тебе очередную благодарность заработал, укатали самого Корнюхина!

Игорю фамилия ни о чём не говорила. Да и само появление Якушева отвлекло от чего-то более важного. И совсем не оттого, что он заметил подле занавески изрядных размеров чемодан. Но, пытаясь поймать ускользавшую мысль, спросил именно о нём, хотя вроде как и невпопад:

— Переезжать собираешься?

Якушев, поняв, что Игорь имеет ввиду чемодан, вроде как даже смутился. И подтолкнул ногой «мечту оккупанта». За занавеску толкнул — чтоб не маячил. Но вышло только хуже. Фанерное изделие, обшитое дерматином, внезапно разинуло крышку и вывернуло нутро.

На грязный пол, который, казалось, не мыли с самого первого посещения каморки Игорем, высыпались шмотки мало совместимые с обликом советского милиционера.

Нет, в истинные годы Гребнева это имело бы место быть, и вряд ли вызвало бы осуждение. Хотя и одобрения не снискало.

Да, нравы стали свободнее, но всё ж женское бельё и милиционер на службе были не совсем совместимы. В 1960 году — тем более.

Яков не присел — рухнул на колени перед россыпью. И стал торопливо заталкивать в раскрытый чемодан женские трусики, маечки, ночные сорочки. Опять же, до белья из времени Игоря эти одеяния не дотягивали — ни размерами, ни формами. О тканях, из которых они были сшиты, как и о расцветках, даже говорить не приходилось. Бюстгалтеры сошли бы за авоськи, трусы, а не трусики — за чехлы на

сиденья внедорожника отечественного производства. На импортный было бы стыдно напяливать нечто из байки или иного плотного материала, с начёсом с одной стороны и цвета вылинявших кальсон Кисы Воробьянинова.

Всё ещё не отвечая, Якушев торопливо впихивал вещи в чемодан, отчего они ещё более активно пытались вывалиться на пол. Но за суетливыми движениями и мельканием некогда белых, но большей частью серо-зелёных и просто вылинявших тряпиц Гребнев увидел то, что видеть не должен был.

Он, конечно, мог и ошибаться. И свет в камерке был так себе, и смотрел он искоса, сверху вниз. Но, сжимая в одной руке окровавленный носовой платок, он готов был поклясться, что на некоторых вещах из чемодана были точно такие же пятна. Только засохшие.

Будь у газеты в витрине перед станционным зданием раздел криминальной хроники, Игорь, не исключено, нашёл бы в ней описание некоторых из вещей. Как пропавших с мест каких-то преступлений. Но разгул вседозволенности первых послереволюционных лет прошёл, а до гласности — ещё жить и жить. Вот только если это получится. Потому как свидетели никому не нужны. Пусть и пришли они из иного измерения. И не рискнут заявить о преступлении. Потому что это равносильно тому, чтоб заявить на себя.

Гребнев сделал вид, что не видит судорожных попыток Якова укрыть нечто, не поддающееся объяснению. Хотя как сказать... Ведь и у Игоря с недавних пор в этой комнатухе был чемодан с вещами. Поменьше, правда, и стоял он за кроватью. Из-за чего, видать, и «мечта оккупанта» там не поместилась.

Зачем Игорю были нужны вещи, приобретённые для него Якушевым? Ну так не ходить же по Питеру, в смысле Ленинграду, в одеждах, до которых город дорастёт только через полвека! Так что и россыпь из большого чемодана могла иметь схожее объяснение. Мало ли у свободного от семейных уз человека может быть увлечений на стороне?

Моральный облик строителя коммунизма, конечно, никто не отменял. Но если по обоюдному согласию...

Вот только пятна крови на женском белье подсказывали Гребневу, что согласием там и не пахло. И это ещё далеко не всё! Ну не стали бы женщины и девушки начала шестидесятых раздаривать свои трусики. Как бы их ни просили. К тому ж, как однажды Якушев проговорился в ночных посиделках за рюмкой чая, он-то и не женился потому, что было с ним что-то не так. Игорь не стал тогда вдаваться в подробности, ну бывает, со всяким, а уж у ребёнка войны и подавно может быть. Как минимум дисфункция. Хотя Яков намекнул на нечто более неприятное. Почему и не интересны ему женщины. И тут на тебе, гора женского белья...

Есть над чем задуматься...

Но думал Гребнев о другом. Точнее пытался думать. О крови. Своей. Но не выходило. И ничем и никак не мог он выбросить из головы вид другой крови — на женском белье. И думал Игорь о том, как бы Яков не стал объяснять ему происхождение всех этих вещей. Потому как означать это будет одно — что как минимум придётся менять базу. А в худшем случае — он не жилец. Не Яков, знамо дело, защёлкнувший наконец-то крышку чемодана, не похоже, чтоб грызли того угрызения совести. Или раскаяние. Пусть и не очень деятельное.

Но Якушев не стал объясняться. Задвинув чемодан, подозрительно взглянул на Гребнева, прикрывавшего лицо с прижатым к нему платком другой рукой.

— Ехать мне пока некуда, — переведа дух, бросил он почти спокойным тоном. — Обещают комнату в общежитии. Ну так уже больше десяти лет обещают. А мне потом до службы через полгорода пилить. Так что я лучше здесь. Здесь привычнее. Ни я никому не мешаю, ни мне.

Последнее было, видать, чистой правдой, потому как Якушев, уже полностью прийдя в себя, перешёл к делу:

— Ну, что на этот раз? Не ехать же нам на Дачную для разговора...

И они разговорились. От насущных потребностей Гребнева до высоких материй. Почему Игорь и вспомнил Дарвина, обсуждая нападение бандитов. Но на том разговор и оборвался.

9

Обратного поезда ещё ждать и ждать. Но Гребнев ждать не стал. В другое время они бы скоротали ночь с Якушевым. Ну, или Михалыча ещё позвали бы, будь у него дежурство. На троих пол-литра, почти без закуси, в самый раз. Вдвоём было тяжело. Тем более что Яков хмелел быстро, и Гребневу приходилось его догонять, чтоб не терять чувство общности.

Однако сегодня общаться с Яковом не хотелось. И Гребнев решил прогуляться. Да, не белые ночи, так везло ему редко, непредсказуемая штука этот поезд в прошлое. Но не сидеть же всю ночь с подозреваемым в насильственном преступлении, ещё и не одним скорее всего, если судить по количеству женского белья и его разнообразию.

Игорь ушёл в ночь, но мысли о Якушеве ушли с ним. Он уже почти приговорил своего знакомого. Но решил дать слово адвокату дьявола.

Что есть Яков? Даже не кто.

Одиночка войны. Её выжившая жертва. Ходит по окраинам разрушенного мира. Даже не по дорогам — по тропинкам. Как он сказал? Ни я никому не мешаю, ни мне. В этом суть. Он не убегает от жизни. Он просто не хочет, чтоб она вторгалась в его жизнь. В силу ли той самой травмы или что там мешает ему быть с женщиной. Или по иной причине. Он не может вернуться туда, где его жизнь разделилась на до и после. И окончательно уйти не в силах. Совсем уйти. И тогда, не исключено, он сам меняет то, что изменило его. Ломая других.

Вернувшись в свои годы, Гребнев в том не сомневался, он найдёт массу примеров, когда благопристойные с виду отцы семейств и хранители якобы традиционных ценностей становятся на путь преступлений. Причём таких, что одно только описание их вызывает не просто оторопь — волосы дыбом становятся. А всё благодаря узаконенному двоемыслию. Надо быть хорошим в глазах начальства. Но когда-то же надо и пар стравливать! Вот они и стравливают. Говорят одно, думают другое, делают...

Делают нечто ужасное. Надеюсь, что не попадутся. Правда, некоторые стараются ещё и попасться. В этом для них особый смак. И узнают все, и смерть на виду, пусть только гражданская обеспечена. А тюрьма... Тюрьма их не страшит. У них в душе ад. Пострашнее любой тюрьмы.

Но некоторые из них в тюрьму всё ж попадают. Даже несмотря на милицейские погоны.

Игорю вспомнились совсем недавние события, о двух пожизненных сроках, невысказанных в стране советов. Но ставших почти обыденностью в новой России. А сроки были выписаны одному из самых страшных маньяков этой самой России. Нет, не Чикатило, тот был давно, и его «рекорды» оказались «биты».

«Ангарский маньяк» был куда страшнее. Миша-милиционер. Он ещё и сам выезжал искать убийц на места своих преступлений. А система в конечном итоге сделала всё, чтобы не объединять их в одно дело. Ведь зашатались сами её устои...

Ровно 20 лет убийца разгуливал на свободе, и ладно бы только разгуливал. Младший лейтенант милиции к 2012 году, когда его наконец взяли, убил 85 женщин и милиционера, своего коллегу. Предъявлено же Михаилу Попкову было обвинение в 22 убийствах и 2 покушениях на убийство, но и этого хватило на пожизненный срок. После чего изверг стал признаваться в других преступлениях — для маньяков это в некотором роде забава, скрашивающая

следственными действиями тюремные будни. А то, что это ещё один срок... Так ему и одного за глаза.

Ещё один выходец, можно даже сказать, «выкормыш» внутренних органов — Евгений Чуплинский, специализировался по женщинам лёгкого поведения. Не просто убивал — расчленял трупы. Его так и прозвали — Потрошитель из Новосибирска. Из 29 его жертв отмщены только 19, по другим вина не доказана. И это только то, что Игорю вспомнилось.

Не менее страшны и расплодившиеся оборотни в погонах, набивающие свою мошну. Но тут пальму первенства прочно держат не милицейские, а эфэсбешные герои невидимого фронта. У которых пусть и не в крови руки, но денег куры не то что не клевали — самосвалы не справлялись вывозить.

Игорь начал мысленно загибать пальцы, вспоминая фамилии. Пионером был, конечно, полковник Захарченко с его восемью миллиардами рублей и квартирами ещё на такую же, если не большую сумму. Но его чуть позже переплюнули три «мушкетёра» — Черкалин, Васильев и Фролов. И тоже всего лишь полковники. Зато о двенадцати миллиардах рублей.

Ясное дело, что суммы были не по чину. Однако следствие, опасаясь выйти на самих себя, предпочло глубоко, или, наоборот, высоко, не копать.

Гребнев, вероятно, вспомнил бы и другие фамилии, как и поражающие воображение суммы и цацки — в золотых слитках, часах и валюте. Однако, споткнувшись на колдобине, оставшейся, видать, ещё со времён войны, одёрнул себя.

Такие воспоминания могли привести к тому, что откроется ещё одно имя, поминать которое все — себе дороже. А коль настали времена, когда меж ними возможными стали путешествия, то, не исключено, что кто-то и чтением мыслей таких путешественников мог озаботиться. Причём, не просто озаботиться, а научился их

озвучивать. И тогда Игорю несдобровать. Мало того, что втайне от властей шастает меж мирами и временами, так ещё и хулу на вождей в голове держит...

Заложив руки в карманы и шагая по мостовым Питера, которому ещё долго оставаться городом Ленина и трёх революций, Гребнев, под отголоски своих мыслей не то чтоб заблудился — оказался меж трёх сосен. Фактически. Хотя там были не только сосны. И куда больше трёх.

Так же, как одиночка Якушев, он шёл тропинками, не выбирая прямой путь. Но у него не было тех целей, в которых он подозревал Якова. Поэтому, когда Игорь неожиданно набрёл на одинокий силуэт, застывший в дальнем конце тропы, отирающейся одни боком о речку, несказанно удивился. Не тому, что река могла быть той самой, на берегу которой некогда играл Яков с друзьями, когда там рвануло. Не похоже, далековато уже от станции. Да и та речка вроде в другой стороне.

Но бог с ней, с речкой. Кто это его поджидает? Вот в чём вопрос...

Он уже был сыт на сегодня внезапными встречами, и ещё на одну драку не подписывался. Но шаг не ускорил. И в сторону не свернул. Даже когда облака порвались на отдельные тучки, и из-за них выглянула луна.

В её неверном свете, мертвенно бледном, отчего картина казалась и вовсе нереальной, Игорь разглядел в привлёкшем его внимание силуэте женские черты.

— И вы не боитесь гулять одна в столь поздний час? — на самом деле боясь испугать, окликнул он незнакомку.

Она была рослой, почти с Гребнева, в темном приталенном пальто с поднятым воротником меж высоких, наставленных плечиков, хотя холодно не было. На голове — шляпка. Не с лондонского дерби, конечно, никаких тебе полей и вуали, так, нашитый фетровый цветочек сбоку приплюснутого горшочка с тиснением по центру. На ногах, как мог разглядеть Игорь, — ботики, так они, кажется, назывались. Поблёскивают в лунном свете. Лакированные?

— Если и боюсь, то вы меня проводите. Надеюсь, — голос оказался на удивление мягким, грудным. Почти напевным. А главное — молодым. И то, что девушка не стала строить из себя недотрогу, несмотря на строгие времена, Игоря откровенно порадовало. Хотя с чего бы? На что ему здесь рассчитывать? Посреди то ли парка, то ли рощи на берегу холодной речушки поздним предзимним вечером...

— Провожу, — Гребнев тоже не стал упорствовать и уклоняться от приглашения к соблазнению. — Если вы дорогу укажете.

— Не бойтесь, что заведу в топи? Вдруг я русалка, вышедшая на берег поохотиться на заблудшие души?

— Моя душа так давно заблудилась, что мне уже ничего не страшно.

— Тогда пойдёмте, — и девушка выгнула локоть, приглашая Гребнева взять её под руку. — Меня Ритой зовут.

...Луна давно скрылась, словно смутившись, что эти двое встретились. А они всё бродили и бродили, разговаривая обо всём и ни о чём. Дошло даже до любимого конька Гребнева:

...— Эксперименты заключались в следующем, — разглагольствовал он, а Рита внимала, и, как ему казалось, вполне заинтересовано: — Взяли самых обычных людей и предложили им поднимать тяжести. Фиксировали максимальный вес, который человек «потянул». После чего стали объединять в группы. Для начала — попарно, потом — по четыре человека, по восемь. Предполагалось, что если один человек может поднять, скажем, 100 кг, то двое должны вместе поднять либо 200, либо — ещё больше. Ведь коллектив — большая сила! Даже если в нём только двое. Вот только двое поднимали примерно 93 процента от суммы индивидуальных показателей. И это был максимум. А восемь — меньше половины! Всего 49 процентов, как мне помнится. Проверили результаты на других заданиях. Например, есть такая флотская забава — перетягивание каната. Казалось бы, коллектив, дружба, фройндшафт, —

Рита поморщилась, услышав немецкое слово, но перебивать не стала. И Гребнев продолжал, он даже заикаться забыл, хотя почти всегда в общении с девушками запинаясь: — И что вы думаете?

— Победила дружба? — хихикнула Рита.

— Как же, щаз. И чем больше был такой коллективчик, тем хуже результат! — победно закончил Гребнев.

— И что это доказывает? — даже в темноте было видно, как округлились миндалевидные глаза девушки.

— А то и доказывает, что давно понятно было на практике колхозов. Хотя и добровольное это дело, но толку мало. Потому как, когда я рассчитываю сам на себя, то прилагаю максимум усилий. А в группе можно силы и сэкономить: никто ж не заметит. Это как в том анекдоте, — Гребнев на секунду прикусил язык, в девушке, за короткие отблески лунного света он давно угадал черты богоизбранного народа, уже начавшего строить своё государство на Синае, но быстро нашёлся: — о жителях деревни, которые решили в честь праздника скинуться себе на бочку водки. С каждого двора — по ведру. Принесли, вылили. Староста пришёл с кружкой, зачерпнул из бочки...

— И?...

— Вода! Чистейшая вода оказалась в бочке. Хотя каждый абориген честно принёс ведро. Но не водки, рассчитывая, что в общей массе его хитрость не будет замечена.

Рита звонко рассмеялась:

— Узнаю земляков!

— А кто ваши земляки? — прикинулся дурачком Гребнев. Он уже чувствовал, что переоценил свои силы. Пусть и помолодел, но холод брал своё. Да и завязывать надо было с прогулками и шуточками на грани фола. Тем более что очередной суд над представителями богоизбранного народа, как ему помнилось из истории, либо только закончился в стране победившего социализма, либо вновь

идёт. Меняются только персонажи: врачи-вредители, космополиты безродные...

Но Рита на уловку не купилась, кокетливо склонив симпатичную головку в шляпке, она просто промолчала, позволяя выводы делать Гребневу.

Игорь попытался украдкой взглянуть на часы, надеясь, что девушка не поймёт, ведь у него часы на правой руке. Но она поняла. И, зябко передёрнув плечами, простучала зубами:

— Я замёрзла...

Что делать дальше, Игорь не знал.

— Я здесь проездом...

— Мой дом в двух шагах. Спасибо что проводили.

Но вот так просто отпустить девушку...

И Гребнев решил.

Шаг навстречу, взмах руками, которые ложатся вначале на плавный изгиб талии, а потом судорожно, от холода и нахлынувшего не ко времени желания, поднимаются выше...

Он притянул Риту к себе.

— Как жаль, что так быстро всё закончилось. Не успев начаться...

Но это он не успел. Договорить.

Рита, привстав на цыпочки — пусть совсем немного, но Игорь был выше, заткнула его рот поцелуем. И вполне себе умелым для целомудренного, как его представляли себе потомки, века. Тем более для дочери многомудрого народа.

10

— Потерпите, потерпевшие. Все авантюры власти оплачивает население. На протяжении всей истории. Все величие России — самообман для внутренних нужд.

— Тс-с, — Рита приложила изящный пальчик к губам Гребнева, которого после того, что случилось между ними, вновь потянуло философствовать. Видимо, для того, чтоб оправдать своё не совсем хорошее выступление в постели.

Помолодеть-то он помолодел, а вот пролонгировать половой акт лучше не стал. Наоборот, как бы не сделал хуже, чем мог.

Они лежали на узеньком диванчике, топчانه даже скорее всего, а за фанерной перегородкой кто-то ворочался и тяжело вздыхал.

В клетушку комнаты Маргариты, в дальнем конце коридора коммунальной квартиры они пробрались, когда свет в окнах погас. До этого ещё минут двадцать пришлось стоять в парадной, время от времени поглядывая на окна второго этажа дома напротив. Но по крайней мере было уже не так холодно. Однако лишь когда, выглянув в очередной раз, Рита сказала «Пора», они на цыпочках поднялись по ступенькам, а потом так же пробрались мимо ряда дверей. И Гребнев едва всё не испортил, ткнувшись коленом во что-то твёрдое. Что с дороги сдвинулось, едва не загромыхав под ноги.

Но они добрались. И почти беззвучно принялись срывать друг с друга одежды. Разве что Рита порой тихонько хихикала, не справившись с пряжкой ремня и не найдя пуговиц там, где властвовала молния.

Зато Гребнев справился со всеми её застёжками и маленькими пуговичками самостоятельно. И жадно набросился на упругие груди, выпрыгнувшие из тугого, почти детского для такого зрелого тела бюстгалтера. Совсем простенького. Как и покрывало, на котором они слились в одно целое — не было никаких простыней и наволочек с пододеяльниками. Что, конечно, слегка потрясло Игоря, но не остановило. И даже мысли о последствиях не возникло.

Нет, не о возможной беременности Риты, хотя он и не собирался предохраняться или прерывать удовольствие чтоб уберечь девушку от вполне естественных последствий их страсти. Куда опаснее был их незащищённый секс. И если за себя Гребнев был спокоен, то Рита, которая так легко затащила его в постель... Хотя какая там постель — лежанка. При этом встреча случайная, сопротивление — полностью

отсутствует. И даже более того — скорее это Игоря соблазнили, а не он...

Хотя и не было от лежанки, на которой они довольно быстро выдохлись после первых судорожных схваток, застойного запаха, но вряд ли без белья постель могла быть чистой настолько, чтоб не завелось в ней что-нибудь. Такое... Эдакое... Особенно если здесь до него могли побывать и другие любители ночных прогулок. С их продолжением...

Но Игорь предпочёл не думать об этом. Он жаждал наслаждения. Как и его партнёрша. Пусть случайная. Но из плоти и крови. При этом — доступная. А потому — прежде всего удовольствие. Почти забытое. Хотя он и не аскет...

В голове мелькнул образ Катюши, но тут же померк. И Гребнев пустился в рассуждения, которые прервала Рита: — У нас тут всё слышно...

Ну, раз нельзя поговорить, то надо действовать. Проще надо быть, проще. И действовать наощупь.

Чмокнув девушку в висок, Гребнев тут же пустился во все тяжкие. Дав, прежде всего, волю рукам. Которые поднялись от озябшей, а оттого ещё более упругой попочки Риты до её груди. Благо руки Игоря почти всегда были тёплыми, из-за чего все его подруги, изредка случавшиеся даже в годы семейной жизни, наперебой твердили: всё потому, что сердце-то — холодное...

Не исключено, что они были правы. Гребнев даже сейчас не был уверен любил ли он жену. Горевал, потеряв, — да. А любил ли... Но всегда обнимал горячими руками. Пока она была жива.

А вот случайных подруг не любил он точно. Однако же грел. Держа в своих горячих ладонях их пальцы, носочки с пяточками. И конечно же груди. Как сейчас.

Рита выгнулась дугой, прижимаясь к груди Игоря всем телом. Да и он не позволил уменьшить площадь соприкосновения, притянув её к себе. Левой, на изгибе

которой пристроилась изящная головка с короткой стрижкой. А правая пустилась в странствия по телу девушки.

Вот отозвался один сосок. Вот восторженно второй. Вздрыгнули волосы на руках Риты, живот покрылся мурашками. А рука Игоря пошла дальше. Туда, где в ложбинке между ног вились упругие кусты дикой поросли, не знавшей интимной стрижки. Времена не те. Но плоть — такая же.

Он почти нашёл самый отзывчивый бугорок в её теле, когда почти рядом с ним рука Игоря наткнулась длинную череду узлов. И Рита, только что прикусившая ему бицепс от наслаждения, внезапно восторженно, вываливаясь из грёз наслаждения на грубую подстилку лежанки.

Мгновение, и она повернулась к нему лицом, едва не свалив с топчана.

Даже в темноте Игорь увидел, как полыхнули её глаза! Полыхнули огнём, способным испепелить на месте.

— Всё! Уходи теперь!

Это был крик. Крик души. Но Рита кричала шёпотом. Памятуя о том, что перегородки тонкие и за стенкой всё слышно.

Она упёрлась руками в грудь Гребнева, пытавшегося вновь заточить девушку в свои объятия. Но это никак не получалось. Рита оказалась на удивление сильной и упорной. Как с напором вовлекала его в эту любовную игру, так и выбрасывала из неё.

— Тихо, девочка моя, тихо, — приложив губы к её уху прошептал Игорь. — Всё же хорошо. И ничего не случилось.

Его руки продолжали шарить по обнажённому телу, которое уже отпустила судорога наслаждения, и оно безвольно обмякло на имитации любовного ложа.

Гребнев подтянул почти свалившееся на пол шерстяное одеяло, колючее и пахнущее Ритой. Хотя вряд ли она пользовалась чем-то большим, чем земляничное мыло, если оно уже было в эти годы.

Чтобы укрыться от огня в её глазах, Игорь натянул одеяло на голову. Точнее на две головы — её и свою. И вновь подмял Риту под себя, прильнув щека к щеке.

Губы сами сложились для поцелуя. И Гребнев нежно тронул ими бархатистую кожу, дошёл до искусанных губ девушки, и без остановки проследовал дальше, по тонкой шейке, к выпирающим ключицам. И так до самой груди.

Вновь заставив восстать соски грудей, а за ними — и тончайшие волоски на плоском животе. Но и здесь не остановился, чувствуя, как поддаётся возвращающемуся наслаждению Рита, как она вытягивается струной под ним.

Ему пришлось пристроиться рядом с топчаном, опустившись на холодный пол коленями. Но иначе дотянуться туда, где он нащупал шрам, никак не получалось. Их прокрустово ложе наслаждений было маленьким даже для одного. А вдвоём, к тому же в любовной игре, было никак не поместиться.

Но Гребнев не обращал на это внимания. Ни холод, ни песчинка, попавшая под левое колено, уже не могли остановить его. Даже если бы Рита просила остановиться. Но она не просила.

Она едва сдерживала стон. Стон наслаждения. Цепляясь тонкими пальчиками за его ломкие и короткие волосы, она, вряд ли осознанно, удерживала его голову на самой границе рощи на краю ущелья, обещавшего райское наслаждение.

Стоя на коленях в торце топчана, Игорь, по тому, как заменявшая простыню рогожка кольнула в крайнюю плоть, понял, что тоже воспрял. И слегка удивился этому забытому уже ощущению — давно прошли времена, когда и три раза за ночь не было в диковинку.

Однако, находясь в полной готовности, он не стал обрушиваться на девушку ради исполнения своего желания. А продолжил изыскания губами. И на сей раз Рита не возражала. Даже когда он языком прошёлся по всему грубо

стянутому шраму — от входа в её лоно до выпирающей тазовой кости.

Обратно, к нащупанному прежде бугорку, дарующему девушке наслаждение, он двигался ещё медленнее. Лаская языком каждую клеточку её тела на пути неги и страсти. И Маргарита откликалась сдавленными стонами и хрипами на каждый его вздох, когда он чуть отпускал её, чтоб самому вдохнуть, перевести дух.

Прежде чем пронзить её, он прошёлся языком по раскрывшимся ему навстречу лепесткам её тайных губ. Влажных, солёных. То ли от пролитой им жидкости, брызнувшей в изобилии после длительного воздержания — о том, чтоб помыться после случившегося в условиях коммуналки и речи быть не могло. То ли сама Рита столь искусно вновь оросила их своим желанием. Вновь, потому как и первый заход был по очень влажной дорожке. И Гребнев даже испугался, что не сможет завершить начатое, уж больно неосязаемым было его возвратно-поступательное движение. Но всё получилось. А теперь вот и ещё раз случится.

Игорь пока не спешил отпускать попавшийся ему на язычок меж губ маленький бугорок плоти. А Рита от каждого его прикосновения, заканчивавшегося втягиванием её плоти глубже в рот, извивалась всё больше, прижимая голову Гребневе себе между ног.

Когда же после очередного прогиба тела девушка в изнеможении откинулась на постель, Игорь решил: пора.

И встал на колени уже между её ног...

11

В третий раз, уже под утро, всё случилось без долгих прелюдий. Рита взяла инициативу в свои руки. Скинув себе под ноги одеяло и пристроившись в районе живота Игоря, уже она прильнула губами к его воспрянувшей плоти. Хотя с предыдущего раза прошло, по его ощущениям, всего-то минут двадцать. Но стрелки часов неумолимо двигались к

рассвету. Однако это он понял только после того, как Рита расправилась с его орудием, дважды беззастенчиво проникавшим в её заповедные уголья. Расправилась, не позволив вновь разорить своим присутствием увитую тёмными волосками ложбинку между ног. И даже не выплюнула то, чем едва не подавилась от неожиданности, когда Игорь не смог сдержаться.

— Прости, — прошептал он, проводя пальцами по её влажным губам. Но она только улыбнулась в ответ. И поцеловала его, делясь тем, что сумела взять у него.

— А теперь уходи, — шепнула она, заворачиваясь в одеяло и усаживаясь на топчане с поджатыми ногами.

Игорь, конечно, не рассчитывал на завтрак, не те времена. Да и на общей кухне... Но чтоб так вот, едва закончив заниматься сексом...

Однако Маргарита была неумолима, и мигом расцепила руки, когда Гребнев попытался её обнять и прижать к себе.

Пришлось наощупь собирать свои манатки и одеваться под пристальным взглядом Риты, старавшейся, кажется, запечатлеть каждое его движение. Или её заинтересовало его бельё? Вряд ли даже при самом богатом опыте она такое видела на мужчинах этого времени...

— Ты из-за шрама? — попытался Игорь взять контроль над ситуацией.

— Тс-с, — вновь приложила к губам палец девушка. Как после первого их соития, когда Игорь пустился в болтовню. — Готов?

Гребнев кивнул, надвигая на лоб шляпу.

— Жди здесь, — Рита приоткрыла дверь, выглянула в тёмный коридор. А потом уверенно зашагала во мрак. И пропала.

— Ритка, стерва, опять хахаля привела! — раздалось громовое откуда-то издалека, но явно из квартиры, не с небес же. Хотя и трубным был глас.

— Что вы такое говорите, Роза Марковна, — невозмутимо ответила Рита. — Уж и в сортир встать нельзя.

В подтверждение своих слов она где-то вдалеке дёрнула цепочку сливного бачка. И вода заглушила ответную гневную речь невидимой Розы. А Маргарита уже вцепилась в руку Игоря, вытаскивая его в свет тусклой лапочки под потолком где-то на середине коридора, бесконечного, как сама жизнь. Клёкот воды в трубах скрыл их торопливые шаги.

У двери на лестницу, она ткнулась в его губы:

— Спасибо тебе, милый! Жаль, что не мой. И не будешь им, — уголки её губ поползли вниз.

Наступало самое противное в любых любовных отношениях, особенно случайных — расставание. Когда говорить не о чем, а что-то сказать вроде как надо.

— Не стой босиком, — шепнул Игорь. — Пол холодный, простудишься.

— Ты не бойся, я не стану тебя искать. И не забеременею. Не смогу... Тот шрам... Я ещё маленькой была. Бомба... После операции не могу иметь детей. Иди уже, а то Роза, не дай бог, вылезет из своей конуры...

Теперь уже Игорь ткнулся в сухие губы Риты, которые в этот раз никак не отреагировали на его прикосновение. Он судорожно развернулся, и зашагал вниз по лестнице, а в спину гремело:

— Шалава, почему дверь нараспашку! В ЖЭК сообщу, выгонят тебя из квартиры! А то и в милицию упекут! Водишь тут...

Дверь, грохнув напоследок, закрылась, заглушив вопли Розы, чувствовавшей себя королевой из квартиры сорок пять.

Впрочем, Игорь в номере квартиры был не уверен — не удосужился взглянуть. Он-то и дом окинул взглядом только, когда собрался поворачивать к станции. Туда, где она, по его разумению, была. Но через полчаса бодрого шага

Игорь понял, что пошёл не туда. Так что адрес Риты он благополучно забыл, даже не узнав...

12

— Чух-чух-чух...

Паровозик натужно тронулся с места, нещадно дымя и взахлёб попыхкивая паром. Всё бы хорошо, но паровозик набирал ход не где-то вдалеке, а в голове Гребнева.

— Чух-чух-чух...

К звукам вырывающихся из трубы клубов дыма и струек пара из-под сухопарника прибавилось надсадное постукивание колёс: тадам, тадам, тадам... Ещё немного, и припев подхватит сама Эдит Пиаф. Но не случилось. Колёса продолжали стучать тадам, тадам, а Воробушек так и начала петь. Потому что слова не те? Ну как слышалось Игорю, так он и пропел. Мысленно. Ожидая подмоги. Которая не пришла. Вот что значит не помнить слов, которые напевала Эдит Джованна Гассьон. Ставшая Пиаф. Воробышком.

«За каждый чёртов поступок, который ты совершаешь в этой жизни, нужно платить».

Он много совершил поступков, за которые в зрелом, нынешнем возрасте, ему было стыдно. Но стыд — не дым, глаза не выест. Да и будь он дымом, ему не укрыть то, за что Гребнев себя не простит. Такие вот дела, за которые расплата его ещё не настигла. Но она уже близко. Да только он ещё не на смертном одре, как пригрезившаяся ему певица. Хотя как знать, может и на смертном.

...Игорь хорошо помнил, когда и как заразился.

На задней площадке троллейбуса от Речного до его конечной было не протолкнуться. И всю дорогу Гребнев стоял прямо напротив мальчонки, которого отец в голубоватой медицинской маске усадил на сиденье спиной в сторону направления движения. Так что Игорь прекрасно видел вздувавшиеся под носом-пуговкой сине-зелёные сопли. Простительные трёхлетнему пацану. Непростительно было то, что папаша, укрывшись за маской, и не подумал эти

сопли ребёнку вытереть. Так что, когда пацан чихнул, брызги накрыли всю заднюю площадку. И Гребнева прежде всего. Хотя он и задержал дыхание. А потом и протёр лицо платком, вернувшимся в задний карман брюк уже только на остановке.

Судя по результату, этого хватило, чтоб Гребнев подцепил «испанку» двадцать первого века. Это пацану даже с соплями не особо грозил ковид, родившийся годом ранее в китайском Ухане, а может и в иной какой лаборатории. Дети на удивление легко переносили болезнь. В первую волну и Гребнев, не особо предохраняясь, исхитрился не подцепить заразу. А тут, похоже, по причине ослабленного межвременными переходами организма, не справился. С какими-то соплями не справился!

И вот результат. Температура под сорок. Надсадный кашель, выворачивающий лёгкие наизнанку. Ноги не держат. Вкусы и запахи он различал, и уже это внушало ему надежду, что с заразой рано или поздно, но справится. Однако скорую вызвать пришлось. На третий день. Когда позвонили из министерства и потребовали справку. Иначе QR-кода, которые ввели как раз во дни его триумфа с докладом министра, ему не видать. А значит, и из дома будет не выйти. И ладно бы на работу. Но ему-то нужно было на поезд! Да ещё и с Ленинградского вокзала... В 18.02 отправлением.

С Ольгой он договорился бы. Но она сама болела. А с департаментом делопроизводства не договоришься. Тем более по телефону. Однако и без этого врач был нужен — температура, несмотря ни на какие народные средства и таблетки из старых запасов, не падала, а сил становилось всё меньше. И Гребнев решился. Хотя велик был риск, что его упекут в какую-нибудь из наскоро приспособленных для лечения ковидных пациентов больничек. А это наверняка означало если не летальный исход, то длительное и бессмысленное лечение. Потому что как лечить

навалившуюся заразу никто не знал, хотя мир уже накрывала вторая волна пандемии.

Впрочем, как считал Игорь, паники было больше, нежели болезнь того стоила. И убивала не болезнь, а именно паническая атака. И всё, что из неё проистекало.

Это вполне могли бы понять все, стоило только включить голову, а не телевизор. Хотелось верить, что в международных организациях не смотрят российское ТВ. Однако дурь шла прежде всего оттуда. Со всеми ограничениями, масками и карантинами. Хотя оснований к тому — никаких. Даже по документам тех же самых организаций, что посадили весь мир на карантин. Ведь вполне себе понятное греческое слово «эпидемия» означает «распространённый в народе». И оно применимо, если какое-то заболевание поразило более 5 процентов населения. Второе прекрасное греческое слово, коим пугали почище эпидемии, — «пандемия». И означает оно — весь народ.

Так вот, по документам ВОЗ, которые, скрашивая своё болезненное состояние нарыл в интернете Игорь, при пандемии должны больны быть все, а от 21,3 до 53 процентов населения Земного шара — принять смерть.

К моменту, когда ковид настиг-таки Гребнева, не особо верившего в чудодействие масочного режима, знавшего скорее о вреде, наносимом им, нежели пользе, на Земле переболели 2,32 процента, умерли же и вовсе всего 0,05 процента. И это по данным того же самого ВОЗ, потребовавшего закрытия границ. В то время, как обычным сезонным гриппом ежегодно болеет 3-4 процента жителей планеты, а умирает — 0,1.

Да, это страшно, что развитое человечество в двадцать первом веке по официальным данным ВОЗ потеряло от какого-то мелкого вируса 1,88 миллиона человек. Но за это же время в мире от голода умерли 2,55 миллиона детей в возрасте до 5 лет. Голодающих взрослых,

принявших смерть по той же причине, никто не считал. Да, это не вирус. Но это ещё хуже — это бесчеловечность.

А ведь были ещё и другие смерти. От рака, например, — 11,21 миллиона человек! Или 18,9 миллиона человек от сердечно-сосудистых заболеваний, включая инфаркты.

Что мы имеем? Как минимум эпидемию сердечников и раковых больных. Кто об этом говорит? А чё тут говорить-то — судьба, знать, такая... Боженька дал, боженька взял.

Да, никто и нигде не стал бить тревогу, объявлять карантины и обязательное обследование групп риска. Наоборот, среди жертв ковида, по крайней мере в России, оказались тысячи и тысячи сердечников и других хронических больных, на лечение которых у системы здравоохранения, урезанной до состояния начала двадцатого века по умыслу или по недомыслию и тупости начальников, не хватило мест в больницах. И врачей.

Вот и Игорю врача пришлось ждать больше суток.

За окном была непроглядная темень — то ли поздний вечер, то ли нарождающееся утро. Он уже полубредил в горячке, когда наконец звякнул и тут же оборвался звонок в дверь.

Под надсадный «чух-чух-чух» в голове, Гребнев побрёл на источник звука, как мотылёк на свет. С той лишь разницей, что бабочка порхает легко, а он едва переставлял ноги.

«Чумной доктор» оказался невысокой, чуть полноватой барышней. А может её полнота была всего лишь следствием наброшенной на плечи куртки, придававшей дополнительный объём. Из-под кокетливо сбитой набекрень «красной шапочки» — малиновой бейсболки — на Игоря оценивающе уставились серые смешливые глаза, с росчерком чёрной туши в уголках. Это делало их раскосыми, хотя они были вполне себе обычными, славянскими. И никакого тебе клюва головного

убора средневекового чумного доктора. Так, скромная медицинская маска, вполне обычная. Хотя даже у Гребнева была почти «фирменная», с дыхательным клапаном с одной стороны. Его она не спасла. А как же эту докторшу при общении с ним уберёжёт обычная?

Игорь хотел было уже дать ей от ворот поворот — а ну как заразит, но дама уже решительно шагнула через порог.

— Игорь Николаевич? Как вы себя чувствуете? — из-за спины доктора показалась юная фельдшерица, с большой пластиковой коробкой-чемоданом в руках. И тоже наладилась в квартиру.

Гребневу пришлось уступить дамам, отступая на заранее приготовленные позиции — на диван.

— Хотелось бы лучше, — промямлил Игорь. — Но пока чувствую себя сообразно возрасту и тяжести заболевания.

Он устало опустился на диван.

— И что за болезнь вы себе диагностировали?

В ответ Игорь натужно закашлялся.

Докторша быстро выслушала хрипы в грудной клетке Гребнева, взяла мазок ватной палочкой из горла и уступила место своей спутнице, развернувшей вначале тонометр, а потом и портативный аппарат для ЭКГ.

— Сколько вам полных лет? — не снимая латексных перчаток, доктор что-то писала на своём планшетике.

Гребнев на мгновение задумался. Надо же, а ведь у него день рождения на носу! А он и забыл. Как не к месту эта болезнь! Хотя когда это болячки были к месту...

— Через неделю будет шестьдесят.

— Я спрашиваю полных лет, — отмахнулась докторица от прогнозов пациента.

— А вы хотите сказать, что не будет?

Пришёл черёд дамы в красной шапочке сдать назад.

Открытая часть лица стыдливо порозовела, набирая плотность цвета до пунцового и даже ярко-красного.

— Почему же... Всё может быть. Кроме того, что быть не может, — выкрутилась она. — Дела у вас, конечно, не фонтан. Но не смертельно. Я видела и похуже. И люди выживали. Хотите в больницу?

Игорь, собравшись с силами и мыслями, отрицательно мотнул головой.

— И это правильно, — поддержала его «красная шапочка». — Тогда так... У нас на сегодня это последний вызов...

Так, понял Гребнев, значит, за окном наступает новый день — на скорой смена по утрам. Впрочем, как и везде, видать. А звонил по единому номеру вместо прежних 03 ещё днём. Накануне. Вот вам и скорая помощь...

А «красная шапочка» продолжила мысль:

— Вы осилите дорогу до медцентра на Беломорской? Это я к чему... Тесты эти, ПЦР, не дают стопроцентного результата. Да и долго их будут делать, наплыв ужасный. А важен буквально каждый час для начала лечения. Вот я и подумала... — она неожиданно смутилась, но взяла себя в руки и выпалила: — Тысяч пять на КТ у вас найдётся, я думаю? Да даже если и сложно с деньгами... Я помогу. Я вообще-то живу в соседнем подъезде...

Игорь с интересом, едва ли мыслимым в его состоянии, взглянул на доктора, предлагавшего лечение за собственный счёт. Не за счёт больного, а за счёт заведения, так сказать.

Но как он ни вглядывался в амбразуру между козырьком бейсболки и маской, опознать женщину, как свою соседку, пусть и из соседнего подъезда, не смог. Он в доме был не то чтобы букой, здоровался со старухами, сидящими летом на лавочке, но почти никого не знал. Разве что Фёдорыча, когда тот был ещё при делах, дворником. Но, когда управляющая компания сменила его на тройку таджиков, быстро увял, а потом и вовсе сгинул, Игорь даже

не знал, когда его схоронили. Однако явно до начала всех этих карантинных.

Пока Гребнев размышлял, доктор окончательно сформулировала своё предложение под неодобрительный взгляд фельдшерицы, практически закончившей свои изыскания:

— Между сменами я подрабатываю в этом медцентре, так что примут вас на КТ даже без очереди. Хотя там запись чуть ли не на неделю вперёд. В лучшем случае. А так подъедем, и через десять минут всё будет готово. Даже с расшифровкой.

— Неудобно как-то... В смысле деньги-то есть, но вы после дежурства...

— Потом отосплюсь, — небрежно махнула рукой в перчатке «красная шапочка». — Вам попутно что-нибудь надо купить? Из еды, лекарств...

— Есть не особо хочется, хотя вкус не потерял. А лекарств... Я даже не знаю, какие нужны. Да и вас обременять...

— Я по-соседски, не забыли? Да и потом, если сейчас не помочь, вы же ещё будете нас вызывать. Так что я скорее в шкурных интересах эту помощь предлагаю, — в голосе из-под марлевой маски звучала и усталость, и лёгкая насмешка.

13

После позднего обеда Гребнев слезящимися глазами, не особо вникая в смысл прочитанного, разобрал на листе с фирменным угловым штампом несколько строчек, которые ему своими словами озвучила Марина Евсеева, соседка и доктор скорой помощи по совместительству.

Многочисленные периферические уплотнения легочной ткани по типу «матового стекла», без чётких контуров, длинная часть пораженных участков по большей

части параллельна плевре. Что это означает, он не знал. Но вывод был прост и понятен.

Поражено примерно 35 процентов лёгких.

Значит, всё-таки ковид. А у него были такие планы...

Оставалось лечиться. Благо Марина, пока Гребнев лежал в томографе, накупила лекарств и расписала что и когда принимать перорально. А что — колоть. Предварительно методом придиричвого опроса она установила, что Игорь может уколы делать самостоятельно. Но первый сделала сама. Сняв, наконец, свою марлевуую маску, не спасающую ни от чего. Однако обязательную к носке.

Гребнев с интересом вглядывался в открывшееся и открытое лицо. Хотя ему бы об интересе следовало позабыть. Или отложить до лучших времён. Температура, несмотря на принятое жаропонижающее, всё ещё держалась на максималках, и всё вокруг было в зыбком мареве. Но лицо, склонившееся над ним, точнее, над его оголённым для укола пузом, выглядело полной луной, прорвавшейся сквозь плотный слой облаков.

Нет, оно не было таким уж круглым, чтоб назвать Марину пышкой. Хотя и не была она худышкой, что Игорь разглядел ещё когда она на своей машине везла его в медцентр, а потом домой. Соседство оказывалось весьма удобным. А может и выгодным. Впрочем, Гребнев ещё не знал, чем придётся расплачиваться. Эти рыжие ведьмы...

Дело в том, что Марина Витальевна была огненно-рыжей. И как он сразу не разглядел эти локоны под бейсболкой... Впрочем, он-то особо и не приглядывался. Это раз. Во-вторых, волосы Марина тщательно убирала под свою красную шапочку. Да так, что ни волоска не выглядывало. Меж тем шевелюра была выдающаяся, Гребневу, с его едва ли не на треть открытой со лба головой, оставалось только завидовать. Но и этого он был лишён. Сразу после того, как Марина явила ему свои кудри,

она немедленно потребовала от Гребнева избавить её от отчества в общении. Но к нему она нарочито обращалась по имени-отчеству.

Невысокая, с сильными руками и изящно очерченной грудью под блузкой, которая сменила рабочий комбинезон врача скорой помощи, Марина выглядела как минимум лет на пятнадцать моложе Игоря. Но нелёгкая профессия уже оставила свои следы на милом в общем-то личике — гусиными лапками вокруг глаз, сегодня особенно запавших.

— Дальше — сами, — уверенными движениями доктор собрала остатки ампул и использованные шприцы, сунула их в пакет. — Справитесь?

Окинув изучающим взглядом холостяцкую, но уютную берлогу Игоря, Марина, не без сожаления, повернулась к двери.

— Хорошо тут у вас, не то, что у меня.

— И что у вас не так? — Гребневу не хотелось, чтоб она уходила, но и задерживать её он тоже не хотел. Однако поинтересовался всё ж. Из вежливости.

— Да всё не так. Руки не достают. Пока мама была жива, на ней всё держалось. А теперь, дай бог, если раз в неделю пыль пылесосом погоняю. Только и того, что дома почти не живу. То дежурства, то подработка, то халтура...

— То-то я вас и не знаю... Ну, вообще-то я практически никого не знаю, в доме, в смысле. Однако ж в лицо помню многих. А вас не видел.

— Ну, пару раз мы встречались, — Марина выдала себя с головой, зардевшись едва ли не до самых кончиков своих пламенеющих волос. Явно же интерес к Гребневу был у неё не только профессиональный. А то и не столько профессиональный. Но сейчас на первом плане стояло лечение Игоря. Поэтому оба даже и не помышляли о чём-то большем. — Я завтра зайду. У меня выходной. Подумайте, может всё-таки нужно что-то? Я занесу, мне не трудно...

— Вы и так на меня убили уже почти половину своего отдыха. Спасибо за всё. Но честно... Пока ничего не нужно.

— Ну, может, вам хотя бы ужин приготовить? Вы ж ничего не ели. С утра, я так понимаю.

— С вечера, — поправил гостью Гребнев. — Но пока и не хочу.

— А надо, — Марина погрозила пальчиком. — Где организму силы брать, чтоб бороться? Лекарства это одно, но нужны и дровишки, на которых они сгорят.

— Обещаю, что перекушу. Позже.

Гребнев проводил свою спасительницу до двери.

Он действительно чувствовал себя лучше. Хотя лекарства ещё не могли подействовать так, чтоб было явное улучшение. Вон, температура лишь символически снизилась, скорее застыла на нижней критической отметке. А он уже считает себя чуть ли не выздоровевшим. И хотел многое сказать Марине. Но не сейчас. Хотя речь почти заготовил. Но прежде всё ж подбросил в топку организма дровишек — перекусил, бросив на сковородку прямо из морозилки дюжинупельменей. Готовить что-то более съедобное не было сил. А на сочинение объяснения с врачебательницей мысленной энергии уже хватало.

— Это неправда, что умирать не страшно. Я дважды умирал. По-взрослому, — мысленно проговаривал он, вспоминая приятную на вид и, вероятно, не менее приятную наощупь фигуру неожиданно объявившейся соседки, набивающейся на близкое знакомство и общение. — Умирая, я всякий раз боялся. Этот страх и удержал от смерти. Если уж умирать, то сразу, без раскачки, без понимания, что пришёл твой час. Уснул и не проснулся. Но так умирают праведники. Я — грешник. И рассчитывать на смерть праведника не приходится. Однако умирать всё равно придётся. Поэтому уже не то чтоб страшно — ожидаемо. Хуже, когда это ожидание не столько затягивается, сколько нагнетается. Как с пандемией, о

которой из каждого утюга. Про рекорды, которым мы хотим дать свои имена: умерло столько-то, а умрёт ещё больше...

Но пока озвучивать речь было некому. И завалившись на диван с планшетом, Игорь продолжил свои изыскания о поразившей и его болезни. За словами о рекордной смертности тут же нашёл другое. То, что и следовало ожидать. Даже без теорий заговора. Приказ о поголовной вакцинации. А он-то даже в джунгли, бывало, уходил без вакцин. Потому как многие уколовшиеся до джунглей даже дойти не успевали. А всё почему? Вакцина — палка о двух концах. Тем более скороспелая.

Почему скороспелая? Так ведь международное Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, которое утверждает (или нет) все уколы и таблетки в мире, однозначно требует: должно быть несколько фаз разработки лекарств, а не это вот всё, раз — и изобрели. Да, надо срочно. Но срочно не означает сделать из говна и палок. А на всё нужно время. Даже нулевая фаза исследования — на крысах и морских свинках — занимает около 7 месяцев, ещё от года до трёх отводится исследованиям на выборке из 30-100 абсолютно здоровых и обследованных добровольцах. В общем, до одобрения вакцины проходит от трёх месяцев до пяти лет. В лучшем случае. Или в среднем. А так — все десять.

С Гребнева же уже требовали справку о вакцинации, которую в Москве — о, нечаянная радость и такая ожидаемая гордость, первыми в мире объявили буквально за день до того, как он заразился. Другими словами, от Игоря требовали доказательств, что он согласился стать даже не подопытной мышкой или морской свинкой, а просто жидкостью в чашечке Петри. Если судить по предусмотренным срокам работ над вакциной. Настоящей.

Поэтому он и репетировал свою речь. Всё так же мысленно.

— Если бы я раньше знал, что у меня ковид — уже помер бы. Но вы сами отказались везти меня в больницу. Зная самое главное: если попал туда, всё, ты не жилец. Однако мой тест всё еще не готов, если не затерялся где-то, а выписку из КТ я прочитал лишь после того, как вы ушли. Озвучив только: двустороннее воспаление лёгких. Хотя там было черным по белому: по типу «матового стекла»... Так что я с чистой совестью болел. Выплёвывая лёгкие. И стекло, матовое. А знай я правду, из ваших, докторских уст? Скорее всего, при моём богатом воображении сразу пополнил бы число ушедших в мир иной. Которые ушли не столько от ковида, сколько от страха перед ним. Ну и его последствий.

Игорь не долго маялся поиском завершения своей тронной речи. Коей надеялся впечатлить соседку. Что-то в ней было такое, что даже ковид его не брал, а вот она взяла. Ещё не сердце, но на каких-то струнах она сыграла. И ему уже хотелось ей понравиться. Честностью, открытостью. Поэтому он и вписал в ячейки своей памяти:

— Я тоже последствий не избежал, и если честно, то к прежней норме, скорее всего, так и не вернусь. Хотя и выжил. Зато это выживание дало понимание: страхи нагнетаются искусственно. Есть ковид, но нет пандемии. Нет даже эпидемии. И есть нечто, что нам впаривают под видом вакцины, которая совсем не вакцина, и уж точно не панацея, и даже не от ковида. Не соглашусь с тем, что под видом вакцинации, нас чем-то заражают. Слишком это сложно. И затратно — для сохранения секретности. Но налицо попытка отнять мои и без того урезанные права. И не только мои. Но и ваши. А тем временем смерть стала обыденностью...

Но ничего этого он, естественно, не сказал. Ни на завтра, когда Марина пришла его навестить с тарелкой горячих оладий, ни позже. Когда уже окончательно оклемался. Зато действительно, так и не вернулся к прежней норме...

Отсутствие обременений в виде необходимости посещать присутственное место лишило Игоря возможностей путешествовать во времени, но и прибавило море этого времени. Свободного. И Гребнев с головой окунулся в интернет.

Он и так из него не вылезал, выискивая правду относительно поработившего мир заболевания. Но тут решил заняться поиском других следов. Которые могли бы пролить свет на его вневременные отношения. Не давало ему покоя содержимое чемодана Якова. А уж если что ему втемяшивалось, то отвязаться от прилипчивой мысли можно было только развенчав её. Конечно, лучшим вариантом было бы лично отправиться на встречу с подозреваемым. Но чем такая встреча закончится? Да и возможности не было — болезнь заперла Гребнева в четырёх стенах. В которые только изредка проникала Марина. Основательно взявшаяся шествовать над больным соседом. О котором, похоже, знала куда больше, чем он о ней. Хотя он же и дал ей эти сведения. В самый первый визит дамы, которая была ещё просто доктором. Даже не соседкой.

Но она оказалась прилежной ученицей. И усвоила куда больше, чем Игорь помнил — и когда это я такое говорил? Поэтому взяла на себя смелость позвонить в дверь, и когда Гребнев, как обычно, не особо вникая кто там, по другую сторону стальной двери, открыл, пропела:

— Хэппи бёздей ту ю! С юбилеем, Игорь Николаевич!

Руки у Марины были заняты. Громадным тортом. С частоколом свечей. Пока ещё не горевших.

— Вот и ответ на ваш вопрос! — с гордостью провозгласила нежданная гостья.

— На какой? — удивлённо воззрился на гостью Игорь.

— Никак запамятовали? Ой, какая короткая память! Пряма девичья, — Марина Евсеева, не дожидаясь приглашения, решительно ступила на порог. А потом и за него, подвинув Гребнева выставленным вперёд блюдом с тортом. Причём, далеко не обычным, из магазина. Судя по всему, торт был сделан на заказ. Если не сама соседка приложила руку к его созданию. Но когда? По подсчётам Игоря, она только сменилась с дежурства на скорой, да и вид её в том убеждал: глаза хоть и блестят, но запали, рыжие волосы потускнели и не полыхают огнём в сумраке коридорчика его квартиры.

С работы, из министерства его ещё никто не поздравил. Хотя это было в их интересах — выставить неудобного юбиляра на пенсию, раз уж случай подвернулся. Решили, что помер? А старые друзья? Которых-то и было кот наплакал, но были же... Но и от них поздравлений не было.

Да, Игорь недолюбливал именины, особенно их торжественно-официальную часть, с чествованием юбиляра и обязательными славословиями. На которые нужно было как-то отвечать. И кланяться даже тем, кому бы он и руки не подал. То ли дело по телефону или в смс. Однако и этого не было. А тут — торт, свечи, пусть и незажжённые...

— Ну, что вы застыли у порога? Приглашайте к столу, — Марина решительно прошла на кухню. — Сомневалась ли я что вы доживёте до юбилея? Да ничуть, вот вам мой ответ. За что и предлагаю выпить. У вас есть что? Или мне сбегать домой? Там целая батарея нерастраченных благодарностей — от шампанского до ликёров и коньяков. Иначе благодарить врача у нас не умеют. словно я алкоголичка. Питающаяся одним шоколадом, точнее, закусывающая, — гостя наконец-то поставила торт на стол, а Гребнев, подойдя сзади, взял её за плечи.

Конечно, ещё не саму Марину, а только пальто её, небрежно наброшенное, чтобы по первому снегу пробежаться от соседнего подъезда к его двери.

Игорь, намеревавшийся горевать о своём возрасте в гордом одиночестве — какие могут быть гости в пандемию, начал было суетиться, но тут же взял себя в руки:

— Вы что предпочитаете? Если свои запасы держите в неприкосновенности...

Марина без приглашения прошла и села в кресло, в котором не так давно, и месяца не прошло, восседал начальник РУВД, принёсший Игорю индульгенцию на убийство беглого уголовника. Теперь вот докторица решила выдать ему ещё одну. Теперь уже от ковида.

Гребнев и сам был уверен, что болезнь отступила, и он вышел победителем в схватке за жизнь. Но сроки его карантина ещё не вышли. И ему самому выходить было нельзя. Если следовать принятым скороспелым законам и решениям властей всех мастей. Хотя формально курс лечения, расписанный ему Мариной не по дням, а буквально по часам, завершился накануне. И хворь никак себя больше не проявляла. А тут ещё и юбилей...

Поэтому себе к обеду Игорь приготовил нехитрую снедь: отваренный с вечера говяжий язык, завалившийся в морозилке с неведомых пор, баночку печёночного паштета, тоже заждавшегося своего часа, несколько кружочков лимона и пол-литра домашней хреновухи. Настойка у него особенно удалась, не чета ресторанным, разве что чуть мутновата. Но он сознательно на то пошёл, натерев хрен, а не изрубив его, как предписывают рецепты. Зато и вкус получился насыщенной, с ароматом мёда, которого он тоже не пожалел. Как и спирта, отчего крепость напитка превысила все ожидания. Но пилась хреновуха на удивление легко. А он едва не забыл о ней за всеми этими поездками в прошлое.

Теперь же, ввиду отсутствия возможности сгонять в магазин за виски или хотя бы за вином в связи с

появлением неожиданной и столь же незваной, хотя и желанной гостьи, настойка оказалась палочкой-выручалочкой. Вискарик же, почитаемый Гребневым, давно закончился, а иных запасов не было и вовсе.

Метнуть запасы на стол было делом двух минут. Ещё столько же ушло на то, чтоб зажечь свечи. Не шестьдесят, конечно, на треть меньше. Но всё равно провозился Гребнев долго, бросая любопытные взгляды на свою гостью.

Марина не проявляла нетерпения, скользя рассеянным взглядом по сервировке стола:

— И где вы так научились?

— Чему?

— Стол накрыть за минуту. И всё при этом сияет. Словно готовились неделю. И я бы так и подумала, если бы не заходила два дня тому назад...

— Я ко всему готовлюсь всю жизнь. Хотя некоторые вещи и приходят или происходят внезапно.

Гребневу хотелось хоть с кем-то поговорить о своих странствиях во времени. С кем-то из современников. Несколько человек из прошлого, знавшие его в тех временах, тоже были далеко не в курсе всего. А здесь и вовсе никто не знал. Не то чтоб Игоря распирало похвастаться происходящим с ним, но он нуждался если не в участии, то хотя бы дружеской беседе на волнующую его тему.

Марина была пусть и не в полной мере, но соответствующей его критериям отбора для беседы. Почти как Якушев. Которому всё знать было не обязательно, но говорить с ним можно было без опаски. Хотя, как знать, может и стоило опасаться. Быть может не совсем того, что он выдаст Игоря. Но и с этим ещё предстояло разобраться.

А вот с Мариной дело обстояло сложнее. Ему хотелось не столько пообщаться с ней, сколько чего-то большего.

Она была постарше его Катеньки, ни разу за время болезни не вспомнившей о нём. Что не удивительно. Катюша слишком юна, если сравнивать с его юбилеем. Марина же тоже не слишком близка по возрасту. Но пятнадцать лет разницы, прикинутых Игорем с первого взгляда, оказались десятью годами, на которые она младше. Так что у неё тоже близился юбилей. По весне. До которой нужно было дожить. А уж будут ли они его отмечать вместе...

Его юбилей, по крайней мере, они отметят вдвоём. Если никто и ничто не помешает.

— Напиток, вообще-то, не совсем женский, но, увы, не подготовился. Не люблю, знаете ли, свой день рождения.

— Я тоже, — Марина закинула ногу на ногу, отодвинувшись от стола. — Ну, что пора, дуть на свечи? Заодно проверим ваши лёгкие, как-то они перенесли болезнь...

15

Из болезни вполне себе вышли не только лёгкие. Свечей оказалось — ни то, ни сё — двадцать три, и все они испустили дымы от первого же выдоха Игоря. Но первый же глоток хреновухи оказался роковым для Марины. Она и без того, сонная после дежурства, немедленно поплыла. Да не просто так.

Лихо махнув залпом стопарик — каких-то тридцать граммов, она, вряд ли никогда не пробовавшая спирт, неожиданно уронила голову на грудь. Не очень пышную, но весьма соблазнительную. Впрочем, о соблазнении речи пока и быть не могло. Тем более, что женщина явно спала. Не стоя, всё ж она сидела. Но на ходу. Или по ходу движения — руки ещё жили сами по себе. Гребнев едва успел её подхватить, когда Марина, откинувшись на спинку кресла, уронила наколотый на вилку кусочек маринованного огурца. И тут же поехала, начала сползать с кресла вслед за ним, закатив глаза.

Игорь перепугался не на шутку, понимая, что теперь в ответе за отключившуюся женщину.

— Тихо, тихо, тихо, — он забрал вилку из безвольно опавшей руки, подхватил гостью подмышки, кое-как поставил на ноги. О том, чтобы в таком виде отправлять её домой, и речи быть не могло. Отвести? Но куда? Гребнев знал только то, что живёт она в соседнем подъезде. А там, на восемь этажей, сорок квартир. Да и дискредитировать Марину, протаскив пусть не пьяной, а спящей через двор и два подъезда, тоже не хотелось. Ведь желающие увидят то, что хотели бы увидеть. А значит, потом никому не докажешь, что Марина не была пьяна. Ну, разве что самую малость.

Приобняв её за действительно мягкую, но упругую талию, Игорь помог Марине добрести до своей кровати, благо утром бельё сменил, как чувствовал. Хотя и поступил так по иной причине — юбилей, всё с чистого листа надо бы. Да и болезнь отступила, тоже повод для смены обстановки. Так что здесь ему было стыдиться нечего. Не то, что за столом, где его укреплённая спиртом настойка с первого глотка свалила гостью.

Уложив ноги Марины на покрывало, он прикрыл её пледом. И дверь — за собой. Однако напоследок бросил заинтересованный взгляд на верхнюю пуговицу блузки, расстегнувшуюся без чьего-либо участия. Ну, разве что Игорь, помогая женщине переставлять ноги, ненароком блузку перетянул на одну сторону, и пуговка выскочила из петельки. Но открыла она не так уж и много, оставив куда больше простора для воображения. Вот только Гребнев считал, что уже вышел из того возраста, когда от одного только вида обнажённой женской плоти бросает в дрожь. Поэтому и додумывать то, что не увидел, не стал.

Вернувшись к столу и нетронутому торту с погасшими свечами, он продолжил отмечать свой юбилей в одиночестве. И ни на кого не был в обиде.

Пока Гребнев укладывал Марину, пришли две смс — кто-то ещё помнит. Но он даже не стал на них отвлекаться, только глянул на имена отправителей. Далеко не друзья, не дочери. Обычные знакомцы. Общение с которыми ни во что не переросло. Так что всё путём. От старшей, взгляды его не разделявшей, поздравлений он не ждал, младшая, как правило, пишет, если и пишет, то ближе к ночи. А друзья...

Слишком долгим был жизненный путь, многие не осилили его, чтобы оставаться рядом с ним.

Игорь, понимая, что после болезни и той бездны лекарств, что принял в минувшую неделю, пить — неоправданный риск, всё же наполнил свою рюмку второй раз. Хуже уже не будет. А если и будет, то это уже не имеет значения. Жизнь прожита, из грязи в князи не вышло, не случилось, не сбылось...

Но пить залпом, как первую, не стал, по глоткам пошло вкуснее даже. И не очень отвлекало от его изысканий. Теперь уже, как и планировал утром, по оборотням в погонах — ему опять не давало покоя содержимое чемодана Якушева, от мыслей о котором отвлёк приход Марины.

...Серийные убийцы хоть и встречаются время от времени в разных краях и у разных народов, но они далеко не гении. Это в кино и книгах им приписывают какой-то запредельный интеллект, благодаря которому они якобы никогда не попадают. На самом деле попадают. Но эти твари в человеческом обличье могут быть хитрыми, изворотливыми, умеют замечать следы. Хотя, как правило, уровень их интеллекта — средний или даже ниже среднего. Как раз как у Якова.

«Почерк»... Это, опять же, расхожее мнение. Убийцы, пусть и серийные, далеко не всегда действуют одинаково. Так что об уникальности их действий говорить не приходится. Эксперты, как выяснил Игорь, считают, что «почерк» может меняться со временем, копироваться

другими преступниками, которые хотят сбить следствие с толку. Да и что он, Гребнев, знал о «почерке» подозреваемого им Якушева? Только то, что тот женское бельё собирал? А если это совсем не то бельё?

Но если и не то, то зачем оно ему? Не мечтает же он о смене пола. Да и о том, чтоб переодеваться в женское платье Якушев вряд ли думал. Хотя бы раз. В ту пору, когда он жил, так далеко даже сумасшедшие не заходили. А Яков вполне себе нормален. С виду.

Появление методов анализа ДНК стало настоящим прорывом в криминалистике, даже по микроскопическим следам биологических жидкостей преступника можно идентифицировать с очень высокой степенью вероятности. Но до этого во времени Якушева ещё ой как далеко. А серийные убийцы уже были. Хотя партийная пропаганда и отрицала их наличие — ну, не могут, мол, советские люди быть такими монстрами, это всё порождение проклятого Запада. Вот только пропаганда, особенно советская — это, как правило, оголтелая ложь. И убийц в том же Питере, в том числе и серийных, было навалом. Что в начале минувшего века, что в его конце. Да и в нынешнем уже культурная столица успела отличиться.

К тому же ещё по одному устоявшемуся в СССР стереотипу, уже не пропагандистскому, а человеческому, девушки тех лет избегали долгих проводов. Как и сейчас Игорь в отношении уснувшей Марины, они не хотели порождать пересуды соседей по поводу личной жизни. Поэтому просили своих кавалеров заканчивать провозжание где-нибудь в отдалении от окон, из которых их могли бы увидеть. Будь то жилой дом или общага — в последнем случае особенно, там и глаз немерено, и пересудов потом до свадьбы хватит. Если она после этого случится.

Именно из-за таких опасений — ославят ни за что товарки или просто соседи, для многих девушек свадьбы так и остались несбыточной мечтой. Но не из-за того, что

им навесили ярлык. Хотя ярлык тоже был. На большом пальце ноги, в морге...

По крайней мере так было в 1967 году в одном из районов Ленинграда, где произошла целая серия жестоких убийств женщин. Преступник насиловал своих бездыханных жертв, а потом бросал их тела прямо под окнами жилых домов, даже не стараясь замести следы.

Одну из девушек преступник поймал в 10 метрах от входа в её парадную. Другая не дошла до дома 30 метров. Еще одна ленинградка успела сбежать от убийцы, заскочив в первую попавшуюся дверь больничного здания на пути. Но разъяренный неудачей маньяк не растерялся — и захватил проходившую мимо медсестру...

Первой жертвой маньяка стала 19-летняя работница завода «Красный Треугольник» Нина Петухова. Уже потом, на суде он рассказывал, что девушка якобы напонила его жену, которая с ним развелась после того, как будущий убийца, а тогда ещё просто крановщик, получил на производстве травму. Свою жертву он проводил по набережной Обводного канала до круглосуточного детского сада, расположенного рядом с женским общежитием завода «Красный Треугольник». В ночь убийства дежурившие воспитательницы детского сада слышали крики, но не придали им значения. Наутро в окоченевшей руке девушки были обнаружены два волоса, принадлежавшие убийце, а в ней самой — сперма насильника, по которой определили его группу крови.

Но подозрение пало на моряка торгового флота Сергей Сергеева, с которым Нина Петухова встречалась. Через час после расставания с девушкой он вышел в море, чем усилил подозрение милиции. На судне Сергеев, когда пришла информация, что им интересуются правоохранительные органы, был изолирован и после возвращения в порт передан сотрудникам уголовного розыска и прокуратуры. Но вскоре его отпустили: группа крови и образцы волос Сергеева не совпали с найденными

на месте убийства. Дежурившие в ночь воспитательницы детского сада показали, что слышали крики Нины Петуховой около полуночи, а с Сергеевым она рассталась часом раньше, этот факт подтвердили записи в судовом увольнительном журнале. Во время допроса Сергеев рассказал, что перед расставанием с девушкой видел на мосту через Обводный канал мужчину в шляпе и плаще. Но тогда следователи словам Сергеева не придали значения.

Со второй жертвой маньяк также познакомился белой ночью в районе Обводного канала, а неподалёку от дома девушки избил её, придушил до потери сознания и изнасиловал, но не добил.

Следствие предположило, что преступник проживает в районе Обводного канала. Выжившей потерпевшей показали фотографии мужчин, учтённых в районе Обводного канала. Она опознала нападавшего на неё в 24-летнем рабочем Игоре Воробьёве, а экспертиза показала и совпадение группы крови. И только образец волос подозреваемого не совпадал с найденными на месте убийства Нины Петуховой. Несмотря на это, Воробьёва обвинили в изнасиловании, но в убийстве Нины Петуховой обвинять не стали за недостаточностью улик. Остались без внимания показания жены Воробьёва, которая утверждала, что в ночь совершения преступления он находился дома. Через четыре месяца суд приговорил Воробьёва к шести годам лишения свободы. Своей вины он не признал. Не был принят во внимание и тот факт, что в период между арестом Воробьёва и суда над ним настоящий маньяк совершил ещё два преступления. В правоохранительных органах было принято решение не связывать второй эпизод с предыдущим и последующими нападениями на женщин в районе Обводного канала, совпадение группы крови объявили случайным.

Ещё до суда над Воробьёвым в Ленинграде произошёл инцидент, поставивший под сомнение показания выжившей жертвы маньяка. В сентябре 1967 года в парке

имени Ленина был арестован студент Ленинградского политеха, который напал на свою знакомую и пытался её задушить. Хотя это нападение не было похоже на преступления в районе Обводного канала, арестованного проверили на причастность к убийству Нины Петуховой, но группа крови не совпала. Однако его также предъявили на опознание выжившей жертве маньяка. Она и в нём признала напавшего на неё. Выяснилось, что потерпевшая страдает близорукостью, но не носит очков. Но и от этого факта следователи отмахнулись, и дело Воробьёва передали в суд.

Однако маньяк, похоже, не утомился на тюремных нарах. Или не был там. А потому совершил второе убийство. Его жертвой стала дежурившая в ночь 25-летняя медсестра Татьяна Кузнецова. На территории больницы маньяк оказался случайно: он преследовал другую женщину, но потерял её из виду — она вошла в одно из зданий больничного корпуса. Затем во дворе Боткинской больницы убийца напал на Татьяну Кузнецову, изнасиловал её и задушил. Несостоявшаяся же жертва маньяка, счастливо избежавшая участи медсестры, утром обратилась в милицию, но её заявление не приняли. Более того, первоначально убийство Татьяны Кузнецовой и вовсе не связывали с убийством Нины Петуховой.

Третье убийство случилось ночью 18 октября. В этот день в Ленинграде было наводнение, и улицы города практически обезлюдели. На набережной Обводного канала маньяк напал на Галину Иванову, затащил её на расположенную рядом стройку, изнасиловал и задушил её же колготками.

После третьего убийства следствие начало проверять ранее судимых за сексуальные преступления и стоящих на учёте в психоневрологических диспансерах. Милиция и народные дружины начали патрулировать район Обводного канала. Были предприняты попытки ловить маньяка «на живца». Ленинградский горком КПСС

разрешил дать в газетах и на радио ограниченную информацию о криминогенной обстановке в городе. Но в том же месяце произошло четвёртое убийство в районе Обводного канала. Жертвой маньяка стала студентка Фаина Анчак. Он напал на девушку недалеко от её дома, изнасиловал и попытался задушить. Как установила экспертиза, Фаина могла выжить, но во время удушения преступник сломал ей подъязычную кость, что вызвало отёк трахеи. В результате травмы девушка не смогла позвать на помощь и умерла от удушья.

Очередное убийство вызвало сытое недовольство партийного руководства города. А это пострашнее собственно убийств. В горкоме от прокуратуры и милиции потребовали найти преступника в течение трёх дней. Число патрулей в районе Обводного канала было увеличено. Снова были предприняты попытки поймать маньяка «на живца».

В начале ноября на Невском проспекте дружинники задержали 26-летнего Виктора Данилова, пристававшего к женщинам на улице. Задержанный принадлежал к категории «мажоров» (его отец занимал руководящую должность в городской строительной сфере, а мать была известным в Ленинграде врачом) и нигде не работал. В общем, вопиющий пример антисоветского поведения и бытового разложения. Да ещё было установлено, что хулиган и аморальный тип страдает умственной отсталостью. В квартире Данилова прошёл обыск, в ходе которого найдены порножурналы и коллекция локонов женских волос, их подозреваемый срезал у женщин, к которым приставал на улицах. Потерпевшая опознала в задержанном человека, пристававшего к ней в тот день, когда она стала жертвой преступления, но она встречала его и до встречи с маньяком. Однако следователь заставил девушку поменять показания, и в третий раз она «опознала своего насильника».

Данилова взяли под арест. Экспертиза показала совпадение группы крови подозреваемого с группой крови маньяка. Под давлением следствия, Данилов признался в нападениях на женщин в районе Обводного канала и написал явку с повинной. Партийному руководству Ленинграда объявили о поимке маньяка.

Но тут пятой жертвой маньяка стала молодая продавщица рыбного магазина Валентина Стенникова. На этот раз маньяк выбросил тело девушки в Обводный канал. Экспертиза всё же установила, что девушку изнасиловали и убили, а преступление совершил маньяк, о поимке которого объявили. Опасаясь скандала, результаты экспертизы сфальсифицировали, изъяв упоминание об изнасиловании. Объявили, что Валентина Стенникова, будучи в состоянии алкогольного опьянения, совершила самоубийство. В возбуждении уголовного дела было отказано. Родители девушки пытались опротестовать отказ в прокуратуре и горкоме КПСС, но безуспешно.

Как всегда, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Ленинградский маньяк был арестован... в Ялте. Сюда он, передовик производства, член добровольной народной дружины, ловившей маньяка в городе на Неве, отправился по профсоюзной путёвке. И... попытался изнасиловать и задушить уборщицу санатория.

Будучи арестован и помещён в Симферопольский СИЗО, в камере маньяк рассказал соседу, который оказался милицейским агентом под прикрытием, о своих преступлениях в Ленинграде. Информацию отправили в город трёх революций, откуда в Симферополь для допроса арестованного был выброшен десант — группа следователей.

На допросе родившийся в Керчи и тридцать лет проживший там же Василий Филиппенко подробно рассказал о пяти ленинградских убийствах. Доставленный в Ленинград, он сообщил массу фактов, известных лишь

членам следственной группы. Его показания были проверены и закреплены во время следственных экспериментов. Кроме того, выяснилось, что работавший в порту крановщик Филиппенко, будучи дружинником, помогал милиции в розыске маньяка, то есть самого себя, и был в курсе всех милицейских планов.

Уголовное дело в отношении оговорившего себя умственно отсталого Виктора Данилова было прекращено и его отпустили. Осуждённого Игоря Воробьёва освободили из заключения и реабилитировали. За допущенные в следствии ошибки из милиции и прокуратуры было уволено шесть сотрудников.

Филиппенко попытался избежать суда, симитировав невменяемость, ссылаясь на то, что однажды сорвался с крана и, упав с большой высоты, получил около семнадцати переломов. Из-за чего его и бросила жена, а он пустился во все тяжкие, одержимый мстью всему женскому роду. Однако комплексная судебно-психиатрическая экспертиза признала его вменяемым. И в 1968 году суд приговорил Василия Филиппенко к высшей мере наказания — смертной казни через расстрел. Приговор приведён в исполнение...

Гребнев оторвался от монитора ноутбука, потёр виски. Неожиданно за его спиной скрипнула дверь.

Встрепенувшись, Игорь резко обернулся.

В дверном проёме, кутаясь в плед, стояла Марина.

— Я-я-я замёрзла, — выстукивая зубами барабанную дробь, прошептала она севшим голосом.

И Гребнев мысленно хлопнул себя по лбу: уложив гостью в кровать, он забыл закрыть поставленное на зимнее проветривание окно, отчего в комнате сейчас должно быть лишь немногим теплее, чем на улице...

16

Поиски Гребнева дали удивительные результаты. Культурная столица оказалась впереди планеты всей. Ну, или как минимум России. По части убийств. В частности

серийных. Первым официально зарегистрированным серийным убийцей в стране оказался 20-летний Николай Радкевич. Естественно, в Петербурге. В 1909 году весь город вздрогнул от жестокости, с которой была совершена целая серия убийств. Никогда ничего подобного столица не знала. В основном жертвами маньяка становились, как сейчас бы это сказали, женщины с пониженным уровнем социальной ответственности. Радкевича удалось выявить и задержать. Но, несмотря на жестокость его преступлений, ему дали всего лишь 8 лет каторги. Но даже и этот маленький срок ему отсидеть было не суждено — в 1916 году его убили сокамерники.

Ну да сейчас ему было не до изысканий. И не до первого серийного убийцы. Хотя и был тот из Питера.

Перед Игорем стояла дрожащая гостья, которая пришла с тортом, а был едва не заморожена.

Резко отодвинув ноутбук, Гребнев подхватился из-за стола и шагнул навстречу Марине.

— Простите, не сообразил... Старею...

— Ну, не такой уж вы и старый, — отстучала Марина ответ зубами. — Просто вид делаете. Что не понимаете. К вам женщина пришла. С тортом. С поздравлением. А вы от подарка нос воротите...

После этих слов Игорь и вовсе дар речи потерял. Он и прежде был не то чтоб тормоз, с поздним зажиганием скорее. Ответ предпочитал обдумать со всех сторон. А когда выдавал, было уже порой поздно.

Так выходило и сейчас.

Марина, зябко тряхнув плечами и сбросив плед, в который куталась, шагнула в сторону входной двери. А плед за её спиной начал плавно кружиться, опадая, как листок, сорвавшийся с дерева надежд. Несбывшихся.

— Марина Витальевна, куда же вы... А торт...

Иных аргументов Гребнев не нашёл, так что его слова гостью не остановили. Пришлось прибегнуть к силе.

На мгновение опередив Марину, Игорь встал на её пути, положил руки ей на плечи.

— Ну куда же вы... Я просто старый болван. Разучился ухаживать за девушками. Да и не умел скорее всего...

Лицо Марины, пусть и была она немного ниже, оказалось прямо напротив губ Игоря. И, поскольку она не собиралась останавливаться, Гребнев помимо воли ткнулся враз пересохшими губами в её высокий лоб. Хотя ему хотелось впиться в губы, выдающие небольшую асимметрию уставшего, но такого влекущего лица. Увы, ничего не обещающего. Время обещаний потому что прошло. И теперь их нужно было добывать с боем.

Руки Гребнева, опять же помимо его воли, крепко сжали плечи Марины. Да так, что поднялась её грудь. И Игорь наконец-то смог заглянуть в вырез блузки, к верхней расстегнувшейся пуговице которой прибавилась ещё одна. И стала видна ложбинка меж грудей. В которую провалился небольшой кулон.

Медвежонок. Ему-то хорошо там, успел подумать Гребнев, прежде чем Марина, привстав на цыпочки, ткнулась своими губами в его.

Раздался сухой треск.

Незадачливые любовники отпрянули друг от друга, словно пойманные с поличным. Но причина была в ином.

И Гребнев, и Марина непроизвольно поднесли руки к губам. Которые пронзил электрический разряд.

Слишком сухими были их губы. И очень долго ждали этого момента. Вот и накопилось где-то электричество, угостившее их маленькой, но заметной в полутьме коридора молнией.

Их взгляды встретились. И они обменялись улыбками.

— Простите...

Слово вырвалось у обоих одновременно. И улыбки стали шире. А объятия, в которые Гребнев уже почти заключил гостью до этого шального поцелуя — крепче.

Какие там изыскания о серийных убийцах Питера, когда рядом такая женщина?

— Я сейчас закрою окно, — одними губами, ещё полыхающими после удара током, прошептал Игорь.

Не рискуя отпустить Марину, он увлёк её за собой в спальню. И оставил всего на миг — чтобы захлопнуть фрамугу. Но за этот миг она, как дикая кошка, вновь метнулась к двери. Однако Игорь словно предчувствовал это. И вновь перехватил её, теперь уже за руку. Которая хоть и выскальзывала из его пальцев, но так до конца и не освободилась. Да и не было это, видать, конечной целью. А вот устроить маленькую месть за пару часов равнодушия... Это пожалуйста. Хотя Игорь и не был равнодушным всё это время. Да, не мечтал о том, что сейчас должно было произойти, если к тому снизойдёт Марина. Но и равнодушным не был. Был занят делом. Понимая, что женщине, пришедшей к нему в гости, прежде всего нужен отдых, а уж потом его приставания.

Что там происходило в прелестной головке под копной рыжих непослушных волос, Игорю и вовсе было неизвестно. Да, он хотел бы узнать, не позволяет ли себе слишком много. И чего действительно хотелось Марине. А потом — как. Если их желания совпадут. Но Марина, вновь встав на цыпочки, закинула руки ему на плечи и лишила возможности думать. Потому что в голове осталась только одна мысль. Точнее, желание.

С мыслью об этом желании Гребнев донёс повисшую на нём Марину до кровати, чуть толкнул, чтоб край высокого матраса заставил колени согнуться.

Ему хватило сил вместе со своей ношей чуть наклониться, чтобы левой рукой сдёрнуть и отбросить покрывало, на котором спала Марина. Чистое бельё пахнуло им навстречу альпийской свежестью, как и было

обещано на упаковке стирального порошка. А проворные докторские пальчики тут же деловито прошлись по ряду пуговиц на рубашке Игоря. На что он ответил пусть и не очень смелым, но уверенным движением вдоль ряда пуговиц на блузке. И если под рубашкой была только седеющая поросль на его груди, то под блузкой — ещё и бюстгалтер. Сражаться с которым Гребнев мог бы долго, если бы не подоспела помощь со стороны. Марины.

Чуть выгнув спину и отпустив шею Игоря, она неуловимым движением освободила крючки-застёжки от плотного контакта, и из-под бежевых с белыми кружавчиками чашечек лифчика выкатились два зрелых плода, упругих, давно, видать, не знавших мужской ласки. Судя по тому, как они рванулись навстречу ладоням Гребнева, Марина ждала этого с самой первой их встречи. А он ещё и вынуждал её терпеть. Из-за своей болезни в начале. А потом — из опасений, что она ему откажет. Кто он, старик, и как юна она в сравнении с ним. Пусть и выглядит измотанной.

Но все опасения оказались глупостью. Хотя, не исключено, и Марина опасалась своих желаний. Не зря же она едва не ушла. Если бы Гребнев в кои-то веки не настоял на своём, ничего могло бы и не быть. Уж больно оба зациклились на своей исключительной порядочности. И чуть было не упустили свой шанс. Который бывает раз в тысячу лет. Чтоб так всё сошлось, болезнь одного, соседство со специальностью другой...

В голове Игоря мелькнула и исчезла мысль о Катюше. Надо быть реалистом, прощаясь с несостоявшейся любовью, подумал он. С Катей мы люди едва ли не разных поколений. Что-то могло бы получиться, раз, ну два. А потом? Только жизнь испортить юной деве? Она и так натерпелась. А то, что она открыто, куда более явно, чем Марина, предлагала себя, так это объяснимо. Отсутствие надёжного мужского плеча, едва ли не первая за всю жизнь помощь от мужчины... Ну как тут не отблагодарить.

Единственным доступным способом. Хотя нет, было ещё и шампанское. Но это скорее для храбрости. Её храбрости.

Гребнев тут же забыл все свои сомнения, наваливаясь всем телом на откликнувшуюся на его движение лёгким стоном женщину. От дурманящего запаха её волос он стал уклоняться, спускаясь ниже по разрумянившейся щёчке, к шее, где сиротливой нитью блестела золотая цепочка. Удерживавшая тот самый кулон, что он разглядел в ложбинке груди. Но теперь ему доступны были груди, и медвежонок остался без внимания.

Пока Игорь был занят острыми вершинами белых, на фоне стущающегося за окнами сумрака, груди, Марина заелозила под ним. Хотела выбраться?

Нет, конечно же. Руки женщины, оставившей в покое грудь Игоря, были заняты тем, чтоб в такой неудобной позе, не особо тревожа своего мужчину, избавиться от юбки. А затем и от того, что было под ней.

Раздеться Гребневу было не в пример сложнее. Джинсы, в которых он ходил дома, никак не хотели сниматься, хотя за время болезни Игорь и сбросил не менее трёх кило. Но одной рукой всё равно не мог справиться.

Пришлось завалиться на бок, убрав свой вес с Марины, которая вроде как и не заметила тяжести. И её отсутствия. Но уже через минуту, если не меньше, до армейских 45 секунд он всё же не дотянул, Гребнев был в чём мать родила. Как и Марина.

И можно было бы вновь навалиться, вторгнуться в запретные дебри и хляби, но Игорь избрал другую тактику.

Он продолжил путешествие губами по телу своей гостьи — от шеи и груди. Теперь изучая все изгибы и выпуклости с ложбинками и складками. От каждого его прикосновения Марина извивалась под ним, но не пыталась остановить. Наоборот, терзала его и без того прореженную шевелюру, пытаясь удержать голову там, где получала наибольшее наслаждение. И только когда Игорь добрался до оставленной дорожки рыжих волосков чуть ниже

отпечатавшегося на коже следа от резинки трусиков, упавших куда-то сбоку от кровати, попыталась остановить, запретить так себя любить.

Но Гребнев не послушался, и пошёл дальше. Туда, где волоски обтекали чуть розоватую плоть, раскрывшуюся ему навстречу.

Языком он нащупал горошину в верхней излучине этой пещеры, втянул её в себя, прислушиваясь к судорожным конвульсиям Марины. За что лишился парочки волос на макушке, которую удерживала Марина. Удерживала, несмотря на то что мгновением ранее не желала его впускать в место этого райского наслаждения.

Игорь не был уверен в своих силах как мужчина. Он давно уже не был с женщиной. Рита из далёкого прошлого, в котором он побывал накануне своей болезни, не в счёт. Там Гребнев был молод и полон сил. А здесь...

Здесь ему было шестьдесят, прямо сегодня. А вчера он ещё был болен. Не исключено, смертельно. И только решительная терапия Марины спасла его от неминуемого исхода. Или вероятного. Но вполне предсказуемого. При всём том, что Игорь в пандемию не верил, болезнь брала своё, пусть и за счёт панических настроений заболевших.

Но болезнь — это было вчера. Сегодня ему шестьдесят, и он любит Марину. Неожиданно для себя. Да и для неё тоже, вероятно. И любит не столько чувственно, на эмоциях, сколько физически, плотски. Да и она с ним не только в мыслях.

Не довольствуясь лаской, пусть и дарующей непередаваемые ощущения, Марина потянула Игоря на себя и вверх. За голову потянула, хорошо не за волосы. Но он был не в претензии, вновь взбираясь на холмы её груди, царапаясь об острые соски, ждущие расслабления.

Она только охнула, когда Игорь, неожиданно даже для самого себя, внезапно вошёл в неё. Без разведки, без проб и выжидания увлажнения. Ему стало горячо, почти нестерпимо. Но Марина держала его голову, выгибая тем

самым ему спину. А он продолжал движение вглубь её заповедных недр. И этому, казалось, не будет конца. Но его конец всё же упёрся во что-то податливое, продолжающее его поглощать. И тут плоть Марины всасывающим движением вовлекла его до самого нижнего предела.

Игорь едва успел сдержать порыв излиться, получив свою долю удовольствия. Уперевшись руками в плечи своей спасительницы, он оторвался от неё, выгнулся ещё сильнее, чем Марина гнула его. И почти судорожным движением, с рыком, непроизвольно сорвавшимся с губ, пронзил Марину на всю доступную глубину. Голова женщины дёрнулась, мотнулась из стороны в сторону. Губы пытались сдержать крик, но Игорь, оторвав одну руку, потянул подбородок. словно отворяя ворота звукам. И тут же изо рта Марины вырвался крик. А потом ещё и ещё...

А потом они лежали, выдохшиеся после скоротечной схватки. Она на его груди. Он — лаская её груди. И каждый вдыхал запах другого. Не то чтоб привыкая или пытаясь запомнить. Этот аромат был продолжением их наслаждения. Которое они собирались повторить. Пусть не сегодня, в чём Игорь честно признался себе. Мысленно. А Марина не стала спрашивать. Всё ж доктор, понимает и без слов мужские способности...

17

Торт они всё же испробовали. Марина честно призналась, что не знает ни его вкуса, ни рецепта — заказала, уходя на дежурство, по пути с работы выкупила и сразу к Игорю.

...Они ещё стеснялись говорить на ты, но уже пользовались именами, без отчеств. Впрочем, и говорили-то всего ничего, больше доверяя тактильным ощущениям. Да так, что Игорь неожиданно воспрял, и едва не совершил половой подвиг. Но, увы, дальше нескольких десятков фрикций, хоть и большим числом, чем в первый, раз дело не пошло. Но ему и не требовалось, он и так был

опустошён. А Марина если и заметила, что он не довёл дело до финала, виду не подала. Потому как тоже получила свою порцию удовольствия.

— Мне пора, — после торта и чая поднялась Марина из-за стола.

— А я так о тебе и не узнал ничего. Ты прости, я плохой интервьюер, слушаю, что мне рассказывают, сам не лезу с вопросами в чужой монастырь, пусть мне хоть трижды интересно. Предпочитаю знать то, что человек считает нужным мне открыть — мало ли у кого какие тайны...

— У меня в шкафу скелетов нет, если ты об этом, — Марина прижала палец к его губам. — Всё узнаешь. В своё время. У нас его впереди — вагон. С маленькой тележкой. А сейчас, прости, мне пора. Завтра на работу, в медцентр.

Ответить Гребнев не смог — впервые за день завибрировал мелодией звонка телефон:

— Это дочка, — бросив взгляд на экран, сказал он, — прости, я отвечаю...

Марина не стала дожидаться окончания разговора, и даже пальто, брошенное ей на плечи Игорем одной рукой, застёгивать не стала. Чмокнула его в щёку, и прикрыла за собой тихонько дверь. Извещать дочь Игоря о своём существовании она пока не собиралась. И Гребнев остался один. Слушая поздравления дочери. Оправдывающейся, мол, прости, папка, забыла, что у тебя юбилей. Ну да это не было в диковину. Как не было и молчание старшей чем-то особенным.

Гребнев, отложив телефон, вернулся к столу, водрузил меж тарелок ноутбук. Потянулся к бутылке с хреновухой. Подумал. Но всё ж налил себе мутноватой жидкости. Закусил. И задал поиск.

...Питер в интернете был полон тайн и открытий. Не в последнюю очередь потому, что некоторые документы были извлечены из секретных архивов партии и спецслужб всего лишь несколько лет тому назад. Как, например,

дневник Леонида Николаева, 1 декабря 1934 года разрядившего наган в руководителя партийной организации Ленинграда Сергея Кирова. Это был, конечно, не маньяк, коллекционировавший бельё убитых им женщин, но Гребнев решил, что понимание, в том числе и этого преступления, может приблизить его к разгадке поступков Якова Якушева. Которому он был и благодарен, и которого после того, как открылось содержание его чемоданчика, должен был бы побаиваться. Не случайно же дневник Николаева до 2009 года хранился в архивах ФСБ под грифом «секретно». Но главное было в том, что дневник хорош был для понимания того, что влекло Гребнева в прошлое. Где, как он надеялся, вдруг, да и случится нечто, что изменит и его жизнь в будущем. Ну, в том будущем, где он живёт. А что там дальше — он не заглядывал. Не было туда поездов.

...Киров был ближайшим сподвижником Сталина. Но охрана не спасла главу города на Неве. Поэтому в безопасности не чувствовал себя и вождь СССР. Да он и без этого был параноиком. Как и многие, занимавшие позже его место. Но убийство Кирова могло стать и спусковым крючком Большого террора, развернувшегося в СССР в 1936–1938 годах. Мотивы преступления не были чисто политическими, скорее карьеристскими, за 30-летним Леонидом Николаевым, бывшим партийным функционером, чиновником, потерявшим работу, не было тайной организации. Да и не тайной тоже, никакой не было.

Не ужившись в районном комитете комсомола и в Институте истории партии, Николаев едва не попал под трудовую «мобилизацию» — ему предложили место в глухой провинции. От чего он, будучи не в силах смирить гордыню, отказался. И ударился в эпистолярный жанр — писал многочисленные письма в адрес руководства СССР с одной просьбой: найти для него что-то более достойное. Ответов не последовало, и вскоре расшвырянный Николаев уперился: ждать их бессмысленно. А его тем

временем снедала мания величия — больше всего он желал занять высокий партийный пост.

Жалкий, маленького роста, с руками, свешивавшимися ниже колен, отличавшийся задержками в развитии — он и ходить-то начал позже всех остальных детей в семье, изгнанный отовсюду, Николаев жил за счёт супруги, Мильды Драуле. Злые языки приписывали ей любовную связь с Сергеем Кировым. Поговаривали, что у партийного руководителя, завязанного ловеласа, и его подчиненной отпуска совпадали с точностью до дня. Но Мильда при этом содержала семью из пяти человек, в том числе непутёвого мужа. Который, как следует из дневника, ревностью отнюдь не страдал. Блуждая по ноябрьскому Ленинграду, Николаев вынашивал планы не любовной, а личной и политической мести. К этому времени он уверился, что не только его судьба, но и судьба всей страны при Кирове и Сталине приняла неправильный оборот.

Всё решил, как водится, случай.

Готовясь расправиться с Кировым, Николаев пробовал добыть билет на заседание актива партийных и советских работников, где тот должен был выступить. Но безуспешно обивал он пороги своих старых партийных знакомых. Так и дошёл до Смольного. Кирова в его официальной резиденции не было, а Николаева спокойно пропустили внутрь по обычному партийному билету, куда он, продрогший на декабрьском ветру зашёл, чтобы просто согреться.

Тем временем Киров, которого не ждали на работе, в последний момент изменил свои планы, решив провести еще одно совещание перед выступлением.

Дальнейшие события описаны в показаниях самого убийцы: «Поднявшись на третий этаж, я зашел в уборную, оправился и, выйдя из уборной, повернул налево. Сделав два-три шага, я увидел, что навстречу мне по правой стене коридора идет Сергей Миронович Киров на расстоянии 15–20 шагов. Я, увидев Сергея Мироновича Кирова,

остановился и отвернулся задом к нему, так что, когда он прошел мимо, я смотрел ему вслед в спину. Пропустив Кирова от себя на 10–15 шагов, я заметил, что на большом расстоянии от нас никого нет. Тогда я пошел за Кировым вслед, постепенно нагоняя его. Когда Киров завернул налево к своему кабинету, расположение которого мне было хорошо известно, вся половина коридора была пуста — я подбежал шагов пять, вынув на бегу наган из кармана, навел дуло на голову Кирова и сделал один выстрел в затылок. Киров мгновенно упал лицом вниз».

Всё оказалось слишком просто, чтобы не заподозрить заговор. Убийца попробовал свести счёты с жизнью, но револьвер дал осечку, после чего Николаев от пережитого провалился в глубокий обморок. Когда сознание к нему вернулось, вокруг были сотрудники спецслужб.

Поначалу политических мотивов в деле не усматривалось. Но приехавший 2 декабря в Ленинград Сталин потребовал отыскать в случившемся вину своих оппонентов — левых коммунистов-зиновьевцев. И дело завертелось. Николаева признали участником несуществовавшей контрреволюционной организации, якобы включавшей его родственников и знакомых. Сам убийца, его супруга Мильда Драуле и подвернувшиеся под горячую руку люди, входившие в их круг общения, были расстреляны. Детей семейной пары отдали в Дом ребенка, настрого запретив рассказывать о родителях, которые были объявлены политическими преступниками.

Однако и после приговора дело не заглохло. Советский Союз полнился слухами о причастности к убийству Сталина, якобы использовавшего Николаева с помощью ленинградских чекистов «в тёмную» чтобы убрать Кирова. Муссировалась и другая версия — романтическая: месье за любовные похождения партийного лидера с супругой Николаева.

Но убийцу поведение жены, которая и правда состояла в связи с Кировым, не волновало. Он злился, что ему не давали должности, важного поста, и зол был не только на Кирова, но и на всю партию. Так что и без Сталина обошлось. Тот, при желании, мог объявить террор, что большой, что малый, и без убийства Кирова. Что и сделал чуть погодя.

Да, сразу после смерти Кирова в СССР утвердили упрощенный порядок ведения следствия по делам о террористических организациях. Судебные слушания разрешили проводить без участия сторон и вызова свидетелей, а расстреливать — сразу, в день вынесения приговора. Провели и чистки: население Ленинграда в начале 1935 года сократилось на 35 тысяч человек — часть из них казнили, других отправили в лагеря и тюрьмы. Однако между этими событиями и началом массовых репрессий в 1936–1937 годах прошло полтора-два года.

Но и этим дело не закончилось, а культ «невинно убиенного» Кирова пережил сталинский. В начале пятидесятых пришедший к власти Никита Хрущев, критикуя сталинский режим, был заинтересован в формировании привлекательной для большинства населения страны альтернативы. Ведь тогда и он выглядел не пособником кровожадного вурдалака, а страдальцем за народное благо. Так и родилась легенда о «Мироныче», харизматичном и любимом ленинградцами партийном вожде. Памятники Сталину убрали с улиц и площадей, а кировские оставили. Более того, пестуя добрую память о Кирове, Хрущев причислил его к жертвам политических репрессий, дав второй толчок версии о том, что Сталин якобы расправился с Кировым, видя в нем одновременно и личного, и политического противника. Однако ни личных, ни идейных разногласий между обоими вождями — союзным и городским — не было и в помине. Верный приверженец Сталина, Киров поддерживал все его начинания, включая прокладку Беломорканала, которой

руководил лично. «Карать, не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете был замечен прирост населения благодаря деятельности нашего ГПУ», — так в тридцатые годы Киров добывал «любовь народа». И иных больших успехов ни на одном из своих постов не добился. Если бы не смерть от руки карьериста-психопата, эгоиста и одиночки, ленинградский сподвижник Сталина мог бы кануть в Лету абсолютно безвестно, как десятки и сотни других партийных номенклатурщиков.

«А ведь в ближайшее время не без моего участия может случиться нечто похожее. Если у Виктора выгорит», — подумал Игорь. И вновь потянулся за бутылкой. Хотя ему уже после первой не стоило наливать...

Часть третья

1

После двухнедельной самоизоляции, не считая визитов Марины, Гребнев, хоть и проветривалась квартира до лютого холода, с воодушевлением вздохнул полной грудью на улице, отправляясь на работу. Сводя к минимуму общение с согражданами, он выбрал электричку.

Спозаранку, до массового движения тружеников от окраин и дальних пригородов, поезда обычно не то чтоб пусты, но не забиты пассажирами, как кильками в банке. В отличие от метро.

В 6.12 Игорь вошёл в вагон. Второй с головы состава. Чтоб быть поближе к выходу на конечной. И тут же понял, что вагон не простой. Уж больно в нём тянуло дымами, словно они уже мимо платформы Рижская катят, с её парком отстоя. Хотя сам парк чуть в стороне, и не по этой ветке. Да и рано ей быть, даже если бы гнали без остановок, минут пятнадцать как минимум ехать. Но что было — то было.

Тянуло дымом. Паровозным.

Да, такого никогда прежде не случалось. Но в том Гребнев сам был виноват. На этой электричке, проследовавшей Ховрино в такую несусветную рань, он ехал едва ли не впервые. Ну, с той поры, как узнал, что ехать можно не только от пункта А к пункту Б, но и во время оно. Сошлось так. И чтоб людей поменьше, и в министерстве работы накопилось — в общем, прежде Игорь до работы по утрам добирался другим транспортом. Даже если это была электричка. Зато сейчас его, похоже, ждало открытие. Ещё одного временного тоннеля.

Не проходя в салон, Игорь обернулся к двери на переходную площадку. Стоило ему сделать шаг, и он вывалился из тамбура на громыхающие листы над сцепкой, ограждённые по бокам только тонкой цепочкой. Никаких тебе металлических рамок с брезентовыми суфле и

амортизаторами. И всё взаправду. Ещё шаг и он — в прошлом. Только вот в каком...

Гребнев-то и с привычным маршрутом межвременного перехода до сих пор не совладал — от Ленинградского вокзала. Всякий раз его заносило в непредсказуемые дали. По времени, естественно. И даже договариваясь о новой встрече с Яковом или Виктором, он не был уверен, что окажется в нужном месте в нужное время. Да, везло по большей части. Но случались и пустые хлопоты. Во время которых Игорь устраивал себе вылазки в город. И даже — с помощью Якушева, приготовившего ему относительно правильные документы и одежду с минимальным содержимым потрёпанного кошелька — сумевшего прожить в послевоенном Ленинграде больше недели. Выменяв поездку на пару пачек масла и удивившую Якова упаковку ветчины. «Второй фронт», — бросил он тогда небрежно, и получивший задание продать припасы на рынке Якушев не стал приставать с расспросами. Зато после Игорь был полон впечатлениями. Мог бы и ещё чего подкинуть на обмен, да только ограничения по пребыванию в общественных местах существенно подкосили его возможности. С другой стороны, денег ему и без того хватило, он даже с Виктором поделился. А когда тот стал упорствовать, заявил, мол, это в долг. «Отдашь с офицерской получки», — заявив так, он чуть было всё не испортил, до звания младшего лейтенанта Ильину тогда было ещё пять лет, и он ни о чём таком даже и не думал. Но, видимо, мысль запала. Если не в душу, то в какие-то потаённые узелки памяти. Которые однажды и приведут Ильина на его голгофу. Если у него получится. Или не получится...

До этого было ещё далеко, а до работы — близко. Но работа — не волк. И Гребнев не просто перешёл в соседний вагон, а незамедлительно вышел на следующей же остановке. И это был не Грачёвская, и даже не

Моссельмаш, как следовало из расписания движения электрички, в которую он сел, отправляясь на работу.

Платформа Красные Зори.

Хоть убей, но в голову никакого внятного объяснения не приходило. Ни где это, ни в каком году. Хотя ясно было, что далеко от конца сороковых, судя по окружающему пейзажу, он не отъехал. Не на километры — годы. Эх, был бы интернет...

Но телефон не выдавал ни одной полоски. Оставалось дожидаться поезда и продолжить поездку. Иначе переход в иное время терял всякий смысл. Да ещё в такую рань.

Игорю повезло. Или это иное время просто не желало терпеть инородное тело в себе? Но не прошло и пяти минут, чего даже в родном времени Гребнева не случалось, где меж электричками в расписании был примерно десятиминутный интервал, а то и больше, как к платформе Красные Зори, гремя сцепками и постукивая на стыках рельс, подкатил состав. Пыльный, грязный, с мутными окнами. Но выбирать не приходилось.

До самого Балтийского вокзала Гребнев стоял тамбуре — уж больно дух спёртый был в вагоне. Табак, перегар, потные тела, портянки или завонявшиеся ботинки, прогары, как их звали во флотской юности Игоря. Всё это было такой гремучей смесью, что слезились глаза. От этого духа электрички не избавились и во времени Игоря. Однако изначальный, оказывается, был ещё злее, ещё ядрёней. И Гребнев, шумно втягивая ноздрями просачивающийся в тамбур свежий питерский воздух, взглядом сквозь разводы трещин в стекле провожал пролетающие мимо платформы и станции. Точнее проползающие. Скорость была так себе. Но за стёклами уже проскользнули Стрельна, Сосновая поляна. Вон и Лигово позади...

В голове медленно, но верно созрел план.

Перво-наперво — год. С этим проблем не стало. На вокзале нашлись витрины с газетами. Правда, старыми.

Вчерашними, скорее всего. Но дата обозначилась уже на партийной «Правде» за номером 283. Пятница, 26 ноября 1946 года.

«За дальнейший расцвет советской передовой науки», — то ли призывала, то ли поднимала тост передовица. На этом можно было бы и закончить — задача минимум выполнена, дата установлена. Но что-то сдержало Гребнева, вынудило вглядываться в желтоватую бумагу и плывущий шрифт.

«В Полтавской области забыли о ремонте тракторов», гласил заголовок заметки ниже.

«— Как обстоит дело с ремонтом тракторов в МТС Полтавской области?

— Я пока не в курсе дел, — отвечает второй секретарь Полтавского обкома партии тов. Шанин, — но слышал, что с запасными частями что-то там не ладно»...

Ничего себе, как припекают-то партийного бонзу!

«— За организацию ремонта тракторов отвечает мой заместитель тов. Кузьменко, — говорит председатель Полтавского облисполкома тов. Мартыненко. — Я знаю только, что каких-то там запасных частей для ремонта не хватает.

— О ходе ремонта тракторов ничего толком сказать не могу, — заявляет тов. Кузьменко. — В последнее время я занимаюсь животноводством».

Дальше можно было не читать. И это в годы сталинских репрессий? Да полно! Тут уже на расстрел тянет. Во дни бытия Игоря газеты о таком бы и не заикнулись. Ну, разве что в начале века. А ко времени, когда он переболел модной болезнью — ни-ни. Упаси бог, так клеветать на партию. Пусть их и значится штук пять, к выборам, но настоящая партия одна. Та, что подпевает властному голосу. Правящему бал.

Игорь в неверном утреннем свете, поддержанном тусклой лампочкой, перевёл взгляд на следующую полосу.

«Речь В. М. МОЛОТОВА на заседании комитета No 1 Генеральной Ассамблеи 28 ноября

— Господин председатель, господа делегаты, сегодня мы приступаем к рассмотрению вопроса о всеобщем сокращении вооружений. Не приходится много говорить, насколько важен этот вопрос в наше время. Своевременность обсуждения этой проблемы очевидна...»

Ишь ты, своевременная ещё в 1946-м проблема так и не решена. И далеко не НАТО тому виной. Потому как предпринятый ещё Аскольдом и Диром поход на Царьград в 860 году был первой документально отмеченной войной, начатой Русью. Целью нападения был банальный грабёж. И он на столетия заложил агрессивную природу внешней политики Руси, царской России, СССР, как бы власть ни перекладывала вину за это на других. Триста лет спустя после князей-основателей Андрей Боголюбский с сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Юрием организовал первый после войн благочестивого Юрия Долгорукого, тоже не брезговавшего чужим добром, поход на волжских булгар, взял болгарский город Бряхимов (Ибрагимов) и сжёг три других города. Не таким уж он и был любимым богом, скорее хапугой. За что и поплатился. А лет за двести до того отличился даже Ярослав Мудрый, напавший на Польшу. Но то вроде как была война за возвращение червенских городов, захваченные польским королём Болеславом I.

Но не всё сходило с рук. В 1223 году, на реке Калке, близ малой родины Игоря, монгольским корпусом было разбито объединённое русско-половецкое войско. В бою погибли с десяток князей и много родовитых бояр и простых воинов из Киевского, Галицко-Волынского, Черниговского, Смоленского и других русских княжеств.

Через полтора века лет на поле Куликовом победа объединила то, что на века станет Русью, с великим самомнением и сомнительными успехами на мировой арене. Которую она щедро поливала кровью прежде всего

своих сынов. Коих не жалко — бабы ещё нарожают. И это только в древности!

Дальше было больше. И по большей части с переменным успехом, но в зачинщиках — всегда наши. Пусть и относительно наши. Потому как менялась не только власть — от князей к царям, а после к императорам и комиссарам. Менялось и правящее меньшинство. Под конец империи — почти полностью с немецкой кровью на троне. В годы советской власти — сплошная гопота, без роду и племени. Она и поныне там. Оттого и ведёт себя так. А то, что якобы борется за разоружение... Посвистеть у нас всегда были мастера. С тех самых давних пор. Ну, да это можно оставить на совести МИДа. И присных. Даже самые лояльные власти из которых считают, что Россия за всю историю вела всего-то 53 войны. И только в девяти случаях якобы начинала первой. Хотя только в двадцатом веке войн было около полусотни, пусть и были некоторые из них частью второй мировой. И на это время пришлось, помимо афганской, и вторжение в Чехословакию, и Корейская война, и подавление восстания в Венгрии, и война в Южной Осетии...

Игорь отмахнулся от назойливых напоминаний памяти о завоевательных походах русского оружия. Да даже освободительные войны, которые страна якобы была вынуждена вести, если приглядеться, оказывались вынужденными из-за предыдущей её подлости либо по причине безграмотной политики вождей. И даже самое святое — Великая Отечественная — родилась из желания поделить мир с ещё одним, помимо Сталина, вурдалаком. За что и прошлось поплатиться. 25 миллионов смертей — не жирно ли за величие, которое так и не наступило? И не только пейзажи Ленинграда 1946-го о том вопили всем своим существом.

В голову упорно лезло, что его страна не щадила даже своих союзников, если те осмеливались что-то делать по-своему. Те же Венгрия, Чехия, опять же извечная

Польша, Индокитай... Где только не возникали интересы России! И всегда всё заканчивалось итоговым поражением — при полном отсутствии союзников или потерей авторитета и немислимыми жертвами, скрываеыми лживой пропагандой.

Где-то внизу третьей страницы «Правды», в которой уже тогда была голимая пропаганда, а не информация, Гребнев наткнулся на заметку. «Возвращение на родину». Вот так, с маленькой буквы. Видать, такая родина...

«МАРСЕЛЬ, 26 ноября. (ТАСС). Сегодня на дизель-электроходе «Россия» выехало на родину 2160 советских граждан из числа украинцев и белоруссов (тогда они ещё были с двумя С, мелькнула мысль) из западных районов Белоруссии в Украины, а также бывших российских эмигрантов, проживавших во Франции. Среди возвращающихся на родину — много представителей интеллигенции, в частности профессор Шория, писатель Роцин, инженер-кораблестроитель Кравец, профессор Цукерштейн, инженер Шилов, рабочие-шахтёры, металлурги и другие.

Перед отходом электрохода «Россия» состоялся митинг, на котором выступили советник посольства СССР во Франции Абрамов, капитан электрохода Гогитидзе, писатель Роцин, профессор Марков. Инженер-кораблестроитель Белянкин передал в дар военно-морскому музею в Ленинграде серебряные закладные доски, установленные в период закладки крейсеров «Варяг» и «Ретвизан» в 1889 году.

Провожать электроход прибыли многочисленные представители марсельцев и парижан».

Н-да, возвращающиеся ещё не знали, с какой радостью их ждут в сталинских лагерях. Но тогда там ещё не знали о набутыливании, это изобретение уже сугубо нынешних опричников. Так что какой-то шанс выжить у них был. А так, да, и руки им сломают, и челюсти, как Королёву, которому из-за этого не смогли вовремя ввести

дыхательный зонд, когда потребовалась операция на сердце. Родина, особенно когда она с маленькой буквы, всегда найдёт за что погубить своих сынов, пусть хоть трижды они ей в космос дорогу проложили. И в этом она мало чем отличается от богов. Которые с древности отдавали на закление своих детей. Чем и гордились. Да и людишек, созданных по их образу и подобию, тем более не щадили, то мор, то потоп...

Своих не жалко. Главное, чтоб чужие боялись. Потому как чужие чужим рознь. С ними от ненависти до любви меньше шага. И шаг — наоборот. К такому выводу пришёл Гребнев, заметив на четвёртой полосе газеты заметку «Энвер Ходжа — Народный герой Албании».

«ТИРАНА, 28 ноября. (ТАСС). Как передает Албанское телеграфное агентство, на своем вчерашнем заседании Народное собрание Албании присвоило вождю албанского народа генерал-полковнику Энвер Ходжа звание Народного героя»...

Более мелким шрифтом в заметке по соседству шёл «юбилейный репортаж»: «Албанский народ отмечает знаменательную дату в своей истории, дату полного освобождения от иностранных захватчиков и провозглашения независимости Албанского государства. Веками стонал албанский народ под игом иноземцев и собственных тиранов — королей и помещиков. Среди аграрных балканских стран Албания была самой отсталой, где, несмотря на богатство земельных недр (нефть, хромовая руда, асфальт, железо и другие ценные ископаемые), несмотря на изобилие сырья (кожи, шерсти, молочных продуктов, табака, оливкового масла»...

Да, подумалось Игорю, Ходжа, хоть и не Насреддин, тогда был не друг и не враг, а так... Это немного позже он, автор множества теоретических работ в области марксизма-ленинизма, стал непримиримым критиком политики КПСС. Позднее досталось и китайским братьям по партии, он так же не принял режимы Пол Пота, Фиделя Кастро, КНДР,

Чаушеску, Тодора Живкова, не примкнул к движению «Неприсоединения» и критиковал внешнюю политику США. Что не помешало ему поначалу, когда он пришёл к власти, сосредоточиться на восстановлении страны, которую он же превратил в атеистическое государство. Первое на планете! За что честь ему и хвала. Но потом и его поразила «детская болезнь». Нет, не левизны. Непогрешимости. На чём со временем прогорают все диктаторы, даже если они отрицают личную диктатуру. Но это уже другая история.

В соседней витрине осталось несколько страниц, точнее их кусков от ещё одной правды. Ленинградской. За то же 29 ноября. 1946-го. Но из «Ленинградской правды» Гребнев выхватил только одну заметку. Да и то потому, что буквально накануне наткнулся на информацию об этом.

«Памяти С.М. Кирова».

Но прочесть её не удалось.

Передовица «Партийная организация цеха» была целёхонька, фото какой-то турбины или ещё чего-то похожего — тоже. А вот память о «Мироныче» была оборвана. На самокрутки? Но это уже и не имело по большому счёту значения.

Гребнев узнал что хотел. Год и день. Ему, правда, вспомнилось, что в ноябрьские ночи сорок шестого где-то здесь, поблизости, орудовал ещё один маньяк, серийный убийца. Но ни в одной «Правде» такого не напишут. Так что искать нет смысла. Да и зачем? Но неужто его вояж оказался бессмысленным?

Искать Ильина резону нет, он ещё не родился. А вот маньяк...

Гребнев отступил в тень за газетными витринами.

О маньяке можно было подумать. Спокойно. Что-то за этим крылось, хотя Игорь пока не понял что.

Отвыкшие от нагрузок за время болезни ноги гудели. Но Гребнев пешком дошёл до Обводного канала. Метро ещё не построили, трамвай... На каком туда можно доехать он не знал, да и за время в пути, хотя и пересёк пару раз трамвайные рельсы, ни одной машины с токоприёмником дугой так и не увидел. Зато сам засветился. На мосту через канал. Шляпа и пальто в пол. Уж больно приметен он был на фоне шинелей, бушлатов, телогреек и ватников. Особенно когда зашёл в рабочую столовую.

Висящий в ней дым и запах горелого масла некоторое время маскировали Гребнева. Но вечно это продолжаться не могло. И он, наскоро заглотив порцию слипшихся макарон, серых, как бездымный порох зарядов 150-миллиметрового орудия крейсера, на который припала его лейтенантская юность, не стал даже допивать компот. Почти бесцветный и настолько же безвкусный, с плавающей в липком от множества рук и губ стакане долькой сушёного яблока. Макароны, с единственной жилкой мяса, то ли перемороженного сто раз, то ли из банки тушёнки, Игоря ничуть не насытили. Но он со своей случайно оказавшейся в кармане мелочью из времени до реформы 1961 года второй раз подходить к стойке не стал. Там и так на него весьма неодобрительно косились бабы с раздачи — грудастые, в грязных передниках, с красными от плиты лицами.

Следующим пунктом был Предтеченский рынок. Которого нет уже давно. Ну, это во времени Игоря его нет. А здесь он — центр криминального мира Лиговки. И именно здесь должен был объявиться маньячина.

Конечно, выслеживать упыря в таком наряде, как у Гребнева, было верхом самонадеянности и глупости. Но Игорь решил просто присмотреться. А уж потом действовать по обстоятельствам. Не ехать же в Лигово за одеждой, припасённой Якушевым. Да и нет ещё её, случится она лет через десять. Хотя Яков уже на месте.

Летом получил назначение. Вместо призыва в армию. А вот чего его не призывали?

Мысль мелькнула и пропала — Игорь внезапно увидел лошадь, впряжённую в телегу, на которой стояли какие-то бидоны. А рядом отирался мужичонка — невзрачный, крестьянского вида, в каком-то потрёпанном зипуне и драной шапке-ушанке.

Возница не просто так болтался по рынку, не оставляя лошадь без пригляда. В его кружении вокруг телеги был потаённый смысл, который Гребнев уловил сразу. Потому как знал, к чему все эти танцы с бубном.

Мужичок искал жертву.

И он её нашёл — такую же невзрачную старуху с кулём из старой скатерти или шали, в котором угадывались прямые углы.

Патефон!

Всё сходится!

В который уже раз Гребнев убедился, что все его провалы и вояжи в прошлое, хотя провалы было куда точнее, отнюдь не случайны. Время и провидение вели его по заранее запланированным маршрутам. Так было надо кому-то.

Затравленно оглядываясь по сторонам, мужичонка пристал, как банный лист, с разговорами к бабе, торговавшей патефон. Вряд ли ей, в убогой одежонке, с измученным лицом, на котором читалась усталость от жизни и мука от её продолжения, нужны были канделябры или плотные шторы, коими торговали на этом углу. У неё-то и дома могло не быть, в лучшем случае угол в подвале.

Гребнев подошёл на пару шагов к жестикулирующему мужичку, вслушался в разговор. Хотя какой там разговор. Старуха всё больше молчала, порой кивая. А возница не отставал. И убедил-таки бабку.

Игорю бы метнуться, предупредить старуху, что смерть она примет от того, кого считает благодетелем — возница предложил полмешка картошки за патефон. Ещё и

пообещал, что до дома довезёт. Мол, старухе будет не донести. А ему с лошастью всё равно возвращаться, вторая ходка — отходы вывезти.

Бабка кивала, а Гребнев застыл на месте. Ясное же дело, что старуха обречена, если сядет в телегу. Но спасти её...

Спаси бабушку было просто невысказуемо. Прежде всего — как спасти? Подойти к первому попавшемуся милиционеру и сказать, ловите, мол, маньяка? Так его на смех поднимут. Если он вообще сможет найти здесь милиционера. Милиционер и поднимет. А те, от кого мент хоронится, поднимут на ножи. Хотя они и не в сговоре с возницей, замыслившем недоброе.

Впрочем, скорее всего, будет иной сценарий. Милиционер, буде он найдётся, выслушает Гребнева и... потребует документы. Дальше — препроводит в участок или как он там сейчас называется... Опорный пункт. И всё. Приехали. Пересадка. Перед посадкой. На долгие времена. Это уже как-то Игорю на ум приходило. Так что спасти бабушку ценой своей жизни, при том, что старуха всё равно обречена... Ведь всё уже свершилось. Это просто Гребнев видит прелюдию к акту насилия. К свершившемуся акту, стоит добавить...

И тем не менее мысль спасти и без того пострадавшую женщину не покидала Гребнева.

Прижимая к груди поклажу, бабушка взгромоздилась в телегу среди бидонов. Возница зашагал рядом, ведя лошадь в поводу.

Выждав пару минут, Гребнев пошёл за ними.

Он не настолько хорошо знал Питер, Ленинград тем более, чтоб понять, куда они направляются. Топать за телегой пришлось долго. До того момента, когда не показались ажурные ворота с рубленой надписью над ними. Под серпом и молотом в витиеватом полукруге. «Завод Большевик».

Всё точно. Сходится.

Гребнев напряг память. Ведь читал же только накануне, а вот поди ж ты, стал забывать всё почти сразу. Но, бросив взгляд вдогон вознице, направившему телегу мимо вывески, в другую подворотню, всё же выковырял из извилин нужную информацию.

Бабка будет одной из восемнадцати жертв Филиппа Тюрина. Хотя он и похвалялся, что лишил жизни 29 человек. Но то было в пьяных компаниях и до того, как его взяли. Длинный язык враг всех преступников. А таких глуповатых, как Тюрин, родившийся в деревне с говорящим само за себя названием Сумерки, тем более. Крестьянский сын, пас скот, доил коров, работал в поле, в 1941 году был мобилизован и отправлен защищать Ленинград. Там получил тяжелое ранение, от которого восстановился только после окончания войны. Домой, в родные Сумерки решил не возвращаться, в большом городе, всегда была работа на любой вкус. И не только ходить за скотиной. Хотя он и выбрал место извозчика на заводе «Большевик», закупать и подвозить продукты к заводской столовой, вывозить пищевые отходы. Работа не шибко денежная, но при харчах, от голода умереть не получится даже при желании. А тут ещё, как работнику предприятия, ему выделили комнату в общежитии. Тюрину нравилось и то, что у него было достаточно времени, чтобы с работой справиться, а потом ещё и подработать на стороне.

Часто бывая на ленинградских рынках по служебной необходимости, он и себя не забывал. Рынками они назывались по старинке, чаще здесь велась меновая торговля — обмен ценных и не очень вещей на хлеб, муку, сахар и консервы. На Предтеченском рынке Тюрин и подвизался. А что, людей много, милиция появляется нечасто. Даже примелькаться не получится. Тем более что в силу своего скудоумия действовал Тюрин всегда по одной и той же простой до примитивности схеме. Он приезжал на рынок и высматривал в толпе людей, имевших при себе ценные вещи или неосмотрительно показавших деньги.

Тогда Филипок, прикидываясь дурашкой, подходил к будущей жертве и предлагал продать или обменять на вещи картошку. Вот только для этого нужно было проехать к нему домой. А там человек волен был и сам набрать сколько сможет унести, да ещё и Тюрин подвезти обещал, мол, ему всё равно отходы вывозить.

Ехать с ним оглашались далеко не все: ленинградцы опасались грабителей, а кроме того, в городе ещё была свежа память о случаях канибализма во время блокады. Но все же находились и те, кого привлекала заманчивая перспектива выгодного обмена. Первой жертвой Тюрина, как потом установит следствие, стал молодой рабочий одного из ленинградских заводов. В ноябре 1946 года душегуб привёз его к себе домой и отправил в погреб набирать картошку. Едва парень начал спускаться, как Тюрин нанёс ему смертельный удар топором по голове. Первой добычей Филиппа стала небольшая сумма денег и сапоги.

В конце ноября 1946 года Тюрин убьёт 62-летнюю женщину, которая хотела обменять патефон на продукты. Убьёт, если Гребнев не помешает.

Игорь понял, что противиться неизбежному у него нет ни сил, ни возможностей. Но всё ж попытался повернуть ход истории.

Резко развернувшись от ворот с именем завода, он чуть ли не побежал туда, где видел одинокую будку телефона-автомата.

— Алло, справочная? Мне, пожалуйста, номер телефона на станции Лигово... Что? Очень плохо слышно...

Но даже если б слышно было хорошо, Гребневу это не помогло.

Барышня на том конце провода после нескольких попыток объяснить глуховатому клиенту, что у железнодорожников своя телефонная сеть, трубку бросила, оставив Игоря в непонятках — что же делать дальше?

У Тюрина за это время всё уже могло пройти по опробованному сценарию. Но его ещё можно было взять. Едва ли не с поличным.

Чувствуя, как свинцом наливаются ноги, он направился туда, где только и мог выйти на связь по железнодорожной телефонной линии. С неё, как он помнил, в город звонить можно. Но чтоб попасть в эту закрытую сеть, нужно было связаться с коммутатором. Доступ к которому извне ограничен. В общем, почти интернет по модему...

Не особо плутая, Гребнев вскоре вышел к Балтийскому вокзалу. Осмотрелся. Нашёл комнату дежурного по станции. Выдохнул, собираясь с силами и мыслями, нащупал в кармане свой министерский пропуск, в твёрдой обложке, с тиснением на бордовом поле. Тиснение показывать нельзя ни в коем случае — орёл с эмблемы министерства никак не вписывался в представление о светлом коммунистическом будущем из этого года.

Едва ли не с ноги распахнув дверь, Игорь оказался в захламлённой и полутёмной комнатке со столом под окном, с массивным сейфом в углу, подставкой для жезлов и самым жезловым аппаратом, какой-то полкой и матово поблёскивающим эбонитом телефоном на зелёном сукне стола. За столом же восседал худющий мужчина с запавшими глазами, в форменной фуражке и в таком же форменном чёрном кителе. Не ожидая визитёров, он что-то писал перьевой ручкой, макая её в непроливайку, тоже чёрного цвета.

— Срочно, связь с Лигово, — Гребнев, как щит, выставил пропуск перед собой, не особо позволяя сидевшему за столом вчитываться в строки, исполненные на лазерном принтере. Объяснять, кто он такой и по какому праву, Игорь счёл излишним. Напор, кураж, страх перед всякого рода службами с корочками, да ещё и весьма странное одеяние сделали это за него.

Буквально несколько секунд хватило мужчине за столом чтобы сложить всё это воедино, вскочить на ноги и по мере сил вытянуться в струнку. Последнее получалось хуже всего. То ли вследствие возраста — мужчине было далеко за пятьдесят, то ли по причине ранения, о чём свидетельствовала и палка, приткнувшаяся к столу со стороны его хозяина. Но, хоть и стоял дежурный по станции слегка перекошенным, глазами пожирал начальство на славу. И тут же потянулся к трубке телефона.

— Алё, это дежурный Балтийского, мне Лигово, срочно!

Чуть подрагивающей рукой, сухой, перевитой паутиной синих жил, он уже в следующее мгновение протянул трубку Гребневу.

— Алло, дежурный! Уполномоченный Якушев на месте? Так точно?! И что же ты до сих пор стоишь? Пулей его мне на провод!

Опустив трубку от уха, Игорь строго посмотрел на покачивающегося на раненой ноге дежурного по вокзалу:

— Всех приходится учить, подгонять, нет чтобы хоть кто инициативу проявил, — скривив в подобии улыбки губы, буркнул Гребнев вроде как себе. Но дежурный перед ним подобрался ещё больше.

В трубке менее чем через минуту зашуршало. Якушев бегать ещё не разучился. Как и получивший пинка дежурный по станции.

Гребнев поднёс микрофон телефона к губам.

— Якушев? Ориентировку получил? Какую?! Ты что, много их получаешь? Нет? Так что тогда за глупые вопросы. По маньяку ориентировка должна была быть. Да, по тому, что в Уткиной заводи тела топил. Вспомнил? Ну молодца! Теперь запоминай, а лучше записывай. Тюрин Филипп. Извозчик. Завод «Большевик». Проверить по месту жительства. А заодно и на территории завода. Рядом с общежитием. Исполняй. Что значит, кто звонил? Кто надо, тот и звонил!

Игорь тыльной стороной руки с трубкой, которую после вопросов Якушева оторвал от уха, отёр несуществующий пот со лба. И повернулся к дежурному:

— Всё им Расскажи, разжуй в рот положи. А потом ещё и объясни, кто да откуда. Мозгов совсем нет. А мне потом что, на ножи к уркам?

Дежурный понятиливо кивнул, протянул руку за трубкой, которую аккуратно возложил на рычаги.

— Я чо... Я ничего не видел...

— Вот и хорошо, — Гребнев не стал выяснять что не видел дежурный. Развернулся вполоборота к столу. Всё, что было в его силах, он сделал. Хотя старуху с патефоном спас вряд ли...

Под носом стало горячо.

Игорь вскинул руку, потёр ребром ладони над верхней губой.

Кровь.

Он поднял взгляд на дежурного. А тот уже протягивал ему платок. Не очень чистый, но за неимением другого...

— Спасибо, — запрокидывая голову, буркнул Гребнев. — Минутку посижу, чтоб унять...

3

Гребнев сидел на своём месте, разгребая брошенные для исполнения бумаги, задолго до начала рабочего дня. Время, проведённое в ином времени, никак не отражалось на том, что текло прямолинейно. Хотя ноги гудели, напоминая о том, что с его подачи где-то там, в 1946 или, при полной нерасторопности, в 1947 поймают всё ж маньяка. Но это ничуть не приблизило его к главному — обвинению или оправданию Якушева, которого он подозревал в том же, в чём повинен был Тюрин. А тут, судя по бумагам, на него самого навалилось изрядно проблем. В том числе — командировка. И не куда-нибудь. В Питер. О чём ему радостно сообщила по телефону Наталия:

— Игорь Николаевич, как здоровье? Справились с болезнью? А я вот вакцинировалась. Как только объявили, первой пришла.

Ну, да, пришла первой, потому что там спиртом пахло. Гребнев неприязненно передёрнул плечами, словно Благоева могла видеть его возмущение её глупостью. Но собеседница не унималась:

— Вот, уже третий день пошёл, полёт нормальный, — попыталась она шутить, однако, похоже, что шутка не задалась. Наталия громко втянула соплю, а после закашлялась. — Ломота, правда, не проходит. И температура держится. Но это нормально. Сразу предупреждали, что так может быть.

— Ну, что ж, значит, пройдёт скоро, — вяло отозвался Игорь, абсолютно не настроенный на разговор до официального начала рабочего дня. У него было чем заняться помимо пустой болтовни. Однако оказалось, что звонок раздался не просто так.

— У вас-то прошло? Что там с антителами?

— У меня больше антидел, чем антител, которых не считал, — вновь, уже раздражаясь, хмыкнул в трубку Гребнев.

Хохотнула и Благоева:

— Вам бы всё шуточки, Игорь Николаевич, а я ведь не просто так интересуюсь. Вы же знаете, подрядчик у нас в Питере. А новый год на носу. Надо бы справиться, как там у них дела.

— А я причём? — теперь Гребнев удивился. Прежде его к питерским на пушечный выстрел не подпускали, даже упоминать при нём избегали подрядчика, щедро, видать, делившегося с первыми лицами министерства. Ну, или теми, кто их замещал. Если иметь ввиду Наталию. Вот уж кто умел замещать...

— Меня министр отправляет домой. На пару дней пока не выяснится, что я от вакцины не заболела. Говорят, случается. Я ему говорю, что не мой случай, доказываю,

что вкус не потеряла и запахи различаю, а он твердит — домой. Вот и приходится перекладывать свои обязанности.

— На меня, что ли?

— Ну, вы же теперь как бы в относительной безопасности. Болезнь перенесли, карантин отсидели.

— Но я как бы и не болел. Официально. Не нашли у меня ковид, — Гребнев отбивался, но уже понимал, что ехать придётся. И это в общем-то в его интересах. Поэтому план тут же почти созрел. Хотя только секунду назад мелькнул призрачной искрой между полушариями головного мозга. А не чего-то иного...

— Да вы не волнуйтесь, вам только и того, что съездить придётся. Остальное там само собой пройдёт, — то ли уговаривала Гребнева, то ли себя убеждала Наталия. — Только и того, что туда и обратно. Билет у уже велела вам заказать...

К полуночи Игорь вновь был на Ленинградском вокзале — ещё раз за один день путешествовать в прошлое он не решился. Да и устал, пешком исходил, пусть и вне своего времени, и без того немало.

В купе с Гребневым и тоже на нижней полке оказался словоохотливый толстяк, эдакий кубик-рубика: в чём-то невообразимо цветастом на ночь, а сам абсолютно равный по высоте и ширине. По метр сорок примерно в обоих измерениях. Игорь надеялся, что он уляжется или хотя бы заткнётся после третьего стакана чая, да куда там!

— Человек — это хоть и разумное, но все же животное. Поэтому в экстремальных условиях выживают, как правило, не самые нравственные, тем более утонченные натуры, — вещал попутчик, не знакомясь с которым, чтоб не переходить на личности, у Гребнева хватило ума. — Склонность к рефлексии тоже плохой советчик для выживания. Да что там, выживают даже не самые физически сильные, а те, кто умеет подчиняться животным инстинктам.

Игорь, мечтавший вздремнуть, хотя и не располагала поездка к тому — в купе было жарко, и вентиляция работала

так себе, может, потому что ещё не набрали ход, непроизвольно взглянул на попутчика с интересом. Чего тому хватило чтобы заговорить с ещё большим жаром. Хотя Гребнев даже не давал повод для этого разговора. Тема всплыла как бы сама собой. Из общения попутчика в голос со своими мыслями. Но, видать, была то ли наболевшей, то ли набившей ему оскомину. Вот и не мог он молчать. Пусть и не находили его слова отклика.

— В экстремальной ситуации животный инстинкт приказывает сбиться в стаю. Почему? Да потому что стадный инстинкт предельно рационален. Почему овцы при нападении волка сбиваются в плотную кучу? Те, кто в середине, находятся в безопасности, они как бы прикрываются крайними, слабыми. А то и вовсе больными, которым и без волков не выжить. Они и будут съедены. Их не жалко. Да и пойдёт это на пользу стаду. Которое пойдёт вперёд не то чтоб не заметив потери бойца, а даже живее. Потому как выживают сильные, а с ними — молодые ягнята, которые завтра составят новую основу популяции.

— У овец, может быть, и так, — чтобы совсем уж не казаться невоспитанным, укладываясь на комковатую подушку, брякнул Игорь. О чём тут же пожалел, получив в ответ:

— Это не только у баранов. У хищников, даже махровых одиночек, у тех же волков, тоже порой возникает стремление сбиться в стаю. Для того, чтоб, загнать лося, например. В одиночку им его не одолеть, без шансов однозначно. А скопом — уже вариант добыть пропитание. Кого-то, конечно, лось наматает на рога, но стая будет сытой.

— Приятного им аппетита, — буркнул Игорь, отворачиваясь к стенке купе.

Но его попутчика было не унять.

— Это я очень схематично обрисовал принцип экстремальной психологии, — пухляш отодвинул опустевший стакан, звякнув ложечкой, зашуршал обёртками

входящего в билет завтрака. И, ничуть не смутившись показным небрежением Игоря, продолжил, как ни в чём не бывало: — У людей всё то же, и работает точно так же. В советское время я был курсантом военного училища, и сразу обратил внимание, что изгои и индивидуалисты в военном коллективе просто не выживают, он их отторгает.

— Надо же! — вскинулся на своей полке Гребнев, неожиданно прежде всего для себя. Пухляш не казался настолько старым, чтоб застать советские времена курсантом. От силы ему можно дать сорок лет, да и то из-за избыточного веса. — Я не только курсантом был, но и офицером послужил. Во флоте. Ровно четверть века. Но как-то об этом не задумывался. Хотя всегда считал себя индивидуалистом.

— Специфика, что армии, что флота, в том, что порядок в них держится на насилии, принуждении и страхе, — теперь уже и попутчик Игоря встрепенулся, почуяв, что нашёл наконец-то благодарные уши. И поток слов из него полился как из Бахчисарайского фонтана: вроде и по капле, но непрерывным потоком, почти без пауз. — И самый главный человеческий страх, особенно в войсках — противопоставить свою индивидуальную волю коллективной, войти в конфликт с массами. Вот вы, курсантом, ходили в самоволку?

— Случалось, — нехотя признал Гребнев.

— Ловили?

— Бог миловал.

— А других?

— Не без этого.

— А что было потом?

— Оргпериод, — хмыкнул Игорь, вспоминая, сколько раз приходилось пропускать увольнение из-за залётов в роте. Особенно в начале учёбы.

— Вот мы и подошли к главному. Как удерживать армейский порядок. Ну, или флотский, если хотите. В самоволку ходили все курсанты, или почти все. Но

неотвратимое наказание наступало если кто-то попадался. И бит был не только тот, кто попался. Наказывали весь взвод. Или даже всю роту. Так действует принцип коллективной ответственности. Бывало ли у вас, что вместо отбоя комбат строил курс, выводил из строя провинившегося и говорил: «Благодаря курсанту Иванову-Петрову-Сидорову, который попался пьяным дежурному по училищу, вы все сейчас побежите три круга по стадиону в противогазах».

— Вместо отбоя не случилось, а в выходной — пожалуйста, — подтвердил Гребнев. — И бегали не по стадиону, которого в училище не было, а в парке. Что было ещё обиднее. На виду у отдыхающих.

— Вот, вот. Наказал комбат. Не по закону наказал — закон запрещает коллективную ответственность. В общем, голимый беспредел. Но из-под резиновых противогазовых масок проклятия сыпались не на его голову, а на того, кто попался. Хотя виноват он был не больше, чем все остальные, просто ему не повезло. Всё это заставляет слиться с общей массой, чаще всего серой. Слиться и не высываться. Делать как все. Как в кино. Помните это: «Все побежали — и я побежал»? «Джентльмены удачи». Но то в тюрьме. На службе ровно такие же джентльмены. Все. Должны быть. Ибо на этом зиждется воинский коллектив, который бездумно и безропотно выполняет любые приказы, сопряженные даже с большим риском для жизни. И это главное. Для этого всё устроено. Чтоб потом жизнь безропотно отдать. Просто потому, что после всех мытарств, тех же кроссов в противогазе люди панически бояться сказать: «Не, я пас, я на это не подписывался». Потому что этим они противопоставят себя толпе, подставят себя под удар. Инстинкт буквально парализуют волно: будь как все, не высывайся, делай что приказано — так безопасно.

— Тогда другой хрестоматийный пример. От бабушки. Которая говорила в ответ на оправдание, что все так делали: а если бы они с крыши прыгали?

— То бабушка. И она тоже в чём-то права. Воспитывая человека. Правильного, надо сказать. Индивидуалиста, не побоюсь этого слова. Потому что человек и индивидуален, и индивидуалист. Один приходит в этот мир, и одиноким же уходит. Но... Да, на войне подчиняться безумным приказам — смертельно опасно. Однако психологически более комфортно, чем выйти из строя и сказать: «Расстреливайте меня, вешайте, судите за невыполнение приказа, но идти в атаку по минному полю отказываюсь».

— Я, конечно, дико извиняюсь, — подтверждая свой индивидуализм, благодаря которому, вопреки теории попутчика он выживал что на службе, что в серпентарии министерства и других ведомств, где приходилось трудиться, Гребнев, устроившись поудобнее, закрыл глаза и бросил в пустоту, разделявшую две полки: — Людям, как и животным, не исключено, присуще сбиваться в стаи. Сам грешен. Особенно в пубертатном возрасте случалось, и я примыкал к большинству. Когда в классе травили Ромку Азархина, который был жиртрест. Или тискали Наташку Монастырную, рано созревшую и от всех ровесниц уже в пятом классе отличавшуюся грудью, которая Семенович и не снилась. Что не помешало мне сесть за книги. В которых тоже было про сиськи, но для этого не нужно было доводить девчонку до слёз. И остаться в одиночестве. А в училище браться за любые оформительские работы, лишь бы не идти на постылые занятия, где ученье было о мудром руководстве партии. Хотя я и сам в ней потом состоял. Но, опять же, когда из неё все выходили, едва ли не строем, я не стал рвать свой партбилет, тихо и молча прекратил платить взносы, утратив с партией связь, как о том вещал её устав. И больше никуда не вступал. В отличие от тех, кто прилюдно сжигал свою партийную книжицу. Лишь для того, чтобы быстренько хапнуть должность в новой партии. А по сути — в клоне той, с которой герой якобы распрощался.

Игорь набрал побольше воздуха, взглянул на оторопевшего попутчика, не ожидавшего отповеди. Пусть и была она немного сумбурной. И, вполне возможно, не совсем по форме беседы.

— Рождённый, как и вы, в СССР, я был как все. Ну, более или менее. Отштампован в лучших традициях этого слова. Но ведь у всякого штампа от длительного применения случаются мелкие дефекты. Наивная провинциальность долгое время оберегала меня от всякого рода осмысления происходящего, не загружая мозги лишней информацией. У меня и сейчас часть мозга, заполненная у других, имевших больше и лучшие источники знаний, кроме библиотечных книг, свободна от сведений о модных течениях в музыке прошлого и нынешнего века, от слухов о житие святых и нечестивых, от брендов, трендов и прочей лабуды, без которой можно жить. Блондинки доказали, что можно жить и без мозга. Но я свой сохранил, хотя и в девственной чистоте от отдельных категорий тайн бытия. Например, от того, как устраиваться в жизни за счет других. Но однажды горечь череды обманов приучила меня видеть ложь там, где она могла бы подразумеваться, задавать неудобные вопросы, прежде всего самому себе, и искать ответы, отказываясь соглашаться с напечатанными в конце учебника.

Гребнев набрал воздуха после паузы, совсем короткой, чтоб собеседник успел вставить хотя бы слово, и продолжил, говоря словно в себя, в свои воспоминания:

— Вокруг меня всегда было много людей, многожды умней меня. Я им по-доброму завидовал. Учился. И у них тоже. Брал их штампы. Подгонял себя под них. И однажды стал понимать, что то ли я не такой, то ли штампы не правильные, то ли те, кто их мне предлагает. Именно поэтому, наверное, я сегодня, не будучи заштампован, вижу, как умные глупеют на глазах, вчерашние властители умов предстают придворными шутами, а мир, полный красок, становится чёрно-белым. Даже без полутонов. Из-за того, что происходящее в нём измеряют штампами. Каждый —

своим. Но ведь даже два одинаковых не учитывают облой, износ и трещины. А потому вместо объёма — плоское изображение. Наскальный рисунок. И мы. В шкурах. С палкой-копалкой. В лучшем случае. А так — с дубьём. В руках и в голове. Последнее ещё страшнее.

Гребнев, от ужасно длинной тирады, задохнулся и смолк. Но опровержения не последовало. Да и вообще хоть какой-нибудь реакции. Уж не уснул ли попутчик?

Оторвав голову от подушки, Игорь бросил взгляд на соседнюю полку.

Сидит, красавчик. Сидит и глаза пучит.

И он продолжил:

— Да, я частенько, и уже офицером в том числе, оказывался в меньшинстве, бывал изгоем. Особенно когда бросил пить. Особенно — с кем попало. Но уже тогда, вначале курсантом, затем лейтенантом я предпочитал быть изгоем, чем одним из идиотов, которых вокруг набиралось великое множество. Уже тогда набиралось. Но. При этом я и в компаниях бывал. И в переделки с ними попадал. О чём вспоминать неприятно, а гордиться — нечем. Да, ещё... После всех залётов, из которых — везло видать — выходил ошипанным, но непобеждённым, я не давал зарокров больше так не делать. Ни себе, ни кому бы то ни было ещё. В отличие от тех, кто каялся. Я вообще считаю, что раскаяние куда больший грех, нежели собственно нарушение неких заповедей. Среди которых нет главной — не лги. Потому как именно на ней и строится, к примеру, сама религия, состоящая из заповедей. Начертанных на скрижалях. Что православная, что любая иная. Так что я никаких обетов, слов обещаний не давал. Ибо слово оно такое, сегодня дал, а завтра — обратно взял. Я просто предпочитал быть вне стаи. Изгоем, по вашей теории экстремальной психологии. Или в вашем изложении. Пусть и жрали меня за это. Но не съели же. До конца не съели. Несъедобен. От человека сие зависит, не от стаи. И пока её нет... Как нет и лося, который пропитанием обеспечит. Как в том анекдоте, когда лось упал

в яму, а так уже медведь и волк обретаются. Голодные. И говорят лосю: прости, но мы тебя сожрём. Ладно, соглашается лось, только просьба одна, перед смертью. На заднице у меня клеймо какое-то. Всё время хотел узнать, что там написано. Ну волк с медведем и полезли лосю под хвост. А тот — задними копытами... Как дал! Волк сразу душу богу отдал, а медведь, глядя, как убегает выпрыгнувший из ямы лось, орёт не своим голосом: «А я-то дурак, куда полез? Я ж читать не умею!»...

Гребнев вновь отвернулся к стенке купе:

— Мы тоже читать не станем. Как по мне, так комфортнее сейчас уснуть, чем по минному полю нашего диспута двигаться дальше.

Пухляш, попытавшийся всё ж ответить, поперхнулся очередным своим постулатом, оправдывающим насилие и серость воинских масс, как и прочих других, столь же серых, и заткнулся. Хотя лечь сразу не стал, что-то едва слышное бормоча себе под нос.

4

Ранним декабрьским утром, промозглым и серым, как всё зимой в этом городе, Гребнев, наскоро выхлебав из чайного стакана в латунном подстаканнике растворимый кофе, шагнул на питерский перрон на Московском вокзале. Его попутчик молча посторонился, когда Игорь выходил из купе со своим портфелем. Он не пытался возобновить прерванный накануне разговор, хотя и проснулись они рано и одновременно. Однако в мыслях Гребнева ночная беседа оставила свой след. Какой? Он и сам ещё не знал. Но чувствовал, что за этим что-то кроется. Все попутчики в нашей жизни даются нам либо в награду, либо в наказание. Но чаще всего — для науки.

Какой будет эта наука, Игорь даже не пытался угадать. Найдя открытое в такую рань кафе, он позавтракал, коротая время до назначенной встречи с подрядчиком, начинавшим работу, как и положено, с девяти утра. Питер

Гребнева всегда радовал тем, что, подсознательный голод переживших блокаду ленинградцев, вынудил их создавать даже забегаловки такими, чтобы там было не очень стрёмно перекусить. А уж на центральных улицах, пусть и с непомерными порой ценами, еда и вовсе была отменной. Даже в кафе, рассчитанных на туристов, что не всегда встречалось даже на любимых Игорем средиземноморских островах.

В офисе подрядчика Гребнева надолго оставили одного в переговорной. Понятное дело, рангом не вышел, всего лишь начальник отдела. Здесь же, видать, привыкли принимать официальных лиц не ниже замминистра. Но, с другой стороны, всё оказалось не так уж и плохо. Никаких тебе симпозиумов и обсуждений, Игорю просто вынесли пару папок и кожаный портфельчик и указали на выход:

— Как заказывали, — не глядя в лицо Гребневу, бросил доставивший груз мелкий, судя по простенькой одежке и бегавшему, виноватому взгляду, клерк. Мелкий, но дерзкий. Потому как не видел в Игоре достаточную для уважения фигуру.

— Простите, но ведь... — попытался выяснить что к чему столичный гость, однако его бесцеремонно оборвали:

— Не уполномочен. Решайте со своим начальством.

— Что решать? — недоумевал Игорь. И ради этого он ночь трясся в вагоне, а ещё одну ночь проведёт в обратном путешествии?

Он наскоро пролистал картонные папки. В них, судя по описи, находилось всё, о чем так переживала Наталия, отправляя Гребнева в командировку. Портфельчик Игоря и вовсе не заинтересовал. Из-за обиды — его использовали как простого мула. Ну да и пусть. У него есть задача поинтереснее. Вернувшись на вокзал, Игорь сдал поклажу в камеру хранения, а сам устремился в метро. Ехать ему было далеко, с двумя пересадками...

От метро Купчино, поплутав немного дворами, Гребнев нашёл-таки то, что искал. По адресу, найденному в

интернете. Но это ещё ничего не значило. Нужно было подняться в квартиру. В которой его могло и не оказаться.

Его — это Виктора Ильина. Человека, с которым Гребнев встретился и познакомился ещё до своего рождения. И перед которым испытывал чувство вины. Потому как, не исключено, именно встреча с Игорем и подвигла Ильина сделать тот роковой выстрел. И не один. Жаль, что из них ни один так и достиг истиной цели. А случайные — не в счёт.

Дверь, на ширину цепочки, открыл мужчина, в котором с трудом угадывался узник психиатрической лечебницы с фото из личного дела, выложенного в интернет. Но в его внешности было то, что не могло отнять время.

Он был смугл.

Копчёный. Не зря его так называли мелкие урки, когда Гребнев впервые вмешался в ход истории, вступившись за Ильина перед превосходящими силами хулиганов. О той встрече Игорь так и не рассказал Виктору. Даже когда тот почти узнал его. Или вспомнил.

Узнавание в выгоревших от времени глазах, тонувших в глубоких ямах глазных впадин, читалось и сейчас. И это было хорошо. Потому как в противном случае Ильин мог просто захлопнуть дверь перед носом Игоря. Но не захлопнул же.

Он подслеповато вглядывался в визитёра и молчал. Молчал и Гребнев.

Взгляд из-под низкого лба, прикрытого такой же чёлкой, как и в юности, позвавшей вершить справедливость, не отрывался от Игоря. А он не знал, как подступить, с чего начать.

Внезапно глубокая морщина у переносицы Ильина немного разгладилась.

— А я вас помню, — разлепил тонкие губы хозяин квартиры. — Вы меня в дурке навещали. В Казани. Перед тем, как мать добилась, чтоб меня в Питер перевели.

Гребнев и так был не то чтоб в ступоре, но удивлён бесконечно. Он не ожидал, что Ильин жив и проживает там

же, где его приёмной матери когда-то давным-давно выделили квартиру. Ту самую квартиру, адрес которой Игорь нашёл в интернете. Переселив овдовевшую женщину, ещё и потерявшую сына, из коммуналки в отдельное жильё. Правда, при этом центр города сменив на убогую окраину. Ведь тогда это был край Питера. Ссылка. Весьма почётная, если разобраться. Особенно для матери если не врага народа, но поднявшего руку на его вожда. Что-то видно было не совсем просто в этом деле. Уже одно это — отдельное жильё, предоставленное матери полоумного убийцы, как представили Игоря в ходе следствия, — сбивало с толку. А тут ещё и Ильин собственной персоной, увидеть которого Гребнев хотел, но никак не ожидал.

Но и этого оказалось мало. Они, оказывается, встречались в конце восьмидесятых. Да ещё и в психушке, где обретался Ильин. В то самое время, когда приёмная мать добилась возвращения сына в город на Неве. Пусть и в такую же тюрьму, психиатрическую. Откуда Виктора спустя два года на волне начинающейся перестройки выпустили.

Поездку в Казань Гребнев не помнил от слова совсем. Да и как он туда мог попасть, тем более посетить узника лечебницы? В ту пору Игорь служил, и ему было не до поездок. А об Ильине он и слыхом не слыхивал. Но с чего бы Ильину врать? Да и видно же, что он узнал Игоря...

Распахнув дверь шире, хозяин пригласил незваного гостя внутрь. В комнатушку, где время застыло в самом начале восьмидесятых. Выгоревшие почти до белизны обои с рисунком, едва заметным в углах, куда не заглядывало солнце. Лампочка на голом проводе в коридоре и три рожка люстры над круглым столом, покрытым скатертью с цветастой бахромой. Три венских стула, на которые Игорь взглянул с опаской — даже беглый взгляд отметил, что рассохлись они до состояния «хочешь упасть — садись». В миниатюрной кухоньке — метров пять квадратных, не более, пыхкает паром кастрюля с закопчённым боком. Литров эдак на пять. Судя по запахам — щи. Которые Игорь

не выносит. Ну нельзя многократно готовить один и тот же продукт! К примеру, варить квашеную капусту. Ни тебе вкуса соленья, как в закуске, ни хруста как в борще...

В углу комнаты, не сразу различимая из-за стола, — кровать. Металлическая. С блестящими, но уже ржавеющими набалдашниками на стойках в изголовье, отмеченном двумя подушками под тюлевой накидкой. У противоположной стены — шкаф, с зеркалом в центральной дверце. Как и набалдашники кровати, зеркало покрыто по краям патиной. Да и потемнело от времени. Так, что Ильин, стоящий прямо напротив зеркала, едва отражается в нём смутной тенью. Как привидение. Он и есть привидение. Из далёкого прошлого.

Засаленная майка в вырезе протёртого свитера дополнительно подтверждала древность её владельца. Таких сейчас не носят. Разве что в кино. О тех самых временах, из которых перед Игорем явился Ильин.

— Садитесь лучше на кровать, — предлагает постаревший, но всё ещё несгорбленный борец с режимом. Себе он вытаскивает из-под стола на кухне табурет. Такой же колченогий, как и стулья. Так что как бы хозяин не рухнул с него, поменяв шило на мыло.

Гребнев, осторожно опускаясь на покрывало кровати, жалостно скрипнувшей всеми пружинами, тайком, но внимательно изучал своего визави. Да, невзгоды его не сгорбили. Но плечи всё ж поникли. Губы, тонкие, упрямые, крепко сжаты. В глазах, помимо узнавания, настороженность и хитреца, что ли. Как без неё он выжил бы в застенках психушки! А то, что психиатрическая лечебница была застенком для Ильина, сомневаться не приходилось. Ведь стрелял он ради свободы. А угодил в такую неволю, что и врагу не пожелаешь.

— Вам, видать, в психушке первым делом сказали, что я, как и остальные пациенты, склонен к суициду. Хотя мы о том не говорили. Тогда.

Ильин пожевал губами, поплёскивая в провалах рта набором стальных зубов.

— Я там был не один. Разве что один нормальный.

— Эти слова должны были бы насторожить Гребнева — психически больной никогда себя больным не признает. Но Игорь решил не вдаваться в такие детали. А Ильин тусклым голосом продолжил: — Наши тюремщики считали, что, оказавшись в их лапах, мы только и думаем «Зачем нам жить дальше? Какой смысл так жить?». Вот только они заблуждались. Хотя, не скрою, вначале и я так думал. Когда мог думать. Что случалось перед очередным уколом. Несколько минут свободы. Свободы мысли. А потом... Потом опять никаких мыслей.

— Честно говоря, я не помню о своём визите в лечебницу, — внезапно для самого себя, да и для хозяина квартиры, в которой не посматривалось женской руки, прервал Гребнев монолог, грозивший увести в сторону от того, что он хотел узнать.

— Ну как же, как же, мы же с вами говорили. Вы спросили: «Давно вы тут?». А я ответил: как приехал сюда в 1970-м, так с тех пор и не выезжал. Вы были первым, кто участие проявил. Спросили: «Тяжело?». Как всем, ответил я. Тогда просветление было. И отношения со всеми были нормальные. Я ни с кем никогда не ругался. Периоды отчаяния были, но помогали и сокамерники, и даже сотрудники. Когда отец умер, поддержали. Даже врачи.

— Психушка вас исправила? В Казани, потом здесь...

— Ну смотря что вы имеете в виду. Свою вину в том, что совершил, я осознал полностью. А чужого мне не надо.

— И в чём ваша вина?

— Промахнулся. Невинного человека убил.

— А чужое?

— Заговор, который мне приписывали. Требовали назвать соучастников. Но я и вас не назвал. Или не признал. Когда вы приехали. Ведь в меня столько отравы влили...

— Возможно потому не признали, что там был не я. Точнее, другой я.

В провалах глазниц Ильина полыхнуло пламя. Вспыхнуло, но так же быстро и погасло, видать, он неплохо научился владеть собой за время изоляции. Ведь от этого зависело выпустят его когда-нибудь или нет. Конечно, могли бы и посадить, раз не сумасшедший. Но тогда бы рушилась вся пирамида лжи, что только сумасшедший может покушаться на вождей советской власти. Так что Виктору только и оставалось что терпеть. И скрывать истинные чувства.

Он и сейчас их скрыл. Но не смог удержаться от другого:

— Вы пришли, чтобы свести меня с ума? С этими рассказами о другом я? Довершить то, что не сумела сделать самая гуманная карательная психиатрия в мире? Но я не сумасшедший. И хорошо помню ваш визит...

— И вас ничего не удивляет? Ни то, что меня к вам пустили тогда, ни то, что я к вам вновь пришёл? Ничуть не изменившись, я так полагаю, — Гребнев выстрелил наугад, но, судя по тому, как переменился в лице вчерашний узник психушки, понял, что попал.

Ильин молча вглядывался в своего гостя. Долго. Так только вечность может всматриваться в человека.

У Ильина и была вечность. За плечами. Но не впереди.

— Но как это может быть? — наконец-то он разлепил губы. Гребневу даже показалось, что за время молчания они спеклись, сварились в просветлённый узкий шов на смуглом лице.

— Я и сам не знаю. Однако помню, как мы встречались в питерской парадной. Когда шпана, тоже

питерская пыталась вас учить уму-разуму. Под видом отвадить от какой-то девушки. Было такое?

Губы Ильина заходили трещинами, то немного открывая рот, то вновь запечатывая его немотой. Наконец он кивнул. И ещё через минуту мучительно выдавил из себя:

— Так вот когда мы встречались. Хотя...

— Не сходится, да?

Ильин, покачнувшись на табурете, оглянулся на зеркало. В его мутной пелене он перевёл взгляд со своего отражения на Гребнева. И помотал головой.

— Как такое может быть? Я точно с ума сойду. Если ещё не сошёл...

— Ну, если вы выжили в психушке, не сбрендили там, то сейчас точно не сойдёте.

— Кто вы?

— Так ли это важно? Куда важнее почему вы пошли на покушение... Видите ли, Виктор Иванович... Прежде мы были на ты, обращались по имени. Но сейчас вы вновь старше. А меня гложет чувство вины...

— Вины? В чём?

— Что это я своим появлением вверг вас в пучину пережитых вами бедствий. Был, грубо говоря, подстрекателем к покушению. Хотя сам не имел ничего против дорогого Леонида Ильича. Ведь он на фоне других вождей был наименее вреден...

— Вы шутите? — невозмутимость как рукой сняло с враз побелевшего лица Ильина.

— Ничуть. Мне так казалось. Тогда. Да и сейчас тоже. Потому как был Ильич, не побоюсь этого слова, продуктом и жертвой системы. Достаточно человечный. Даже чтобы быть бабником. И любителем поохотиться и выпить. На машине погонять. Но, вознесённый на вершину власти, вынужденный играть по её правилам.

— Да что вы понимаете! — вскинулся Ильин. — Ничто человеческое было ему не чуждо? Да не более, чем

обезьяне, наевшейся забродивших фруктов!
Вынужденный... Был бы вынужден, так противился бы! —
И словно успокаиваясь, хотя по глазам было видно, что в
душе у него полыхают громы и молнии, Виктор закончил
на полтона ниже: — Вынужденный, как же...

Он помолчал. Потом добавил.

— Не льстите себе. У меня было много времени
подумать. Когда я был в состоянии думать. Но ни разу,
слышите, ни разу у меня не возникло сомнений в правоте
того, что я сделал. Грыз себя за то, что не довёл до конца.
Но в том, что начал... Нет, не сомневался. Хотя и
приходилось говорить иначе. Потому как тогда бы меня не
выпустили. До скончания веков. А так и матери на уступки
пошли, в Питер перевели, после и вовсе выпустили. Да ещё
и пытались из меня сделать флаг нового сопротивления,
или типа того. Мол, жертва режима, кому, как не ему... Но
я на это не поддался. Так что можете быть уверены, и на
ваши слова не поведусь. Раз прежде не повёлся. Ведь
некоторые наши встречи я помню. Пусть и смутно. Теперь
помню, когда вы упомянули о них. Но вы, как мне тоже
помнится, скорее отговаривали, нежели подстрекали... Так
что это мой выбор, мой крест. За то, что промахнулся.

— Или не послушался меня. Я же, кажется, говорил,
что не та машина...

Ильин внезапно ушёл в себя. Видно было, как он
что-то мучительно обдумывает — сражение мыслей
буквально отражалось на смуглом лице, подёргиванием
мышц, нервным тиком глаз...

— Думаю, что это ничего бы не изменило, —
наконец вынес он свой приговор. — Я бы всё равно
стрелял. По этой ли, по другой машине, но стрелял бы. И об
этом тоже думал. Благо времени было вдоволь. Пока мама
не умерла.

Глаза Ильина на миг увлажнились. Но уже в
следующую секунду вновь искрились праведным огнём,
снедавшим его и поныне.

— Я и сейчас считаю, что граждане должны иметь право на террор против неправового государства. А не только голосовать. Особенно сейчас, когда им головы задуривают почище, чем в годы моей юности. И выбора давно уж не осталось. А так был бы страх возмездия. Глядишь, кто-то и поостерёгся бы идти во власть. Опасаясь не справиться со своими дурными наклонностями и возможностью ответа за это. Причём, ответа без долгих проволочек. И неотвратимого, что самое главное.

— Ну и как вы себе это представляете? При существующем репрессивном аппарате, заточенном исключительно на защиту интересов власть имущих?

— Да так и представляю: упразднить все эти дивизии, выкормленные против народа, оставить государству только розыскные функции по уголовным делам, все политические статьи — на помойку. Никакой идеологии правящей партии.

— Да, да, я помню ваше предложение: «Каждый член общества имеет право на террористический акт в случае, если партия и правительство ведут политику, не соответствующую Конституции». Но ведь так недолго и до анархии...

— Не будет никакой анархии. Когда за нарушение конституции или иных законов будет один приговор — смерть.

— Так ведь так у нас народ ополовинится. За год или за два...

— Да и ради бога. Зато оставшаяся часть будет законопослушной. И требовательной по части соблюдения законов другими. Это и будет новая общность, а не тот жалкий советский сброд, что попробовал свободу на вкус, да и выплюнул, предпочтя кнут, даже без пряника. Боюсь только...

Ильин не закончил фразу. Его прервал звонок в дверь. Настойчивый, требовательный, но при этом звенящий каким-то фальцетом.

— Кого это принесло?

На лице хозяина квартиры читалось неподдельное удивление. Тут и один-то визитёр редкость, а чтоб сразу два...

Он поднялся, и словно в замедленной съёмке прошёл к двери. Эта походка, шаркающая, неторопливая, решил Игорь, — следствие многолетнего приёма транквилизаторов или чем там психов потчуют. Чтоб не дёргались. И не могли оказать сопротивления. Прямо как со всем народом с помощью телевизора. Так что идеи Ильина, с которыми он пытался достучаться до власти ещё с больничной койки, были в какой-то степени созвучны с мыслями Гребнева.

— Виктор Иванович? — донеслось от двери, которую Ильин в радушном порыве распахнул во всю ширь.

— Да, а в чём собств...

Ильин не договорил. Его голос оборвал хлопок, один, затем второй. Негромкие такие хлопки, даже до аплодисментов не дотягивающие. Однако вслед за ними послышался шум падающего тела. И Гребнев, ещё ничего не сообразив, на инстинктах, откинулся на кровати навзничь, рискуя пробить головой стену. Или наоборот.

Однако обошлось. И на пороге комнаты никто не возник — ни вышедший в коридор Ильин, ни тот, кто пришёл его убить. В чём Гребнев, вжимаясь спиной в пружины кровати через продавленный матрас, ничуть не сомневался.

5

В том, что Ильин мёртв, не могло быть никаких сомнений. На груди расплылось кровавое пятно, окончательно испортив линялый свитер неопишемого цвета. А во лбу — звезда. Уже не алая, но вполне себе яркая. Со слегка обугленными краями. Видать, убийца сделал контрольный выстрел почти в упор. Потому и упало

тело только после второго хлопка. Хотя странно всё это. Первый выстрел должен был отбросить Ильина, а получалось, что он подался вперёд. Ну да это пусть потом эксперты разбираются. Если будет следствие. В чём Гребнев сомневался. Как только установят личность убитого, так следствие и закончится. И никто не станет искать убийцу. Что ничуть не означает, что в квартире покойника можно задерживаться.

Переступив через тело, Игорь на всякий случай мысленно прошёлся по квартире. Но, кажется, ни за что он не брался, ни к чему не притрагивался, двери не открывал, стулья не двигал. А лифтом пользоваться всё равно нельзя — а ну как застрянет.

Он легко сбежал по ступеням, непроизвольно огляделся, выходя из подъезда — ну не было здесь парадной, пусть хоть трижды будет это Питер, с его поребриками и шавермой, обычный провинциальный подъезд, убогий и обшарпанный. Взглядом поискал подозрительные фигуры — кто-то же стрелял в Ильина, и далеко уйти ещё не мог. Но поблизости были только мамышки с колясками. Хотя всю дорогу до вокзала он и ощущал затылком чей-то взгляд. А в кафе, где Гребнев решил перекусить перед дорогой, вообще мелькнула какая-то неясная тень. Которую он вроде как видел раньше. Едва ли не утром. Паранойя хоть и пыталась его укусить, однако Игорь увернулся. Или отмахнулся от видений.

Ночью в поезде Гребнев спал без сновидений. И даже отдохнувшим себя почувствовал за утренней чашкой кофе, заботливо приготовленном проводником с помощью кофе-машины. И это после всего пережитого!

Не часто ему приходилось перешагивать через трупы. В далёком прошлом. Ныне же, в юбилейном для него году случается такое с подозрительной регулярностью. Однако в смертях, свидетелем которых он был, а то и вовсе способствовал, как то Песцову Вениамину Сергеевичу по кличке Пёс, Гребнев не усматривал связи с собой. Ну, было,

ну случилось. Но к нему это каким боком? Вон и Ильина порешили, хотя Игорь с ним вообще несколько минут провёл всего, вот и вся связь. Кому-то даже после многих лет в психушке Ильин мешал. Поэтому его и убрали. А может уже сейчас успел накосячить. За что и поплатился. По нынешним временам, пусть это и не лихие девяностые, а ещё более мерзкие двадцатые, иного, правда, столетия, и не такое могло случиться. Если было за что. Ну, по разумению тех, кто велел пальнуть в Ильина. С непременным контрольным в голову.

Гребнев постарался выбросить из головы свой незадавшийся визит к Ильину. Хотя и новую информацию он подбросил. Которую ещё нужно было осмыслить. Но информации были крохи. Зато трупов — много. Игорь и сам едва не записался в покойники, пусть и по причине болезни. Хотя в целом-то он не при делах по части возросшей вокруг него смертности.

Переворачивая страницу со смертью Ильина, Гребнев переключился на другие мысли. О том, к примеру, что Псу, то бишь гражданину Песцову, больше подошло бы погоняло Песец. Или ещё менее благозвучное, матерное. Тем более что так оно и вышло, пришёл этот самый зверёк. И к самому псу, и, что куда более обидно, к оперу, спасшему Игоря от такой участи. Однако у Гребнева, пусть и давно не вспоминалось его личное, совсем соответствующее внешности и фамилии прозвище Грек, не было претензий к мелким нестыковкам. Как и не было видимых связей между прозвищами, погонялами и смертями вокруг него. Была какая-то червоточина, чертовщинка, но пока Игорь не видел, откуда она растёт и к чему ведёт.

Прямиком с вокзала, не заходя в свой департамент, он забросил портфель и папки в кабинет Наталии, благо в это время ещё никого в министерстве не было. И отправился приводить себя в порядок.

В зеркале туалета, облицованного мрамором, Гребнев увидел запавшие глаза, складку меж бровей, появившуюся, видать, только сейчас. Но гордый римский профиль от этого не пострадал. Наоборот, стал только жёстче.

Избавившись от щетины бритвой, прокатившейся до Питера и обратно, он вернулся на рабочее место и погрузился в пучины интернета. Для начала — питерские новости. Но о смерти Ильина в них не было ни слова. Ещё не обнаружили? А ведь дверь в квартиру оставалась открыта, любой мог найти тело. Ну, при условии, что приехал на восьмой этаж не просто прокатиться, а в соседнюю квартиру. И тогда мимо жилища Ильина было бы не пройти. Но на последнем этаже могло и не быть жильцов, спящих туда-сюда. Ведь Ильин приходу гостей удивился. Значит, соседей у него могло и не быть. Таких, чтоб ежедневно ходить мимо. Тем более — принимать гостей.

Гребнев презрительно покосился на кипу бумаг на столе. Копились они с момента его болезни, но, судя по всему, никто о том не переживал. И нужды в решениях, изложенных в бумагах, проблем не испытывал. Как там в далёкие годы проклятого царского режима говорили: хорошая бумага должна вылежаться? Так что полежат ещё. Есть и более важные дела. Пусть и без Ильина, который не столько пролил свет на свою неудачу, сколько оставил ещё больше вопросов. Для Игоря. Которому задавать их теперь некому. Только себе.

И Гребнев вновь погрузился в поисковые дебри.

Оборотни в погонах. С каждым годом их всё больше. Потому что и спецслужбы множатся, пополняя свои ряды? Вот только силы правопорядка давно уже не имеют ничего общего с порядком и тем более — с правом. Они, скорее, силы системоохранения. А система давно зиждется на лжи. С самого верха. Коль врать могут там, то

внизу — сам бог велел брать пример. И врать, а ещё красть и убивать.

Они и убивали. Как Олег Тен. Пусть и не в чистом виде полицейский — служил он в Управлении вневедомственной охраны ГУВД Санкт-Петербурга, поэтому первое время оставался вне подозрений. Примерный семьянин, юрист с высшим образованием, воспитывал трёх детей. Но...

Как всегда, дьявол кроется в деталях. Дьяволом-искусителем Тена было казино. Там он мог спустить все деньги за один присест. И в июле 2005 года после очередного проигрыша он решил ограбить прохожую. Свою жертву, 24-летнюю работницу счётной палаты Ленобласти, дочь генерала железнодорожных войск, он подкараулил возле подъезда на Дунайской улице. Зашел с ней в лифт и, угрожая ножом, заставил подняться на чердак. Девушка пыталась отбиваться, но Тен перерезал ей горло разбитой бутылкой, после чего забрал все ценные вещи, а тело изуродовал, вырезав молочные железы и один глаз и забрав их с собой.

Олег охранял банк и параллельно работал в такси. Свое второе преступление он совершил уже в декабре 2005 года. Жертвой стала 21-летняя попутчица Татьяна, которая голосовала на дороге. Через несколько минут он завёз её в глухое место, где исполосовал ножом и ограбил. Тело Татьяны нашли лишь через три месяца. Его задерживали коллеги. Но он показал своё служебное удостоверение и был отпущен.

Попался Олег Тен только в 2006 году. Показания против него дал другой таксист, который заметил кровь в машине. А сам он пытался продать телефон жертвы, на чём и погорел, получив пожизненный срок. Но, сидя в колонии на Ямале, он неожиданно признался в третьем убийстве. Оказалось, что самое первое преступление он совершил ещё в августе 2004 года, задушив в своей машине попутчицу, после чего перерезал горло и отрезал грудь,

тело выбросил и избавился от ножа. Уголовное дело 15 лет считалось нераскрытым...

Но самый известный питерский маньяк в погонах — Павел Шувалов. Из обеспеченной ленинградской семьи, он в детстве был болезненным и необщительным, но жестокости не проявлял. Юношей пошёл служить в милицию, осел в УВД метрополитена на станциях «Елизаровская», «Ломоносовская», «Пролетарская», «Обухово». На своих четырёх жертвах, которых он заманил в Невский лесопарк и убил, Шувалов рвал и резал колготки. Эта деталь пришла из детства — в 12 лет сверстники поглумились над Павлом, разрезав его колготки.

В октябре 1991 года в Черной речке Невского лесопарка Ленинграда обнаружили тело 12-летней девочки. Следствие посчитало смерть несчастным случаем, но через год в том же месте нашли изувеченный труп 13-летней воспитанницы детдома Ольги Васильевой. Повторение преступления явно указывало, что в городе завелся маньяк.

За три года в Невском лесопарке нашли тела пяти девочек и молодой женщины. Все жертвы были изнасилованы, убиты ножом, на всех — разрезанные колготки. Оперативники быстро поняли: преступления совершает один человек, но вычислить его удалось лишь в 1995-м.

На Шувалова вышли благодаря косвенным уликам. Очевидцы обратили внимание, что дети пропадали после общения с милиционером. В отделе полиции, куда Шувалов был вызван на допрос, он, испугавшись, во всём признался.

В последнем слове на суде серийный убийца сказал фразу, которую напечатали все газеты. Она про то, что советский милиционер маньяком быть не может, и добавил: «Этот приговор не мне, а всей системе МВД». Тогда он действительно был первым маньяком в погонах.

Увязнув в поиске улик, которые могли бы изобличить его знакомого Якушева, ненароком продемонстрировавшего набор женских деталей интимного

туалета, Гребнев едва не пропустил начало планёрки. Но в приёмной министра, в которую выходили и кабинеты двух его замов, оказалось многолюдно. И совсем не из-за министерских чинов.

Была бы на месте Ольга, она бы просветила, что происходит. Но болезнь у его несостоявшейся любви зашла слишком далеко, и обошлась с ней совсем не так лояльно, как с Игорем. Ольгу увезли в наспех созданный ковидный центр, куда свозили всех больных. Так что добраться до неё было невозможно.

Надо бы хотя бы позвонить ей, если связь есть, мимолётно подумал Гребнев, пытаюсь понять происходящее. Хотя и понимать особо было нечего.

Приёмная министра была переполнена системоохранителями. Теми самыми, о которых он только что читал. Как там было у кого-то из классиков? Военные и священники бросаются в глаза как проститутки. Эти таковыми и были. Но кто они, откуда, за кем пришли было непонятно. Хотя и не возникало сомнений, что случилось нечто из ряда вон. Неужто самый непотопляемый министр пошёл ко дну?

Однако мгновением позже, когда распахнулась непроницаемая не только для глаз, но и звуков дверь в кабинет Благоевой, всё встало на свои места. Ну, или приблизилось к ним.

Задом из кабинета выкатился юноша, прильнувший к окуляру видеокамеры, довольно компактной, и в то же время профессиональной. В его объективе была шагающая следом сама Наталия, по бокам которой двое дюжих молодцов выглядели как эскортники, только мужского рода. Они и были эскортом. Но в ином его понимании.

Конвой.

Бледная, даже вроде как сбросившая несколько кило Наталия гневно сверкала глазами, понимая, что её позор сейчас наблюдает всё министерство. Ну как всё, высшие его круги.

Министр был у неё за спиной, там же несколько человек из ближайших кабинетов. И остальные, заполнившие приёмную министра, ожидавшие приглашения к планёрке.

Внезапно Благоева, заметив Игоря, вскинула руку:

— Не моё это! Это всё он!

— Кто?

Из-за спины Наталии выскочил мелкий мужичонка в распахнутом пиджаке, с болтающимся в районе пупка подобием галстука. Сальная тряпица, не сберёгшая в житейских передрягах изначальный рисунок, хранила память о многих обильных возлияниях и сытных обедах. Круглое и розоватое от возбуждения личико, было увенчано пучком висячих усов над мясистыми губами и плешью, начинавшейся с затылка. Маслянистые глазки в узких щёлках глазниц быстро пробежались по собравшимся. И безошибочно остановились на Гребневе.

— Пройдёмте!

— Куда? — не понял Игорь: вокруг толпа, а ему предлагают пройти.

— А вот сюда и пройдите, — мелкий, едва ли по плечо Гребневу охранитель режима или кем он там был, указал на освобождаемый Наталией кабинет, в котором ещё оставались какие-то люди.

6

Допрос как начался наскоком, так и закончился — внезапно. Почти сразу после того, как смыв с рук Гребнева — ватная палочка осталась бесцветной в лучах ультрафиолета — показал, что к денежным знакам, вываленным из доставленного им портфельчика на стол Благоевой, то ли арестованной, то ли задержанной, он не прикасался.

— Напрасный труд, — прокомментировал работу коллеги, старательно продолжавшего водить по ладоням Гребнева ватной палочкой, кто-то из экспертов. —

«Катапульта» срабатывает только раз, и она сработала. Не только руки, но и лицо у дамочки всё в прыщах, созрела, значит...

— В каких прыщах? Какой дамочки? — вопросы Гребнева повисли в воздухе. Но он и сам понял. Тем более что никто и не собирался ему отвечать. До той самой поры, пока в кабинет не вплыла какая-то смутно знакомая тень...

Лицо было нарочито незапоминающееся. Если бы не стресс из-за смерти Ильина, Гребнев его бы и не запомнил. А так память подстегнуло убийство человека, к которому он добирался всю свою жизнь, но так и не преуспел.

Игорь вспомнил, где видел этого человека — в бейсболке, в короткой курточке, с «зенитовским» шарфом вокруг шеи.

В кафе, где ужинал перед возвращением в столицу. А до того — где-то они пересеклись утром. Где, Игорь не помнил. Но хорошо запомнил шарф и бейсболку. И теперь эта тень, следовавшая за ним по пятам в северной столице, могла стать палочкой-выручалочкой, подтвердив его алиби. Или, наоборот, опровергнув его по части смерти Ильина. Хотя никакого алиби у Игоря и не было.

Вошедший кивнул допрашивавшему Гребнева коротышке, явно заскучавшему после того, как выяснилось, что притянуть его к деньгам не удастся. Игорь честно всё рассказал, а что уж там наплела Благоева... Это уже не имело значения. Неведомая «Катапульта» выстрелила. И на руках и лице Наталии остались несмываемые доказательства её причастности к хищению.

Что за «Катапульта», Игорь не задумывался. Принял как данность. Видать, то было некое устройство в портфельчике, стреляющее несмываемой краской. Быть может и не заметной без ультрафиолета, но выдающей преступника при детальном осмотре. Так что Благоева сама себя изобличила.

В том, что мадам крысятничает, Гребнев давно не сомневался. Не знал масштабов, это да, а так — не

сомневался. Ведь откуда-то же брались деньги на всевозможные возлияния, одним только её доступом к закромам министерства это не покрыть. Однако же размах воровства, украденные суммы оказались таковы, что, как он понял, к разоблачению подключилась ФСБ. Так что, по самому большому счёту, перевести на него стрелки никак не получится. Особенно если операция была спланирована, и шла под контролем. Который только подтверждал, что Гребнев ни при чём. Нервы, конечно, потреплют, да и у министра он окажется на заметке. Ну так он и без того в доверенных лицах не значился. Так что о перспективах роста он даже не задумывался. Да ещё и в таком возрасте. Зато теперь, считай, вне подозрений. Особенно если и в Питере отправители денег дали нужные показания. Поэтому Игорь, подписав протокол, получил полную свободу. Ещё и от службы — министр объявил не то чтоб выходной, но дал добро всем, у кого нет срочных дел, отправляться по домам. После такого позора министерства, в стенах которого произошло немыслимое — арест!

Гребнев, получив вольную, подумал, что неплохо было бы выяснить состояние болеющей Кати. Хотя у него теперь и была Марина. Но молодость Катюши его влекла пуще доступности и надёжности соседки. Да и было у него с соседкой всего только раз, в день рождения. Марина хоть и заходила к нему, однако дальше беседы на кухне дело больше не заходило. Он не проявлял инициативы, а она — не давала повода, намекая на усталость.

Но, вернувшись в кабинет, Игорь остановил взгляд на работающем компьютере. Поиск был запущен и продолжался. Хотя в выдаче уже было несколько тысяч страниц, читать — не перечитать.

Гребнев пробежал первые строки. Они ничуть не приближали его к разгадке тайны чемоданчика Якушева. Но заставили надолго прикипеть к монитору.

Кровавый наследник Чикатило, педофил и серийный маньяк Евгений Литовченко, промышлявший в Питере и

окрестностях, был задержан только в апреле 2014 года, буквально вчера по меркам поиска Игоря. В ходе следствия была доказана причастность Литовченко к нескольким преступлениям, оставлявшего свой кровавый след годами.

В 2014 году он изнасиловал 14-летнюю девочку в районе деревни Городище Кировского района Ленобласти. А до того, в 2010 году изнасиловал двух девочек 8 и 9 лет в поселке Невская Дубровка, изнасиловал и убил 28-летнюю женщину в садоводстве «Дружба» Всеволожского района Ленобласти. В конце 2011 года педофил убил 6-летнего Пашу Костюнина — следствие насчитало не менее десяти аналогичных преступлений. И надо же было такому случиться, что последнее убийство, на котором Литовченко и попался, стало и его шансом на побег от правосудия.

6 июня 2014 года во время следственного эксперимента в лесном массиве Кировского района Ленобласти Литовченко, у которого были скованы руки, лягнул конвоира, сбросил казённые сапоги и рванул босиком по болотистой местности. Один из оперов бросился за ним, однако оступился и сломал ногу. Понимая, что подконвойный уходит, он выстрелил несколько раз. Бац-бац — и мимо. Промажнулся. Это не кино оказалось, где хорошие парни всегда попадают. А может, конвойный был не совсем хороший. Как человек...

Сбежав из-под стражи, маньяк перебрался на Украину и совершил там ещё одно изнасилование и убийство. Его жертвой стала дочь бойца «Беркута» Алина Тимошук. Её обнажённое тело со следами насилия обнаружили в лесополосе близ села Вита Поштова. Подозреваемого задержали на следующий день, 4 июля. Маньяк попался из-за своей жадности: позвонил по телефону убитой и не выбросил её украшения.

МВД России просило Украину выдать сбежавшего убийцу и насильника, однако веры в российское правосудие, однажды уже упустившего преступника, не

было, и 17 октября 2014 года суд вынес приговор — пожизненное заключение.

Эта информация ничего не добавляла в копилку Игоря, но заставила его сделать неутешительный вывод. Питер, как любой большой город, притягивал преступников, буквально манил открывающимися перспективами — преступить закон и затеряться в людской массе, избежать наказания. Но в отличие от обычных, пусть и больших городов, тут пахло ещё и уголовным шиком. Столица ж. Пусть всего лишь и северная. Так что смотрите каков я, сам чёрт мне не брат. Отсюда и приток в город серийных и прочих убийц.

Их набиралось изрядное количество. «Маньяк из Невского лесопарка» Павел Шувалов, Андрей Сибиряков по кличке «Контролёр» — представлялся контролёром Ленэнерго, Ильшат Кузиков, который, по версии следствия, убил, расчленил и съел не менее 12 человек. Не обошлось и без слабого, но временами подлого пола. Жительница Санкт-Петербурга Тамара Самсонова получила известность в июле 2015 года после ареста по подозрению в совершении серии убийств с особой жестокостью. Она сдавала комнату, потом усыпляла жильцов, убивала и расчленяла. В печати её прозвали «Купчинская старушка-потрошительница» и «Баба-Яга». Ведь на момент совершения преступления ей было 70 лет. Признанная невменяемой, она находится в изоляции в специализированной психиатрической больнице на Арсенальной набережной.

Бабульку, которая оказалась совсем не одуванчиком, а скорее, если и дальше говорить растительными определениями, росянкой или венериной мухоловкой, буквально пожирающей своих жертв, Гребнев выделил по причине близкого соседства с Ильиным. Ныне уже покойным. Да и биография её по части «дурки» проводила параллель. Но никак не выводила на Якушева!

Может, ничего такого и не было, и он просто напридумывал себе, напраслину возводит на питерского

паренька, выбивающегося в люди? Жизнь трудное, зарплата у Якова — кот наплакал. Мог и приторговывать белишском. Которое, кстати, в дефиците. Что в годы Якушева, что даже сейчас, вроде как при всеобщем изобилии. Но женщины всегда будут хотеть лучшего. Или запретного, со времён первородного греха.

Гребнев уже собрался было идти, но ещё задержался, завис, хотя преступник был из Москвы. И наследил куда позже, чем был временной отрезок, намеченный Игорем.

В 1974–1977 годах в столице орудовал маньяк, на шумевший преступлением на Таганской площади. 8 октября 1974 года он в течение 55 минут напал с ножом на трёх женщин, две из которых погибли. Это зацепило Гребнева прежде всего потому, что подтверждало его теорию о желании преступников заявить о себе. Ведь преступник, как он признался после ареста, хотел прославиться дерзостью. И после первой своей выходки он продолжал нападать на женщин, грабил и убивал их. Три года разгонялась, вращалась кровавая карусель, до конца 1977-го. Убийцу выдала наглость, он стал заносчив, самонадеян. Одно из преступлений он совершил буквально в нескольких метрах от РУВД, в другом случае возле — своей работы, при этом оставив много свидетелей. Внезапно появившиеся прохожие, правда, прошли мимо, позволив закончить задуманное. Ведь убийца вроде как пытался помочь пьяной женщине, хотя на самом деле она была им оглушена. И всё же множество свидетельств и улики привели следствие к 22-летнему Андрею Евсееву, работнику железной дороги. Он почти избежал правосудия, так как обыск в его доме был произведён небрежно — следователи не заглянули в муку и крупы, где Евсеев хранил украшения жертв, что однозначно связывало его с убийствами. Маньяк попался из-за бесед с сокамерниками, в которых, похваляясь, обмолвился, что улики-то как раз в муке. Евсеева признали виновным в 32 убийствах и

грабежах, сопряжённых с покушением на убийство, и расстреляли.

Но не в этом была важность последней информации. Против серийной преступности часто «боролась» серийная глупость правоохранителей, ведомых партией. Ведь вождям важно было не благополучие и спокойная жизнь граждан, а красивые отчёты о борьбе с проявлениями не советского образа жизни. Если партия позволяла себе очковтирательством в строительстве светлого будущего, возведением «потёмкинских деревень», то и правоохранители особым рвением не страдали. Даже получив нагоняй. Ведь и после этого бал правило равнодушие, а не поиск истины и справедливости. Обвинить невиновных ради отчёта о победах было куда проще, чем найти истинного преступника. Особенно когда некомпетентность самих органов — лучшие ушли, а оставшимся было и так хорошо — стала едва ли не нормой. Даже в ходе расследования преступлений Чикатило весь этот букет цвёл пышным цветом. И никаких выводов никто не сделал. Разве что только хуже стало...

За доказательствами далеко ходить не пришлось. Ещё один запрос — и вот они, оборотни в погонах. Опять питерские. Хотя и других немало. Ещё Павел Шувалов на суде заявил: приговор мне — это приговор всей системе правоохранительных органов.

Всей или не всей, но в мае 2013 года питерские газеты захлёбывались от репортажей о «чёрных риелторах в погонах». Операция по задержанию «оборотней» прошла в 37-м отделе полиции Петербурга. Бойцы СОБР задержали пятерых сотрудников отдела по подозрению в участии в преступной группировке, в том числе начальника районного отдела уголовного розыска и начальника 37 отдела полиции. Это вам не одинокий уполномоченный Якушев...

— Яков, а ты почему в армии не служил?

Отряхивая московский снег с полей своей шляпы на перрон питерской, ой, ленинградской платформы, с места в карьер начал Гребнев, едва выйдя из электрички и тут же ввалившись в комнату милиции.

Якушев, что-то евший из алюминиевого армейского котелка едва не подавился. Еда, судя по запаху, была так себе. Своими ароматами она не провоцировала аппетит, скорее, наоборот. Хотя Игорь и был голоден — не ел с самого утра. Его вопрос одновременно с внезапным появлением выбили опору из молодого милиционера, ещё не привыкшего понукать гражданами. К тому же было ещё нечто, что Гребнев заметил не сразу. И это была не «Правда» в руках милиционера, читавшего за ужином.

«С именем великого Сталина — к новым победам». Это бросалось в глаза сразу. Не аршинные, конечно, буквы, но передовица была выделена недвусмысленно. Была видна и четвёртая полоса, с таким же, на всю страницу заголовком — «Пятая сессия Генеральной Ассамблеи ООН». Рядом — помельче «События в Корее». Это мало о чём говорило Гребневу, мало ли что случалось в Корее. А уж когда там была эта сессия... Однако Игорь и дату сумел рассмотреть. 13 декабря 1950 года. Чуть ниже — номер. № 347 (11819). Хотя хватило и даты.

Год не то чтоб совсем голодный. Но и далеко не благополучный. Особенно для Якушева с его зарплатой после денежной реформы 1947 года. Цель которой была вроде как благой — избавиться от карточной системы. При этом каждые 10 старых рублей обменивали на один новый рубль. Но цены не снизились в 10 раз — многие товары если и подешевели, то немного и после предварительного повешения цен.

Гребнев, переживший три таких реформы — в 1961 он мало что понимал по причине более чем юного возраста, знал, что это нормальная практика конфискации доходов трудящихся. Какими бы пышными фразами о благополучии

народа эти реформы и обмены денег не прикрывались. Цены отпускались в свободное плавание, цепь, на которой сидели зарплаты, делалась короче, к ногам — камень в виде новых налогов и стоимости ЖКХ. А так — плыви, не хочу.

Яков после реформы 1947-го получал от силы 450 рублей.

На столе же, под тенью от «Правды», в которой было много пропаганды и мало той самой правды, стояла бутылка «Московской» и две бутылки «Жигулёвского». Игорь его на дух не выносил, хотя мог себе изредка позволить себе действительно хорошего пивка. На краю стола, на тарелке жемчугом на фоне золотистой буханки пшеничного хлеба отливал брусок масла, килограмма на полтора. Поодаль стояли упаковки круп, без маркировки и рекламных этикеток, но вполне угадывающиеся за серой бумагой. Ну, возможно, не круп, а сахара. Что не делало кульки дешевле.

Только водка и масло тянули на половину зарплаты Якушева. А с учётом того, что в его котелке было нечто мясное, пусть и бездарно приготовленное, выходило, что Яков живёт довольно неплохо. Но явно не по средствам. Ещё и «полирует» пивком, дефицит которого придётся на куда более поздние годы...

Но и это было ещё не всё.

Обведя взглядом комнату, Игорь оценил окно. Точнее, форточку, вокруг которой было самодельное сооружение, аналог доступного Гребневу холодильника. Якушевский работал только зимой. За счёт мороза за окном. Над которым из арматуры и досечек был сооружён шкафчик. В котором Гребнев уже не впервые отмечал наличие неких запасов, подлежащих особому хранению. При низких температурах. И если прежде он не придавал этому значения, то сейчас пригляделся и увидел то, что, по идее, было вряд ли доступно рядовому милиционеру.

В ворохе серой обёрточной бумаги и газетных страниц, для надёжности урытых ещё и холстиной, угадывались очертания приличных размеров окорока.

Пришёл черёд Гребнева онеметь от своих открытий. Хотя Якушев так и не подал ещё голоса. Но ложку своего варева всё же проглотил и вытер сально блеснувшие губы тыльной стороной ладони.

— Так... — протянул Игорь. — И откуда же такие богатства?

— Ты всё не так понял, — откладывая «Правду» и накрывая ею свой стол с припасами, встал в защитную позу Яков.

— Да мне и понимать нечего. Это всё твоё. И дело тоже твоё — как жить. Я тебе не отец, и даже не наставник.

Гребнев уже повернулся чтобы выйти, но задержался:

— Ну так почему ты в армии не служил?

Якушев судорожно сглотнул.

— Так это ж... Я ж рассказывал... Про Мишку, Ростика...

— Это который ослеп? — Гребневу не пришлось даже память напрягать. Это для Якушева прошёл год, если не больше. У Игоря всё уложилось в несколько дней, и он не успел позабыть.

— Ну, — нехотя подтвердил Яков.

— И что? Что это объясняет?

— Мишка ослеп. Но и меня зацепило. Так что в армию меня не взяли. По здоровью. Но в милицию приняли. Да и идти мне было больше некуда...

Ну, вот и развязка близится. В правоохранители не совсем здоровый мальчишка пришёл не по призванию, а по невозможности устроиться в жизни иначе. Так что вполне мог и не ориентироваться на высокие принципы. И взятки мог брать, а то и вовсе оборотнем мог оказаться. Хоть и в погонах.

— И куда тебя? — что-то прокрутив в уме, решил уточнить Гребнев.

Даже в тусклом свете лампы над столом стало видно, как залился краской не сильно повзрослевший с их первой встречи мальчишка. Он ещё ничего не ответил, а Игорь уже примерно знал, что за ранение не позволило Якову служить в армии. Зато вполне могло способствовать развитию дурных наклонностей. Которые однозначно могли привести к тому, что содержимое чемоданчика, замеченное Гребнев, было не совсем плодом нелегальной торговли под милицейской ширмой. В эти годы, как помнил Игорь из кучи документов, что он просмотрел уже из своего времени, чтобы выжить, милиционеры и подсобным хозяйством обзаводились, и иные способы добычи пропитания использовали. Так что обвинять в том, что Якушев скатился по наклонной, если он даже до убийства дошёл, а всё выглядело именно так, нужно не Якова, а опять всю систему. Как в случае с более поздними маньяками. Хотя это их и не оправдывало. Как и Якова.

Гребнев решительно толкнул входную дверь. Прочь. Прочь отсюда. Он уже ничего не изменит. И даже Ильин, пройдя через всё, что ему было суждено, уже мёртв. Так что нет более смысла толкаться в межвременье. В своём времени порядок надо навести. На что времени, как понимал Игорь, у него тоже не осталось.

— Постой, ты не так всё понял! — повторившись, крикнул ему вдогон Якушев. То ли не найдя новых слов, то ли действительно решив, что Гребнев понял его не так. Но Игорь уже вывалился в сумрак ночи, едва рассеиваемый фонарём над входом в дежурку станционного смотрителя.

Но выйти из рваного круга света Гребнев не успел.

С двух сторон его крепко ухватили за руки, и он даже не попытался вырваться. Потому как его озарило.

Смерть приходила за ним. И только по случайности вокруг него гибли другие.

Почему так, он не знал. Но понимал, что всё именно так. И понимал, что так было до этого. А теперь пришёл и его черёд.

8

Электричка, на которой Гребнев прибыл в прошлое, лязгнула сцепками. Время, отведённое на остановку с посадкой и высадкой пассажиров, вышло. Подбирая вагоны, вытягивая состав в сплошную линию, без зазоров, сошлись буфера. Это ещё не начало движения — колёса-то почти не сдвинулись с места, так, дрогнули только. Но это уже предвестник того, что скоро они застучат на стыках — та-дам, та-дам...

И от этого Игорь внезапно пришёл в себя, вывалился из оцепенения. Вместо отупляющей беспомощности его окатила волна покоя. С головы до ног окатила, благодатно растекаясь по нервным волокнам, всего лишь пощипывая тело на их кончиках. Хотя он должен был дрожать за своё будущее. Которое почти определено. С таким-то эскортом...

Но страх и трепет остались где-то там, за спиной, где хлопнула, отрезая Якушева от внешнего мира, дверь его каморки. Наполненной товарами, которые он никак не мог купить на свою зарплату. А значит, им больше не по пути. Первое подозрение пусть и не нашло пока подтверждения, но вылилось в полный разрыв отношений. Однако и не это было главным в происходящем. Происходящем здесь и сейчас. Но за полвека до благодатной волны, окатившей Игоря, американский психолог Мартин Селигман обнаружил её истоки, сделав вывод: чувство беспомощности развивается, когда невозможно контролировать или влиять на неприятные события.

Лязг сцепки вернул Гребневу способность если не контролировать ситуацию, то возможность влиять на неё. Насколько сильно, зависело только от него. Ну и ещё от случайностей, которые всегда идут по жизни рядом.

По большому счёту Селигман не выдумал ничего нового. Он проводил эксперимент над собаками по схеме условного рефлекса Павлова. Но если у российского учёного животные по звонку получали мясо, то у американского — удар током. Вот где для скрепышей раздолье должно быть: русский академик с колбасой, американец, как и положено, — с дубинкой, пусть и электрической. Да ещё и привязаны у него псы были — чтоб не сбежали. Не то что собаки Павлова, гуляй — не хочу. Да и какой пёс сбежит от дармовой жратвы...

Селигман же был уверен, что, когда животных, битых током по сигналу, переведут в вольер с низкой перегородкой, они будут сбегать, как только услышат то самый сигнал. Но в новой клетке собаки сидели на полу и скулили. Ни один пес не перепрыгнул легчайшее препятствие — даже не попытался. Однако, когда в те же условия поместили собаку, которая не участвовала в эксперименте, она с легкостью сбежала.

С людьми та же петрушка: если человек систематически терпит поражение, несмотря на все усилия, попадает в трудные ситуации, в которых его действия ни на что не влияют или где постоянно меняются правила и любое движение может привести к наказанию, у него атрофируется воля и желание вообще что-то делать. Приходит апатия, а за ней — депрессия. И человек сдаётся. Как в детском фильме, где Марья Искусница из твердила: «Что воля, что неволя — всё равно». Синдром выученной беспомощности, научным языком говоря.

Гребнев за свою жизнь не раз оказывался в подобных обстоятельствах. И мог бы уже давно смириться. Опустить руки. Ну или не перепрыгнуть даже через низенький заборчик.

Но всякий раз, в самый последний порой момент он находил в себе силы сделать хоть что-нибудь. Сделать, чтоб не сдаться. Помня о том, как однажды сдался в простейшей ситуации — остановился, вышел из строя на марш-броске. И

больше не смог вернуться в колонну, которая ушла далеко вперёд всего за несколько секунд его остановки.

Сейчас у него в запасе опять было всего несколько секунд. А то и меньше.

Игорь скосил взгляд. Влево, потом вправо.

Два крепыша, одинаковых с лица. Но только на первый, самый невзыскательный взгляд. Потому что оба в одинаковых коричневых твидовых или из чего они там пальто. Тяжёлые такие пальто, с большими отложными воротниками. И куда длиннее, чем у Игоря. Оба в шапках, каракуль — не каракуль, Гребнев в таких вещах не разбирался. У него была ондатровая, надеваемая в самый лютый холод. Много раньше — пыжиковая. Ну а допрежь того — чёрная флотская. Не вспоминать же детские, с ушами-завязками.

Из-под шапок крепышей выбивались пряди волос. Белых у державшего Игоря слева, и каких-то мутно-бесцветных у правого сопровождающего. Сходство же в лицах было в том, что они были... плоскими. Как в синематографе начала XX века. Когда плёнка не передавала не только полутонов, но и самих теней. В общем, два близнеца. От разных матерей, но всё ж.

Но это всё лирика. А часики тикают.

Что можно сделать за пару секунд? Вырваться и наброситься с кулаками на двух дюжих лбов, откормленных даже в это голодное время и натасканных на то, чтоб ломать людей? В том числе и не таких, как Гребнев, а куда более крепких.

Несмотря на то, что Игорь был весь как натянутая струна, голос его был не просто ровным. Убаюкивающим своим спокойствием.

— Парни, — ни к кому конкретно не обращаясь, разлепил губы Гребнев, — понимаю, что вы при исполнении. Именно поэтому и не хочу доставлять вам проблем. Или неприятностей. В зависимости от того, как посмотреть. Потому как я и сам вроде при делах. Так что давайте не

нарываться. Оружия у меня нет, можете обыскать. А я вам покажу своё удостоверение. В отличие от вас, у меня оно есть.

— Шо? Антон, ты чув? Шо то он такэ кажэ? Мы ему представиться забыли? Хто он такой? При делах типа ... И даже с ксивой, — с неистребимым полтавским акцентом правый эскортник сделал шаг вперёд, заглядывая Гребневу в лицо, но обращаясь к напарнику.

— Меньше болтай, Поносенко, лучше проверь карманы, — тот, кого называли Антоном, мотнул головой, отдавая приказ.

— И скоко раз казать, Опанасенко я, — обиженно загундосил полтавский. — Дед у меня был, Панасом звали, Афанасий по-вашему. Так шо я Опанасенко. А Поносенко... Це той, за кым горшок носят. В чумайдане...

— Я тебе уже сказал — заткнись, — настоял на своём Антон, и Опанасенко послушно заткнулся, не став дальше спорить. Особенно после того, как Антон добавил: — Мне без разницы твой дед. И тот, с поносом и чемоданчиком. Карманы, говорю, проверь у задержанного.

Напарник Антона вообще сник, но послушно похлопал по карманам пальто Игоря, потом сунул руки под развевающиеся, как крылья, полы из иссиня-чёрного драпа. С голубой искрой в редкой белой вертикальной полоске.

— Чисто.

— Могу достать удостоверение? — так же спокойно поинтересовался Гребнев, обращаясь не к обыскивавшему его Опанасенко, а к Антону. Не потому, что тот был ему симпатичнее. Он, при всём общем равенстве двойняшек, был явно старшим в этой парочке.

Антон нехотя кивнул, что-то туго соображая, судя по сжавшимся губам, едва заметно подрагивающим. Словно он проговаривал что-то про себя.

Нарочито медленно, напоказ, Игорь сунул левую руку в правый внутренний карман пиджака, где в поисках несуществующей сети нервно грелся смартфон. В кожаном,

откидывающемся чехле он издалека и вправду выглядел как удостоверение, толстое, мощное. Пробивное, значит.

Гребнев и пробил. С мыска. Сразу после того, как, откинув верхнюю крышку чехла, на полном автомате, не выискивая даже взглядом, нажал на изображение кнопки фотокамеры. Которая в его флагманском «Самсунге» взводится менее чем за полсекунды. Так что вспышка, ослепившая двух оперов или кто они там были, топтуны или иная какая мелкая сволочь из спецслужб, полыхнула прежде, чем крышка чехла откинулась до самого конца.

Ночь, разорванная молнией, надолго оставила отсветы в головах противников Гребнева, не ожидавших такой подлости. Да что там подлости, они и света такого не видели! Иссини-белого, холодного. Но опаляющего. И на фотографии, наверное, выглядели ужасно комично — с раскрытыми ртами и вылезшими из орбит глазами. Но Игорь не стал проверять результаты фотосъёмки.

Он, как и было сказано, пробил. С мыска.

Длиннополые тяжёлые пальто топтунов должны были ослабить его удар. Но белобрысый от испуга отшатнулся, и пальто распахнулось. Так что удар достиг цели. Прямо в пах. И Гребнев, сам ещё наблюдающий бабочек после вспышки, пусть и была она не ему в глаза, увидел, как в немом крике распахнулся рот Антона. Ведь бил Игорь в полную силу, не щадя противника. Пусть он и был формально свой.

Однако его напарнику, с полтавским выговором, Гребнев смог нанести удар только под колено. Но и этого хватило, чтоб обыскивавший его «гражданин товарищ начальник» вначале присел, припадая на подбитую ногу, а после и вовсе ткнулся лбом в перрон, не устояв в позе орла. Ибо получил дополнительный импульс, теперь уже безо всяких изысков, но достаточно оскорбительный. Ногой под зад.

За спиной Игоря с шумом, хряснув о притолоку, распахнулась дверь опорного пункта и места обитания Якушева.

— Игорь, стой! Ну, куда же ты? Ты всё не так...

Крик Якова оборвался, едва он разглядел, что вокруг стоящего в кругу света Гребнева на платформе корчатся два тела. Сразу он может и не понял, кто это. Но шапки, пусть она и осталась в единственном числе, на голове Антона, и пальто, сшитые как под копірку, не оставляли сомнения в принадлежности к спецслужбам их хозяев. Так что Якушев уже через мгновение окаменел, понимая, что происходит нечто, не вписывающееся в его представление о мире. Как о вселенной.

Во вселенной Якушева не было места битым оперативникам МГБ. Или ещё НКГБ?

Игорю не было до этого дела. Как и до всей вселенной Якова.

Краем глаза он отметил, что вагоны электрички уже пришли в движение. И не просто двинулись с места, провернув колёса.

Пока он разбирался со спецслужбистами, состав уже одолел не меньше полусотни метров. Так что теперь напротив был предпоследний вагон. А до него ещё нужно было преодолеть всю платформу, пусть и поперёк. Это, конечно, не так много, но, как во сне, когда надо бежать, а тело отказывается повиноваться, ноги Гребнева едва сдвинулись с места. Вокруг всё застыло. За исключением электрички, продолжавшей набирать ход.

С трудом переставляя ноги, вес которых внезапно перевалил за пару пудов каждой, Игорь пробежал, или, скорее проковылял последние метры, отделяющие его от дверей вагона. Хорошо ещё, что они не автоматические. И ступеньки снаружи. Вскочив на них и вцепившись в поручни, Гребнев оглянулся.

Яков так и стоял в дверном проёме своей каморки, бывшей ему и офисом, и жильём. Шапка Антона всё ещё

раскачивалась над скрюченным от боли её хозяином. А полтавский, оставленный Игорем в позе догги-стайл, судорожно пытался встать и выпрямиться. Но делал это одновременно, отчего в итоге не получалось ни то, ни другое.

У Гребнева где-то в горле свербело желание выкрикнуть на прощание что-то такое этакое, как в кино, когда герой побеждает своих врагов и наслаждается свободой. В общем, обидное. Но слов не нашлось. Да и не нужны они были. Потому как Якушеву хотелось бы услышать одно, а парочке, пытавшейся повязать Игоря, — наверняка что-то другое. Да и не хотели бы они ничего слушать, скорее всего. Потому как нужные слова могли выбить своими кулаками. А в других они не нуждались. Особенно когда не срослось выбить нужное.

Нажав на ручку и толкнув дверь, Гребнев вошёл в тамбур до того, как электричка набрала ход. Перевёл дух, шумно выдохнув, пользуясь тем, что никого рядом не было. И мысленно отсчитал, что нужного вагона, который вернёт его в своё время, ему нужно пройти насквозь два...

9

Помните собак Селигмана? Проблема не в том, что они не могли перепрыгнуть барьер. В них убили волю совершить прыжок. Что воля, что неволя... Так и у людей: проблема не в тупиковости ситуации, а в потере веры в значимость своих действий. И только если и дальше делать то, что выбрал делать, позволяет сохранить чувство контроля. А значит — владеть ситуацией. Хотя бы частично. Тогда воля не отъезжает в сторону кладбища, укутавшись в простыню, а человек нащупывает выход из сложившейся ситуации.

Воля Гребнева, только что разрулившего немыслимую ситуацию, из которой у него не было выхода, ещё теплилась. От согревшего её костра успеха. Правда, очень маленького. Потому что почти мгновенно была залита

ушатом, да что там — водопадом новой неразрешимой проблемы. И никакие уговоры «У меня получится» более не могли помочь. Потому как на смену этой мантре пришли другие. Те самые, которые без слов, на уровне инстинктов впитали заморские псы.

Мои попытки ничего не изменят.

Вот что теперь закрутилось в голове Игоря. Сразу после того, как он шагнул с переходной площадки вагона в тамбур другого, в котором надеялся вернуться домой. Но вышло, что он оказался ещё дальше от дома. И теперь вообще непонятно где. Что дошло до Гребнева куда быстрее, чем он отметил все детали.

Но первое, что он понял, было очевидным. Даже более чем.

Где-то он просчитался. И надо бы вернуться, откатить всё хотя бы на шаг назад. Но дверь из тамбура на переходную площадку не открывалась. А в вагоне перед Игорем смятно дышала толпа...

Хотя нет, начать нужно было с того, что это была не электричка. Ни та, в которой он прибыл в Лигово, ни та, в которой уехал с Ленинградского вокзала Москвы. Вообще не электричка. Скорее перед ним был вагон Царскосельской железной дороги. Той самой, самой первой. С небольшими отличиями. Хотя бы уже наличием тамбура. И двери, отгораживающей его от вагонного пространства. Но с лавками вместо привычных кресел или хотя бы скамеек из реек, составлявших единое целое из спинок и сидений. Лавки шли в два ряда перпендикулярно бортам вагона, с проходом между ними.

Навскидку лавок было не меньше дюжины. Двойных. В каждом ряду. Но почему-то без спинок. Скамейка дворовая, ни дать, ни взять, на двух пеньках. И на каждой такой скамейке сидели люди. С мешками. С баулами. С чемоданами. Или с давно устаревшими «дипломатами». И столь же старыми, если судить по их потрёпанности.

Весь багаж пассажиры держали на коленях, лишь некоторые заняли вещами соседние с собой пустующие места. Которых было не так много. Да и пассажиры сидели на лавках по трое, четверо. Кто спина к спине, а кто-то — примостившись на одной стороне лавок, и у этих было больше места. Если они не занимали его своим скarbом.

Математический склад ума гуманитария Гребнева подсчитал почти мгновенно, что в вагоне чуть меньше полусотни пассажиров. Другая же часть сознания, отвечавшая за некогда почти фотографическую память, по крайней мере, единожды увиденное лицо он прежде не забывал, отметила, что среди пассажиров много знакомых лиц. Но тут же исправилась: знакомых среди них не было, просто он где-то видел эти лица прежде. Где, когда и как — тут ещё не было ясности. Но факт оставался фактом — большинство лиц ему были известны. Он даже мог, если память напрячь, вспомнить фамилии. Как и то, наверное, где видел их прежде. Но ему было не до этого.

Мозг лихорадочно искал выход. И из вагона, и из ситуации.

Хотя чего там было думать. Если нельзя вернуться, то идти нужно вперёд. Это была далеко не его идея. Ещё Черчилль говаривал, что, идя через ад, нужно идти не останавливаясь. В том же, что он оказался в каком-то из филиалов ада, Гребнев не сомневался. И решительно шагнул в проход меж лавок.

Большинство глаз, едва он начал движение, тут же взяли его на прицел. Хотя взгляды были испуганные, растерянные. С таким настроем, даже будь они вооружены почище мелькавшей где-то в глубине испуганных глаз затаённой злобы, опасаться сидевших на лавках нечего было и думать. Это пусть они думают, не осерчает ли он такого пристального внимания. И когда Игорь уже уверился в своём превосходстве над застывшими на лавках людьми, кто-то попытался его ухватить за полы пальто.

— Товарищ... Гражданин... Что там?

Гребнев не понял вопроса. Там — это где? И что это там где-то?

Притормозив с буквально занесённой для следующего шага ногой, Игорь указательным пальцем подбил шляпу, сдвигая её на затылок. Медленно повернул голову на звук, плохо различимый в учающемся перестуке колёс.

Вопрошавший сидел меж двух чемоданов. Маленький, жирненький, почти кругленький. Ну, по крайней мере, такой была голова с короткой, под машинку, стрижкой. Колобок. Совсем без шеи. Бегающие свиные глазки. Губки-гузочка.словно туго набитые силиконом. Но, в отличие от сказочного персонажа, щеголявшего одной только головой, был он в кителе. Хотя нет, это Игорь на службе носил китель, тёмного флотского сукна. А коротко стриженный пухляш щеголял во френче. словно с плеча Керенского. Который Александр. И который был временный.

Лишний раз подчёркивая несуществующее сходство с сухопарым Керенским, колобок, продолжая удерживать пальто Игоря, заложил меж пуговиц кителя пальцы второй руки.

— Там? — всё ещё не понимая сути вопроса, да и всего происходящего, переспросил Гребнев.

— Ну, да, там, снаружи. Ведь вы только вошли. А то мы... Мы давно едем ... Сидим тут... Не видно ни зги...

Поверх головы вопрошавшего Игорь взглянул на окно за его спиной.

Стекло со стороны салона было плотно закрашено белой краской. А в маленькую процарапанную в краске щель неприветливо заглядывал мрак. Морок, можно даже сказать. Так что если кто и пытался выглядывать в эту щёлочку, то скорее морок смотрел в глаза смотрящему. Как там, если долго смотреть в бездну...

Здесь долго смотреть было немислимо. Во-первых, некуда. А главное — бессмысленно. Морок он и есть морок. Это даже больше, чем мрак...

— Там? — Гребнев кивнул на выбеленное окно. — Там — ничего.

Несмотря на перестук колёс, громыхание самого вагона и пыхтение где-то вдалеке локомотива, испутившего протяжный стон, Игорь услышал, как по лавкам прокатился тяжёлый вздох. Не облегчения — отчаяния, которое он чутко уловил, хотя и был настроен совсем на другую волну.

Голова колобка дёрнулась, как от удара. Рука, удерживавшая Игоря за пальто, безвольно упала, едва не свалив стоящую на чемодане серую картонную коробку, обвязанную алой лентой.

— Оставь его, Рудольфыч, — за спиной Гребнева, словно из пустого ведра, задребезжал голос. Голос базарной торговки. — Что такие могут знать... Лох случайный...

Последнее было сказано уже вполголоса, но Игорь услышал. Хотя Гребнева и не интересовал ни бесцеремонно задержавший его Рудольфыч, ни окликнувшая уже самого задержавшего дамочка. Впрочем, какая там дамочка — женское обличье, и только. На деле же — базарная баба. Обвязанная платками на голове и в талии. Но ему на это было плевать. Не интересовало Игоря и то, что его какая-то торговка обозвала. Подумаешь, это всего лишь её состояние, которое она проецирует на других. Однако, раз уж его остановили, Гребнев решил, что можно и оглядеться. Секундное дело.

На соседней с колобком лавке сидел высокий гражданин с вытянутым лицом, на котором выпирающими далеко вперёд зубами чётко очерчивался лошадиный профиль. Его очёчки-пенсне злобно поблёскивали, губы произвольно кривились, но слов не было слышно. Он опирался подбородком на вычурную трость, хотя потёртый зипун поверх то ли фрака, то ли смокинга никак не вязался с головой грифа, в форме которого была закручена ручка трости. Багаж гражданина-лошади валялся под ногами — тёртый не только по краям саквояж с медными застёжками. А рядом — несколько клетчатых сумок времён начала

перестройки. С такими базарные тётки ездили по границам за товаром. Благодаря чему и выжили.

Нынешняя хозяйка сумок, сидевшая напротив конского лица, вряд ли застала те времена. Хотя и была она изрядно потрёпана, если не сказать потаскана. Но явно была ещё ребёнком в пору, когда клеёчатые сумки в клетку входили в моду и были символом некоего достатка или собственного дела. Типа палатки на базаре. Или хотя бы картонки, на которой покупатели посреди базарной разрухи и грязи примеряли привезённые «из-за бугра» шмотки — «элитный сэконд-хэнд». Ну, или впариваемые под видом «фирмы» джинсы из соседней подворотни, где в подвале был развёрнут целый пошивочный цех. Но, как бы то ни было, именно она и одёрнула расстроенного донельзя Рудольфыча. Правда, тут же и отвернулась, вроде как будучи не в силах наблюдать мужскую слабость. Которая едва ли не вылилась в скупую мужскую слезу.

Впрочем, почему едва ли? Поросячьи глазки Рудольфыча подозрительно поблёскивали. А сам он окончательно сник. Словно выпустил весь воздух из-под френча. А может и выпустил — в вагоне дурно пахло. Так что не без этого...

Игорь отвернулся от мнимой торговли, верховодившей по левую руку от него. И перевёл взгляд в правую часть вагона и ещё не исследованную дальнюю.

Ближе к нему, по другую сторону от прохода сидела, прильнув друг к другу плечами, парочка обрюзгших мужичков. Опустившихся если не на самое дно, но близко к оному. Пришибленные. Опухшие, но не от обжорства, а от беспробудного пьянства. Равно как и от иных прегрешений. Явно выходящих за рамки межполовых контактов. Или ограниченных одним полом — уж очень они нежно притирались друг к другу. И никаких тебе скреп. Тем более духовных. А на лицах, точнее, мордах — всё те же свиные глазки, как и у Рудольфыча. Они что тут, клонированные?

Хотя нет, есть и отличия. Белёные ресницы, прячущие виноватый взгляд. Военная стрижка с выбритыми висками и затылками. И стойкий дух перегара, витающий над узкими лбами. Игорь, как человек сам в прошлом служивый, незамедлительно определил их принадлежность к ратному сословию. Но тоже в прошлом, и, не исключено, очень далёком. Настолько, что воинские понятия о чести и достоинстве не просто истрепались — выветрились как песок в скалах. Вот только эти двое не были столь крепки, как скалы. Скорее, как навозные кучи. Но привыкшие повелевать даже из дерьма. Оно, конечно, всё так, как у классика, военные и священники бросаются в глаза, как проститутки. Но тут явно были военные проститутки. И Гребнев презрительно отвёл взгляд — стыдоба.

Чуть поодаль от премерзкой парочки сидел ещё один стриженный, но куда более затравленный мужчина, с взглядом злобным и неистребимым привкусом подлости в нём. И это при галстуке и костюме, хоть и мятом, но хранящем ещё былой лоск качества и цены. Мужичок всё норовил отодвинуться от соседа, явно нерусской наружности, раскосые глазки которого неустанно скользили по его портфельчику и чемодану в ногах. Временами персонаж, словно вышедший из анекдотов про чукчу, косился на перегарных, но тут же прятал взгляд. Словно боялся, что его уличат в подглядывании. Или узнают — он, как и остальные пассажиры норовил скрыть своё лицо. Это — за поднятым воротником куртки с новомодным цифровым камуфляжем, который теперь куда только не лепят. Другие — кто прячется под шарфом, как невообразимо древняя дамочка, с натянутым, словно кожа на заднице, лицом. Или, как та, дальше по проходу, укрытая вуалью, мало чем отличающейся от накидки на подушки, которые были в семье родителей Игоря. Как давно это было...

Эта мысль сбила Гребнева с планомерного осмотра — всех вместе и поочерёдно каждого в отдельности — пассажиров, среди которых лишь несколько прятали глаза и

избегали следить за ним. И он не удостоил должным вниманием даму с вуалью. Её и так было не разглядеть, сеточка оказалась довольно густой, а Игорь ещё и взгляд отвёл очень быстро. Так что вперился он уже в её соседку, относительно молодую, но с испытанным лицом, мало уступающим полупьяным отставным военным. Остальные персонажи и пассажиры были таким же сбродом, не достойным времени на его изучение. Потому как не могли представлять интереса для нормальных людей. При этом все вместе и каждый по отдельности, как и прежде, до этого беглого осмотра, кого-то напоминали Гребневу. Даже те, кого он не удостоил взглядом. Просто в сознании отложилось — где-то он видел весь этот сброд. Сброд, мнящий себя бомондом. Не всех вместе видел, так по отдельности. Это они сейчас оказались внезапно собранными в одном вагоне. Уж не для того ли, чтоб помешать Игорю пройти в следующий тамбур? Ведь его уже остановили, а времени до следующей остановки электрички или что там за локомотив тащил этот странный вагон, оставалось не так уж и много.

А может, не только не дать пройти? А наоборот, помочь уйти... В небытие... Ведь вокруг него уже столько смертей, что этой старухе впору и к нему приглядеться.

Усилием воли Гребнев всё же завершил шаг, с которого его сбил вцепившийся в пальто головастик в кителе.

— А что вы там ждали? — окинув взглядом через плечо салон вагона, спросил, ни к кому не обращаясь Игорь.

За его спиной все разом загалдели. Отдельные слова разобрать ещё можно было. Но общий смысл — уже нет. Как и идентифицировать говоривших. Разве что истеричные вскрики испитой дамочки.

— Ша, проехали, — командным голосом оборвал стенания Игорь, и открыл дверь в тамбур.

Ответом ему был перестук колёс. И тишина за спиной. Кричащая такая, с надрывом.

Он вовремя вывалился из разом замолчавшего салона. С лёгким шипением воздуха в системе открылась входная дверь вагона. Новенькая, с иголки. Не имеющая ничего общего с кособокой внутривагонной и лавками в салоне. И с краской на окнах...

Усилием воли Игорь вытолкнул себя на платформу.

Ховрино. К гадалке не ходи. Он дома. Ну, или почти дома.

10

Что это было?

Спускаясь в трубу подземного перехода, Гребнев раз за разом задавал себе один и тот же вопрос. И не мог найти ответ. Он даже не мог идентифицировать отпечатавшиеся в мозгу, как на фотобумаге, рожи сидевших в том вагоне, где ему довелось ехать целый перегон. Начало которого, к чему он уже привык за время путешествий во времени, было в черте Питера, а конечная...

Конечная почти всегда была на привычной ему станции. В десяти минутах пешком от дома. Пустого. Но в котором, если поставить такую цель, может стать хозяйкой Марина. Или Катерина. Впрочем, в последнем он не был уверен. Да и в первом тоже не особо. Но надеялся. На что? Что свиснет, и кто-то из них прибежит? Так это уж точно вряд ли. Да и надо ли... Хорошо ещё что приехал. Осталось дойти. Сквозь начинающуюся пургу. Хватающую за поля шляпы и срывающую её с головы, вроде как внезапно ставшей меньшей на размер.

Ввалившись в подъезд, Гребнев перевёл дух, зашарил по карманам в поисках ключей. Надо бы Марине позвонить, мелькнула мысль, когда он уже вставлял ключ в замочную скважину. И тут же пришло понимание: звонить-то как раз он и не сможет.

Чтобы убедиться в том, он, для пущей важности, стоя на пороге одной ногой в квартире, всё же пробежался ещё раз по карманам.

Так и есть. Точнее, нет.

Нет смартфона, который вспышкой встроенного фотоаппарата спас его, вырвал, можно даже сказать, из лап какой-то спецслужбы. Или иных каких засланных казачков. Типа Пса. Ох, не случайной, видать, была и эта встреча, раз Пёс вспомнился.

Игорь покачал головой, успокаивая себя. Или, наоборот, предупреждая свою задремавшую было чуйку быть более бдительной. Пусть и нет больше Пса среди живых, но неприятности никуда не делись, ходят по пятам.

Вот только даже не это сейчас беспокоило его. Болезненной была сама потеря смартфона — там все его связи и контакты. Да и деньги тоже. Конечно, некоторое время можно будет и картами обойтись, хотя он уже и отвык от них. Однако никакие карты и записные книжки не вернут ему свободу общения в мессенджерах, почту и доступ в интернет из любого места. Разве что за исключением провалов во времени.

Мысленно пройдясь в обратном порядке до драки на платформе в Лигово, Игорь пришёл к неутешительному выводу. С момента, когда смартфон полыхнул вспышкой в глаза его врагов, он ни разу больше не концентрировал на нём внимание. Скорее всего выронил, когда бил Антона. Или когда наподдал Опанасенко. Но точно даже не попытался сунуть его в карман. А потом рукам нужна была свобода, чтобы вцепиться в поручни уходящего вагона...

Те двое, что пришли его арестовать или, по крайней мере, задержать, что, впрочем, в тот далёкий год было почти равнозначно, ибо задержанный со временем всё равно превращался в арестованного — ну не могут органы правопорядка ошибаться, даже если и подобрали смартфон, то до его содержимого вряд ли добрались. Да им-то и незачем. Но даже если бы и было такое желание... Отпечатка пальца Гребнева у них нет, а иначе, как в его руках или по отпечатку, смартфон не разблокировать. К утру же он и сам отключится — заряда оставалось часа на три, Игорь забыл

поставить на подзарядку на работе. В поездке же, там, где не только сети нет, но и мобильной связи ещё долго не будет, его смартфон разряжался в разы быстрее, чем обычно. Так что за содержимое, пусть там и не было ничего предосудительного, Гребнев не волновался. А вот то, что сам остался без связи, удручало. Как и то, что он оставил недопустимый след в прошлом. Это, конечно, не бабочка, которую раздавили, сойдя с вневременной тропы. И ныне во всяких окаменелостях находят и стальные пружинки, и даже нечто похожее на мобильные телефоны, и это пока никак не изменило прошлое. Хотя, как знать, может, оно на будущее оказало куда большее влияние, чем на время момента такой находки. И как откликнется находка его смартфона если не через века, то уж через десятилетия точно, Игорь не знал. Но и рисковать не хотел. А значит, ему предстояло ещё раз вернуться в прошлое. Как минимум раз. Ведь неизвестно, где и как искать пропажу.

Постояв ещё минуту на пороге своей квартиры, Гребнев принял решение. И захлопнул дверь. Его путь лежал в соседний подъезд. Пусть его там и не ждут, если вообще Марина дома, а не на дежурстве, однако ему нужна была зарядка.

Однако трель звонка ещё не успела стихнуть, а дверь уже распахнулась. Словно женщина стояла под ней, ожидая, когда же наконец позвонят. В этом же убеждало и то, что Марина, отпустив полы лёгкого шёлкового халатикта, бросилась ему на шею, прижалась всем телом к его промёрзшему пальто.

— От тебя дымом пахнет, — прошептала она, буквально втаскивая Гребнева в свою квартиру.

— Это дым пройденных дорог, — фраза прозвучала двусмысленно, но на это никто не обратил внимания. Гребнев, потому что подразумевал конкретные железнодорожные пути, а Марина, как женщина, была занята другими мыслями:

— Есть хочешь?

— Только тебя хочу, — не стал лукавить Игорь. Хотя и от ужина он бы не отказался. Но ужин мог и подождать...

Где-то в глубине однокомнатной квартиры бормотал телевизор, от чего Гребнев давно отвык. Но сквозь это бормотание он уловил какие-то знакомые нотки...

— Рудольфыч? — неожиданно даже для самого себя чуть ли не воскликнул Игорь, отстраняя женщину.

— А ты что, смотришь эту ересь? — встрепенулась Марина, хотя это она, скорее всего, смотрела, ведь в её же комнатке зомбоящик вещал голосом Рудольфыча, полчаса тому назад интересовавшегося тем, что происходит там, за покрашенными белой краской окнами вагона.

— Да я вообще телевизор не включаю, — принялся было оправдываться Гребнев, но тут же и забыл об истерически повизгивающем знакомце из оставшегося в прошлом, пусть и недавнем, вагона.

Всё потому, что Марина решительно вытащила из-под воротника пальто Игоря шарф, бросила его на комод при входе, на котором уже лежали ключи, её смартфон и вместительный женский кошелек. А потом так же небрежно смахнула с плеч Гребнева его пижонское пальто. И вновь прильнула к нему, согревая своим телом.

Пальто ещё опадало, медленно, как последний осенний лист. Оно-то и было осенним, в то время как за окнами уже давно была зима. Но Марина, забравшаяся уже даже под пиджак, была горячей. Как кусочек солнца. И Гребнев уже таял. Но нужно было хотя бы полусапожки снять, не падать же прямо в них в кровать. Чай, не в Голливуде...

11

Вопреки расхожему мнению, что после секса мужчина незамедлительно впадает в спячку, уснула Марина. Уснула не просто первой — Гребнев даже не сомкнул глаз. Он крепко прижимал женщину к себе, а на его груди

устроилась её огненно-рыжая головка с непокорными и жёсткими прядями.

Гребнев прекрасно отдавал себе отчёт, что это не он утомил женщину своими немногочисленными фрикциями, а её работа. Так что гордиться было нечем. Оставалось оберегать её сон. Да и время подумать выпало неожиданно. А подумать было над чем.

Взять хотя бы последнюю поездку. Крайнюю, как любят выражаться авиаторы. И не только они, а все, у кого работа или служба связаны с риском. Однажды не вернуться. Вот они и избегают слова «последний». Хотя это всего лишь показная бравада, вроде как принадлежность к некоему тайному клану. Если бы от этого хоть что-то зависело...

Но Игорь поездку называл как и положено — последней. До края дело ещё не дошло. По крайней мере, он так надеялся. Но сброд в вагоне покоя ему не давал.

Мысленно он уже почти всех пассажиров того вагона идентифицировал. С большей или меньшей точностью. Особенно что касается баб, тут он мог ошибаться. Ну не было среди них ни одной, на которую можно было бы глаз положить. Или хотя бы считать женщиной, а не провластной подстилкой. Но в целом мартиролог был составлен. Пофамильно. Вряд ли, конечно, все они, попавшие в этот список, были святыми, скорее наоборот, подлыми. Но точно мучениками. Ведь столько лет врать... Тут поневоле умом тронешься. Да и последнее их пристанище никак не назовёшь пристойным. Скорее столыпинский вагон это был, для особо «одарённых». Или избранных. Избранных в результате отрицательной селекции. Но им-то нравилось считаться избранными. А что и как — значения не имело. Как и предоставленный этим избранныкам вагон. Пусть он всего лишь с некоторыми удобствами, и без решёток на окнах, но...

Вагон, как дошёл в своих умствованиях Игорь, был в какой-то степени спасательным плотом для всей собранной в нём толпы. Не зря же большинство пассажиров было с

вещами. Но всё-таки то была изоляция. И как по Гребневу, вполне заслуженная. Будь его воля, то он бы ещё жёстче обошёлся с этой братией. Хотя они — лишь верхушка айсберга. Но и её стоило макнуть. Да так, чтоб больше не всплыло. И само это отребье, и производимое им дерьмо. Которым они щедро засирали неприхотливые умишки сограждан. Так что давно требовались радикальные перемены, а не только запираение в старом вагоне. Но с чего-то ведь надо начинать. Правда, Рудольфыч-то из телевизора, судя по приглушённым звукам, вроде как и не выпал. Вот только верить телевизору — себя не уважать. То могла быть и запись. Хотя, как решил Игорь, скорее всего, это до вагона дело ещё не дошло. Это он, нарушив порядок входа в состав, курсирующий между временами, мог оказаться в будущем. Далёком ли, или близком, но увидел он то, что ещё не случилось. И это после того, как побывал во временах, давно оставшихся в прошлом...

Если он прав, то это не могло не радовать. Как верёвочке ни виться... Вот только увидит ли он её конец?

Щека Марины, прижатая к груди Гребнева уже пылала огнём: и женщина горяча, да и сам он мало когда испытывал внутри себя лютый холод. И скорее всего из-за того, что она перегрелась, Марина заворочалась, перевернулась на другой бок, уткнувшись носом в стену, к которой длинной стороной примыкал единожды разложенный и давно не собиравшийся в сложенное положение диван. По крайней мере, подложенное под простыню — для мягкости — ватное одеяло давно и плотно забилося в щели между подушками дивана. Так, что эти зазоры почти не чувствовались.

Но не это имело значение. А то, что Игорь теперь мог вздохнуть свободно — с его груди свалился если не камень, то обязанность оберегать сон женщины, отдавшей ему без остатка. И, надо сказать, это была нелёгкая работа. Прежде всего потому, что Гребнев, давно привыкший спать один, привык ещё и ворочаться, укладываясь. Да и ноги у него с

недавних пор стали поддёргиваться, непроизвольно. Он сейчас их контролировал, но, случалось, и без особого успеха, толкая спящую Марину. К тому ж и ему удовольствия это не доставляло, развеивая чары бурной любовной схватки.

А более всего ему хотелось пить. И есть. Хотя нет, для начала ему хотелось бы нужду справить. И заодно смыть засохший слой липкой субстанции, свидетельствующий о том, что они с Мариной оба получили удовлетворение.

Осторожно, стараясь не разбудить вновь посапывающую после переворота Марину, Гребнев опустил ноги на холодный пол. Дома у него на полу был ворсистый ковёр, и холод он никак не чувствовал даже когда за окном лютовали морозы. А тут ему пришлось топтать в прихожую, раз за разом судорожно поджимая ноги. В туалете тоже не было коврика, так что, переминаясь с ноги на ногу на кафельном полу, Игорь быстро завершил свои дела. Однако, невзирая на холод, он остановился в прихожей, прислушиваясь к журчанию воды и посапыванию Марины, над своим пальто остановился.

То, что вначале было признаком страсти, сейчас удручало. Как и то, что отправился он свой вынужденный поход, не захватив торопливо сброшенные трусы. Которые сейчас тоже могли валяться где-то под диваном.

Игорь, не найдя плечики, поднял с пола пальто и повесил его на крючок. И тут же чуть не свалил с комода кошелёк. Точнее даже портмоне, скорее достойное кармана мужчины, нежели сумочки женщины.

Бросив вороватый взгляд на комнату, где спала Марина, Игорь раскрыл кожаный бумажник. В котором, как он и ожидал, судя по размеру, оказался паспорт.

С фотографии в документе на Гребнева взглянула миловидная девушка. Которой никак было не дать, если верить паспорту, пятьдесят шесть лет. Спящей в комнате тоже на вид было поменьше. Но не верить документу Игорь

не мог. Тем более что в нём оказалось ещё несколько значимых открытий.

Начать следовало с того, что Гребнев получил ответ на вопрос, почему он прежде не знал Марину Витальевну как свою соседку. Так сошлось, что паспорт сразу открылся на нужной странице. Где в чёрном прямоугольнике официальной траурной рамки штампа значилось место регистрации. Ярославль. Ну, да, не совсем Москва, пол-лаптя по карте. Вёрст триста. А никак не соседний подъезд. Хотя именно в нём Игорь и пребывал, минут десять тому назад переспав с гражданкой Евсеевой, прописанной в Ярославле. И теперь ему было понятно, почему эта её квартира имеет такой нежилой вид. Точнее обезличенный. Но всё-таки это было жильё, пусть и съёмное, скорее всего. И даже с кухни тянулись какие-то ароматы, заставившие желудок Гребнева завистливо заворчать — есть очень хотелось.

Он перелистнул ещё несколько страниц паспорта.

Ещё две рамки. Чёрная и синяя. Зарегистрирован брак. Произведена регистрация расторжения брака... Последнее не так давно — в 2015-м. После почти двадцати лет совместной жизни. Бездетной, судя по всему. Не в том ли и причина? То-то Марина ничуть не встревожилась, когда он, не сдержавшись, излился в её лоно. Более того, спокойно уснула, а не бросилась в ванную. Разве только думала поймать его на этом. Так поздно уже, возраст не тот для отцовства...

Что ж, почерпнутые из паспорта сведения многое объясняли, но ни к чему его не обязывали. Вернув документ на место, Игорь на заледенелых ногах вернулся в постель. И тут же пошевелилась Марина. Пока она не пришла в себя после сна, Гребнев быстро разложил по полочкам полученную информацию.

Его соседка разведена, давно уже. Это и объясняет её интерес к нему, как к мужчине. Но она приехала не покорять столицу, не жениха искать, а деньги зарабатывать — в

провинции вряд ли столько платят. Да и пашет она здесь за троих. Некогда за мужиками бегать. Детей нет, значит, заработанное можно будет вложить в себя. В любой момент. Который, судя по жилью, ещё не настал.

Игорь скользнул под одеяло.

— Ой, а ноги какие холодные! Ты что, на полюс бегал?

Марина, даже выдавив из себя целую речь, ещё не проснулась, просто сонно констатировала факт. И вроде как даже обвиняла. Ведь его холодные ноги будили её...

— Ну, мне надо было... А тапочки у твоей постели я ещё не завёл...

— Я плохая хозяйка! Ты ж голодный! Вон как в животе урчит! — тут же встрепенулась Марина, и, не стесняясь своей наготы, начала перебираться через Гребнева, лежавшего с краю.

Гребнев в другой раз поспорил бы. Но тут действительно нечего было возразить — он хотел есть. Хотел больше, чем оседлавшую его обнажённую женщину. Очень привлекательную. Хотя в паспорте и стояла весьма немалая цифирь возраста. Ну как немалая. Да, не юная девушка. Но вполне себе прелестная в своей зрелости...

12

...Игорь соскочил с подножки ещё до того, как состав остановился. Это мало что ему давало, в смысле выигрыша по времени. Прежде всего потому, что он даже не знал, что сегодня за день. И в какое время он прибыл на своё Лигово.

На стук в дверь опорного пункта никто не ответил, и Гребнев потянул обитую дерматином дверь на себя. Она легко поддавалась, представив взору, как всегда, слабо освещённый дом-кабинет. Всё та же занавеска, прячущая кровать, чуть тлеющая лампа ватт на сорок над столом...

И нетронутая закуска на столе.

Якушев, похоже, буквально за минуту до визита Игоря выскочил за дверь, прервав ужин: ломтики сала

поверх краюхи хлеба на тарелке, на четвертинки разрезанная луковица, совсем небольшая, но достаточная, чтоб перебить запах водки, на четверть заполнившей гранёный стакан. Самой бутылки не видать, стоит где-нибудь у ножки стола, он помнил эту привычку Якова не оставлять тару на столе, особенно опустевшую. А вот нож он то и дело бросал где ни попадя. Видать, потому что ссориться ему было не с кем, как предупреждала примета. Один, как перст. Это ж сколько уже лет-то...

Не так-то и много. Два года выходит. С первой встречи. Но потом они встречались и до неё — в этом была особенность путешествий Игоря. К тому ж они встречались достаточно часто, и не всегда с нарастающим итогом по времени. Вот и возникла путаница в голове.

Но мысленно Игорь вернулся к их первой встрече. Тогда ещё ничто не предвещало, что однажды он будет заглядывать в обитель Якова как вор. И не желать ему добра. Хотя и не было ещё у него доказательств. Но было гнетущее чувство собственной правоты. Да ещё холодивший затылок сквознячок...

Этот сквозняк, похоже, и смахнул со стола газету, прикрывавшую пир. Пир нищеты.

Гребнев наклонился, поднял разлетевшиеся страницы. «Литературка». Совсем тонюсенькая. Без привычной ему 16-полосы. Да и откуда ей взяться при наличествующих всего лишь четырёх страницах мелкого убористого шрифта. Где даже заголовки были набраны невеликим кеглем.

Отметив про себя на первой полосе дату — вторник, 25 декабря 1951 года, Игорь перевернул газету на последнюю страницу.

РЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ. Что ж, заголовок если и не броский, то крупный. С такого и можно было бы начинать, а не мельчить. Если не читать дальше: «Западная Европа лежит в параличе. Только экономическая

и военная помощь Америки может спасти её от неминуемой гибели...»

Увы, с той поры таких пророчеств только на памяти Гребнева было вагон и маленькая тележка. Но воз и ныне там. А если кто и гибнет...

Игорь оборвал крамолу своих мыслей, уткнувшись в текст пониже. «Черты нового». Впрочем, ни черта нового в том не было. Потому как подзаголовок гласил: «По страницам китайской газеты «Гунженьжибао».

ЧЕТЫРЕ ИЕРОГЛИФА ВАН ФУ-ШЭНА.

Так начиналось пространное повествование о некоем простом рабочем. Дожившем до момента, когда над великим Китаем взошло солнце свободы. И далее в таком же духе.

Вчитываться было некогда. Да и желания тоже. Нечто подобное было уже и в его мире. Здесь и сейчас. В смысле там, но в это же время. Устав дружить с Западом, страна поворачивалась лицом к великому китайскому брату. Который, судя по всему, скоро станет ещё и старшим братом. А то и хозяином.

Ниже китайского опуса Гребнев заметил и стихи. Михалков. А кто же ещё. Вездесущая семейка, служившая всем и всякому.

КАК ВЕРЕВОЧКА НИ ВЬЕТСЯ...

Это и про него, главу рода Михалковых. Бывшего угодным любой власти. И про его отпрысков. Хотя ещё и трепыхающихся на плаву, но уже не так резво.

В виршах ничего этого, конечно, не было, Игорь выхватил что-то там про метких советских стрелков. Выкашивающих американских шпионов. И брезгливо отбросил газету. Туда, откуда её и сорвало сквозняком — на стол.

Вытерев руки о пальто — кощунство, но иначе от газетной краски было не избавиться, Гребнев торопливо огляделся. Чемодана, с которого возникли его подозрения,

нигде не наблюдалось. Да и что он бы в нём увидел год спустя?

Внезапно газета вновь слетела со стола. Не сама собой, конечно, сквозняком сорванная.

Игорь обернулся.

В дверях, явно растерянный, стоял Якушев. В кителе, перепоясанный портупеей, но без фуражки.

Рука Якова дрогнула и легла на кобуру.

— Ты как здесь...

— Дверь запирать надо, — назидательно бросил Гребнев. А про себя подумал, что опять сморозил глупость, и теперь неведомо как выберется из сложившейся ситуации. Если выберется.

Якушев, стоя вполоборота к незваному гостю и не выпуская его из виду, устранил замечание — запер дверь. На два оборота. И сунул ключ в карман форменных галифе. Выжидательно взглянул на Игоря.

— Не за этим ли ты пришёл?

Продолжая держать правую ладонь на кобуре, Якушев неуловимым движением сунул левую руку куда-то за притолоку двери. И мгновение спустя перед взором Гребнева тускло блеснул «Самсунг». Найти который Игорь уже и не мечтал. Не идти же было за ним по пятам бравших его эмгэбешников. Да и куда идти? На Литейный, в их логово? Но там ли они? В этом были большие сомнения. И чем больше он об этом думал, тем больше были сомнения. Хотя и вразумительного объяснения его мыслям не было.

Зато была даже не выученная — вымученная беспомощность. Уже почти было забытая. После того, как он дважды выбрался из безвыходных, казалось бы, ситуаций. Короче, никогда такого не было, и вот опять. Не он это придумал. Но он влип. Опять.

Однако же как влип, так и выбираться был готов. Ибо знал секрет, открытый Селигманом, посвятившим всю свою жизнь и карьеру поиску решения, которым Гребнев сейчас надеялся воспользоваться. Ведь по Селигману даже

животные могли научиться противостоять выученной беспомощности. Если у них был опыт предыдущих успешных действий. Те же собаки, если они прежде умели отключать ток, нажимая головой на панель в вольере, продолжали искать выход, даже когда их фиксировали.

Гребнева санитары пока не зафиксировали, и эмгешники за порогом, как он надеялся, не стояли. Так что шанс у него оставался. И он не собирался его упускать. Хотя да, как верёвочка ни выётся... Но Игорь рассчитывал, что конец наступит в другой раз. Вон и телефон вернулся. Почти. Пусть и не отдал пока Яков его.

Зато Игорь знал иное.

Двадцать лет исследований Селигмана привели его к выводу: то, каким образом объясняет человек происходящее, решает, будет ли он искать возможность действовать или сдастся. А против науки не попрёшь. И если взять за аксиому, что плохое может со всяким случиться, но это не всегда моя вина и когда-нибудь оно закончится, то можно справиться с проблемой в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Заводить дневник для записи плохих событий с их последующей проработкой, как рекомендовал Селигман, у Гребнева не было ни времени, ни возможностей. Как и опровергать пессимистичный настрой. Он сразу перешёл к практике. В которой главное — не сдаваться.

— За этим в том числе, — абсолютно спокойно бросил Игорь.

— Тогда лови, — Яков небрежно швырнул смартфон через всю комнату.

Но Гребнев среагировал ещё быстрее. Уж больно дорого было ронять такую вещь.

Поймав, он осмотрел кирпичик смартфона, видимых повреждений не обнаружил. Но и признаков жизни в аппарате тоже. Что и не мудрено — год миновал.

— Спасибо, — равнодушно обронил, усаживаясь на колченогий стул, на котором уже сидел однажды. Во время

той, самой первой встречи. Пусть и были потом встречи, которые происходили до неё. — И как это твои дружки не уволокли его?

Якушев хмыкнул, тоже расслабляясь. У него было превосходство не только своего поля, как в футболе, но и то, что он стоял, а Гребнев — сел. И у него не было повода не верить Игорю, что тот появляется в Лигово безоружным. Хотя... Так могло быть прежде, но Яков надеялся на свой наган. И умение быстро выдёргивать его из кобуры за тренчик. После чего оружие оказывалось в его ладони уже готовым к выстрелу, только на курок нажать.

Этому приёму его научил Игорь. Хотя сам так не умел. Так, читал где-то, в каком-то фантастическом повествовании. Потому как и трюк был на грани фантастики, и тренчик из книги не так прост, что-то там на стыке генетики и механики. Но Гребнев детально рассказал, как оно должно быть, а на тренировки у Якова всегда было время. Так что навык был отточен до автоматизма. Пусть и не был его тренчик фантастически механизирован, а Яков долго ходил с ранами на руке — выскакивающий наган долго не давался в ладонь, частенько норовил ударить. И бил. Но Якушев оказался упорнее.

— Дружки? Ты имеешь ввиду тех двоих, что тебя едва не повязали? Так они и меня едва не взяли. За связь с иностранным агентом. Так что вряд ли они мне дружки. Скорее как и тебе, враги.

— Ну так и ты, не друг и не враг, а так...

— Что так? — насторожился Якушев.

— То самое, сам знаешь, — многозначительно заявил Игорь, отворачиваясь к столу. Не дожидаясь приглашения, он взял нож, самодельный, судя по всему, с деревянной ручкой и тёмным лезвием из дешёвой стали, а потому туповатый, но достаточно острый для того, чтоб справиться хотя бы с салом, и отрезал себе кусочек. Вместе с хлебом. Отрезал, и вернул нож на место у тарелки, вновь

поворачиваясь лицом к Якову: — Извини, я тоже проголодался.

И впился зубами в сало, вязкое, плохо просоленное, без малейшего намёка на мясные прожилки и без аромата специй, даже перца пожалели. Как и соли.

— Ну, тогда угощайся. Выпить не предлагаю, водка палёная. Да и её только на донышке, — Яков прошёл к столу, но садиться не стал.

Водки, вообще-то, было куда больше, чем на донышке, на двоих по глотку в самый раз. Но Игорь водкой не баловался. Не принимала душа. Да и трезвым нужно было оставаться. Якушев ведь со стволом, а у него только одно желание. Выжить. Но на нём далеко не уедешь. А вот вырваться — надо.

— Ну и как же они прошляпили?

— Ты про эту штуку, или то, что тебя не сумели взять?

— И про то, и про другое, — Игорь уже набил рот, и говорить ему было непросто. Да и голова была занята другим — как бы так изловчиться...

Убивать Якушева он не хотел. По крайней мере, пока не собирался. Но поставить точку в его похождениях считал необходимым. А для этого нужны были доказательства. Которые он мог бы указать в анонимном звонке куда следует. Хотя там, где следует, Якова уже отпустили. Однажды. Правда, это только с его слов. Ну так тогда они и не искали ничего предосудительного в нём, кроме несуществующей связи с иностранным агентом.

— Так почему ты всё-таки пришёл? — настаивал на своём Якушев.

— Ты рассказывай, рассказывай, дойдёт и до меня черёд.

— Что рассказывать? — опять насторожился Яков.

— То самое. Ну, хотя бы почему те двое пришли за мной. А тебя взяли, но отпустили.

Гребнев жевал, а Яков глотал слюни. И никак не мог выдать из себя ни слова. На его лице отражалась то ли внутренняя борьба, то ли плоды глубоких раздумий. При том, что мозг к таким глубинам был неприспособлен. Видимо, он никак не мог решить, что Гребнев знает, а о чём и не догадывается. Но только исходя из этих знаний он мог дать верный ответ.

— Видишь ли...

— Пока не вижу, — Гребнев проглотил свой кусок трапезы. Желудок, в который провалилась пища, икнул, норовя её исторгнуть, но не насытился. И потребовал добавки. Вот только Гребнев не решился вновь тянуться за ножом — уж больно пристально Якушев следил за каждым его движением.

— Не перебивай, слушай, — Игорь кивком согласился, продолжай, мол. — Так вот... Год тому назад, когда за тобой пришли... Точнее, чуть раньше... В канале нашли труп. Девушки. А до того ещё один...

Гребнев насторожился — ничего такого из своих поисков питерских маньяков он не помнил.

— И тоже в канале?

— Нет, в заброшке, там домик полуразрушенный, он и сейчас ещё не восстановлен, под снос, видать, пойдёт...

— Ну и? Я-то причём?

Якушев поморщился:

— Был свидетель... В последнем случае... Слышал, как что-то упало в воду. А на мосту видел мужчину... В шляпе... Ночи были уже далеко не белыми, так что других примет не было...

Мост, шляпа... Что-то такое точно было! Но только в конце шестидесятых! Хотя это ничего и не доказывало. В том смысле, что и десятью годами ранее какой-то убийца мог сбросить с моста тело жертвы. Но в том-то и дело, что в материалах, обнаруженных Гребневым, с моста тоже никто никого не сбрасывал. Но мужчина в шляпе там был... И он действительно был убийцей! Пусть и не на мосту убивал...

По спине Игоря пробежал холодный ручеек. Не в ту ли ночь это случилось, когда он был у Риты? Тогда ему не отвертеться. Да и потом, в таком случае он сам себя начнёт подозревать. Но такого быть не могло! Просто потому, что их встреча с Ритой ещё не состоялась! Точнее, она уже была, для него была, не для Риты. В общем, не здесь и не сейчас! До неё ещё год! А Якушев рассказывает о том, что было ещё одним годом ранее.

Значит, успокаиваясь, решил Гребнев, кто-то грешил и до внесённых в анналы интернета случаев серийных убийств. Хотя кто сказал, что убийства были серийными? Это Яков так представил. Что было как минимум два трупа. И у последнего преступления был свидетель. Который ничего не видел, кроме шляпы. Но слышал всплеск. Так это ни о чём не говорит. Труп к мосту и течением прибить могло, да и вообще, Яков же не сказал, что его там нашли. Он сказал, что предыдущую жертву спрятали в заброшенном здании. Но связаны ли эти два трупа? Если да, то как. Хотя сейчас было важнее другое.

Откуда Якушев знает о первой жертве? Как-то невнятно он говорил о первом трупе. И вроде как даже не говорил вовсе о том, что его нашли. Он сказал, что первая жертва была в заброшке, дословно вспомнил Игорь. И вновь его прошиб холодный пот. Пусть и совсем по другой причине.

— А скажи-ка мне друг любезный... Жертвы были обнажены? Или, быть может, у них пропало что-то из одежды?

Якушев дёрнулся как от пощёчины.

— Вот за это я тебя и уважал. Но по той же причине ты мне и не нравился. Слишком умный, — Яков сделал пару семенящих шагов со своей стороны вдоль стола, для большего не хватало места, развернулся, и вновь зашагал, теперь в противоположную сторону.

Три шага налево, три шага направо...

Шаг вперёд сделать было некуда — мешал стол. На котором от грохота проходящего товарняка задребезжала склянка с водкой.

Словно дрессируя покрывшуюся рябью маслянистую прозрачную жидкость, Яков уставился стакан. И волнения на поверхности водки действительно стихли. То ли под его взглядом, то ли потому, что проходивший поезд был коротким — пяток вагонов, не больше.

— Зков повезли, — пояснил Якушев, хотя Игорь ничего и не спрашивал. Зато теперь удивлённо вскинул голову. — Я потому и выходил, чтоб на платформе при следовании состава чего не случилось, — добавил Яков, однако Гребнев идею и поступок милиционера до конца так и не осознал. И всё же уточнять не стал. Не время и не место.

— Что-то мы отвлеклись, — решил напомнить о сути беседы Игорь. — Так что там с жертвами?

Якушев вновь тяжело вздохнул. Словно решался на что-то.

— Я родился в год Собаки, — неожиданно выдавил он из себя. — Ну, просветили меня, так мол и так, всяк человек рождается под какой-то звездой. Уж не знаю, как у вас там с гороскопами, но я тут случайно наткнулся на одного человечка...

Гребнев в очередной раз опешил. Какой ещё гороскоп? Мода на них пришла с перестройкой, если он не ошибался, значит, до неё ещё полвека! А тут какой-то необразованный мент с богом забытой станции говорит о том, что родился в год Собаки! И всё же в который раз он не стал переспрашивать, пусть Яков выговорится. А за то время, быть может, и родится идея как уйти, не схлопотав пулю. Зная, что стреляет Якушев — дай бог каждому. Так бы покойному Ильину стрелять. Но у того не вышло. А в результате и его самого уже нет. В смысле, он ещё есть, и даже стрелять ещё не собирался. Но всё равно его уже нет. В живых.

А Яков, сказав «а», не стал тянуть с «б».

— Я ещё и по языческому гороскопу пёс. Отсюда и все мои проблемы. Потому как пёс — единственный, кто строг в вопросах чести и верности слову. Он никогда не ударит лежачего, врага — в спину или ниже пояса. Я, может, и есть таков в душе. Но пока выходит, что это только живу я как последняя собака. Вот, — выдохнул Якушев, словно освобождаясь от каких-то оков. А Гребнев вновь подивился тому, как причудливо тасуется колода. Это ещё Воланд подметил. Или Коровьев — сейчас Игорь не мог точно сказать, кто из них первым озвучил этот факт. Но колода буквально на его глазах норвила вытащить туза откуда-то из рукава судьбы. Ведь с одним псом он уже встречался. И это плохо кончилось для Пса. Которым был гражданин Песцов...

— Ну так пса отличают ещё и верность с бесстрашием. Особенно в мире, где никто не держит слова, — поддержал разговор Игорь, понимая, что в этом что-то есть. Для того, чтобы улизнуть из-под прицела нагана, пусть он ещё и в кобуре. Но Якову ничего не стоит вскинуть его и пальнуть. Вроде как даже не целясь. Однако — без промаха.

— Ты прав, верить никому нельзя...

— Мне — можно, — попытался подыграть Гребнев, но Яков пропустил его фразу мимо ушей.

— Календарь Брюса. Времён чуть ли не Петра Первого.

— Причём тут Пётр? — недоумевающе переспросил Игорь.

— Ему верить можно. Не Петру. Брюсу. Двадцать шестой день Луны. День несчастный. Не должно в оный ничего начинать; для занемогающих опасен; сны сбываются.

Якушев говорил как сомнамбула. Словно по писанному, и в то же время — взвешивая каждое слово, как будто пробуя его на язык.

— И что же тебе снилось такое страшное? —
Гребнев попытался вывести Якова из транса. Но ему уже и самому было интересно, куда заведёт их разговор на отвлечённую тему. Хотя всё начиналось совсем не о том.

— Я пёс. Последний пёс империи. Верен друзьям. Слепо верен. Даже их измены и предательства не отучат меня верить людям, защищать их. Надо будет — вцеплюсь в горло врагу. Даже если буду знать, что это мой последний прыжок. И вообще... Мне гораздо важнее жить в ладу с совестью, чем с законом, который сегодня один, а завтра — другой. И плевать на карьеру, предлагали уже. И переезд, и повышение... Мне и здесь, в моём закутке хорошо... Я на страже...

— Но ты же не только страж. Ты ведь ещё и судья. И палач. Сам выносишь приговор, сам и исполняешь, — догадавшись, что Якушев если и не в сомнамбулическом трансе, а лишь повторяет кем-то вложенный ему в голову текст, Игорь понял, что иначе собеседника не вывести на нужный разговор. И пошёл с козырей. Хотя были ли то козыри... Скорее блеф.

Но блеф сработал.

Якушев вскинулся, словно по команде «смирно» вытягиваясь в струнку.

— Суд... Суд скорый, но суд правый... И да, я судья. Но я не один.

«Да тут целая банда!» — решил про себя Игорь, но не стал перебивать откровения Якова. Стоило дожидаться деталей. Кого они судят. Кого казнят. А кого — милуют. И главное кто они. Пока же было ясно только одно.

Некто с сильной волей и извращённой психикой сыграл на слабостях и телесных недугах Якушева, вложил ему в голову мешанину из Брюсова календаря — из школьной ещё программы Гребнев помнил, что издавался такой при Петре, был первым ежегодником на Руси. По нему крестьяне определяли даты сева и сбора урожая, отмечали церковные праздники ввиду отсутствия иных

поминальников. Позже уже и знать взялась за оный календарь. По причине наличия в нём научных и, что вероятно было куда важней, астрологических знаний. Этот первый астрологический календарь в России удачно соединил астрономические «премудрости» со святыми и широко распространенными народными приметами. И был настолько популярным во всей России, что издавался два века! Главное же достоинство календаря было в том, то, что он был «вечным» — с прогнозами на много лет вперёд. Основанный на девятнадцатилетнем цикле положений Луны, Брюсов календарь заложил основы того, чем продолжают пользоваться и многие современные астрологи. Может, это и не научный подход, но для кого-то он не менее важен, чем открытие земного притяжения. Немудрено, что в тяжкие послевоенные годы кто-то вытащил календарь с пыльных антресолей, и обратил себе на пользу. А в Питере таких антресолей, даже с учётом полуразрушенных обстрелами и бомбёжками домов было предостаточно. Но кто показал Якову этот раритет, кто приобщил юного ещё стража порядка к астрологическим предсказаниям? И, судя по всему, не только предсказаниям, но и действиям сообразно им...

13

Под новый год пес рыжий из породы благородной
В ладонь мне сунул нос лохматый и холодный.
Вильнув хвостом, он протянул мне лапу.
Я перед ним свою снимаю шляпу.
Мой хвост давным-давно отгрызли в драке
И полон рот изъеденных клыков.
Но оба мы с тобой в душе собаки.
С тобою нам понятно это и без слов.
Твой век короче моего намного,
Но взгляд твой преданней и многожды мудрей.
У каждого из нас своя дорога,
Однако вместе нам с тобою веселей.

Как жаль, тебя уже зовет хозяйка
И поезд мой к перрону подошел.
Ты на прощанье мне, дружок, залай-ка,
Чтоб я уверен был: все будет хорошо.
Остался ты за вьюжной пеленою.
Меня умчал последний поезд вдаль.
Но по-собачьи чуял я спиною
Твой мудрый взгляд и глаз твоих печаль.
Сведет едва ли нас ещё дорога.
Двенадцать лет — не поле перейти.
Издыхну я у самого порога,
Уйду по Млечному пути...

До Нового года было ещё ой как далеко, неделя без малого. Да и поезд Игоря ещё не подошёл. А пёс из Якушева — далеко не благородных кровей. Но в чём Гребнев был уверен на все сто, так в том, что болен. Смертельно. И эта болезнь называется жизнь. Она пока ещё выматывает из него последние жилы, и он тоже чувствует себя собакой. Побитой. Лишней на этом празднике жизни. Но сам он — жив. Чего нельзя было сказать о Якушеве.

Ну да обо всём по порядку. Это нужно было прежде всего самому Игорю.

— Суд — это хорошо. Состязание сторон. Доказательство вины. Приговор. И дело в шляпе...

— Я ж говорил, ты слишком умный, — Якушев почти вынырнул из своего сомнамбулического состояния.

И до Игоря дошло. Хотя как умный, он должен был и раньше это понять.

— Так это ты? Ты указал им на меня? Настучал? Мол, ходит тут такой в шляпе, как бы не он убил...

Без особого раскаяния, Яков коротко кивнул. А Гребнева уже понесло:

— Тебе важно было отвести подозрения. От себя. Потому что это ты убил. И эту, на мосту, и в заброшке. И где

ещё? Трусиков-то и других интимных женских вещей в чемодане было не на две жертвы...

— Ты и это заметил, — огорчённо пробормотал Якушев. — Не повезло...

— И не говори, так проколоться...

— Тебе не повезло, — уточнил свою мысль Яков, и холодок прошёлся по спине Гребнева. Уж если и не повезло, то по полной схеме. Но и сдаваться он не собирался. Хотя и понимал, что впустую тянет время.

— Ну так хоть Расскажи напоследок... За что убивал, зачем бельё забирал и хранил...

— Тебе не понять. Ты здоровый. Мужик. Да и пожилой, сам говорил, — Якушев опять был на грани сомнамбулического транса. Но говорить продолжал. — А я... Меня ранило вместе с Ростиком. Только он без глаз остался, а я...

— А ты мужиком быть перестал, — выдал свою уже давнюю догадку Гребнев. Ничего особенного, многие серийные убийцы идут на преступления против женщин именно потому, что не могут ими обладать. Ну и всё такое в этом же духе. Так что переворот в основах криминалистики Игорь не совершил. — Я ж говорил — умный, — Яков наконец расстегнул кобуру, не понадеялся на тренчик. — Умный. Но мёртвый.

Однако Игорь был ещё живой. И понимая, что время его стремительно истекает, бросил почти наобум. Хотя в голове, видимо, эта мысль уже давно крутилась.

— Ну и какой же ты пёс после этого? Да ты вообще не пёс. И родился ты не в год собаки. Так что всё это враки... Ты просто убийца. Тупой примитивный убийца. Спалившийся на женских трусиках.

Рука Якова, уже почти дотянувшаяся до рифлёной рукоятки нагана, замерла.

— Как это я не пёс?

— Да очень просто, — Гребнев мысленно ещё раз пробежался по своим расчётам.

По всему выходило, что он прав. А Яков — нет. И тот, кто ему навешал лапши на уши, тоже промахнулся. Просто, видимо, хотел создать хорошую легенду. Для лучшего усвоения. Но где-то просчитался. Хотя у Гребнева и были сомнения. Особенно по части славянского календаря. Что там язычники вещали по поводу года собаки или чего-то подобного, он не знал. Но считал, что, промахнувшись в одном, злой гений Якова промашку допустил и в другом. Вряд ли уж он был таким великим знатоком астрологии, в которой и без Брюсова календаря, мог разбираться. А повторять за придворным астрологом избитые фразы... Да, это могло подействовать на психику Якушева. Но могло при этом быть набором домыслов, не соответствующих фактам. Ну, подумаешь, подогнал под красивую историю рождение скатившегося по наклонной милиционера. А раз была подтасовка, то и развенчать миф можно. И в этом — шанс избежать пули. Вот только как, это уже второй вопрос. Как и необходимость второго шанса. Которого может и не быть. Но попытаться стоит.

— Родился ты, Яша, совсем не в год собаки. Так что цепным псом правосудия быть не можешь. По определению. Стражем ещё куда ни шло. А вот судьёй, палачом... Этого тебе не дано. В каком ты родился? — ещё раз всё прикинув, уточнил Гребнев: — В тридцатом? А год собаки был в тридцать четвёртом.

Опешивший Яков так и замер, с приоткрытым ртом, из которого, того и гляди, начнёт капать слюна.

— Так что, Яша, грех ты на себя взял. Не по Сеньке шапку нахлобучил. Девчонок убил. Двух так точно. А сколько всего? Дюжину? Или ты не всегда убивал? Это вряд ли, ведь насиловать ты не мог. А вот кровушки испить — это запросто. Убивал ты, а подставил меня, чтоб от себя подозрения отвести... Да у тебя же руки в крови! — повысив голос, закончил свою обличительную речь Гребнев.

Якушев непроизвольно поднёс обе руки к глазам. Наверное, чтобы в тусклом свете лампочки найти пятна крови на них.

Это был тот самый шанс, второго подобного могло и не быть.

Игорь рывком сорвался со стула, отлетевшего к самой входной двери, дотянулся до ножа у тарелки, схватил его за лезвие — иначе не получалось, и опрокинул стол на Якова.

Не ожидавший такой прыти Якушев, заваливаясь на спину, запутался в занавеске, ограждавшей его спальное место от официальной части «офиса». А Гребнев уже перелетел через стол, с которого на пол улетело и сало, и стакан с палёной водкой, и тарелка с трещиной по голубой каёмочке.

Впрочем, была ли каёмочка голубой, Игорь не поручился бы. Да ему и было не до нее. Ещё в прыжке он попытался перехватить нож другой рукой, но, выдёргивая его из левой ладони, порезался до крови, обильно хлынувшей из раны. А сама рука незамедлительно онемела. Или то была реакция организма — чтобы приглушить боль?

Но и Якушев не особо преуспел, даже со своим опытом выдёргивания нагана за тренчик. Оружие ему в руки не далось. Он даже просто поймать его не сумел, не то чтобы в ладонь уложить. Но каким-то образом его указательный палец всё же оказался на спусковом крючке. И прямо рядом с головой Игоря внезапно словно взорвалась граната. Ну, так ему показалось. Пороховые газы опалили висок, однако пуля прошла мимо.

Всем телом Гребнев припечатал Якова к полу, попутно стукнув головой о железный край кровати, на который была натянута панцирная сетка, провисшая едва ли не до пыльных досок на месте бывшего паркета. На несколько мгновений недавние друзья, ставшие непримиримыми врагами, оказались лицом к лицу, глаза в глаза.

Ненадолго. Потому что глаза Якова стали закатываться, затягиваться какой-то поволокой.

Отвёл взгляд и Гребнев. У него болела правая рука, на которую пришлось приземление, да она ещё и вывернутой в кисти оказалась. А раненую левую он вообще не чувствовал.

Не доверяя беспамятству Якушева, Игорь бросил быстрый взгляд на правую — уж не сломал ли?

С рукой оказалось всё в порядке. Если не считать того, что перехваченный ею нож глубоко сидел под рёбрами Якушева, и из раны толчками выходила кровь. Чёрная, вязкая.

С каждым таким толчком на лице Якова оставалось всё меньше и меньше признаков жизни. И без того бледное, оно на глазах серело, тускнеющие глаза совсем померкли, а дыхание больше не попадало на лицо Игоря.

Не рискуя после грома выстрела нарушить вязкую тишину, Гребнев матерно взвыл. Но не вслух, а про себя. А шёпотом добавил:

— Прости, я не хотел.

Хотя ещё неизвестно, что было лучше для Якова — такая быстрая смерть или последующие годы в тюрьме. Правда, чтоб закрыть его от общества на эти годы требовалось ещё собрать доказательства. Вот только на это у Гребнева не было времени — срочно нужно было выметаться из опорного пункта, пока его не нашли в объятиях мёртвого милиционера. Выстрел-то небось был слышен как минимум у дежурного по станции. А то и где подальше. И ведь как назло — ни одного поезда. И кто там на платформе — одному богу известно.

Выпустив липкую от крови рукоятку ножа, Игорь, привстав на колени, торопливо сунул руку в карман мертвеца. Бежать-то из западни, в которую он угодил, можно было только отперев дверь. А ключ — у Якушева. Лежащего с пробитой головой и смертельной раной в подреберье, из которой торчит нож. Сам же он уже остывает на полу.

В кармане широченных галифе можно было и заблудиться, а не только ключ не найти. Однако вместо этого Гребнев совершил открытие, от которого едва не потерял дар речи. Ну, это если бы он говорил. А он говорил только про себя. Хотя и шевелил губами. Но всё матерно, нецензурно...

В поисках ключа Игорь невольно коснулся той самой тайны Якова, что и привела парня к смерти в таком юном возрасте.

Гребнев брезгливо одёрнул руку, едва не оставив в кармане с таким трудом нащупанный ключ. Потому что вместо мошонки его рука наткнулась на нечто невообразимое. Отросток какой-то. Даже скорее просто бугорок...

Ясное дело, до пластических операций в половой сфере ещё годы и годы. Вот и слепили эскулапы Якову то, что смогли. А он, по этой причине, взялся убивать. Женщин, девочек. Будто они повинны в его искалеченном теле. Да ещё и убивал-то он подзуживаемый каким-то малограмотным толкователем гороскопов.

Бросив последний взгляд на Якушева, Игорь выпрямился, слизнул кровь, струящуюся по ладони левой руки. Заживёт. До свадьбы. Но будет ли она? А зачем? Ведь уже была, ничем хорошим это не закончилось...

Но сейчас дело в другом. Он убил свою бабочку. Ту самую, из фантастики. Смерть которой может аукнуться в реальной жизни как сейчас, так и через годы. Если не десятилетия.

Да, у Якова не могло быть потомства. Но разве он не влиял на будущее? Тем, что убил как минимум двух женщин. Которые вполне могли потомство оставить. Но он мог и ещё убить. И как раз ту, чьё потомство по каким-то причинам было бы нежелательным. Или, наоборот, очень нужным... Что же теперь будет с миром, в который Гребнев вернётся? Да и вернётся ли?

Сделав уже шаг на выход, потрясая ключом, как самым ценным достоянием, Игорь внезапно задумался. На

мгновение всего. Хотя оно и могло стать решающим. Однако уходя из этого мира, он решил, что нельзя вот так всё взять и бросить. Так, как оно есть. Пусть Яков и не заслужил того, однако видимость смерти на боевом посту стоило всё-таки создать.

Гребнев опять обошёл стол. Потянулся к нагану.

И стало ясно, почему оружие не оказалось в руке Якушева. Несмотря на все его тренировки.

Колечко на конце тренчика лопнуло. Или разогнулось, от частых рывков. И наган просто взлетел вверх по инерции очередного, но уже последнего рывка. Видно, постоянно тренируясь, Яков довёл крепёж до последней стадии износа. Вот оружие и подвело. И даже не само оружие — приспособление к нему. Зато Гребневу даже не пришлось разжимать коченеющие пальцы — наган лежал отдельно от своего хозяина. А если он исчезнет, то следствие, а оно непременно будет, может решить, что нападение случилось именно из-за оружия. Не ну, а чо, станция пусть и не глухая, но и не на виду. Всяко могло случиться, бандитствующий элемент в наличии...

Сунув наган в карман пальто, Игорь повернул ключ в замке и без лишних раздумий шагнул в сумрак.

И тут же перед глазами полыхнула вспышка. Почти как та, которой он ослепил пришедших за ним эмгешников.

Только в разы ярче.

Часть четвёртая

1

...Странная штука — наша память. Мы то забываем случившееся вчера или куда бумажник сунули, придя домой, то помним вещи, о которых узнали случайно, проходя. И вспоминаем легко. Воспоминания всплывают вроде как сами по себе, без видимых усилий. Мозга в том числе. Но сейчас Игорь память свою напрягал. Так, как никогда прежде. Напрягал, пялясь в белый, в пыльных разводах, высокий потолок. Напрягал, переводя взгляд в мрачный угол, сразу за дверью, откуда несло невнятное бормотание. Испытывал на прочность, пролистывая в уме прочитанные книги. Это давалось куда труднее. И потому что читал много, и потому что зрительная память забыть не давала отдельные детали, не имеющие к книге отношения. А вот буквы... Буквы расплывались. И он вновь и вновь вспоминал другое. Что полегче. Порой просто переживая заново каждый день, начиная с рассвета и до заката.

Проснулся. Иду чистить зубы. В смысле прежде ходил. А сейчас он только лежал. Но раньше...

Раньше, проснувшись, он шёл умываться. Порой в несусветную рань. Но не это имело значение. А зубы. Пусть и заметно поредевшие с годами. За время путешествий в более ранние времена организм хоть и омолаживался, но до отращивания новых зубов не дошёл. Поэтому зубы надо беречь. И он, как мог, берёг. Чистил. Двумя разными пастами. Но в любом случае — зубной щёткой. В последнее время электрической. Даже подсчитывавшей время чистки. Но была и обычная. Мало чем отличающаяся от той, что в 1780 году начал выпускать англичанин Уильям Аддис. А в 1850 году американец Уодсворт, вероятно Генри, история сохранила только его инициалы, первым додумался её запатентовать. Первую электрическую зубную щётку изобрели в Швейцарии, в 1954 году, отличился доктор Филипп Ги Воог. В списке изобретений, без которых они не смогли бы прожить, американцы называли зубную щётку

«изобретением номер один», оставив позади автомобиль, персональный компьютер, мобильный телефон и микроволновую печь. Мы же просто пользуемся ею, не задумываясь ни о происхождении, ни о месте зубной щётки в нашей жизни. Как и без всякой задней мысли выдавливаем из тюбика зубную пасту. А его ещё в 1892 году изобрёл американец Вашингтон Шеффилд, стоматолог, вдохновлённый тюбиками с краской у художников. Но в Россию это западное изобретение попало лишь в середине XX века...

Покончив с зубами, переходим к водным процедурам. Первая среди которых...

— Так, Грек, пора бриться, сегодня твоя очередь...

Сбитый окликом с плавного течения мыслей, Игорь отзывается на давно забытую кличку — Грек. И послушно направляется в угол у окна. В угол, где стоит стул, единственный во все палате. Его всё время кто-то занимает. Чаще, конечно, Боров, как Гребнев называет здорового рыжего то ли надзирателя, то ли санитаря. Хотя скорее всего в одном мощном теле ростом за два метра и весом далеко за сто кило обитают оба. Судя по запаху. Разит от санитаря знатно. Так могут провоняться потом два человека, никак не один. А ещё у Борова голова — как глобус. Почти идеальный шар, его не портят даже прижатые маленькие ушки, борцовские, со сломанными хрящами.

Но запах и голова — это ещё не всё. У Борова ещё и мясистые пальцы, которыми он запросто может обхватить голову Гребнева. Как мяч для гандбола. И зашвырнуть. Куда прикажут. Оторвав от шеи. Или вместе с туловищем. А если возьмётся двумя лапищами, то раздавит голову как перезрелый арбуз. Так что в его лапы лучше не попадать. И на его имущество не посягать.

После Борова право занимать стул есть у доктора. Который приходит в палату через день. Если пациенты не привязаны к кровати. А когда их фиксируют, то является

чаще — чтобы вовремя заметить омертвление тканей. Хотя Боров и его сменщик, тоже не отличающийся худобой, вяжут с умом, при полном его отсутствии. Но то в голове. А руками они вяжут так, чтобы и «больные» не вырвались, и в то же время не нарушился кровоток. Но доктор, имя которого Игорю запомнить труднее, чем вспомнить разрозненные факты, выхваченные в былые годы из разных источников, всё равно осматривает зафиксированных в кроватях раз в два часа. Это Игорь так решил. Хотя временной интервал может быть и другим. Часов ни в палате, ни в больничном коридоре, куда изредка выпускают — выводят — больных, нет. А его наручные оставили только белёсый след на правой руке, исчезающий по мере избавления от загара.

Гребнев пытался считать через сколько минут, секунд или чисел прямого ряда появляется доктор, но всякий раз сбивался. И просто решил, что доктор заходит раз в два часа. Потому что это максимум, позволяющий связанному не потерять свои конечности, в которых остановилась циркуляция крови.

Так и не установив периодичность визитов, как и общее время, проведённое взаперти, Игорь и придумал играть в воспоминания. Что постепенно стало возвращать ему память. Вот и о зубной щётке вспомнил. А сейчас — о бритвах...

Бриться сам он не мог — руки плотно примотаны к туловищу длинными, в три обхвата, рукавами халата. Да ещё и завязаны на спине... Поэтому безопасной бритвой с тупым лезвием ему по щекам водил Боров. Как правило, очередь бриться наступала у Игоря в его дежурство.

Будь у жирного в руках опасная бритва, Гребнев уже давно попытался бы закончить свои мытарства, чиркнув по ней горлом. Не бритвой по горлу — такой возможности у него не было, а горлом по бритве. Боров был медлителен, соображал туго, так что в любом другом случае стоило бы

ещё посмотреть, кто из них двоих — Боров или Гребнев — больше достоин занимать койку в отделении для буйных.

Но он не чиркнул. По безопасной бритве чиркать смысла не было, в лучшем случае получишь маленький порез. Из-за которого можно заработать разве что небольшое воспаление. Которое тут же смажут. Зелёнкой или мазью Вишневского. И будет только хуже. От одного лишь запаха. Хотя хватало вони и от Борова. Которому его обязанность брить больного или пленного, что куда точнее отражало статус Гребнева, даже нравилась. До такой степени, что он вряд ли отказался бы и впредь его брить, которого упорно называл Греком. Неизвестно с чего бы, но звал так, как Игоря звали друзья в далёкой юности. И брил с удовольствием. Может, потому что всякий раз получал наслаждение, сделав Игорю больно? И кто ж добровольно откажется от удовольствия? На халяву к тому же, входящего, так сказать, в должностные обязанности. Так что убивать Гребнева у Борова не было резона — кого тогда он будет брить по утрам, пусть и через день...

Отвлёкшись на процедуру — Боров мыльной пеной, взбитой в эмалированной кружке, обильно намазал щёки Гребнева, так, что даже нос забился, Игорь вновь погрузился в воспоминания, перебирая крупички разрозненных знаний.

Русские мужчины бреются не по мере необходимости, не перед свиданием с женщиной, а по утрам. Некоторые используют электробритву — её изобрёл британец Якоб Шик в 1927 году. Это куда позже её приспособили брить по-мокрому. А изначально придумана она была как раз для того, чтобы избежать возни с водой и пеной. Но многие всё ещё придерживаются той же процедуры, которую сейчас терпеливо сносил Гребнев. Вот только в нормальных условиях, не в психушке, предпочитают бриться бритвенным станком с тонюсенькими лезвиями. Сменными.

В бритве, которой Боров возил по лицу Игоря, лезвия тоже менялись. После того, как ими попользуется вся больница. Но заменить их можно было лишь после процедуры раскручивания самой бритвы на составные части. В станке, который изобрел в 1895 году американец Кинг Кэмп Жиллет, лезвия меняются одним щелчком. И бреют они не в пример лучше. И безопаснее.

Ехидно ухмыльнувшись, Боров протянул бритву не перпендикулярно щеке, а вдоль. И лезвие, пусть и тупое, и спрятанное в углублении станка, неожиданно полоснуло по коже, оставляя за собой кровавый след.

Игорь и ухом не повёл. Не впервой. Но вот бы Боров, исправляя промашку, заклеил ранку газеткой, как это всегда делает, порезавшись бритвой любой мужчина. Потому как нет лучше средства кровь остановить, чем кусочек газеты. Увы, даже если Боров и приклеит бумажку, её будет не прочесть. Пока руки примотаны к туловищу...

— Ты что ж творишь, тварь безмозглая?

Это Зина. Неужто вступиться решила за болящего? Точно! Вот это номер! Игорь такого никак не ожидал. А того, что произошло потом, и вовсе даже помыслить не мог.

— Отойди, дурак! Я сама закончу!

Зина тощим задом оттеснила от стула, на котором восседал Гребнев, тушу Борова. А тот в пароксизме истерического смеха искривил на мясистой морде сосиски губ:

— Зина-корзина! Влюбилась никак! Тили-тили тесто...

— Я всё Михал Исаичу расскажу, так и знай! Будет тебе тили-тили...

Боров, бормоча что-то под нос, отступил, а Зина в два приёма закончила брить Игоря. Промыла ранку. Прижгла. Умница.

— Спасибо, — разлепил губы Гребнев.

— Не за что, — бледные щёки медсестры вспыхнули румянцем. И сквозь него проступили веснушки. Да она

никак рыжая, а не крашенная, подумал Игорь. Ведьма, значит, вот и не боится Борова.

Едва боль пореза, и без того не сильная, утихла, мысли Гребнева вернулись в прежнее русло. Не пялиться ж ему на Зину, занятую делами, ей не до него. Побрила, и на том спасибо. Но ведь далеко не всем нужно бриться по утрам. Женщинам, например. Ну, если не брать в расчёт интимное бритьё... Так и оно бывает не часто. И вряд ли о нём знают в это время. Зато у женщин по утрам другие заботы. Краситься, к примеру.

Тушь там, помада, пудра, крем...

Тушь особенно. И особенно она бы не помешала старшей медсестре. Которая чем-то напоминала Гребневу его Марину. Возможно тем, что была её полной противоположностью. Эдакий подросток-переросток. Худая, с плоской, как у мальчика, грудью, с острыми коленками, обтянутыми хлопчатобумажными колготками, выглядывающими из-под мешковатого белого медицинского халата. Ей бы брючки носить с такими ножками — тонюсенькими, кривоватыми за счёт всё тех же выпирающих коленок. Но до брючных костюмов медперсонала, даже в относительно стерильных операционных, ещё лет двадцать. А вот волосы женщины уже красят. Впрочем, они, кажется, умели это делать во все времена. И не только луковой шелухой, как они выкрашены у Зины. Если это не её родной цвет. Цвет Зины-корзины, как зовёт её вонючий Боров. Которого самого по имени никто не зовёт. Ни доктор, имя которого Гребнев так и не запомнил, хотя и слышал буквально только что в очередной раз, ни Зина, не обижающаяся на дурачка, обзывающего её корзиной. Хотя какая она корзина — прутик. С пучком волос под медицинской шапочкой. Того самого медного цвета. Чем она и напомнила рыжую Марину. Ну и разве ещё взглядом из-под бесцветных ресниц. Ищущим. Ждущим. Ей бы к этому взгляду — реснички да брови взлёт... А у Зины — ресницы белёсые,

хоть и густые. И они теряются на фоне бледного лица. Так что тушь нужна. Кстати, тушь для ресниц придумал английский торговец французского происхождения Юджин Риммель. Ещё в середине XIX века. Но вряд ли сейчас, в середине двадцатого она была у Зины. Разве что кубик некой сажи, смешанной неведомо с чем, на который нужно поплевать, чтоб потом накраситься. Хотя и он, вероятно, появится куда позже. Не говоря уже о туши Maybelline.

Её в начале XX века разработал американец Томас Лайл Уильямс. Идея на миллион долларов пришла ему в голову после того, как он, 19-летний парень, случайно стал свидетелем, как его сестра Мэйбл делает самодельную тушь для ресниц — из вазелина, угольной пыли и обожжённой пробки. Он назвал свою тушь Lash-Brow, и к 1917 году наладил её продажу. Но в те годы тушь ассоциировалась с театром и женщинами лёгкого поведения. Уильямс разрушил эти предрассудки, предлагая свой продукт обычным женщинам.

Это была первая тушь для ресниц, которая производилась на коммерческом уровне в Соединенных Штатах, а компания была названа Maybelline — в честь вдохновившей Уильямса сестры. А в 1958 году американка Елена Рубинштейн изобрела, наконец, тюбик с кисточкой-ершиком...

Значит, он уже, наверное, есть. Хотя последнее, что помнил Игорь, относилось к 1951 году. Однако по некоторым признакам, пусть в больнице для больных и не было ни радио, ни, тем более телевизора, за её стенами был как бы не 1961 год. Как промелькнули десять лет с момента вспышки перед глазами на выходе из комнатухи убитого им Якова Якушева, Гребнев не помнил. Неужто всё это время он пребывал в полусне, наполовину отравленный уколами и таблетками, которые ему буквально впихивал в глотку Боров? Его сменщик так не усердствовал, и у Игоря порой появлялись просветы в сознании...

Но он отвлёкся. Надо было заканчивать с утренними процедурами. И, хотя Зина, с её тонкими и вечно сжатыми, бесцветными и бескровными губами вряд ли это делала, он решил за неё. Накрасить губы.

Губной помадой, которую впервые выпустили французы в 1883 году. А в тюбик её упаковала фирма Guerlain. Потом снова была Елена Рубинштейн, которую на самом деле звали Хая, и родилась она в 1872 году в Кракове, в польской глубинке российской империи, в семье рыночного торговца. Но именно ей, маленькой и некрасивой, суждено было стать законодательницей мод в женском макияже. И с кисточкой-ершиком для ресниц, и с недорогой общедоступной помадой. И если Хая стала первой, кто научил миллионы женщин ухаживать за собой, то в 1912 году другая американка, Элизабет Арден, придала губной помаде более глубокий смысл, превратив её в противостояние от социальной несправедливости. Она вышла на улицы Нью-Йорка, раздавая алую губную помаду феминисткам, которые выступили за свои права. Элизабет Кэди Стэнтон и Шарлотта Перкинс, лидеры феминистского движения в Соединенных Штатах, приняли это поощрение и начали щеголять с ярко-красными губами в пользу женской эмансипации.

Потом пришёл Макс Фактор со своей несмываемой помадой... Ещё один подданный Российской империи Максимилиан Факторович мог бы этой помадой прославить Россию, но сбежал в САСШ от еврейских погромов и черносотенцев. Империи же, как и сейчас (хотя Игорь уже и не понимал, где и когда это сейчас), хотелось «величия и страха», а не славы родины талантов. Так что в утренних процедурах из русского осталось только ковыряние в носу...

Дальше было бы поедание извлечённых козявок, но подоспел завтрак:

— Кушать подано! — стукнув ложкой по зубам Гребнева, Боров сунул ему в рот осклизлый комок овсянки.

Или чего иного. Дурно пахнущего и такого же на вкус. Без соли, сахара и молока. О кофе и мечтать не приходилось. Как и хотя бы о разнообразии завтраков. За то время, что Игорь помнил себя после вспышки, завтрак не менялся ни разу. Если был. А он согласился бы даже на йогурт. Который не то чтоб терпеть прежде не мог, но не понимал, как им можно насытиться. Без гранолы, к примеру.

Квасные патриоты считают, что йогурт изобрёл русский ученый Илья Мечников. Да, он открыл йогуртовые бактерии: *Lactodacillus bulgaricus* и *Streptococcus thermophilus*. Но йогурт уже был и до него! И появился он на свет ещё в древности, во Фракии. А массовое производство йогуртов в начале тридцатых годов двадцатого века начала французская фирма «Данон». Так что это как с кефиром: вроде и наш продукт, да только его закваску выторговала в суде Ирина Макарова, которую по желанию богатого карачаевского узденя Бекмырзы Байчорова похитили знамо с какой целью. А за похищение он расплатился, по сути, патентом на наследственный продукт, традиционный в предгорьях Кавказа. Так что даже кефир не совсем наш.

В России йогурты появились в конце 70-х годов прошлого века, но многие предпочитают на завтрак сосиски. Их придумал в 1805 году австрийский мясник Иоганн Георг Ланер, смешав говяжий и свиной фарш, чего никто не делал до него. Колбаски стали называть франкфуртскими (поскольку Ланер обучался ремеслу во Франкфурте), а также венскими сосисками.

Глотая несъедобную кашу, Гребнев представлял круассан. Тоже далеко не отечественный продукт. Может, поэтому Игорь его недолюбливал? За вечные крошки. Но... Мучные изделия в форме полумесяцев выпекались в Австрии по меньшей мере с XIII века. Однако в историю вошли с 1839 года, когда австрийский артиллерийский офицер Август Цанг открыл в Париже «Венскую пекарню», где пекли такие булочки. Хотя впервые круассан появился

во Франции ещё в 1770 году благодаря приезду из Вены Марии-Антуанетты и появлению вместе с ней в Париже «венской выпечки». Правда, нынешний рецепт, из слоёного теста, появился лишь в начале XX века. С крошками...

Боров, от которого, как всегда, пованивало, наконец оставил Игоря в покое. Пусть и с урчащим от голода желудком. Или от несварения непонятого происхождения каши. Но на другую пищу в этой богадельне рассчитывать не приходилось. Гребнев и в своё-то время, оказавшись в больнице, с настоящим заболеванием, а не приписываемым ему сумасшествием, не мог питаться такой едой. И временами заглядывал в холодильник, стоящий в коридоре. Где еда каждого больного была подписана номером палаты и фамилией. Это если было кому её принести. У Игоря в ту пору было кому о нём заботиться, это ныне он совсем один. И в больнице, и во времени. А холодильника нет и подавно. Его в 1841 году изобрёл Джон Горри, американский врач, разработавший принцип компрессорного охлаждения. Массовое производство холодильников началось в США в 1919 году. Но в СССР первые холодильники появились спустя двадцать лет...

— Зина, а где вы готовите себе завтрак?

Медсестра, уже собравшаяся было покинуть палату, даже вздрогнула. И от обращения к ней, и от хриплого голоса Игоря. А главное — от вопроса.

Она-то подошла к больному проверить его состояние, побрила. А он — с вопросами. Не доктор, которому она грозилась доложить, что с пациентом обращаются плохо, — больной.

Поперхнувшись, Зина разлепила узкую полоску своих губ:

— Ну как где? На кухне. У меня там свой примус...

Ну ясен перец, до массовой газификации ещё лет десять. Это во всём СССР. Эх, знать бы хотя бы, где её кухня. Неужто в Питере?

— А я думал у вас чугунная печурка, на дровах...

— Это у соседей. Чугунная. Как и швейная машинка. Но та, правда, не вся, только станина из чугуна. Так они всю квартиру и занимают. Втроём. Все три комнаты, обкомовские потому что. А у нас в каждой комнате по семье. Нам такую не потянуть... У нас примусá...

— А вы знаете, Зина, что примус в 1892 году изобрёл шведский механик Франц Вильгельм Линдквист? А называется он так от латинского слова «primus» — «первый».

— Ой, надо же? Швед? Настоящий? Я думала...

Зина прикусила язык. Времена хоть и поменяться должны были, но привычка не сболтнуть лишнего осталась. Да и это Игорь так думал, что времена изменились. На самом-то деле он же не знал, какой год за стенами больницы. И какой город. Боров не отвечал на такие вопросы, доктор вообще предпочитал их не замечать. Оставалась Зина. Но и она боялась лишний раз рот открыть. Всё-таки, как догадывался Гребнев, это была не простая психушка. До карательной психиатрии СССР ещё, быть может, и не дошёл, но стоял как минимум на пороге.

— А денатуратом для розжига примуса вы не богаты? — решил разрядить обстановку Гребнев, но как бы хуже не сделал.

Потому что Зина и вовсе покрылась испариной и отшатнулась:

— Что вы такое говорите? Вам в любом случае нельзя...

— Зиночка, да полно вам, я и не думал ни о чём таком! И потом... Пить денатурат? Фи! Я даже водку не пью. Просто вспомнилось, что примус без денатурата не разжечь. И да, была у меня одна знакомая старушка. Из бывших. Так вот она любым напиткам денатурат предпочитала...

Гребнев если и приврал, то совсем малость. Старушка не была его знакомой, а жила в коммуналке, где

квартировал на последнем курсе один из однокашников Игоря. И да, бабуля была из бывших, когда-то её семья владела всей квартирой, в которой к годам застоя в СССР за ней осталась только самая маленькая клетушка. А на общей кухне — вообще лишь угол стола. На клеёнке которого было два круга. Один, правильный и коричневый, от сковородки, на которую старухе, жалея её, все соседи сбрасывали остатки от семейных ужинов. И второй, ближе к овалу, белёсый. От кружки с носиком, такие привозили с вод — Минеральных. В бювете в такую тару набирали лечебную жидкость, и потом высасывали её через носик, промывая ЖКТ, желудочно-кишечный тракт.

У отца Игоря тоже была такая кружка — он часто ездил лечиться, хотя и с переменным успехом. А старушка, хотя она вряд ли бывала на водах, из кружки лакала денатурат. К вечеру она занимала свой угол, дожидаясь пока соседи не свалят ей в общую кучу всё, что не доели, доставала из кармана передника бутылку с денатуратом и щедро плескала в кружку, которую никогда не оставляла на кухне.

Потягивая голубоватую прозрачную жидкость, бабуля неспешно трапезничала. И, как рассказывал удивлённому Гребневу однокашник, история повторялась изо дня в день. А по утверждениям соседей — с окончания войны. Против своих. Когда бабка с первой партией амнистированных вернулась в родные стены.

По прикидкам Гребнева выходило, что это должно было случиться не сразу после войны, а как раз в ту пору, когда его в психушку упекли. Промытарив пару лет в каком-то подвале, выбивая признание в работе на западные спецслужбы. Этот период Игорь помнил ещё хуже, чем время забытья в больничке. Там была боль, избавиться от которой можно было только одним путём. Забыться. Отключить сознание. Конечно, можно было и признаться в том, что от него требовали, оговорить себя. Но тогда бы его

стали пытаться с удвоенной силой. Пароли, явки, фамилии. Потом суд, лесоповал...

Вот он и ушёл в себя. Чтобы всплыть в тишине больничного покоя. Где ему покоя нет и не будет. До скончания века. А из всех развлечений — испуганная Зина. С каким-то непонятным блеском в глазах. Которого и не видно вроде, но который нет-нет, да и полыхнёт из-под бесцветных век.

— А вы знаете, соседям газовую плиту привезли! — неожиданно выпалила Зина, воодушевлённая тем, что с ней заговорили. Едва ли не впервые, видать. — Ещё не подключили, но они уже так довольны, так довольны! Это ж больше не придётся на третий этаж дрова таскать...

Газовую плиту, мысленно продолжил разговор с Зиной Гребнев, ещё в 1825 году запатентовал Джеймс Шарп. А их промышленный выпуск начался в Англии в 1836 году. В 30-е годы прошлого века в Америке было уже 14 миллионов газовых плит. В СССР первые газовые плиты, работающие на искусственном газе, появились вначале в Москве и Ленинграде, перед второй мировой, и исчислялись десятками, а массовая газификация домов началась только в 1957 году. Но и поныне в России газифицировано немногим более половины домохозяйств. В планах — довести до 85 процентов. Так что в великой газовой сверхдержаве как топили дровами, так и будут. Считай, каждый десятый...

Ну ладно, газифицировать дома, даже в газовой сверхдержаве, сложно. Но протянуть-то электрические провода, казалось бы, проще некуда, ими и так все улицы опутаны. Ан нет, и электрической плитой россиянину не похвастаться. Электроплиту изобрёл в 1893 году канадец Томас Ахерн. На Всемирной выставке в Чикаго он продемонстрировал электрический прибор, который использовал ток для приготовления пищи. Первые серийные плиты выпустила немецкая компания AEG в 1903

году. В России первые электроплиты появились... в 1962 году.

— Пить, — еле слышно протянул Гребнев — голос сел внезапно, горло перехватило. Слишком долго он говорил сам с собой.

Зина встрепелась, вспомнила свой сестринский долг. Выскочила за дверь и тут же вернулась. С эмалированной кружкой, копией той, в которой Боров взбивал мыльную пену. А может, она и была той же. Но вместо пены в ней плескалась вода.

Гребнев уже знал вкус этой воды. Чуть солоноватой, с горечью и металлическим привкусом. Пить её можно, но с отвращением. А он хотел бы кофе. Но в России кофе не растёт. Ни в его времени, ни сейчас. В будущем... В будущем тоже вряд ли. И не климат тому виной. Вон, в Израиле растёт всё. Хотя там была безжизненная пустыня. Которая и осталась рядом, в землях палестинцев.

Предпочитающих гадить соседям, но не работать. А у евреев — всё растёт, и земля плодоносит. Потому как вместо военных побед они отмечают новые достижения в медицине. Или открытия. Радуются обильным урожаям, а не числу убитых врагов. Но не в этом суть. А в кофе.

Не растёт, и ладно. Можно же закупать кофейные зёрна. И варить кофе в турке, как это делал в своём времени Игорь. А можно пить растворимый. В 1901 году американский химик японского происхождения Сатори Като изобрёл технологию изготовления растворимого порошка из зёрен кофе. А можно воспользоваться кофемашиной. Её под именем эспрессо-машина в 1901 году запатентовал итальянец Луиджи Беццера. А массовое производство кофемашин началось на Западе с 1902 года.

Игорь тоже уважал кофе из итальянской кофемашины. На работе. И дома — днём. Чтоб с джезвой не возиться. Да и удобно, когда листаешь страницы в интернете, — не приходится отрываться на то, чтоб вовремя снять турку с огня. Но интернет-то тоже ведь

заморское изобретение. Его придумало американское военное Агентство перспективных разработок DARPA в 1969 году.

Вот только для того, чтоб выйти в интернет, нужен компьютер. Первая работоспособная полнофункциональная программно управляемая и свободно программируемая вычислительная машина была создана немецким инженером Конрадом Цузе и представлена вниманию научной общественности 12 мая 1941 года. Уже тогда его Z3 обладал возможностью вычислений в двоичном коде с плавающей запятой и всеми свойствами современного компьютера.

Ещё раньше, в 1936 году первую теорию программного обеспечения компьютеров предложил английский математик Алан Тьюринг. Тот самый, который в годы Второй Мировой взломал немецкую «Энигму». Он же придумал систему сокращённого кодирования, в которой для представления двоичного машинного кода использовалась последовательность телетайпных кодов символов, выводимая на перфоленду. А 14 февраля 1946 года США представили первый программируемый компьютер общего назначения ENIAC — Electronic Numerical Integrator and Computer. Когда Гребнев познакомился со своей будущей супругой, она ещё вовсю набивала перфокарты для супербольшого в СССР компьютера. Но тот компьютер был только по размерам супербольшой...

С той поры воды утекло немало. И все компьютеры теперь работают... Если они работают, а не создают повод для липовой патриотической гордости, то работают на американской операционной системе Windows. Или на американской же Linux. Или тоже американской IOS. Разве что планшет, смартфон и телевизор работают ещё и на Android. Тоже родившемся в США.

Отечественные операционные системы, перейти на которые десятилетиями грозит правительство, это либо

всё тот же Linux, либо другие далеко не лучшие заимствования. Что «ОСнова», что «РЕД ОС». Некоторые даже не скрывают своё происхождение, как Astra Linux. Если и есть в них что отечественное, — то системы слежки за пользователем. И передача полученных сведений «товарищу майору». Чтоб в любой момент можно было прийти к гражданину, повязать его, посадить. Ну, или в лучшем случае для него, отправить, психушку. Хотя так ли уж это хорошо...

А россиянин тем временем создает документы с помощью американской программы Microsoft Office. Все отечественные офисные программы — его клоны. Если они не пиратские версии, а проще — украдены. Это и не хорошо, и не совсем плохо — это про клоны. Никто ж не запрещает пользоваться мировыми достижениями. Хотя за разумную плату можно и не изобретать велосипед. Уж коль сами не смогли вовремя изобрести. А вот воровать — как минимум некрасиво.

Созданный документ можно отправить по электронной почте, которую придумал в 1972 году Рэймонд Сэмюэль Томлинсон, американский инженер и программист. А можно просто распечатать. Принтер, кстати, тоже изобретён американской компанией Remington в 1953 году. Сегодня в мире насчитывается полтора десятка производителей принтеров, но российских принтеров не существует. В принципе.

Игорю и мечтать сейчас не приходилось ни о кофе, ни о компьютере, ни, тем более, об интернете с принтером. Сгодился бы даже телевизор, который Гребнев не смотрел принципиально, справедливо полагая, что, кроме оболванивания, плазменный экран ничего иного не сулит. Хотя начиналось ещё с голубого. Экрана. Где уже прорастали будущие отравители мозгов.

Но в больнице не было даже телевизора с голубым экраном кинескопа. И это едва ли не единственное, что чуть не дала миру Россия. Да и то с оговоркой. В 1919 году, в

возрасте 31 года изобретатель телевизора Владимир Зворыкин стал американцем. И уже там запатентовал своё изобретение — прибор, способный передавать полученное изображение объекта на экран катодно-лучевой трубки, тот самый голубой экран, он же — кинескоп. В СССР телевизоры были побочным продуктом «оборонки». Такой был и у родителей Игоря. И переключать все три канала в нём нужно было с помощью пассатижей. После того, как через полгода эксплуатации от верньера остался один только центральный штифт. А пластик рассыпался в прах...

Именно поэтому сегодня в большинстве российских квартир смотрят корейский Samsung или LG, голландский Phillips, японские Sony или Toshiba...

В общем, как ни крути, ему, пока что избежавшему суда и казни за несуществующую работу на заморские разведки, и без него владеющие куда большим запасом и знаний, и открытий, особо гордиться было нечем.

2

Никогда не знаешь, что будет завтра. Но порой даже следующий шаг может преподнести немало сюрпризов.

Чем-чем, а сюрпризами Игорь был сыт по горло.

Второй обитатель палаты, в которой томился Гребнев, был тихим. От слова совсем. И если бы к нему порой не подступался Боров, для бритья ли или для смены белья, что случалось ой как редко — смена белья, а не бритьё, то Игорь вполне мог бы сказать, что тот уже мёртв, а он сидит в одиночке. Хотя большей частью лежал. А вот его сокамерник действительно иногда сидел. Раскачиваясь взад-вперёд. Но опять-таки молча. В отличие от обитателей соседних палат. Из которых порой доносились и вопли, и стоны, и просто матерная брань.

Так проходили дни, недели, месяцы. А может, и годы. Ведь порой на Гребнева накатывало, вырубало после очередной дозы лекарств. На сколько — часов или дней — он не знал. Доктор лишь кивал, выслушивая просьбы

выпустить Игоря хотя бы из смиренной рубашки. Боров злорадно посмеивался. И норовил порезать во время очередного сеанса бритья. Так что Зина вскоре взяла бритвѐ полностью в свои руки — доктор велел, в присутствии Борова, обиженно насупившегося.

Игорь был рад этой небольшой победе над своим незавидным положением. И в глазах Зины он заметил какую-то искру. Может, она действительно влюбилась в него, как дразнил её Боров? В кого? В преступника? В сумасшедшего?

Это он знал, что ни тем, ни другим, не был. Даже с учётом смерти Якушева. Необходимая самооборона. Пусть и не ведают ещё здесь о такой. Но он-то виновным себя не считал. Впрочем, ни один преступник никогда вину свою не признавал. Пока его не припрут к стенке.

Но вот что было чудом. Игоря в чём только не обвиняли, но в гибели милиционера — ни-ни. Хотя, казалось бы, вот он реальный шанс припереть к стене. И поставить наконец-то к стенке...

А если Зина влюбилась в него как в мужчину? Некогда довольно видного... Гребнев давно не видел себя в зеркале, но был невысокого мнения о том, что увидит, случись такая оказия. Но в палате смотреть было некуда. А по коридорам Игоря в кабинет врача и на осмотры консилиумом из трёх докторов, таких же невыразительных, как Исаич, отчество которого он наконец запомнил, но куда более древних, водили крайне редко. Да и не было в коридоре куда глянуться. Окна до половины закрашены, в матовых зелёных стенах отражения не разглядеть. Только и того, что дневной свет виден, не то, что в палате, где всегда под высоким потолком горит одна пыльная лампочка, а окно так, для отчётности. И узкое, словно бойница в крепостной стене, и закрашено полностью. Ни лучика не пробивается. Но хотя бы и ночь в палату через окно не заглядывает.

Так бы и влачил он свои дни до смерти, которая на таких харчах да с такой кормёжкой — ложкой в зубы всякий раз, пришла бы куда быстрее, чем Игорю было отмерено. Но однажды случилось чудо. И консилиум, посоветовавшись, неожиданно постановил: смирительную рубашку снять.

Разминая руки, не то чтоб затёкшие — отвыкшие от любой нагрузки, Гребнев от нечего делать наконец-то пригляделся к сокамернику. Который тоже уселся на своей кровати в позе лотоса. Привычно раскачиваясь. Но при этом — или Игорь просто прежде не замечал — косясь в его сторону. И не просто так, безумным взглядом, в котором ничего не отражается.

Сокамерник был внимателен, подмечал мельчайшие детали. Но молчал. И раскачивался. А когда Игорь попытался обратиться к нему и даже рот уже открыл, тот неожиданно кивнул в сторону двери. И вовремя.

Мгновение спустя на пороге нарисовался Боров.

Гребнев успел напустить на себя безучастный вид. И впериться бессмысленным взглядом в угол у окна. Того самого, которое узкой щёлкой дополняло палату. Или камеру. Тюремную. Если не хуже. Из тюрьмы-то ещё можно выйти. Хромым, больным, через много лет. Отсюда — вряд ли. Сколько бы ни прошло лет.

Боров, на найдя к чему прицепиться, недовольно хмыкнул, что-то буркнул, замахнулся на соседа Игоря. Но тот как раскачивался, так и продолжил играть роль болванчика. Даже бровью не повёл.

И Боров отступил. А потом и вовсе свалил. Но сосед Игоря никаких признаков здравомыслия более не подавал. Уж не показалось ли ему, задумался Гребнев. Но решил не торопить события. К тому же пришла Зина. И он, уставший от разговоров с самим собой, которые со временем стали сводить его с ума больше, чем просто молчание, нашёл благодарные уши. И восторженные отклики на его познания.

— Зиночка, а в вашем доме есть лифт?

Гребнев всякими окольными путями пытался найти ответ хотя бы на один на мучивший его вопрос: где он? То, что в психушке, ясно. Но в каком городе? Вроде как не Питер. Морем не пахло. Хотя какое море будет пахнуть среди моря карболки, людских экскрементов и боли? Но всё равно воздух был, к примеру, слишком сух как для Питера. А поверх крашеной половины окон в коридоре с улицы в больницу и вовсе заглядывали верхушки сосен. Дома призрения в России издавна строили вне городской черты. Так что отсутствие городского шума его не удивляло. Да и не могло его ещё быть — какой там автомобильный трафик даже в том же Ленинграде пятидесятых-шестидесятых? Но вот сосны...

Да, это мог быть какой-то загородный сад. В Ярославле, где была прописана Марина, «дурка», к примеру, так и зовётся — Загородный сад. Но по словам Зины — а она нет-нет, да и обмолвится, жила она в двух шагах от больницы. С соседями. По коммуналке. И в соседней квартире — с райкомовскими. Которых газифицировать должны со дня на день, заменив их дровяную печурку...

Вряд ли это райцентр. А районы есть и внутри городов. Москвы или Питера. Которые и были газифицированы в числе первых.

— Скажете тоже! Живём мы на третьем, и лифта у нас нет. Потому что выше только крыша. Да у нас на весь город и одного лифта не найдётся! Потому как все дома в пять этажей, да и то это те, что сейчас строятся. Но и там без излишеств. Да что там! Там даже туалет... У нас на всю квартиру один, а в новых домах — он с ванной. Помыться кто пошёл — нужду уже не справишь!

— Что ж это за город такой? — пошёл Игорь ва-банк.

— Не велено! Вы и сами об том знаете. Как по именам вас нельзя величать, так и об остальном сообщать...

Ну вот, опять мимо. Разговор затеял, но ничего не узнал. Тогда хоть базу выдам, решил Гребнев.

— А вы знаете, что лифт ещё в 1854 году изобрёл Элиша Грейвс Отис? Американский инженер. А уже спустя три года в Нью-Йорке был установлен первый пассажирский лифт. Сам Отис и до пятидесяти не дожил, но основанная им компания, которая так и называлась, Otis, разработала целую систему электрических подъёмных механизмов...

Следующий заготовленный вопрос можно было не задавать. По поводу машины. Владение ими в частном порядке только недавно должны были разрешить. Хотя считается, что автомобиль изобрёл Иван Кулибин. В очень далёком 1791 году. То была трёхколёсная самоходная тележка с педальным приводом — до изобретения двигателя внутреннего сгорания ещё века оставались. Но в конструкции Кулибина использовались механизм передач, тормоза, реечное управление и сиденье для пассажира — все признаки автомобиля. Вот только первое серийное производство автомобилей началось в Германии в 1888 году Карлом Бенцем. За ним последовали братья Пежо во Франции, Форд в Америке... Сегодня в России из отечественных только «Лады», да и те куплены у Fiat. Хорошо ещё не украдены. Остальные машины — это «японцы», «корейцы», «немцы», «французы», «американцы». Теперь уже и «китайцы». Даже если собраны они в России. Правда, из отечественного вклада там только шильдик...

Но все они, независимо от происхождения, едут по асфальтированным дорогам. Там, где они есть. В России первый асфальт уложили в 1839 году. Тогда в Санкт-Петербурге под руководством инженера Ивана Фёдоровича Буттаца заасфальтировали кирпичную дорожку вблизи Тучкового моста и около 100 метров тротуара на дамбе. Это был эксперимент, вдохновлённый французской практикой, но материал оказался дорогим, и на этом всё закончилось.

До 1873 года своего асфальта в России не было. А во Франции такие дороги строили с 1832 года.

Если верить статистике, то общая протяжённость асфальтированных дорог в России превышает 984 тыс. км — это около 64 процентов от общей дорожной сети страны. Но даже в этом случае выходит, что почти половина российских дорог — это скорее направления. Не говоря уж о том, чтоб у них было твёрдое покрытие. И разметка. Хотя бы на перекрёстках. Где чаще всего и случаются аварии. Если нет светофора. Который был изобретён в Англии. Его «отец» — Джон Пик Найт, автор идеи и создатель первого светофора, который был установлен в Лондоне 10 декабря 1868 года. Но этот светофор больше походил на железнодорожные семафоры, и работал по схожему принципу. А в 1910 году Эрнст Сириг создал первую автоматическую систему светофоров. Для её работы нужны были две таблички с надписями «Stop» и «Proceed», которые запрещали или разрешали движение. И только в 1912 году американец Лестер Вайр придумал электрический светофор с двумя светильниками круглой формы зелёного и красного цвета. Свою конструкцию он не запатентовал, поэтому спустя 11 лет патент на светофор получил другой американец — Гаррет Морган, который и вошёл в историю как автор первого трёхпозиционного светофора.

В автомобиле, застывшем на светофоре, либо холодно, либо жарко. Что зависит и от автомобиля, и от погоды. Для комфорта можно включить кондиционер. Но это сейчас. А первый кондиционер только в 1902 году изобрёл американец Уиллис Кэрриер. И его первые бытовые кондиционеры Carrier появились в продаже в 1931 году. Но лишь в 1936 году в автобусе на маршруте Дамаск – Багдад был впервые установлен автомобильный кондиционер...

У Зины не могло быть машины. С кондиционером — тем более. Скорее всего, она ездила на работу или по делам в трамвае. Или в троллейбусе. А то и в метро.

Трамвай изобретен в Германии Эрнстом фон Сименсом в 1879 году. Хотя на эти лавры претендует и Фёдор Аполлонович Пироцкий, русский инженер, на чертежи которого вроде как и ориентировался Сименс. Но Пироцкий предложил принцип работы трамвая на электрическом ходу на основе конки в 1880 году. А Сименс ещё в 1879 году представил на Берлинской выставке первую в мире электрическую железную дорогу. В 1881 году на окраине Берлина открылось регулярное пассажирское движение по первой в мире электрической трамвайной линии, построенной компанией Сименса.

Да, у Сименса были деньги. А у Пироцкого — Россия за спиной, которая никак не была заинтересована в том, чтобы подданные её властителя жили лучше...

Так же случилось и с троллейбусом, к которому Сименс тоже приложил руку, но первый блин вышел едва ли не комом. Если бы в 1882 году бельгиец Шарль Ван Депуле не запатентовал в США «троллей» — токоприёмник в виде штанги с роликом на конце. Первый троллейбус в Европе вышел на линию в 1911 году в Австро-Венгрии, а в СССР — только в 1933 году.

А метро... Его первая линия открылась в Лондоне в 1863 году. Но ещё в 1846 году Чарльз Пирсон представил свой проект метрополитена Королевской комиссии железных дорог. Но за основу британцы взяли предложение по прокладке тоннеля под Темзой французского инженера Марка Брюнеля. Проект готовился для Санкт-Петербурга: тоннель предлагалось проложить под Невой. Но правивший тогда Александр I предпочел вместо этого построить через Неву Дворцовый мост. Так что с метро в России тоже не задалось. И в СССР оно пришло с комсомольцами-добровольцами. 15 мая 1935 года. Не будучи ни первым в мире, ни самым большим по количеству линий и

маршрутов или по их длине, как и по количеству станций с годовым или суточным пассажиропотоком, отечественный метрополитен постепенно сдаёт и те сомнительно первые позиции, что были. Хотя в Москве и продолжается его развитие, чего не скажешь о провинции.

Но ничего этого Гребнев Зине не сказал. Он и так уже выглядел в её глазах иностранным шпионом. Так и до того, что она его разлюбит, глядишь, недалеко. А ему нужен хотя бы один союзник в этой тюрьме. Не надеяться же на сокамерника.

И тут пришло время сюрпризов...

3

Никто в мире не соревнуется Россией по числу приоритетов, в чём бы они ни выражались. С этим и так всё ясно. У Талибана, к примеру, их отродясь не было, если не считать побивания женщин камнями. У тех же, кто действительно двигает прогресс, нет времени на подобные глупости — прогресс потому так и зовётся, что на месте не стоит. Остановился — отстал. А Россия осталась даже не в прошлом — позапрошлом веке. Даже беженцы из куда более убогих стран рассматривают её лишь как плацдарм для дальнейшего прыжка. В нормальные, цивилизованные страны. А в интересах нормальных людей она и вовсе занимает последние места — где-то после результатов очередного матча третьего дивизиона районной лиги по домино. Потому что ей нечего предложить миру. Интерес к медведям с водкой давно прошёл. Да и нет-то её, своей водки. В мире пьют «Финляндию». А «Столичная» давно уж не имеет никакого отношения к России. Как нет и величия России в её культуре, об экономике и говорить не приходится. Были когда-то отдельные писатели и музыканты, учёные и открытия. Большую часть из которых из страны если не выжили, то загубили. Насмерть.

Можно бесконечно хвастаться Гагариным и «Войной и миром». Что Толстого, что Бондарчука. Но это

прошлое. И уже далёкое. А для величия нужна подпитка каждый день, здесь и сейчас.

Ну, да, построили Москва-сити. Ну так и этим никого не удивишь. Есть куда более крутые новостройки в мире, и повыше, и красивее. А вот тем, что на вонючее, немытое тело натянули модные шмотки, сев за руль в супер-пупер навороченные машины, не свои опять же, можно обратить на себя внимание. Интерпола. Откуда, батенька, у вас такие расходы, если доходы того не позволяют? Это в России таких вопросов не задают. А за её пределами — первым делом.

И да, можно сколько угодно возносить хвалу мудрому руководству Сталина, принявшего Россию с сохой, а оставившего с ракетной дубиной. Которой его последыши продолжают потрясать, не замечая, что дубину-то моль или шашель поели. Да и вся эта хвала до поры, когда и за восхваляющими придут. С теми же, сталинскими методами. От которых у великого друга всех пионеров и его подручных руки по локоть в крови. И даже Королёв, который вывел СССР в космос, умер оттого, что в лагере ему сломали челюсть, а когда потребовалось установить дыхательную трубку во время операции, врачам не удалось это сделать из-за неправильно сросшихся костей. А с каким, небось, усердием измывался над учёным палач, облечённый властью...

И ведь что страшно... За те преступления никто не ответил. А это прямой путь к новым. И не потому ли даже Яшка сорвался с цепи, в убийцы подался? Пусть он и не знал о том, что ныне знает Гребнев.

Всё это мигом пролетело в голове Игоря, когда его сосед по камере, всё так же монотонно раскачиваясь, не разжимая губ, едва слышно обронил свои первые за то время, что они провели вместе, слова. После чего его словно прорвало. С учётом, конечно, оглядки на дверь и возможное подслушивание с подглядыванием.

— Ни в коем случае не показывай, что слышишь меня.

Просьба была простой, легко выполнимой, но Гребнев едва всё не испортил. Вскинув взгляд на соседнюю койку. Но тут же одёрнул себя. И затих в прежней позе — свесив босые ноги с кровати.

Они так и сидели, один раскачивался и едва слышно бубнил свой рассказ, второй — внимая, свесив ноги к холодному полу.

...— Можешь не верить, но это я — тот, кто кончил красного упыря. Не сам, конечно. И не своим умом к тому дошёл. Да и не мог бы я выживать сам столько лет... А так да... Ещё в сорок втором... В самом начале. Зима, голод... В Ленинграде народ пачками мрёт... Ну и меня под эту дудку оформили... В общем, с той поры меня как бы и нет. Но я на службе. Был. Всё это время. Выполнял поручения. Особые. Удар у меня поставлен... Не зря ж боксёром числился. И не худшим в стране... В общем, когда нужно было кого по-тихому убрать, звали меня. Точнее посылали. Кто — не знаю. Даже не спрашивай. — У Игоря и не было даже мысли такой, он слушал, с замиранием сердца. Потому как открывавшееся ему знание могло означать, что его судьба предreshена. Многие знания — многая печали. В лучшем случае.

Но спрашивать и не требовалось. С соседней койки продолжал шелестеть едва различимый голос.

— Порученцы, приказ передававшие, менялись порой. Не просто менялись. Некоторые уходили, туда, куда я отправлял тех, на кого они указали. Или в газетах о них писали. Такого-то и такого, мол, разоблачили. Ну и... Но с ними то уже без меня было. Мне и без того работы хватало. И никто меня не искал. Да даже если бы искали... Меня ж как бы и не было. Но я приходил. Стукну кулаком — и вроде как приступ у человека случился. От чего он и помер. Но это только с отдельными. С теми, кого во вред было под одну гребёнку, пулей в затылок... Хотя, сам знаешь,

большую часть вредителей и врагов народа просто пускали в расход. Без изысков. В лагерную пыль. Был этот, как его... Конвейер, ага. А я как бы мастер. Штучный.

Гребнев в тусклом свете лампочки пытался получше разглядеть своего сокамерника, на которого прежде особого внимания не обращал. И сам был в полутрансе, и сосед не особо признаки разумной жизни подавал.

Сейчас разглядывать тоже вроде как было во вред их беседе. А ну как за ними действительно следят? Это сокамерник может не знать о методах и способах удалённой слежки с помощью всяких хитроумных приспособлений, камер, микрофонов и прочего, что есть в арсеналах спецслужб. Да, в этом времени до них могли ещё и не додуматься. Хотя американское посольство, если Игорь не ошибался, уже тогда прослушивали. Но даже если и ошибался в этом вопросе, то отлично знал, что и как может быть устроено и организовано. И раз уж он здесь оказался, вне времени и без особых надежд на будущее, то и устройства из его времени тоже могли очутиться в другой эпохе. Если кому-то это было нужно. И этот кто-то имел доступ если не к предпоследнему вагону электрички, то к иному средству перемещения между мирами. В чём-чём, а в этом Гребнев был уверен. Не требуя доказательств. Но доказательство было перед ним.

Некогда большой и сильный мужчина. С искривлённым, потому что сломан, носом — боксёр же. Не греческий профиль, но властность и порода чувствуются. Высокий. Когда встанет с кровати. Но пониже Борова. Хотя и едва ли не шире в плечах. И это без капли жира. Но полуголодное существование всё ж взяло своё — рёбра не проглядывали сквозь смиренную рубашку, но как бы предполагались. Вместо былых мышц.

— Ну так вот... В тот день меня через посты провёл Хрусталёв...

Гребнев не подал виду, но фамилию вспомнил. То ли по фильму, который он не смотрел, то ли по какой иной

зацепке. Однако безошибочно определил о ком речь. То ли порученец, то ли начальник охраны Сталина в ту ночь, когда вождя народов удар хватил. А теперь выясняется, каким был этот удар. Не совсем тем, оказывается, какой смысл вкладывался в это слово в сороковые-пятидесятые. Удар — в прямом смысле. Если Игорь правильно понял сокамерника.

— Сам-то он побоялся... Хотя давно мог бы. Кончить, и все дела. Но привёл меня. Не сам, знамо дело. Велел ему тот, кто знал обо мне. Все эти годы знал. Но, видать, прежде не подступиться было. А тут Власика убрали...

Игорь вспомнил и эту фамилию. Личного порученца Сталина, бывшего при нём не меньше четверти века. Что уж там вышло, и действительно ли Власика отодвинули для того, чтоб добраться до вождя, Гребнев даже не задумывался. Ни прежде, ни сейчас. Убрали, ну и убрали. Но кто-то шансом воспользовался. Имея в запасе человека-невидимку. Который вроде как и умер давно, но с ударом у него по-прежнему было всё в порядке.

— В общем, Хрусталёв провёл меня мимо постов, потом в опочивальню, а сам дежурной смене спать велел. Мол, сам Сталин так сказал. Хотя никогда прежде тот такой отеческой заботы о прислуге не проявлял. Но, может, почуял смертный час, и озаботился, чтоб помнили о нём не только плохое. Ну да мне было не до этого. За Хрусталёвым дверь ещё не закрылась, а я уж тут как тут. дождался, когда вурдалак пошёл боржомчику испить. Они-то его Хозяином звали. А мне он был мишень. Как и все предыдущие. Никогда не думал о них, как о живых людях. Сказали — сделал. Так что я и тут без разговоров приложился. Как меня учили. По-хозяйски. Ну а как иначе с Хозяином-то. После такого удара всех моих соперников с ринга уносили. Оттого, видать, и выбрали меня, и устроили так, что я вроде как умер. Потому как был нужен кому-то молодой, умеющий одним ударом решать все вопросы. Ну да не в

том вопрос. В последний момент Хозяин-то вроде как почувал что, начал оборачиваться, ручонку свою сухую стал поднимать. Но я уже ударил. Однако, видать, вскользь вышло. Хотя, наверное, так было и лучше. Что умирал он потом трое суток. Небось ведь и понимал, что не жилец. В сознании ж был. Когда я уходил. Но рассказать никому уже ничего не мог. Пусть и не насмерть, но ударил я грамотно. Не убил, но кровь ему в голову ударила. И поделом.

Рассказчик перевёл дух, а Игорь сопоставил услышанное с тем, что знал о смерти Сталина. Вроде как всё совпадало. За исключением удара. Кулаком. О нём нигде не упоминалось. Но он, похоже, был. Ведь иначе почему этот человек исчезнувший для всех в 1942-м сидит на соседней койке в доме призрения?

— Через десять дней всё завертелось. Хрусталёв пропал. Да я его и не искал. Не было нужды. Кому надо, всегда знали где меня искать. Не принято было, чтоб я работу искал, она меня искала. А пропал Хрусталёв... Ну что ж, прежние порученцы, как я говорил, тоже не всегда жили долго и счастливо. Вот и Хрусталёв... Говорили, сердце не выдержало. Но ведь не в камере же помер. Так только потому, что нельзя ему было в камере умирать. Он и пожил после неё ещё десять дней. А ещё через неделю пришли и за мной...

Рассказчик, то ли утомившись, то ли заново переживая случившееся, умолк. А Гребнев его не торопил. Да и что он мог сказать? Ему сейчас надо было делать вид, что ничего не понял. А слушал так, просто, ибо деваться некуда было. Хотя эти оправдания следовало оставить до момента, когда за ним придут. Опять. Как пришли к камерке Якушева.

— Били меня и ломали долго. Но не на того напали. На ринге мне ещё и не так доставалось. И ничего, выжил. Но когда понял, что просто убьют, дурачком прикинулся. Они потом меж собой переговаривались, мол,

перестарались. Да ничего уже было не воротить. И меня отправили сюда. И опять я выжил.

Вновь тяжкий вздох.

— Аминазином не закололи. Хотя и здоровья это мне не прибавило. Сердце, как бешеное, колотится даже когда лежу. Уж лучше сидеть. Как сейчас. Но сопротивляться я полностью прекратил. Они и отстали.

У Гребнева была куча вопросов. Видать, его сокамерник был куда лучше осведомлён и где они, и год какой за стенами психушки, и о многом другом знал, куда больше Игоря. Но он молчал. Не хотел рисковать.

— Отстать-то отстали. Да не совсем. Завтра с меня снимут «камзол»...

— Что снимут? — не выдержал всё же Гребнев.

— Рубаху смирительную, — просветил его сокамерник. — И отправят на Розочку...

— Куда? — вновь под нос себе прогундосил Игорь.

— В Крым. Вроде как на реабилитацию. Велено всех, кто по 58-й, отпустить. Видать, пополнение грядёт, места нужны.

— В Крым? А мы где?

— В Крым. Есть там такая больничка, для больных на всю голову. На улице Розы Люксембург. Вот потому и Розочка. Вроде как курорт. А мы в Казани. Неужто не понял? Губернский специализированный дом для госпитализации умалишённых. Был. Теперь психиатрическая тюрьма. Для тех, кто властью недоволен. Ну, или как я. Посмевающий власти не только перечить, но и крест на её отребье поставить. Но, видать, как я не справился с одного удара, так и со мной не задалось. Или нарочно решили за промашку помучить. Мол, из-за тебя Хозяин наш три дня мучился, вот и ты потерпи. Три года.

— Так сейчас тысяча девятьсот пятьдесят шестой?

— Экий ты быстрый... Три года это меня били. Аккуратно так, чтоб не помер. Но спрашивали строго.

Видать, искали того, кто заказал. Но тут и Берия помер, и Хруща сняли, а я всё здесь...

Кровь прихлынула к голове: Гребнев навскидку решил, что за стенами больницы прошло не менее чем на десять лет больше, нежели он предположил. А сколько из них он здесь обретается? И сколько лет прошло в его времени? А ведь он всего лишь домой вовремя не вернулся...

4

— Ты не нашего поля ягода, видать, всё ж шпиён окаянный, — убийца вождя народов в выражениях не стеснялся. — Но шанс выжить у тебя есть. Может, как раз по этой причине. Ищут на кого тебя сменять. Но не знают, кому предложить. Раз ты себя не оговорил. И правды не сказал.

— Да вся моя правда в том, что никакой я не шпион! — возмутился Игорь, чуть громче, чем следовало.

— Не шпиён, и ладно, зачем, однако, о том кричать? Я тебе о другом хочу сказать.

За окном уже могло бы, наверное, светать. Если бы свет проникал в их камеру.

— Каждые шесть месяцев больного должны переосвидетельствовать. И не тройкой с нашим Арендтом, который симулянта от тронувшегося умом не отличит... Да что Арендт, все врачи наши — офицеры ЧК, а не доктора, от них ничего хорошего не жди. Как и санитары — все сплошь эки, и по большей части душегубы, как наш Боров. Но я о другом. Больного, то бишь заключённого, должна раз в полгода освидетельствовать Центральная врачебная экспертная комиссия тюремного управления НКВД, о как. Или сейчас МВД... В общем, это не важно. Но, как сказано в приказе, освидетельствование нужно «для определения возможности прекращения принудительного лечения в соединении с изоляцией вследствие выздоровления или неизлечимости заболевания». Так што завтра меня должны

признать выздоровевшим. И отправить в Крым. Куда я не доеду.

— Бежать с этапа решил?

— Да ты глупее, чем я думал. Не довезут меня. И не сам я помру. Помогут. Для того и выведут за стены. Штоб эту... статистику не портить, во.

— Но как же...

— А вот так, — повышая голос оборвал Гребнева бывший политический киллер. — Али ты ещё не понял, што нет отсюда выхода? Иначе, как вперёд ногами. Все так выйдут, и ты, если меня слушаться не будешь, тоже выйдешь. Как Щилов.

— Как кто?

— Был тут у нас такой герой. Лётчик. Ещё и Советского Союза Герой. А вышел... Как все... Меня как раз сюда привезли, когда он помер. Из-за Берии. Тот ещё в сорок седьмом глаз на его жену положил. Вызывал её к себе. Прямо из дома, при муже забирал. А тот озлился, да и накатал рапорт. Ну, парня и сослали. Для начала. В пустыню. А потом и вовсе дали четвертак. За попытку бегства за границу, участие в «контрреволюционном заговоре» и «работу на иностранные разведки». Ничего нового. Мне тоже лепили. Но я сдурел, — сокамерник внезапно ухмыльнулся, кривой улыбкой, обнажившей изъеденные зубы. — Не то Щилов... В лагере, когда проходили проверки или приезжала очередная высокая комиссия и спрашивала, обходя бараки: «Вопросы есть?», Щилов немедленно откликался: «Есть. Берию еще не повесили?». Так что из карцера он не вылезал. А когда Берию скинули, ему вроде как поблажка вышла. Освободили. По амнистии. Но Героя не вернули. А парень гордый был, требовал реабилитации. И наказания всех — от следователя, что слепил дело, до тюремных надзирателей, ломавших его через колено. Из-за чего из лагеря он вышел еле живым. А его опять взяли, раз такой неутомонный. Сам народный маршал Жуков руку приложил. Он в ту пору

округом командовал, Одесским. А Щиров жил там. И за ним пришли. Как водится, среди ночи. Запихнули Щирова в психушку в Одессе, но он сбежал оттуда. Так что его перевели к нам. И тут у него остался только один выход. Через который он и вышел. Уж на небеса ли, как лётчик и Герой, или в ад, за нетерпимость к нашей «родной партии», не знаю. Но помер он. Как раз сразу после моего перевода сюда...

— И откуда ты это всё знаешь?

— Посидишь с моё... У нас тут есть отсидевшие уже по 15 – 20 лет. Без суда и следствия. Вот кто может порассказать. Ты-то покуда большей частью спал. Тебя пичкали снотворным, и ты спал неделями. Как пролежней не нажил, не знаю. Ну да это дело наживное, зафиксируют ещё пару раз, и получишь...

Гребнева такая перспектива никак не устраивала.

— Что ты удумал, скажи?

— Уж не знаю, верить ли тебе... Я ж сказал, не нашего ты поля ягода... Но другого никого нет. Так что рискну... Конец всё едино уже виден.

Затянувшийся до утра разговор закончился тем, что боксёр, отказавшийся назвать свою фамилию, но исполнивший приговор в отношении Сталина зевнул и бросил почти в голос:

— Надо бы и поспать. Силы напоследок могут понадобиться. Ты только это... Зину не зобижай. Хорошая она, хоть и несчастная.

Гребнев не стал ничего отвечать. План, которым с ним поделился сокамерник, имел только один изъян. В случае неудачи — неизбежную смерть. Впрочем, без реализации плана смерть тоже подстерегала Игоря на каждом шагу. Который ещё и сделать ему вряд ли позволят. И убьют просто так. Подумаешь, статистика... Для статистики один человек всего лишь погрешность.

...Казанская психиатрическая начиналась как самая современная в Российской империи. Её первый главврач

Александр Устинович Фрезе ещё до начала строительства лечебницы посетил Нидерланды, Данию, Францию и Германию, чтобы выбрать для устройства больных всё лучшее и современное. Именовалась она вначале Окружной лечебницей во имя Божьей Матери Всех Скорбящих. И над больными в ней никто не измывался, не окатывал ледяной водой из шланга, не избивал, не колол безбожно воспетый Высоцким галоперидол. Но было это в «тёмном» XIX веке. С новым веком всё стало иначе. В 1909 году её преобразовали в первую в России специализированную судебно-психиатрическую больницу. И уж тут царские сатрапы расстарались. К больнице был пристроен флигель, изолированный от территории собственно больницы. С 1917 года сюда помещались в основном душевнобольные, обвинённые в убийствах, бандитизме, поджогах. А с 1934 года сюда же строим пошли обвиняемые по политическим статьям. И это ещё всё знающий сокамерник Игоря умолчал о том, о чём знать не мог. В самый пик «расцвета социализма», до которого они на тот момент ещё не дожили, в лечебнице было около 1000 заключённых. По углам территории стояли вышки с часовыми, а над стеной-забором — натянута колючая проволока. Из лечебных мер — электросудорожная терапия, из мер наказания — «укрутка», когда пациента обматывали влажной парусиной, по мере высыхания сжимавшейся, из-за чего наказанному становилось невозможно дышать. Ну и «лечение» сном, с которым Гребнев познакомился уже на собственной шкуре — «сонотерапия» могла длиться непрерывно семь – восемь дней. Но сейчас именно прошлое больницы, с его человеческим лицом, должно было прийти на помощь обречённым.

До того, как всё случится, оставалось каких-то четыре часа...

5

— Зина, а можно я сам?

Гребнев аккуратно, даже можно сказать нежно перехватил руку медсестры, брившей его тупым лезвием. В палате они были одни — сокамерника Игоря, как тот и предвещал, увёл Боров. Недовольный. Но послушный — Зина только цыкнула на него, и тот отступился от Гребнева, не вставшего с кровати с его появлением.

— Не положено... — неуверенно начала Зина, но Игорь уже водил станком по обострившимся скулам. А потом и вовсе смахнул с лица остатки пены подобием полотенца — серой тряпицей с обмахрившимися краями.

— Спасибо вам, Зиночка, — сунув станок в кружку, Гребнев перехватил тонюсенькую, едва ли не прозрачную женскую ручку, перевернул её ладонью вверх и поцеловал.

— У вас сегодня банный день, Арендт распорядился. — Медсестра скорее машинально — просто больше некуда было девать вторую руку, провела по сальным волосам Гребнева.

— Неужто сам Исаич к моей персоне снизошёл?

— Ну а к кому же... Он же заведованием вашим. И не к вам он снизошёл. Соседа вашего должны будут отправить на Розочку. Не везти же его грязным, там кто-нибудь может и докладную написать. Что в непотребном виде прибыл больной. Чтоб с себя, случись что, ответственность снять. Так что вас сейчас поведут мыться. Я вам тут и мыльце приготовила...

Из кармана застиранного халатика Зина вытащила завёрнутый в газетку обмылок.

— Земляничное... — вдохнув почти забытый запах, прошептал Гребнев, и на глаза ему навернулись слёзы.

До этого момента всё шло почти так, как и предсказывал боксёр, как стал звать сокамерника Игорь. Ну разве что мыло он не предусмотрел...

...Боров отвёл их в подвал, в этой части больницы Гребнев ещё не был. Да он вообще мало где бывал помимо палаты, только в небольшой аудитории, где ему выносили решение врачебной комиссии. Или особой тройки. Ах, да,

консилиума — от напряжения предстоящего события Игорь стал забывать многие вещи. Потому что голова была занята одним.

Как исполнить то, что ему поручил боксёр.

Не как лучше исполнить, а просто — как исполнить.

— Кидай барахло в кучу, — встав у двери, Боров завозился с краном, на который был надет шланг. Гребнев бы сказал, что шланг садовый, но насадка на его конце была как у пожарного — сужающийся медный наконечник, ствол, как его именуют сами огнеборцы.

Игорь потянул завязки своего облачения, уже понимая, что процедура купания будет совсем не такой, как он рассчитывал. Хотя и непонятно, на что он рассчитывал. Зная, чем дело должно будет закончиться.

В ту же минуту, когда надзиратель едва ли не впервые за всё время пребывания Гребнева в психушке оставил заключённых без пристального присмотра, боксёр, рывком смахнув с плеч тюремный халат, метнулся к двери. Но не в её проём. А напрямик на Борова.

Иссохшее от недоедания, со следами давних побоев и шрамов, серое от грязи тело, с голубоватого оттенка кожей, давно не видевшей солнца, метнулось как молния. Боров был занят вентилем, не поддававшимся его могучим ладоням, и не видел рывка. Но уже в следующее мгновение струя воды из наконечника шланга сбила Гребнева с ног, отбросила по кафельному полу едва ли не до противоположной стены. Вот только боксёр под эту раздачу не попал. Движение он начал мгновением раньше, брошенный им халат заставил Борова уворачиваться, пусть на немного, на чуть-чуть, но в сторону. И струя прошла мимо. Вся доставшись Игорю.

Гребнева ещё долго било бы о стену могучим напором из шланга. Скорее всего, что купание здесь давно было одной из «процедур», ломающих заключённых, отсюда и давление в системе. Так что вода была как молотом по наковальне. Только наковальней было тело

Игоря. И он никак не мог встать на ноги. А должен был. И уже давно, как только сокамерник бросился на санитаря. Ведь боксёру не выстоять в одиночку против бугая-надзирателя, из-за чего он и посвятил Гребнева в свой план.

И Гребнев встал. Ослепший от водяных струй, скользкий под немилосердным напором по кафельному полу в сторону шпигата, куда с шумом уходила вода, щедро выплёскивающаяся из пожарного ствола.

Прикрыв лицо рукой и с трудом разлепив глаза, он кое-как разглядел происходящее на другом конце бани, в которую угодил. Пусть не кровавую, но ледяную. Это и привело его в чувство — адский холод, сковывающий мышцы. Которым предстояла непосильная с непривычки работа. Но прежде нужно было подготовиться к ней.

Гребнев шагнул чуть в сторону от бьющей в него струи, разглядел змеившийся по полу чёрный шланг, живший своей жизнью. Напор был такой силы, что, вырвавшись из рук Борова, он не упал, а подобно изготовившейся к броску кобре стоял, чуть склонив в сторону Игоря ствол и раз за разом выплёвывал тонны воды.

Конечно, тоннами там и не пахло, иначе бы Гребнева уже не было в живых. Но пару центнеров на него всё ж выплеснулось. Причём, почти одномоментно.

Сделав два поспешных шага, Игорь добрался до шланга. До его вставшего дыбом ствола, опиравшегося на длинный хвост, уходивший в стену, в кран. Это делало шланг ещё больше похожим на змею. Игорь и перехватил его как змею — под самый капюшон плюющей ледяной водой кобры. То бишь прямо под ствол. Вот только повернуть его на 180 градусов было почти нереально — шланг словно окаменел. Да и смысла поворачивать оружие против того, кто с этим оружием напал, не было — запас жира у Борова такой, что ему не то что холодно не станет, как бы не вспотел. И то при условии, что струя не ударит в боксёра.

Игорь разжал руки, оставив шланг стоять, и сделал ещё два шага вперёд. К сцепившимся не на жизнь, а на смерть двум телам. Одно — почти полностью голое, уже посиневшее от холода. Второе — разбухшая, ставшая вроде как ещё большей туша Борова. В прорехах его разошедшегося по швам белого халата, точнее, когда-то бывшего белым, а сейчас мокрого и забрызганного чем-то красным, проглядывало раскрасневшееся тело, покрывшееся вздыбившимися волосками.

Боксёр бил и бил, хрипя и захлёбываясь своим же дыханием. Но Боров стоял, оглушённый, но не поверженный. Как бы ни был поставлен удар убийцы, против лобной кости надзирателя он был почти бессилён. А может, там, в той стриженной голове, мозгов не было от слова совсем. Иначе сотрясение давно было бы точно. Уже хорошо было то, что сокамерник Игоря остановил Борова. И теперь дело было за Гребневым.

Отплёвываясь, Игорь добрался до вентиля. И с ужасом успел подумать, что если Боров с ним возился почти минуту, то ему его и вовсе не повернуть.

Но всё оказалось намного проще.

Вместо вентиля на трубе, идущей по стене откуда-то сверху, был двухпозиционный кран, открывавший воду переводом в верхнее положение. Чтоб перекрыть поток, нужно было его опустить. И Гребнев, не раздумывая, повис на кране, всем телом переводя его в нижнее положение.

Это сработало. Может, с секундной задержкой, не более, но сработало!

Ствол шланга за спиной Игоря с глухим стуком упал на пол. А он подхватил ставший податливым брезент шланга и...

Набросить шланг на шею Борова оказалось делом непростым. Тот, пусть и далеко не сразу, сообразил, что может произойти дальше. И задом, задом, отступая под ударами боксёра, стал надвигаться на Игоря, надеясь если

не его прижать своей тушей к стене, размазав по ней, то хотя бы обезопасить себе спину.

Свернув шланг в петлю, Гребнев со второй попытки — уклонившись от мелькающих кулаков сокамерника, набросил его на шею надзирателя, и тут же, помогая другой рукой, ещё раз обернул вокруг горла Борова.

Едва удерживая вырывающиеся при каждом рывке Борова концы шланга, Гребнев дотянулся до крана. Но открыть дорогу потоку воды оказалось куда сложнее, чем перекрыть ей путь. Ведь теперь его нужно было поднять. А кран упорно не хотел открываться. Пока сам Боров невольно не пришёл на помощь.

Дико вращая глазами, он, отступая от боксёра, осыпавшего его ударами, дождал всё-таки Игоря. И не просто дождал — начал, как и собирался, размазывать по стене, из которой выступал кран, соединявший пожарную систему, трубой торчащую из стены, со шлангом.

Втирая Гребнева в стену, Боров даже без помощи рук приподнял своего душителя. Спина приподняла. Но... поднял вместе с краном, в который вцепился Игорь.

Вода, как и в случае, когда первым же выхлопом сбила Гребнева, мигом превратила петлю из шланга на шее Борова в каменной плотности удавку.

Не нужно было дожидаться момента, когда высохнет парусина, и пытаемый начнёт задыхаться. Кольца шланга сжались мгновенно, в горле Борова, какой бы мощной ни была у него мускулатура шеи, не осталось даже малейшего просвета для доступа воздуха. Он попытался освободиться, пробовал руками разматывать, рвать толстыми пальцами шланг...

Но, во-первых, тем самым он полностью открылся перед боксёром. Который не упустил свой шанс поквитаться за все прежние издевательства. Во-вторых, каменную хватку воды, рвущейся через шланг под давлением, было не разжать и при больших усилиях, чем те, что свыше были отпущены Борову. Его силы с каждой

попыткой освободиться только таяли, но никак не приближали к свободе. А боксёр всё вколачивал и вколачивал свои кулаки в окровавленную харю зверя. Мокрого, жалкого, в кровавых соплях, размотанных брызгами воды по толстым щекам. Начинающим синеть. Но вряд ли от холода...

Игорь про себя успел досчитать до тридцати, прежде чем Боров тяжело рухнул на колени. Потом сквозь прилившую к щекам кровь на его лице проступила уже не синева — чернота. А шланг всё давил и давил, не давая телу упасть полностью...

6

...Придерживая правой надвинутую по самые глаза шляпу, а другой рукой прижимая к груди тяжёлый жёлтый портфель, дублёной кожи, с медными пряжками, Гребнев шагнул в сгущающиеся сумерки, заполонившие двор флигеля. Перед этим он ещё и воротник пальто поднял. И шагнул прямо в порыв ветра, оправдывая вскинутую к головному убору руку, закрывавшую, как и воротник, большую часть лица. Буде случайно кто бросит взгляд во двор — ничего удивительного. Засидевшийся допоздна доктор покидает больницу. Шляпа, пальто, портфель — всё соответствовало времени. И суток, и года, и эпохи. Разве что шарф своей белизной несколько выбивался из общей картины. Ну, да мало ли у кого какой шарф. Как и обувь — полусапожки Игоря, на тонкой кожаной подошве тоже не совсем соответствовали тяжёлым ботинкам оставшегося там, за дверью Арендта. И если шарф был на виду, то обувь нужно было бы пристально высматривать в темноте. А зачем? Портфель в руках Гребнева принадлежал доктору. И был он знаком многим, кто видел его прежде в руках заотделением. Уж больно он был приметен. И кожей, и пряжками. Портфель, не Арендт. И уж тем более не Гребнев.

Этим портфелем Игорь толкнул дверь КПП, им же прикрылся и от стража, сидящего по другую сторону стекла, выходящего в узкий проход, ведущий к воле. Вертухай вынужден был низко склониться, чтоб разглядеть выходявшего, но, уткнувшись взглядом в пряжки портфеля, выдохнул и успокоился:

— Доброй ночи, Михал Саич, — по-панибратски простился он с уходящим. Ни пропуска не спросив, чего боялся Гребнев, ни в лицо не вглядываясь. Хватило знакомого портфеля. «Ну и бардак же тут», — мысленно вознёс хвалу российской беспечности Гребнев, и спустился с крыльца.

Спиной чувствуя взгляд вертухая, прильнувшего к окну, и стараясь не срываться на бег, Игорь зашагал налево от выхода. Но через три шага, словно натолкнувшись на невидимую преграду, повернулся кругом и избрал другое направление. Он и сам не понял почему. Но уже минуту спустя осознал, седьмым или ещё каким чувством, что теперь выбор верен — впереди тускло освещённая едва ли не единственным фонарём показалась широкая улица. После ярких ночей заморских городов и столичное освещение было мглой для Игоря. А тут и вовсе — болтается какая-то лампа на ветру, и всё. Но — свет. Цивилизация. Вероятно, это и есть улица Николая Ершова, как узнал всего пару часов тому назад Гребнев. Никогда прежде он не был в Казани, поэтому приходилось ориентироваться по смутным воспоминаниям сокамерника, оставшемуся, как и заведованием Арендт, за массивной дверью изолированного от остальной больницы флигеля, где содержали не столько больных, сколько мыслящих иначе. Хотя порой, для власти, инакомыслие страшнее всяких пандемий.

Гребнев всё ещё ожидал окрика вертухая, не упустившего неверно выбранное направление движения портфеля доктора. Но приближавшаяся ночь ничем более,

кроме завывания ветра, словно крика плакальщиц, не напоминала о том, что случилось час назад.

Час назад... А сколько уместилось в нём и в том, что было до этого последнего часа!

Игорь решительно шагал вперёд, а в голове крутились назойливые образы. Даже не образы. Кино. Цветное. Хотя и было-то тех цветов. Серо-зелёное да белое. Ну и ещё красное...

...В 1950-х годах гарвардский психолог Курт Рихтер провёл жестокий эксперимент. Бесчеловечный даже. Пусть и не с людьми. Он поместил в бассейн с водой крыс, чтобы узнать, как долго они будут цепляться за жизнь.

Выяснилось, что в среднем подопытные тонут через 15 минут. Тогда Рихтер усложнил опыт: прежде чем крысы сдавались, исследователь доставал их из воды, сушил, кормил, давал отдохнуть несколько минут и закидывал обратно. Так у них появлялась надежда на спасение.

И крысы начинали бороться за жизнь! Ну и сколько они могли продержаться во втором раунде? Ещё 15 минут? 10 минут? Пять? Нет, крысы цеплялись за жизнь целых 60 часов! Уверовав в своё спасение, они смогли заставить свои тела совершить невозможное. Так и человек: пока не сдаётся, он сильнее своей судьбы.

Гребнев и его сокамерник не сдались. Ни когда были прикованы смиренными рубашками к койкам. Ни когда Боров пытался выбить из них дух ледяной купелью. А главное — в той самой драке с бывшим уголовником, возведённым в санитары, где решалось кому жить, а кому — умереть на кафельном полу.

...Тяжело дыша, боксёр положил свои избитые в кровь руки на плечи Гребнева, всё ещё тянувшего концы шланга, захлестнувшего горло Борова:

— Отпусти, он готов...

Игорь не сразу, но ослабил хватку. И взглянул в побелевшее лицо сокамерника, на котором расплывалось фиолетовое пятно под правым глазом.

— Сработало? — выдохнул Гребнев, вспомнив, что и вздохнуть надо, не только выдохнуть.

— Это даже не полдела, — боксёр присел над телом Борова: — Помогите...

Вдвоём они раздели тушу. Вроде как разделили дикого зверя, хотя всего лишь стащили с трупа мокрый и малость окровавленный халат, зияющий прорехами. За их спинами всё ещё била в стену ледяная струя — шланг на шее Борова продолжал сжиматься, а ствол-наконечник изрыгал и впусую лил воду. Некому было в ней мыться.

И минуты не прошло, а боксёр уже напяливал прямо на голое тело некогда белый халат покойника, кое-как закрыв на нём следы крови и слегка отжав. Так, мокрый и дрожащий, он и вывел Гребнева из душевой. Вроде как под конвоем. Хотя зашли-то в душевую трое, но только двое вышли...

Впрочем, систем наблюдения здесь ещё не должно было быть, всё на человеческий фактор замкнуто. А он порой ой как ненадёжен. Даже если этот фактор — такой громила, как Боров. На каждого громилу найдётся если не хитрый приём, то тяжёлый лом. А с Боровым и вовсе водой обошлись. И даже не святой. Но дух он испустил. И не только дух, судя по расплывающейся вокруг тела коричневой пованивающей луже. Висельник, ставший утопленником.

Перед уходом из душевой Игорь довольно легко, одним движением перекрыл кран, с помощью которого справился с врагом. Сильным, коварным, подлым. Но получившем сполна. И той же монетой. И всё бы ничего. Но боксёра, игравшего роль санитара, мотало из стороны в сторону. Более того, его физиономия с каждой секундой приобретала всё более синюшный оттенок — успел-таки Боров к нему хорошо приложиться. И фингал под глазом стал опухолью в половину лица. Да и наряд боксёра — мокрый и с чужого плеча — был так себе маскировкой, до первого встречного. Оставалось надеяться на жёсткий

порядок в отделении для буйных. Они же — политически неблагонадёжные. Здесь мало кто бродил без дела, даже санитары. О больных и речи не было, заключённые из своих камер-клетушек выбирались только под конвоем. И строго по времени. Сегодня было время боксёра и Гребнева, никто иной в коридорах не должен был болтаться. Разве что Зина. Но у неё своя роль. И время её выхода на сцену ещё не пришло.

В дверь завотделением постучался Гребнев — боксёр просто не мог, его колотило. И от холода, и от пережитого, видать, тоже. Хотя и был он куда закалённее своего сокамерника. И опытом прежней жизни, и духом выживания. Но последняя схватка его измотала. Он то и дело хмурился и прижимал правую руку к левому боку — как бы рёбра не треснули, от кулаков Борова всего можно было ждать.

На всём пути, через два лестничных пролёта и длинный, разделённый на отсеки коридор, передвигаться по которому можно было только имея ключ-вездеход, почти такой же, как у проводников в поездах, с трёхгранной отмычкой в круглой заготовке белого металла, боксёр держался. Но перед дверью с табличкой «Завотделением» едва не рухнул. Однако устоял и вроде как даже вновь собрался с силами.

Хотя, едва расслышав глухое «Да», толкнул дверь Гребнев.

Арендт сидел за столом. Спина к окну, зарешёченному. Впрочем, в психушке иных и быть не могло. Но без краски на стекле, как в палате. Поэтому Игорь с наслаждением вглядывался не в доктора, а в сгущавшиеся сумерки за его спиной. А над доктором в зелёном бумажном абажуре светилась лампа, довольно яркая по местным меркам, ватт на шестьдесят. Она и освещала всё, что было в кабинете завотделением. Помимо стола с кипой небрежно сдвинутых на край папок и бумаг. Но Игорю было не до убранства каморки главного над

придурками. Хотя придурками были те, кто упрятал сюда таких, как Гребнев. Или как боксёр. Но явно были и другие. И будут ещё. В том числе Ильин. Но куда позже.

Сам же доктор в сей момент был занят важным делом: в левой руке держал он скальпель, в правой — точильный камень. В просторечии — брусок. И этим бруском заводителением елозил по и без того сверкающему острому краю скальпелю.

Игорю доводилось слышать, что вручную заточенный скальпель к операциям более непригоден. Но то, во-первых, были слухи. А во-вторых, кто сказал, что Арендт готовится к операции? Гребнев и сам дома частенько точил скальпель, которым было очень удобно чинить карандаши. Не тем ли и доктор занимался? Тем более что пара карандашей валялись перед ним на столе. Стружек видно не было, но и карандаши не были отточены так, как привык Гребнев — до тончайшего жала грифеля, которым можно идеально прочертить на карте истинный курс корабля.

Не отрываясь от своего занятия, доктор медленно поднял голову:

— А где...

И осёкся, увидев входящего следом за Гребневым боксёра.

Игорь шагнул в сторону, выпуская сокамерника на авансцену. А ему навстречу из-за стола уже поднимался Арендт.

Прежде Игорь не особо вглядывался в своего «лечащего» врача. Поскольку лечащим тот не был. А калечить мог кто угодно. И, проспав большую часть своего заключения, он только сейчас разглядел щёточку усов, отвисшие щёки, в красных точках и прожилках мясистый нос, на котором восседали круглые очёчки, одна дужка которых была плотно обмотана суровой ниткой. Руки, сжимавшие скальпель и брусок, были покрыты веснушками и мелкой рыжей порослью. Но при этом, судя по всему,

довольно сильными. Вон как вены вздулись. И желваки на щеках ходуном заходили.

Арендт, если судить по языку тела, был в бешенстве.

— Что, Исаич, не ждал? Или, наоборот, меня только и ждал? — выстукивая зубами барабанную дробь, поинтересовался боксёр, пока Игорь подпирал дверную ручку стулом — вторым в кабинете. После занятого доктором. Для посетителей, видать, хотя им присесть никто не предложил. Вот и нашлось стулу другое применение. Не бог весть какая преграда, но иных запоров не предвиделось. До того, как боксёр вывернет карманы доктора в поисках ключа, ещё более вездеходного, нежели изъятый из кармана Борова. Но сокамерник Игоря не спешил действовать. Точнее, не мог. Хотелось надеяться, что пока не мог.

То ли эйфория первого успеха, то ли полученные в драке увечья, а то и переохлаждение замедлили движения боксёра до уровня сонной осенней мухи. Впрочем, скорее всего, виной тому было всё вместе взятое. И впервые с момента, как они затеяли побег, боксёр, внёсший решающий вклад в приближение свободы, начал тормозить. А ведь всё так хорошо начиналось. И держалось всё на нём...

Гребнев оценивающе глянул на завоптделением, потом перевёл взгляд на боксёра.

Они стояли друг против друга, как дворовые псы, готовые вцепиться в горло противнику едва тот отведёт взгляд.

Первым взгляд отвёл доктор. Но боксёр не стал кидаться на противника. Наоборот, вроде как даже расслабился. В кабинете было жарко натоплено, хотя сама печурка была где-то за стеной, здесь только грубка с задвижкой указывала на её наличие. Ну, и, естественно, жар. Который костей не ломит. Но действует как снотворное на промёрзшего до костей человека.

Боксёр промёрз ещё сильнее. Ему бы отдышаться, а лучше — отлежаться после драки. Вот только времени у

заговорщиков на это не было. Кто знает, когда поднимут тревогу, если Боров не появится где-то в условленное расписанием время. Или его тело найдут. А что так будет, ни Гребнев, ни боксёр не сомневались. Поэтому спешили.

— Исаич, ты это, садись. Только медленно. И руки держи так, чтобы я их видел. Я сам возьму после того, как ты скажешь где.

Боксёр покачнулся, но устоял на ногах. И только гримаса боли исказила и без того обезображенное лицо.

— Что ты хочешь услышать?

Голос Арендта дрожал, но вряд ли от страха. Скорее от бессильной злобы. Но он всеми силами старался придать ему равнодушную твёрдость. И злоба только пока была бессильной.

— Не слышать, — поправил заведующим боксёр. — Увидеть. Своё дело. Ту его страницу, где написано кто я. И кому служил.

— Прав я был, — покрутил головой Арендт. — Прав был, когда говорил консилиуму, что ты только дурака валяешь. А помнишь — всё. И шлёпнуть тебя надо было, а не ждать, что ты однажды признаешься. Хотя ты и признался. Да только поздно.

— Кому как, — криво ухмыльнулся боксёр. — Ты это, Исаич, время не тани. Гони моё дело. Хочу знать, кому спасибо сказать за годы в твоей компании. Ну и Борова, царство ему небесное.

Арендт вскинулся, весть о смерти Борова его явно не обрадовала. Видать, рассчитывал доктор на своего санитаря-уголовника.

«А нет ли у него в столе тревожной кнопки?» — запоздало вскинулся Гребнев. Но, судя по тому, что его сокамерник, проживший здесь куда больше, был спокоен, до такого в психбольнице, как и до мониторинга коридоров с помощью телекамер, ещё не дошли. Не было нужды? Так теперь точно будет. А значит, не будет второго шанса, и

нужно поторапливаться. Но боксёр заметно поплыл. Словно пропустил нокаутирующий удар. Но пока только нокдаун...

— Мне достать? Или сам возьмёшь? — доктор повёл головой в сторону большого железного шкафа, выкрашенного в белый цвет. На фоне серо-зелёных стен шкаф выделялся как одинокая ромашка на лугу. Но в том-то и дело, что ромашек на лугу много. А шкаф был — один. Чего нельзя было сказать о его содержимом. Одна дверца шкафа была распахнута настежь, доктор, похоже, не просто так сидел в кабинете, работал с документами, что-то в них писал. Химическими карандашами. Которые потребовалось очинить. За каковым занятием его и застали непрошенные гости.

— Где? — прохрипел боксёр. У него не просто голос сел — горло перехватило в предвкушении того, что он сейчас узнает.

— Третья полка, слева, — доктор шкодливо отвёл взгляд.

У Гребнева на затылке шевельнулись волосы. Как всегда бывало в случае опасности. Но он пока её не видел. Однако чувствовал. И хотел было предостеречь боксёра. Но тот, делая шаг вперёд, уже был во власти предвкушения. И не заметил ни дрогнувших губ Гребнева, ни взметнувшейся руки доктора.

Он даже скальпель не видел, хотя тот не просто летел ему навстречу. В свете лампы он молнии был подобен. И столь же смертельно опасен.

В руке опытного не столько доктора, сколько офицера спецслужбы, скальпель из медицинского инструмента превратился в само орудие смерти. И в прорехе халата Борова на животе боксёра острым концом начертил красным быстро расплывающуюся фигуру.

Латинская заглавная «Эль». L. Но с наклонной вертикальной прямой. Образуя острый угол в месте соединения с горизонтальной линией. Начиная с которого

на животе боксёра начала отслаиваться, свисая багровым лоскутом, кожа.

Под напором крови и кишок рана медленно распахивала настежь нутро боксёра.

В своём порыве добраться до шкафа, он вначале остановился, потом перевёл удивлённый взгляд от вожделенного клада информации себе на грудь, на мгновенно окрасившийся красным халат.

— Знал же, что нельзя одежду с покойников брать, — только и выдавил боксёр из себя вместе с очередной порцией выплеснувшихся сгустков крови. И начал оседать на подгибающихся коленях.

В ту же секунду свой бросок начал позабытый всеми Гребнев. Он рванулся к столу. На котором были два или даже три карандаша. Вот бы они ещё стояли в стакане, как в ту ночь, когда погиб Слава, принявший такой же удар на себя...

Но судьбе не было угодно облегчать его участь. Достаточно того, что она напомнила ему едва ли не такую же сцену. В другом времени. В другом городе. В иной обстановке. Да и он тогда был в иной роли. В роли жертвы. В которую теперь надеялся принести доктора.

Да, теперь Гребнев был метнувшимся в последнем броске Псом. Мене, текел, фарес.

Он обошёлся и без чертовщины, которую и сам не понял. Ни тогда. Ни позже. Но это его замёрзшие пальцы схватили со стола карандаш. И если на пути уголовника, вознамерившегося убить Игоря, ценой своей жизни встал Слава, то Гребнева никто уже не мог остановить.

Карандаш вошёл в левый глаз Арендта. Вошёл мягко, как ложка в сметану. Но, судя по тому, что кулак Игоря почти соприкоснулся с глазницей и бровью доктора, вошёл очень глубоко. И лишил не только зрения, но и ума. Потому как проткнул и мозг эскулапа, и тот без звука осел на свой стул. И даже дышать перестал почти тут же. Лёгкая

смерть для человека, сломавшего немало судеб. В чём-чём, а в этом Гребнев был уверен.

Ещё как минимум одна жертва Арендта истекала кровью на полу перед столом заводделением для инакомыслящих пациентов. Остальные выстроились отдельными папочками на полках белого железного шкафа...

7

...— Он сказал на третьей полке... Слева...

Боксёр всё ещё пытался узнать свою тайну. Он судорожно зажимал вываливающиеся из живота кишки, но смотрел на вожделенный шкаф.

— Достань...

Игорь, как мог, пытался помочь, выгребая из несгораемого шкафа всё новые и новые папки. В серых картонных обложках. С бирками, большей частью написанными химическими карандашами. Но были и отпечатанные на машинке. Вот только Гребнев не знал, что точно искать.

Слева на третьей полке было не менее дюжины папок, и когда Игорь вывалил их на стол, боксёр уже не дышал. Почти. Он ещё сумел выдавить из себя «Найди...». А что найти, не уточнил. И даже имя своё так и не назвал. Перед тем, как испустить дух. Как истинный самурай. Без стонов и жалоб. Да и рана его была сродни харакири, разве что Арендт не успел провернуть в ней свой скальпель. Но боксёру хватило и этого. Что-то жизненно важное повредил ему Боров, не зря ж боксёр еле плёлся к своей последней схватке на ринге жизни. А доктор только усугубил смертельную травму. Что там было, болевой шок, или ещё что? Сейчас не время разбираться. Боксёра уже не воротить. Хотя и без него дальнейший путь едва ли не терял смысл. Это он всё знал — куда бежать, как. Гребнев же о дальнейших шагах мог только гадать. Даже дойти до кладовой, совмещённой с ординаторской, где обреталась

Зина, было трудом почти непосильным. Потому как знания были сплошь виртуальными. А нужно было ещё и прочно стоять на ногах.

Первым делом Гребнев сдёрнул с коченеющего тела доктора халат. На который кровь почти не попала. Так, несколько пятнышек на плече. Брать одежду с трупа, как сказал перед смертью боксёр, было не лучшим решением. Но иного и вовсе не было.

Следующим шагом было разобраться с бумагами. Своими. И покойного боксёра — уважить последнюю просьбу, так сказать. Найти.

Папка, в которой на первой же странице обнаружилось его чёрно-белое фото размером три на восемь, Гребнев нашёл там же, где и говорил убитый им доктор. Третья полка слева.

Натягивая халат заведующего, Игорь одним глазом пытался пробежать убористые строчки, заполонившие всего-то одну страницу. Не густо. Зато здесь же были его документы. Все. В чём он и убедился незамедлительно. А вот папки боксёра не было.

Не было там, куда доктор указал. Она нашлась среди папок на столе, когда Гребнев вспомнил, что боксёру предстоял вояж «на Розочку». Однако если на его картонной папке было указано полностью имя с фамилией и даже отчеством, то личное дело боксёра Гребнев опознал только по фото. Да и то с трудом — уж больно непохож был человек на выцветшей чёрно-белой фотографии на лежащий на полу оригинал. Только сплюсненный нос да сломанные уши выдавали в нём боксёра. Куда более молодого. Но всё так же стриженного под ноль. Он сам так стригся, или это его в больнице так лишали волос все эти годы?

На самой папке значилось «Неизвестный».

И хотя самое время было переходить к следующей части плана побега, Гребнев раскрыл личное дело сокамерника. Чтoб уделить ему хотя бы несколько минут

перед тем, как навек оставить убитого наедине с его палачом.

«...применялись физические меры воздействия, но безрезультатно, после применения спецсредств больной показал, что...».

Далее в убогом канцелярском пересказе шла уже известная Гребневу история убийства Хозяина. Но он так и не увидел в материалах дела на «Неизвестного» — всего-то дюжина или две пожелтевших страниц, половина из которых диагнозы и анализы, кто же его не столько нанял, сколько нацелил на вождя народов. И кого ещё безвестный боксёр по указке закулисного кукловода вывел из внутрипартийных советских игр. Сам-то он по причине ограниченности времени на подготовку к побегу не особо распространялся. Да и слушал Игорь вполуха, то ли не совсем доверяя, то ли по иной какой причине. Но, выходит, и погиб боксёр зря. Надеялся из своего дела узнать, кто его подставил. А в бумагах о том — ни слова. То ли следствие так и не выяснило, то ли, наоборот, умело концы упрятало в воду. Скорее последнее. Уж больно свежим выглядело дело боксёра, едва ли не новее, чем папка с бумагами Гребнева. А должно было быть наоборот. Но на Гребнева рукой махнули — сумасшедший, утверждающий, что прибыл из будущего. Это не страшно. А вот человек, покушавшийся на Сталина...

Белый халат Арендта пришёлся Игорю впору. В кармане и ключ обнаружился. Похожий на тот, что был у Борова, да только ещё с дополнительными бородками. Настоящий вездеход, хотя, как визуально помнил Гребнев, отдельной замочной скважины на дверях не было. Зато в круглой, под ключ Борова, были горизонтальные прорези. Иными словами, каждый замок имел двойной режим. В одном мог пройти санитар, в более высоком — только доктор. Ну, и ещё, видимо охрана. Но это лучше не проверять.

Игорь извлёк из-под стола доктора объёмистый портфель, жёлтой кожи, с двумя медными застёжками. В портфеле, помимо портмоне и удостоверения с тиснёным золотом щитом и тремя зловещими буквами на корочках, оказалась смена белья, значит, дома Арендта не скоро хватятся. И хотя на промокнушем Игоре был только больничный халат со штанами на резинке, поверх которых он напялил ещё и белый халат доктора, бельём Гребнев побрезговал и выбросил его. А в портфель сунул две папки — свою и боксёра. И только потом, обшарив стол и карманы покойника, в которых разжился всего лишь мелочью, аккуратно отодвинул стул, разблокировав выход.

В коридоре никого не оказалось. Но Игорю было от того не легче. Покрывшись липким потом, он с трудом восстанавливал в памяти маршрут, заучить который его заставил боксёр. Как знал, что не поможет сокамернику.

И Гребнев пошёл. Где наугад, где по наитию. Но он почти не блуждал. И меньше чем за пять минут — все двери приходилось отпирать и запирать за собой — добрался-таки до каморки, на которой, как и на кабинете заведованием, красовалась исполненная жёлтой краской, под золото, надпись: «Кладовая».

Он постучал, и дверь тут же распахнулась.

Зина, взмахнув как крылами, своими белёсыми ресницами, задала тот же, что и Арендт, вопрос:

— А где...

Но спросила она полушёпотом. А Гребнев ей с порога ответил отрицательным покачиванием головы.

Девушка или молодая женщина — определить из-за худобы и печати усталости на лице сейчас было особенно сложно, может, она и женщина уже далеко не молодая, вскинула руки к лицу, словно удерживая готовый сорваться с губ крик. Или пряча слёзы.

Но когда она отступила в глубь своей кладовки и опустила руки, слёз не было. Был отрешённый взгляд. И безмерная усталость.

— Зина, вы как? — горячечным шёпотом ворвался ей в уши Гребнев, целиком вваливаясь в кладовку.

Поверх головы девушки Игорь окинул взглядом каморку, в которой ожидал увидеть чемодан на чемодане. Как на однажды виденном фото из Освенцима, где из таких чемоданов была целая стена. В больнице пленников было меньше, но всё ж...

Однако ничего такого он не увидел. Потому что вряд ли сюда везли с чемоданами? Его так уж точно без одного доставили...

Комнатушка была крошечной, всего лишь втрое больше палаты, бывшей пристанищем Игоря. Но в ней всё было заставлено шкафами и ящиками. Вот, значит, где пожитки больных. Ну и средства их усмирения...

— Я в порядке, — обронила Зина одними губами. Но взгляд её сказал много больше: она потеряла не столько возможного любовника в лице боксёра. Потеря была куда как тяжелее. Любовная связь, конечно, была маловероятна, но всё ж могло быть и такое, сердцу не прикажешь. Да, предаваться любви им было негде. Даже в этой конуре, если медсестра и могла вывести боксёра. Но вряд ли у неё было такое право, выводным всегда был санитар. Однако потеряла Зина, скорее всего, надежду, а не мнимую любовь.

Но любила ли она, во что она верила и на что надеялась, уже было некогда выяснять. Время поджимало. Не столько Игоря, сколько Зину. Ей во избежание подозрений пора было уходить.

Она повернулась к Гребневу, указав своей худенькой ручонкой на подобие гладильной доски из пары длинных, стоящих в ряд, снаряжных ящиков, на которых Игорь разглядел свои, почти забытые вещи. Пиджак, брюки, бельё и рубашка — правильно он сделал, что не позарился на семейные трусы с майкой-алкоголичкой Арендта.

— Переодевайтесь, а мне пора...

Перед тем, как сдёрнуть с себя халат, чтобы облачиться в короткую шубку из цигейки, дожидавшуюся её на табурете у сложенных друг на друга ящиков, Зина смахнула в открытый ящик ещё одну кучку белья. Ту, что предназначалась, по-видимому, боксёру.

— Пальто и шляпа там, — она указала на приколоченную к стене вешалку в самом конце кладовки.

— Зина, а как же вы? Ну, там следствие и всё такое...

— А что я? Меня здесь не было, — ровным голосом, но едва ли вполсилы, прошептала Зина в ухо скачущему на одной ноге Гребневу — стащить мокрые больничные порты оказалось не так-то просто. — К тому времени, когда вы дойдёте до выхода, я уже дома буду. У всех на глазах...

Понятное дело, что всё, конечно, было не так просто, как она говорила. Это боксёр так задумал. А что получится? У него-то не вышло... А ну как и Зине не подфартит? Если её начнут спрашивать с пристрастием, а начнут, если не поверят в её непричастность, то она скажет всё. Правда, Гребнев к тому времени надеялся быть где-нибудь далеко. Хотя и не знал где. Это боксёр знал. А Игорю эту часть плана только предстояло сочинить.

Зина на пороге своей каморки остановилась, сделала шаг к Гребневу и поцеловала его в макушку. Совсем как в палате. Но не было в том поцелуе страсти. Как не было и любви. Была обычная женская жалость. Которой ещё не разучились русские бабы. Зина, к примеру.

— Удачи вам... И спасибо за ваши рассказы... Мне из-за них жить захотелось...

Гребнев ничего не успел ответить. И перехватить Зину в охапку тоже не успел. Чтоб хотя бы поцеловать в ответ. Он всё ещё балансировал на одной ноге, когда она уже захлопнула за собой дверь. И Гребнев оказался один на один со своим прошлым в образе пальто в синюю искру и шляпы с широкими полями.

Однако оказалось, что это далеко ещё не всё прошлое. Торопливо накинув на себя пальто и запахнув шарф, он сунул руку в карман. И неожиданно наткнулся на холодную рифлёную рукоять нагана.

Как, каким образом оружие оказалось в кармане, а не на складе каких-нибудь вещдоков или хотя бы в оружейной комнате?! Извечный русский авось? Или его не обыскивали? Так нет же, документы и деньги из карманов перекочевали в конверт в папке, что хранилась в железном ящике. Значит, всё же обыскивали. Да и прошло-то немало времени, револьвер должен был привлечь хоть чьё-то внимание. Ладно Зина, честная и порядочная девушка. Ну так ведь она не одна здесь была. Наверное.

За поиском объяснения неожиданной находки Гребнев едва не потерял чувство времени. И только взглянув на свои часы, вернувшиеся на запястье правой руки, вспомнил, что пора отсюда валить. А потом ещё раз вспомнил, что часы должны были бы стоять. И взглянул на швейцарский хронометр ещё раз.

Часы тикали.

Ну, звука, конечно, не было. Но часы шли! Секундная стрелка бежала по циферблату. Двадцать два, двадцать два, двадцать два... И так до шестидесяти.

Часы на руке Гребнева отсчитывали секунды. А потом и минуты, на которые он завис. А часы — шли.

Этого быть не могло. Но так было. Однако же и револьвера в кармане пальто быть не могло, а он был. Гребнев ещё раз, чтоб удостовериться, сжал рукоятку и тут же выпустил её.

Прорываться с боем в его планы не входило. Хотя кто-то, не исключено, именно на это и уповал. Во избежание такого соблазна Гребнев даже переложил ствол в портфель, присел на дорожку.

И тут ему в бок что-то ткнулось твёрдое.

Игорь осторожно сунул руку во внутренний карман.

Смартфон. Вот только он, хотя и его наличие тоже не поддавалось объяснению, тускло мерцал мёртвым экраном. Значит, времени всё ж немало прошло, раз он разрядился. Хотя он и был разряжен ещё тогда, когда его вернул Якушев. В той, прошлой жизни. Или же в этой? Какую из них он живёт?

Гребнев, хотя и нужно было уходить, посидел ещё немного. Не столько с мыслями собираясь, их просто не было. Он дух переводил после всего случившегося. Да и дорога ему предстояла дальняя. Он даже не представлял, насколько...

8

...Теперь он стоял под фонарём у дома номер 53 по улице Николая Ершова. Его тюрьма и она же последнее пристанище осталась за поворотом. Кто таков Ершов, Игорь знать не знал. Ни дать, ни взять, известный псих какой-нибудь, сидевший в здешних застенках до Гребнева. Или гэбэшник, если судить по тому, где проходит улица его имени. Но не это имело значение, а то, что ушатом ледяной воды окатило сознание Игоря.

Нет, позади ещё не было тревоги. Как и погони. Хотя Игорь и недооценил вертухая на КПП. Тот всё же зафиксировал в памяти, что доктор свернул не туда. Но Арендт, видать, славился своими чудачествами. Ещё бы, вся жизнь среди психов. И сам умом тронешься, не только дорогу забудешь. Так что с этой точки зрения Гребневу пока что ничего не грозило. Вот только в тот момент, когда он, шурясь в вечернем сумраке силился разобрать название улицы на эмалированной табличке, белеющей на углу дома, его окатило осознанием ещё одного неожиданного открытия.

А ведь боксёр и не думал брать его с собой. Через КПП, не поднимая шума, прикрывшись портфелем Арендта, мог пройти только один человек. Вряд ли у доктора было право выводить с охраняемой территории

кого-то с собой. Тем более в ночь. Да и доктору тогда пришлось бы представиться. А как, если на его месте был бы боксёр? Так что второй беглец никак не предполагался. Потому что не мог он, не подняв шума, выйти из тюрьмы-лечебницы, где не лечили, а медленно убивали. Да и боксёр, приложив столько сил к организации побега, не мог же осознанно лишиться себя права воспользоваться результатом? Значит, если бы не случилось так, как случилось, то где-нибудь, скорее в том же кабинетике Арендта, лежал бы не боксёр, а он, Гребнев. И уж у наёмного убийцы, убившего даже Хозяина и ничуть не опечалившегося тем, рука не дрогнула бы...

Пришибленный этим открытием, Игорь поплёлся вдоль по улице, уже не понимая, куда идёт. Улица была пустынная, и спросить было не у кого. Да и что спрашивать... Он и сам ещё не решил. Однако упорно брёл по обочине, где снежной коросты было не так много. Брёл от фонаря к фонарю. Которые попадались очень редко. Но всякий раз, когда он пытался разглядеть табличку с названием, это всё ещё была улица Ершова. Впрочем, будь улица другой, он бы всё равно ничего не понял в городской географии. Поэтому просто брёл, прижимая к груди портфель. На который, в отсутствие прохожих, никто и не зарился. Да что пешеходов, те хоть попадались изредка. А вот машин было ещё меньше! И никаких тебе такси. Да и куда бы он поехал в такси? А платить чем? Деньги хоть и вернулись в карман, но явно были не в ходу здесь. Хотя Игорь и провёл экспроприацию экспроприатора, обчистив перед уходом даже карманы Арендта. Но он слабо представлял, что и сколько стоит. Так что продолжал идти, не имея цели. Пока не пересёк какую-то железнодорожную колею.

Точнее, это случилось чуть позже, колея уже была позади, метрах в ста. И тут на Гребнева накатило. Опять же, если точнее — то не сразу. Прежде его окатило холодом — мороз, градусов под двадцать, забрался-таки под пальто.

Пусть и длинное, оно не было рассчитано на такую погоду. И надо было искать укрытие, не то к утру он точно станет ледышкой. А то и вовсе холодным трупом. И всю грязную работу, что не завершили Арендт с Боровом, доделает природа. Пусть и политически нейтральная, но безжалостная к беглецу, чужому в этом мире.

И тут ветер, гонявший облака по чёрному небу, внезапно разорвал облачный слой. В провал чёрной дыры промеж тяжёлых серых туч выглянула луна. Уже не полная, с обкусанным, почти на четверть, краем. Но всё же яркая на фоне непроглядного мрака. Её голубоватый свет внезапно выхватил очертания звонницы — где-то далеко впереди, правее от избранного Гребневым пути. Вот этот миг и стал озарением.

Ни в бога, ни в чёрта не верующий Гребнев, дрожа от холода, сложил дважды два.

Вот, он, знак свыше! А божественный ли... Какая разница! Главное — знак.

Четыре было бы, сложи он два и два. Но Игорь заглянул на несколько шагов вперёд. И после умножения сложил ещё раз. Вот и вышло интересное число. Пусть и однозначное.

На дворе явно не перестройка, и до религиозной толерантности, тем более преобладания интересов верующих над здравомыслящими ещё ой как далеко. Да и в мусульманской Казани православный храм явно не место для укрытия. Раз его не закрыли, и не снесли кресты, поп явно на службе у тех, кому служил и Арендт, презрев клятву Гиппократ. Пусть и не принимали её советские врачи, пользуясь собственной версией. Так что в церкви, где служат не богу, а власти, укрыться вряд ли получится. Да и закроется храм на ночь, если уже не закрыт. Это тебе не католические соборы, доступные круглые сутки. Ну, или почти круглые.

Однако непорухенный храм подсказывал и другое.

Гребнев приближался к центру города. А где центр, там — вокзал. Вряд ли в Казани вокзалов много. Вон и железнодорожная колея осталась позади. Но не возвращаться же. Надо просто взять чуть левее. И рано или поздно, будет вокзал. А там — зал ожидания. И можно будет отогреться. Хотя бы немного. А если ещё и буфет есть...

Должен быть, не могло его не быть. Разве что закрыт уже. Так время ещё детское, пусть и мало людей в такой холод на улице.

Но и сразу влево Игорь не свернул. Во-первых, впереди замаячило нечто похожее на часовенку. Правда, судя по очертаниям, вряд ли православную. К тому же оказавшуюся закрытой. Но ещё дальше взметнулась к исчезающей меж облаков луне ещё одна колоколенка. Вряд ли, конечно, действующая, как и церковь при ней. Хотя скорее наоборот, колоколья была при церкви. Но это не имело значения. Как и то, что церковь вряд ли действовала. Однако её наличие подтверждало теорию Гребнева — он движется к центру города. Что подтвердила и следующая табличка с названием улицы — Карла Маркса. Так в советских городах улицы на окраинах не называли. Как и таких церквей по окраинам не бывало. Хотя вопреки тому, что он видел перед собой явную церковь, на здании красовалась чёрная вывеска с позолотой букв.

Кафедра компрессоров и пневмоагрегатов
Казанского химико-технологического института.

Что это за пневмоагрегаты, Игорь понятия не имел. Хотя и проучился целый семестр на химико-технологическом факультете Киевского политеха. Вот только было это ещё в пору его метаний в поисках жизненного пути. Когда в море родители ещё не пускали, но в другие места во избежание банального призыва в армию можно было поступить. Потеряв при этом год-другой. Однако Гребнев о том не жалел. А сейчас пожалел, что химия, к которой он едва не пошёл в услужение,

порушила храм. Пусть и был он неверующим. И даже более того — воинствующим атеистом, исповедующим одну религию: аз есмь бог. Другими словами, бог — он в каждом человеке. А если человеку для того, чтобы быть достойным этого звания, нужно пугало в виде ада и рая, как поощрение за безупречное поведение, то говно такой человек. Сколько бы он поклонов ни бил. И какому бы богу ни кланялся.

При всей своей безбожности, Гребнев порадовался пусть и такому, запущенному храму. Тем более что минуту спустя он увидел ещё одну колокольню. Высоченную. Уже там, куда вознамерился свернуть чуть раньше, приняв во внимание направление железнодорожной колеи.

Ноги — в лёгких полусапожках на кожаной подошве — разъезжались на жалком подобии тротуаров.

Промороженных до состояния вечной мерзлоты. Но Игорь упрямо шёл вперёд. И хотя луна больше не показывалась, он разглядел восточные мотивы в убранстве колокольни. Явно православной, но чем-то смахивающей если не на минареты, то на китайские пагоды. Его память, выдававшая тонны фактов в присутствии Зины, пока он был прикован — в прямом смысле слова — к кровати, сейчас молчала. Да он и не пытался её активировать — уж больно много сил уходило на то, чтобы не замёрзнуть окончательно. И он упорно шёл вперёд. Не особо глядя по сторонам. Поэтому на очередном перекрёстке его едва не сбила «Волга».

«Волга» была новенькой, сверкала хромом, «маршальской звездой» на решётке радиатора и с оленем на капоте. Видать, обкомовская, или кто там у них власть. Сейчас это было бы ясно по номерам серии ЕР. Но задние фонари сверкнули холодом стального оклада, и были таковы, разглядеть номерной знак Игорь не успел. И то ладно. Не то бы ещё и под автобус угодил — угораздило же его улицу переходить в такое неподходящее время. То не было ни одной машины, а то — как с цепи сорвались. И тот же автобус, красно-жёлтый ЗиС-154, слизанный с американских старичков General Motors сороковых годов,

выкатился неведомо откуда. Знал бы маршруты, прокатился бы на таком. Но уехать в сторону от цели было куда как более возможно, нежели добраться с ветерком. И относительно уюте. Поэтому Гребнев продолжил путь, с первыми шагами по которому память внезапно услужливо подсказала: этот промелькнувший в полутьме автобус был и остается шедевром отечественной технической мысли. Потому как это единственный серийный советский автобус с электрической передачей. А дизайн, да, как и у «Волги», был сворован у американского автопрома. Не вчистую слизан, но скопирован. Правда, в это время в Америке уже «Форд-Мустанг» должен был пойти в серию, если с годами Игорь не напутал, а СССР пока только копировал устаревшие на десятилетие модели.

ЗиС, обдав Гребнева сизым дымом, с рёвом растворился во тьме вслед за «Волгой». Он ревел не от скорости, от натуги. Но ехал. И в салоне с заиндевшими стёклами маячили сгорбившиеся фигуры немногочисленных пассажиров. Всё же это был для Страны Советов невиданный прежде комфорт.

Игорь передёрнул продрогшими плечами, зашагал шире, надеясь хоть так согреться. И пёр, как тот же автобус. Но без маршрута. Наобум.

Пока ветер не швырнул ему в лицо запах дыма. Такого сладкого...

Дым был из титана пассажирского вагона. Сколько раз Игорь морщился от этого запаха, проезжая над парком отстоя у Рижского вокзала, а сейчас же, на тебе, возрадовался как ребёнок.

Но прошло ещё почти полчаса, пока половину неба перед Гребневым не закрыла громада здания из красного кирпича. Пройти мимо было невозможно...

Он не сразу решил идти в сторону тускло освещённого вокзала, возвышавшегося над площадью. Привокзальной, надо полагать. С названиями у нас немногим лучше, чем в Америке, где улицы идут под

номерами. Если его уже ищут, то будут первым делом искать здесь. Учитывая же, что он шёл пешком, порой петляя, да ещё сделав вынужденный привал в продуктовом магазине, не столько чтоб купить товары в дорогу, сколько чтоб хоть немного согреться, его уже должны были ждать прямо за дверью. Или у касс. Но пока его никто не встречал.

В магазине, чтоб не особо отсвечивать, Гребнев, прижимая портфель к груди — в другом положении он, почти пустой, сильно бил по ногам, прошёлся вдоль таких же полупустых полок. Похожие он видел в самом начале перестройки. Но здесь хоть цены были божескими. В сравнении с суммой, лежащей у него в кармане. Или это Арендт, как офицер КГБ столько получал? Власть всегда жаловала своих нукеров. Впрочем, полтора ста рублей, даже с учётом того, что сколько-то там денег доктор-особист уже успел потратить или просто отдать в семью, собравшую ему бельё — для бани, что ль, не такая уж и большая сумма...

Так или иначе, но Гребнев, войдя в магазин, прямо при входе притормозил у прилавка с конусами, в которых булькало варёво соков — томатного и яблочного. Но он ограничил себя просто стаканом воды. С газом. За три копейки стакан. Ровно столько было у него мелочью. Две монеты. Двушка и копейка. Он и их не оставил покойному Арендту. Того, как партийца, всё равно отправят в ад, а там деньги не нужны, бесплатный перевоз. Да и пятаки на глаза ему найдётся кому положить. Вся партячейка психушки, небось, сбежится на похороны. Халявными, опять же, будут и поминки. С обильными возлияниями. В конце которых обычно уже не помнят повод, и могут пуститься в пляс.

Продавщица, в кружевном чепчике, заколотом на высоко взбитой причёске, недовольно оторвала массивный зад от табурета, спрятанного за прилавком. Бросила взгляд на мелочь, налила воды и толкнула стакан к Гребневу, едва ли не четверть содержимого выплеснув на грязную клеёнку.

И не подумав извиниться или долить, она вернулась на своё место, а Игорь взял в руки стакан. На удивление оказавшийся не таким уж и липким.

Воду он цедил, как хорошее вино. Цедил нарочито медленно под недовольным взглядом продавщицы. Появись в этот момент ещё кто-нибудь, она бы отогнала Гребнева привычным для того времени «Мусчина, не создавайте очередь, отойдите!». Но за Игорем никто не занимал. И он, допив, аккуратно вернул стакан. Не хватало ему ещё ввязаться в перепалку из-за разбитого стакана.

Не поблагодарив — ещё не доросла до этого культура ширнармасс, он неторопливо пошёл по торговому залу, вдоль холодильников и открытых витрин. Сглотнув, прошёл мимо решётчатых полок с хлебом. Только серый. 16 копеек за буханку. И голяк на других полках. Из кондитерки — карамель, и — о, чудо! — «Мишка на севере». Пять с полтиной за кило. Это ж сколько по нынешнему курсу? Хотя и нет, кажется, сейчас таких конфет...

Зато в винном раздолье — пьяным народом проще управлять. Пусть власть и снижала порой градус. Но то было ещё до войны. Или сразу после гражданской. Тогда новая водка отличалась от царской тем, что официально на десять градусов была слабее. Но, помимо того, хуже на вкус и в четыре раза её дороже — рубль и 75 копеек. В продаже тогда появился и «Коньяк Армении», на котором было написано: 31 градус. Естественно, был он тоже хуже прежнего. Зато за три с полтиной. На самом же деле «рыковка», как по имени наркома, втяхивавшего народу редкую и мерзкую отраву, звали новую водку, была ещё слабее — всего 27 градусов. И тот опыт оказался не слишком успешным, народ на падение крепости отозвался частушками и присказками — крепка, мол, как советская власть. Хотя власть и пала лишь много лет спустя. И была схвачена теми же руками. Но под другими знамёнами.

Ныне же, как убедился Гребнев, пол-литра водки можно купить за 2 рубля 52 копейки, и это не какая-то там тридцатиградусная «рыковка». Вполне приличная водка, такая была и в его годы, хоть и по другой цене. Тридвеннадцать, так её потом звали. «Московская», стоявшая рядом, стоила уже подороже, 2 рубля 87 копеек, коньяк и вовсе 6 рублей. Сигарет с фильтром, и самых простых зарубежных, типа «Родопи», «Стюардесса» или ВТ, не видать. Зато есть «Памир» за 10 копеек, с которым у Игоря не совсем хорошие ассоциации и воспоминания, пробовал однажды. Да ещё и после пьянки. Бр-р-р. Отец курил «Новость», но и её нет.

В мясном же и вовсе только ценники. Понятно, нужный товар — нужным людям. Из-под прилавка. С чёрного хода. Или, в лучшем случае, к открытию магазина, а не в такой поздний час. Но Игорю было не до продуктов, хотя живот и подводило от голода. Просто небольшая экскурсия по магазину позволила немного согреться. И составить приблизительное впечатление о жизни провинциального городка эпохи строительства развитого социализма. Хотя примерно тот же уровень жизни сохранялся и в годы, когда Гребнев уже вполне осознанно смотрел на жизнь. Так что почти ничего нового он для себя не открыл. И, чтобы не примелькаться в магазине — покупать-то он ничего не собирался, опять вышел на холод и направился к вокзалу.

Память опять неожиданно подсказала: первое здание вокзала в Казани появилось еще в конце XIX века. Тогда к городу закончили прокладывать Московско-Казанскую железную дорогу. Казанская газета «Волжский вестник» в номере 22 за 24 января 1896 года так описывала открытие вокзала: «Вчера происходило освящение вокзала станции Казань Московско-Казанской железной дороги. Закладка здания состоялась в 1893 году, стоит вокзал 300 тысяч рублей. Длина здания 40 саженей, высота до крыши — 5 саженей, высота с крышей 6,5 саженей, высота

центрального выступа без флагштока — 10 саженей, с флагштоком — 15. Высота боковых выступов без фронтонов — 6 саженей, с фронтоном — 8 саженей, ширина — 15 саженей.

На здании — гербы губерний, через которые проходит дорога. Фон стен — тёмно-красный, украшения, гербы и вазы цвета серого цемента. В центральном выступе в два света вестибюль, пассажирская и багажная касса. В первом выступе находится зал третьего класса с отдельным выходом прямо с площади. Часть между центральным и левым выступом отведена под пассажирские залы первого и второго класса, в левом выступе — ресторан, салон первого и второго классов и уборные. В остальных частях и на втором этаже почта, контора, телеграф, комендант и доктор, квартира начальника станции.

Внутри помещений первого и второго классов роскошная мебель, гардины, зал окрашен в нежно-лимонный цвет, помещение буфета — в серый. Над входом, отделанным под орех, устроены хоры, в балюстраду вделаны часы. Потолок зала третьего класса поддерживается группами колонн. Отопление во всем вокзале паровое, освещение керосиновое. Сегодня от вокзала отходит первый пассажирский поезд».

Естественно, никакой газеты перед Гребневым в этот момент не было. Эту заметку он читал когда-то давно, в пору работы на «железке». Но, приободрённая близостью тепла память, сама выдала ему подсказку. Буквально перед тем, как он упёрся в газетный стенд при входе в вокзал. Как и было сказано в той, давней заметке — прямо с площади.

Хоть он и продрог, но задержался ещё немного у газетной витрины. «Советская Татария». И ниже — крупными буквами: «На финише 1964-го».

Дальше шло «Рапортуют бугульминцы», «Есть пудовый рубеж!», «Сто передовых хлеборобов»... Но Игоря все эти победные отчёты интересовали мало. Как и

заголовки на следующей странице — «Заглянем в завтрашний день», «Если ты коммунист» и так далее.

Ему хватило одного увиденного факта. Дата. Четверг, 24 декабря 1964 года. С годом и так всё было ясно, с его финиша в передовице. Но день... Он-то уже побывал и в 25 декабря. Правда, 1951 года. Именно там, в тот день, его и повязали. А тут — 24-е. Нестыковочка... Или же нечто иное? Тринадцать лет прошло? В тюрьме? Но как же тогда часы? Которые тикают...

Внутри вокзала было не то чтобы тепло, но ветер больше не забирался под пальто. И Гребнев почти безошибочно выбрал направление к кассам, по пути изучив расписание на стене. А вот и нужная строчка.

Москва. Поезд номер 28. Отправление 20.20.
Ежедневно. Время в пути 14.14. Обратно...

Но дальше Гребнева не интересовало — возвращаться он не собирался. Оставалось понять сокращение слева от названия маршрута — КБ РИМКП. Но с этим можно и повременить.

Игорь вскинул к глазам правую руку.

19.40. Если и часы идут, и время здесь не отличается от московского...

У кассы никого не оказалось...

9

Ему даже не пришлось доставать своё удостоверение. А паспорта при оформлении билетов начнут требовать только в следующем веке. Пассажиров и в вокзале было немного, а в Москву, похоже, и вовсе мало кто собирался. По крайней мере, в этот час.

Ящичек в углублении под зарешёченным окошком кассы дёрнулся, когда дама в синей форменной гимнастёрке сунула туда бумажку билета, над которым долго колдовала. Вначале чикала ножницами, потом сложила его, сунув в свёрток коричневую картонку плацкарты, и прищёлкнула всё это компостером.

Витиеватая решётка — с полукругом, изображавшем, по-видимому, солнце, от которого вверх уходили стальные лучи-прутья, не столько защищавшие кассу, сколько удерживавшие кассиршу в своём плену, вроде как даже показалась Гребневу вполне себе уместной. Настолько радостным было его приобретение.

— Поезд номер двадцать восемь, нумерация с головы состава, находится у первой платформы на первом пути. Ваш вагон номер три, микст, место двадцать три.

— Простите, я же просил купе...

— А это и есть купе. Просто первые двадцать мест в вагоне — это плацкарт. Потому и микст. Но вы не пугайтесь, вагон новый, в этом составе он один такой, недавно получили. Поезд-то столичный...

Гребнев ничего не понял из этого объяснения. Потому как не знал, что с 1962 года венгерские заводы поставляли в СССР жёстко-мягкие купейные вагоны — с 16 мягкими и 20 жёсткими местами. Не знал он и том, что вагоностроительный завод, которому предстояло пропасть с перестройкой, питерский имени Егорова, тоже выпускал миксты, но уже категории люкс. В них четыре купе с мягкими спальными местами были одноместными, а четыре — двухместными. Они полностью повторяли планировку дореволюционных люксов, с умывальным отделением между двумя смежными двухместными купе. В таком, будучи молодым лейтенантом, Игорь однажды ехал из Москвы в Калининград. С бронзовыми ручками дверей и хрустальными бра в проходе, застеленном настоящим ковром, с умывальником на два купе. Но до того ему ещё нужно было дожить. А пока довольствоваться купе сразу за плацкартом.

Взглянув на часы и поняв, что уже не успевает найти буфет, о том же, чтобы там поужинать и речи быть не могло, он спросил напоследок:

— А вагон-ресторан в этом столичном поезде есть?

— Купе-буфет, — словоохотливо пояснила кассирша, стреляя глазками в пассажира при шляпе и портфеле, который Игорь поднял на уровень окошка кассы, там только и можно было пристроить его на маленькой приступочке, чтоб совсем уж не опускать на грязный пол в разводах подтаявшего снега. Пока ещё без соли — её начнут сыпать попозже, и в столице. А в провинции само растает. К весне.

Гребнев приподнял шляпу, раскланиваясь.

— Отправление в двадцать-двадцать, — добавила кассирша, — как раз успеваете. Если не задерживаться...

Но Игорь уже не слушал. Окинув взглядом зал и не заметив ничего подозрительного, а главное — никого, кто бы следил за ним, неторопливо вышел на платформу.

До третьего вагона оказалось рукой подать.

В свете фонаря типа «летучая мышь», только что на батарейках, пожилой проводник изучил билет Игоря и вернул бумажки:

— Ваше купе сразу за плацкартом, нижняя полка. Проходите. Это весь ваш багаж?

Гребнев, не отвечая, вошёл в тамбур и уже оттуда поинтересовался:

— А купе-буфет в каком вагоне?

— Аккурат за нами будет. Да только там сегодня макароны...

Ага, понятно. В тюрьме опять макароны. Хотя Игоря в его тюрьме таким деликатесом не кормили.

Презрительное «макароны» проводника Гребнев понял, когда после отправления прошёл через тамбур в соседний вагон и попросил накормить.

Буфетчица мало чем отличалась от дамы, швырнувшей ему стакан с газировкой. Такой же чепец, разве что вместо начёса — пучок сальных волос. Хала? А дама — хабалка. Неухоженные руки с обломанными ногтями. Сетка морщин, разбегающихся из углов глаза и губ. Выцветшие глаза. Усталые. И возраст. Абсолютно

неопределённый. Ей могло быть и двадцать, и сорок. И даже много больше. Хотя хуже было иное.

Как женщина она не вызывала интереса. Вообще. А ведь если верить расчётам, то женщины у Игоря не было целых тринадцать лет. Он же, оказываясь в прошлом, становился моложе, и желание — вождение — иметь женщину было сильнее чем в его времени, где оно соответствовало его биологическому возрасту.

Тарелка с чем-то серым, слипшемся оказалась перед Гребневым только минут через пятнадцать, за которые макароны можно было сварить с нуля. И не превращая в кашу. Но ему их просто подогрели. Как и несъедобную, из одного только хлеба котлету. Гордо значившуюся шницелем в меню. Уж лучше бы дали сосиску. Но сосиски в меню отсутствовали. Как и кофе.

Пить чай Гребнев отправился в своё купе. И нашёл там развесёлую компанию. Двух пассажиров он видел, когда только собирался идти ужинать — они занимали соседнее купе. Третий занял нижнюю полку рядом с Игорем.

— А вот и сосед, — радостно привстал из-за столика купе скуластый гражданин, высокий, с короткой стрижкой и бегающими глазками. «Недавно откинулся?», мелькнула мысль у Гребнева. Ну, да это не его дело. Если бы не предложение: — Ну, что, перекусим, чем бог послал, и партёчку?

На столе уже красовались две бутылки — водка и коньяк, в газете исходила жиром и ароматами жареная курица, с боков которую подпирали ломти хлеба и с десяток яиц, видать, варёных. Другие бы вид домашней курочки, аромат которой вызвал помутнение разума Гребнева, не выдержали — даже в эпоху биодобавок и стимуляторов роста такие экземпляры редкость. Но и его, задрав зажаренные почти до углей культы ног, курица манила и лишала способности соображать.

Игорь с трудом отвёл взгляд от стола, шикнул на разыгравшийся желудок, отозвавшийся жалобным стоном на изобилие — к курице прилагался изрядный шмат сала и колечко колбасы, кровяной.

— Благодарствуйте, — сглотнув слюну, выдавил из себя Гребнев.

— Да что, там, не смущайте, подсаживайтесь! — включился в уговоры второй пассажир, не рискнувший занять полку Игоря, а потому почти вплотную жавшийся к предложившему партесечку. Третий полмалкивал, изучающе глядя на Игоря. Сидел он у самой двери, привалившись к стенке купе, и тоже на полке соседа. Но стакан уже подхватил. С коньячком, судя по цвету. Хотя открыты были обе бутылки. Странно начали застолье, с того, чем обычно заканчивают. Ещё три стакана пока пустовали.

Но Гребнев уже сбросил с себя чары ароматов аппетитной курочки. Проелозив почти до стола по своей полке, не такой уж и мягкой, как значилось в билете, он взялся за постель, влажную, серую. И это был столичный состав! Игорь давно отвык от такого «сервиса», но промолчал, и на пиршество старался внимания не обращать.

— Так что на счёт партесечки? — не унимался стриженный. — По рублику...

— По тридцать шестой форме следуете в столицу? — огорошил попутчиков Игорь, давая понять, что в его не проведёшь на мякине. Эту «форму» — по числу карт в колоде — использовали «каталы» в общении с железнодорожным людом, давая понять работягам, что перед ними фартовые. Гребнев хоть и далёк был от тех и от других, но о такой «форме» тоже слышал.

Ни слова больше не говоря, он на два пальца вытащил из нагрудного кармана пиджака красную книжицу. Ровно настолько, чтоб показалась первая буква на обложке.

И радушие попутчиков как ветром сдуло.

Державший стакан махнул его содержимое залпом, потянулся за колбасой, два кусочка которой заблаговременно были отрезаны и истекали соком прямо на газету, подстеленную под весь набор блюд и питья. Бросив закуску в рот, он, стараясь не смотреть в сторону Игоря или же, наоборот, чтобы самому не отвечивать, резко толкнул дверь купе и первым вывалился в проход. За ним, завернув курицу в газету, потянулся его напарник, которого Игорь видел в соседнем купе. Сосед же Гребнева, уже обустроившийся на полке, торопливо стал собирать остатки трапезы, к которой практически никто не успел притронуться. Последними со стола исчезли бутылки.

Подхватив объемистый саквояж, двоюродный позайствованному у Аренда, и тоже не из новых, но хорошо сохранившийся, хоть и потёртый, сосед Игоря шагнул в коридор за своими поделеньниками. Молча шагнул. Но уже за дверью, когда Гребнев прислушался, за перестуком колёс он уловил гневную отповедь того, что выскочил первым:

— Я же говорил, нечисто что-то... А вы куда вы смотрели?

— Дак Петровна сказала... Интеллигент, в шляпе, при деньгах, рестораном интересовался, — глухо оправдывался сосед Игоря, которого он узнал по интонациям. Прежде радостным, а ныне — печальным.

Похоже, он счастливо избежал едва ли не традиционного для поездов дальнего следования развода на бабки — вначале попойка с картами, проигрыш всего и вся, разборки... А то и вовсе несчастный случай — выпал из тамбура на ходу... И кто бы его искал, если в этом времени его, считай, и нет? Хотя он уже и родился. Но так это не здесь...

Заправив постель, Гребнев опустил гудящую от мыслей голову на каменную от слежавшейся ваты подушку. В купе ещё оставался запах курицы, живот подводило, но внезапно, оборвав все мысли на полуслове, пришёл

избавительный сон. В который Игорь погрузился с головой. Которую, при такой беспечности, он мог и потерять...

10

Проснулся Гребнев от стука в дверь купе.

— Не желаете ли чаю?

За окном серело утро. Соседняя полка пустовала, как и две верхних — значит, купе изначально было «заряжено» раздеть лоха. Вот только откуда кассирше было знать о «корочках» в кармане Гребнева...

Конечно, если бы ему пришлось их развернуть, могли возникнуть вопросы даже у такой невзыскательной публики, как пытавшаяся пожить за его счёт. Потому как сходство Игоря с Арендтом ограничивалось усами, да то относительно, лишь их наличием. Однако до этого не дошло. И хватило припугнуть «попутчиков» знанием «формы». Время было таким, что форма решала многое. На «железке» — особенно.

Впрочем, принадлежность к форме в СССР, а потом и в новой России всегда была и оставалась решающим фактором. Пусть и не всегда была собственно формой — милицейской, армейской, штатской для тайных агентов или бумажкой для выдачи бесплатных проездных.

Игорь оторвал голову от подушки. Несмотря на её затхлый запах и каменное содержимое, он вроде как даже выпался.

— Да, пожалуйста, — согласился он на предложение проводника, видать, удивлённого, что его пассажир жив, здоров и спокойно провёл ночь. Ведь не могло такого быть, чтоб проводник не опознал «катал». Особенно если у них связь с кассой.

Сбросив ноги с полки, Гребнев сел за стол в ожидании обещанного чая.

Пластик стола оказался покрыт в несколько слоёв вчерашней газетой. Вчерашней в смысле того, что намерен на ней, как на скатерти, громоздилась закуска, от которой он

отказался. Сама же газета — «Футбол», воскресное приложение к газете «Советский спорт», как значилось на первой странице, была за 20 декабря 1964 года.

На газете местами остались следы несостоявшейся трапезы, но в целом она была читабельна. Хотя Гребнев и не особо жаловал спорт. Тем более отечественный футбол. Которого, честно надо бы признать, давно нет. Но то сейчас, в его времени. А тогда, то есть теперь, в 1964-м...

В общем, Игорь в очередной раз запутался между сейчас и в будущем. Которое возможно будет. А может и нет. Чтобы избавиться от неразберихи в голове, он, отказавшись от сахара и прихлёбывая безвкусный чай из стакана в подстаканнике, углубился в чтение.

Из статьи «Фундамент мастерства» он узнал, «что надо планировать не столько нормативы, которых надо достичь в тренировке, сколько те исходные показатели, которые нужны для того, чтобы претендовать на звание игрока классной команды и отталкиваясь от которых, надо начинать физическую подготовку в команде. Другими словами, должен быть разработан стандарт физически полноценного спортсмена с определенными качественными показателями, ниже которых они не могут быть у футболиста».

Не, ну а кто мешает? Дерзайте. Вон, смотрите. В смысле вперёд смотрите. Поскольку статья так и называется — «Смотреть вперёд». А в ней — «Грузинский футбол добился большого успеха на всесоюзной арене. Поэтому думалось, что на пленуме Федерации футбола республики доведется услышать много похвал в честь победителей чемпионата страны. На самом же деле происходило все иначе. В прениях говорили не столько о том, «что такое хорошо», сколько «что такое плохо».

— Главная наша задача — рост массовости футбола и повышение класса игры — решается все еще медленно, — заявил докладчик, председатель Федерации футбола Грузии Г. Джинчарадзе».

Изучать причины в коих проблемы слабой учебно-тренировочной работы с футболистами, Игорь не стал, перевернул страницу. И сразу в конец — читать расхотелось. На последней полосе под рубрикой «На дальних широтах» — снимок, как следует из подписи, полученный фотохроникой ТАСС из далекого Ливана. На городском стадионе Бейрута идёт матч футболистов местного клуба «Хоменмен» с ереванским «Араратом».

Журналист с пафосом сообщал: «Как известно, этот матч закончился победой гостей со счетом 4:1. Всего же араратовцы провели в Ливане четыре матча (три победы и одна ничья). Футболисты «Арарата» продолжили контакты, существующие между командами нашей страны и Ливана»...

Да, уж есть чем гордиться. Безвестная команда арабской окраины, которую победили заезжие мастера кожаного мяча... Впрочем, и эти успехи мы растеряли. Как и отношения с Ливаном. Который, как и многие другие страны, которым обещали дружбу навек, бросили. На съедение. Даже не львам — шакалам. Потому как шакалы всегда оказывались ближе по духу советским правителям. Российским кстати, тоже.

Подумаешь, чурки какие-то дружить хотели... Как же прав был Иван Ефремов, утверждая в «Таис Афинской», что «Чем ниже падает нравственность и достоинство в народе, тем сильнее старается он доказывать свое превосходство перед другими, унижая их». И как тогда цензура пропустила такую откровенную критику нравственных устоев, духовных скреп? Не вчитались?

...Москва встретила Гребнева промозглой слякотью: сверху сыпала пороша, под ногами — адское месиво. На дороге — Комсомольской площади — его худо-бедно гребли натужно урчащие снегоуборщики с пузатыми бочками-кунгами вместо кузовов и какими-то обвесами. Словно противокумулятивная защита, до изобретения которой ещё очень далеко. У самого выхода с Казанского

вокзала, словно выкатившись из фильма Гайдая, стояла трёхколёсная микролитражка, инвалидка в просторечии. Присыпанная снегом. Но ещё не вмёрзшая в лёд. И снегоуборщики аккуратно её объезжали.

А ведь машина и правда могла быть из фильма... Как там его, «Операция «Ы». снимался-то он в 1964-м. Или годом позже? Но погода была такой же, как в кино. По крайней мере, в той части фильма, где про «всё уже украдено до нас».

Здесь тоже раскатывали «Волги», но уже без звезды на решётке радиатора — более новые, чем в Казани. И автобусов было поболее. Даже тот, что в том же кино снимался, мелькнул. Между ними несколько раз засветились «Запорожцы». Горбатенькие и ушастые. Надо же, а Гребнев полагал, что их стали выпускать позднее. А оно вон чо...

Трудяги ГАЗы — день-то был рабочим, это Игорю было некуда спешить, потому как его рабочего места ещё и не было, елозили из конца в конец брусчатку Комсомольской площади, раскатывая туда-сюда. И пусть универмаг «Московский», некогда ставший первым торговым центром столицы, не существовал ещё даже в проекте, грузы были востребованы и ехали по Москве из края в край. Гребнев даже увидел в нескончаемом, пусть и редком потоке машин ГАЗ-66, первый отечественный вездеход. Хотя какой был смысл его гонять по мостовым столицы, когда ему самое место в деревне. В пригороде, на худой конец. Ну да с логистикой в отечестве всегда были проблемы. От недалёкого ума тех, кто всем заправлял. Недостаток ума они компенсировали проницательностью, вот и оказывались на руководящих должностях. А умные и понимающие потом расхлёбывали их решения.

Игорь так не думал бы, если бы в своей трудовой биографии, уже после службы, не оказался на некоторое время на той самой «железке», знание нравов которой уберегло его от катал. Там один начальник устанавливал

нормы и показатели всего лишь прикинув... В общем, задрав детородный член к носу. Фигурально выражаясь. Ибо в реальности у него бы не хватило сил. Дотянуть. Зато вся Московская дорога потом тужилась, чтоб создать хотя бы видимость выполнения «бесценных указаний». Которые были невыполнимы в принципе. По целому ряду причин. Которые начальнику называть было страшно. Ибо было чревато. Хотя чревато было и при соглашательской позиции. Власть она такая, оказавшись в руках самодура, всегда найдёт за что несчастного раба выдрать. А железнодорожники и были такими рабами. Сейчас Гребнев уже не помнил, позволялось ли им в 1964-м увольняться, или же они всё ещё были приписаны к своим депо и станциям. Бабушка Игоря, хоть и не железнодорожница, а простая крестьянка, лишь в 1965-ма паспорт получила! Ещё позже — право на пенсию. Сумасшедшие пять рублей за каторжную работу — от зари до зари — в колхозе! Всю её жизнь в ежемесячную пятёрку оценили! И только перед смертью в начале восьмидесятых ей впервые начислили двадцать рублей пенсии. На которые худо-бедно можно было жить. Но уже не осталось сил...

Силы покидали и Гребнева — холод, живот подвело от голода. А до поезда, который, как надеялся Игорь, увезёт его в нужно прошлое, был ещё целый день впереди. Требовалось где-то укрыться и перекусить. Не болтаться же всё время на вокзале, так только внимание к себе можно привлечь. И не обязательно катал, есть и похуже люди. От одних из которых он сбежал. Но которые, не исключено, уже идут по его следу — тело Арендта не могли не обнаружить. Да и та же Зина должна была выйти на работу, и первым делом поднять тревогу. Гребнев на неё был не в обиде, если она так поступила. Потому как иначе и не могла. И ещё бы убереглась она от допросов. Ну, или хотя бы от допросов с пристрастием...

То, что она могла рассказать, навредить Гребневу уже никак не могло. Но саму Зину было жаль. Пусть и была

её помощь минимальна, но без оной он бы не справился. А ещё был благодарен за бритьё — она так выбрила ему щёки, что и сейчас, сутки спустя, щетина едва пробивалась. Учитывая, что сограждане мужского пола, обгонявшие его, выглядели не лучше по части гладкости лиц, Гребнев не особо выделялся на общем фоне. Даже шляпа не делала его заметнее. Похожие порой мелькали в толпе, пусть и не очень густой. А преобладали, конечно, ушанки и кургузые пальтишки, с меховыми воротниками, а не такое одеяние, как у него. Ну да мало ли, товарищ мог быть из очень важных шишек. Случайно вышедший на улицу. Потому как таких хлыщей граждане видели только в кинохронике перед сеансами художественных фильмов. И все они — хлыщи, не граждане — как правило, стояли на трибунах. Или катили в лимузинах. Или их ещё не было? Лимузинов, а не тех, кто в них раскатывал.

Скорее всего, ещё не было того лимузина, в котором через пять лет Ильин попытается убить Брежнева. А так ещё бегали промеж «Москвичей», 402-х и более древних, устаревшие морально и дизайном ЗИСы. Да и слизанный у американцев ЗИЛ-111 мелькнул, когда Гребнев определился с дальнейшими шагами — нырнуть в метро, там теплее. А спустившись в подземку, Игорь выбрал и цель — «Детский мир». Этот магазин вроде как появился ещё до его рождения, и в нём можно было не просто укрыться — затеряться. На что он и рассчитывал.

Но в метро Гребнев на минуту растерялся. На куцей схеме станция «Лубянка» не значилась. Поразмыслив, он принял за аксиому, что ему нужна «Дзержинская». И не ошибся.

Царство детских игрушек встретило Игоря людским гомоном. Приглушённым, местами встревоженным. С редкими детскими возгласами, подавляемыми взрослыми. Дети ещё не умели так бояться, как боялись их родители. Но всё лучшее детям было уже фальшью.

Начать можно с того, что игрушки, большей частью, были побочным продуктом промышленности. Ленинградский завод резинотехнических изделий наряду с шинами производил детские мячи, Охтинский химический комбинат вместе с другими продуктами из целлулоида — штампованные игрушки, а Челябинский литейно-штамповочный завод специализировался на металлических игрушках. Не исключено, что именно продукцию последнего помнил из своего детства и Игорь. Ведь когда он сейчас глазел на полки и прилавки, он, настоящий, этими игрушками играл. Вон той пушкой, кажется, стреляющей после заряда с казённой части, как у настоящей. Или вон тем самосвалом, в кузове которого помещалось без малого ведро песка. А загляни Гребнев в справочники, то узнал бы, что, по данным комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС на 1964 год, производством игрушек в СССР занимались 600 предприятий лёгкой промышленности: фабрики и артели промысловой кооперации, выпускавшие суммарно 880 наименований товаров для детей. Вообще-то негусто. Это для одного ребёнка может и много. Или достаточно. Но детей-то куда больше. И далеко не всех можно заинтересовать резиновым мячом, куклой со страшными глазами (да, да, именно так, об этом и фельетоны были в ту пору, в «Крокодиле», к примеру, и газеты откликались на жалобы покупателей) или заводным автобусом Астрцовской фабрики металлических игрушек, у которого заклинивало дверь сразу после покупки, а на следующий день он уже и не заводился. При этом игрушек выпускалось на сумму 414,7 миллиона рублей. Немало, да? Но при этом за год до прихода Игоря в «Детский мир» на складах и в магазинах запасов нереализованной продукции было списано 163 миллиона!

Прежде всего потому, что значительная часть игрушек была своеобразными «послами» интернациональной дружбы — убогие на вид, куклы в

национальных костюмах были никому не нужны. Однако ж во главу угла ставился критерий политической целесообразности. А то, что с них даже упаковку не снимали... Подумаешь, экономика плановая, всё сдюжит.

Не сдюжила. Ещё хуже дело обстояло с воспитанием детишек. Четыре года педагоги и учёные доказывали, что проявления детской агрессивности напрямую связаны с влиянием игрушек, вызывавших не менее сильную реакцию послевоенного общества. Им оппонировали члены ЦК ВЛКСМ, отстаивая необходимость выпуска военных игрушек как одного из главных средств патриотического воспитания. И хотя Художественно-технический совет по игрушке Министерства просвещения РСФСР все же отклонил некоторые образцы оловянных солдатиков, указав, что «по содержанию игра не отвечает задачам воспитания детей в духе мирной политики нашего государства, так как основной состав персонажей игры дан в плане военных действий», с полком на Гребнева целились полки, если не дивизии солдат, танков и самолётов. Пусть убогих, но грозящихся убить.

При этом даже власти вынуждены были признать, что в дефиците развивающие игрушки. Из 880 наименований было только 9 конструкторов и 23 вида сборно-разборных игрушек. А настольные игры, разработанные издательством «Малыш», выпускались Московской и Ленинградской полиграфическими фабриками всего по 2200 коробок в год!

Вот вам и всё лучшее детям... Куда важнее было, что Охтинский химический комбинат в Ленинграде, в первую очередь, выпускал взрывчатку и еще и множество других изделий, пусть и мирных, вроде расчесок, мыльниц и игрушек. А куклы... Пупсы были скромные с точки зрения внешнего вида и им было далеко до «Барби». И приходили они в детский мир, как и люди в этот мир, голенькими. Их и в магазины-то отправляли без одежды, которую покупателям приходилось шить самостоятельно.

Зато штамповал завод по 5 млн. штук таких пупсов в год. Вал по плану, план по валу...

А вот до выпуска масштабных моделей автомобилей, увидеть которые хотел Гребнев, пробираясь меж торговыми местами поближе к прилавкам, оставалось ещё восемь лет. И то появились они опять-таки благодаря иностранцам, с игрушек которых и были срисованы. Слизаны-зализаны. Потому как выпускались с кучей упрощений и без излишней детализации для облегчения производства. И то поначалу такими мизерными партиями, что до магазинов не доходили. Так что пока Игорь мог «любоваться» только игрушечными машинками из дерева и металла. Но это были крайне убогие фантазии на автомобильную тему. Да ещё и слепленные едва ли не на коленке. Достижением был разве что педальный автомобильчик. Игорь на таком, встречая этот год там, в своей истинной жизни, катался вокруг новогодней ёлки в школе, где работала мама. Так что это была встреча двух старых друзей. Из разных эпох. На том они и разошлись. А вот британская компания Dinky Toys к этому времени для французского рынка уже выпустила советский «Москвич-408», который только-только сошёл с конвейера настоящего завода. Эта фирма, без громких лозунгов, производила подобные игрушки с 1934 года, и считалась признанным авторитетом в своей среде. Советским инженерам завода «Тантал» даже к 1974-му не удалось повторить эту миниатюру полностью, хоть они и наладили её массовый выпуск. С упрощениями, само собой.

Девчонки могли, конечно, насобирать из представленных в магазине кукольную мебель и кухонную утварь, посуду и ложечки на целую квартиру. Кукольную. Но это было не всем родителям по карману. Так что и здесь, воспитывая будущих хозяек, «Детский мир» и стоящие над ним партийные и правительственные бонзы не очень преуспели.

«Играющий взрослый уходит в сторону от действительности и входит в другую реальность. Играющий ребенок продвигается к новым ступеням мастерства в овладении этим миром и собой».

Это не Гребнев придумал. Это вывел кто-то из учёных. Кто — не важно, да Гребнев и не помнил. Но это было так. Игорь, бродя по залам универмага, даже забыл, что голоден. Хотя и надеялся наткнуться где-нибудь на буфет, он помнил из более поздних посещений «Детского мира», что они в магазине были. Но, уже не просто согревшись, а запарившись, он вышел из «Детского мира». Магазина и образа жизни. И на противоположной стороне площади увидел искомое.

Не ресторан, не кафе, не столовая. И не пирожковая. Не питерская «Булошная». Но он был так голоден, что не стал вникать, что там на вывеске. Его больше интересовало то, что на прилавке. И едва из забегаловки вывалилась группа «питающихся», освободив пространство для новых страждущих, как Гребнев втиснулся внутрь. Туда, где яблоку не было куда упасть меж высоких столов-стоек.

На трёшку, честно отжатую у Арендта, Игорь купил тарелку тушёной капусты и стакан какао. Ещё и сдача набежала, которую он небрежно сунул в карман. В меню капуста значилась с сосиской, но ту сосиску, видать, разделили на всех, кто был в забегаловке. По крайней мере, Гребнев даже вкуса её не ощутил. Но заправился вполне себе. Хотя и взял, воровато оглянувшись, с общей тарелки на столе кусочек хлеба. Но он был не одинок — так поступали все. При этом щедро мазали стоящей здесь же горчицей серый хлеб, довольно кислый, и посыпали солью. Пусть и относительно свежий, иначе он в горло не лез.

За неимением салфеток и не обнаружив в кармане носового платка, Игорь утёрся ладонью, подумал и взял, опять отстояв очередь, ещё стакан какао. Горячий и сладкий, он как нельзя лучше согревал и заодно утолял

голод. А то, что на вкус был так себе... Так это дело десятое. Главное — он сыт. Впервые за...

Сутки, двое, трое? Смотря откуда считать. Но надо было и честь знать — желающие перекусить уже толпились под дверью, видать, хорошее место. Или удобное для работников Старой и других площадей и переулков, где хватало всяких учреждений.

Короткий декабрьский день клонился к вечеру. Побродив бесцельно по центру, и чувствуя, что вновь замерзает, Игорь двинулся к следующему пункту своего маршрута.

11

«Я не очень уверен, что жил. И даже что жив. Пусть я и мыслю. А значит, вроде как существую. Но ведь я могу и неверно мыслить...

Это раз. Во-вторых, даже если я не прав, а миллионы других, исповедующих иную точку зрения, правы, это ещё не значит, что я с ними. Даже вместе с миллионом мух, пожирающих дерьмо, они никак не убедят меня, что это вкусно...»

Мысли опять уносили Гребнева куда-то вдаль, от реальности подальше. Ему бы думать, как попасть домой, а он — о вечном...

По пригородной платформе Ленинградского вокзала Игорь машинально прошёл в самое её начало. Туда, где по другую сторону от рельсов, вдоль забора, теснились палатки и прилавки стихийного рынка. Базара, самого настоящего. Не восточного, конечно, и даже не перестроечных времён. Те тоже можно было встретить на всех пустырях или заброшенных спортивных аренах по всей Москве всего-то четверть века тому назад.

Этот был особенным.

Прежде всего этот базар не был пёстрым, скорее серым и убогим. В чём было главное его отличие от базаров восточных. Как и в громкой тишине. Люди торговались, но

никто не нахваливал свой товар. А ещё не было здесь особого выбора. Точнее, его не было совсем. Потому как всё, что продавалось, было, как правило, в единственном экземпляре. И продавцы действительно отрывали товар от сердца. Ведь большинство вещей, что разложенных прямо на грязном снегу, что на убогих прилавках, были личными. Порой даже глубоко личными. Как, к примеру, маленькое чёрное платьице, которое торговала благообразная старушка в потёртой «плюшке», выдававшей не самый простой статус бабуся. Своё или от дочери осталось? Скорее своё, в этом времени оно уже вышло из моды. А до новой на маленькие чёрные платья ещё далеко. Но, видимо, нужда заставила старушку прийти сюда. И не только её. Продавали здесь всё, кто во что горазд, не только выцветшие платьица и ношенные вещи. Всё было и не перечесать, да что там — взглядом не охватить. Разве что выпадающее из общей картины заметить...

Неведомо как затесавшийся среди торговцев безногий инвалид — их-то как помнил Гребнев, начиная с 1948 года, планомерно выживали из городов, особенно из столиц, даже специальную операцию «Инвалид» провели, сослав сотни и тысячи калек за сто первый километр — торговался за цену на дюжину вилок, уложенных в жестяную коробку. И это был не последний его товар. Рядом громоздились такие же жестяные банки, но круглые. И, заикаясь, инвалид с пеной на губах доказывал, что всё это — ручная работа. Целой артели. В которой он единственный, кто может добраться до рынка на своей тележке. Только ему хватает сил ещё и мешок с товаром на себе притаранить. Отсюда и цена — десять ртов в артели, десять! И все есть хотят...

Ещё бы немного, и Гребнев, у которого слёзы на глаза навернулись при виде калеки на дощечке с колёсиками — его дед, потерявший обе ноги при обороне Крыма, на такой же катался, окончательно растрогавшись, купил бы не нужные ему вилки. Но покупательница —

дамочка в манто, явно не из дешёвых, уже прибрала их к рукам. Судя по тому, что покупку тут же подхватила барышня в одежде попроще — пальтишко и ботики, явно холодные для такой погоды, прислуга, одним словом, покупательница была из завсегдатаев толкучки. Знала, как торговаться, выбирала действительно стоящие вещи. Ведь не коробку же она купила, а её содержимое. Вилки, скорее всего, были не простыми, даже если из мельхиора. Впрочем, в эти годы чаще можно было встретить столовые приборы из серебра. Скупавшие такие товары в голодные военные годы, теперь, так и не выйдя в люди, как этот калека, продавали старые запасы. Чтобы выживать. Ведь хрущёвская оттепель подошла к логическому завершению — её автора только что освободили от всех постов. Но людям за эти годы легче жить не стало. Цены едва ли вернулись на уровень довоенных, а зарплаты, хоть и подросли номинально, не покрывали потребностей. Даже без учёта их роста. Но думал Игорь не об этом.

Дамочка, хоть и была в манто, напонила ему известных манекенщиц шестидесятых. Да, да, мода и тогда была, пусть и для избранных. И уже в следующем году Слава Зайцев, никому ещё неизвестный будущий «Красный Диор» поступит на работу в Московский дом моделей. Но это будет через год. А сейчас перед Гребневым была то ли Янина Черепкова то ли Мила Романовская. А может и сама Регина Збарская. Ведь всех их он видел только на фото, а тут — живьём. И мех скрадывает фигуру. Но не милое личико.

Он бы так и пялился на женщину, однако кто-то дёрнул Гребнева за пальто:

— Дядь, а дядь! Купи табакерку!

Игорь, хоть и не гренадёрского роста, но опустил очи долу.

Едва доставая ему до пояса, перед ним крутился мальчишка. В пальто не по возрасту и росту, в кепке,

державшейся на ушах и почти полностью закрывавшей стриженую голову.

— Дядь! Купи! Недорого!

В руках у сопливого мальчонки, подтягивающего зелёные пузыри под носом, поблёскивал белым металлом портсигар, никакая не табакерка. А то ведь Гребнев даже возрадовался. Табакерка — незаменимая вещь при очной встрече с кем-то из императоров. Глядь — и изменилась история. После удара оной в монарший лобешник...

— Купи, дядь!

— А что это? — Гребнев взял портсигар в руки, и мальчонка спокойно его отдал. Не боялся, что украдут? Или его пасут старшие товарищи, и случись грабёж среди бела дня Игорю несдобровать?

— Папанькин. Откурил он своё, — свесив набок голову, пробурчал малец.

— А ну как узнает о пропаже? — не особо поверил в легенду Игорь.

— Разве что мамка. Память, говорила. Но какая уж тут память, когда жрать нечего.

Пацан немного переигрывал. Портсигар скорее был ворованным, чем памятью о почившем папане.

— Ну, вот, я куплю, а мать в поли... в милицию заявит.

— Не заявит, — уверенно отвечивал юный торгаш. — Ну, чо, дядь, брат будешь? Брат сказывал, серебро...

Вот теперь уже ближе к телу. То бишь к портсигару. Брат появился. Хотя скорее старший из банды грабителей, которому в обучение и отдали мальчика.

— Серебро говоришь?

— Вот те, крест, дяденька! — малец истово, но зеркально канонам перекрестился. Он, конечно, не пионер ещё, мог и в церковь хаживать, да скорее этот перевёрнутый крест опять же из науки старшего урки. Мол,

с такой клятвой и врать не зазорно. — Серебро... Это... Кубачинское... — сморщив нос, вспомнил малец название.

Игорь в серебре не разбирался, и даже понятия о таком, как кубачинское или иное какое, не имел. Его познания в поделочной индустрии не простирались дальше кольчугинского литья. Да и то лишь по части подстаканников. Не то чтоб он их коллекционировал, но стояла на кухонной полке парочка. Один литой, бронзовый, другой посеребренный. И первый, пусть и был из менее ценного металла, смотрелся куда как дороже. А портсигар...

Гребнев давно не курил. Он не помнил, когда бросил. Хотя, как и Марк Твен, бросал не раз, до того, как бросить окончательно. И тоже полагал, что нет ничего проще. Но потом закуривал вновь. Даже после первой попытки смерти поставить точку в его жизни. Однако же в какой-то день бросил. А вот в какой и в каком году... Тут у Игоря был провал в памяти. Который его никак не напрягал — ведь курить-то он бросил. Так что ему портсигар был как зайцу стоп-сигнал. Но его оформление...

Портсигар выглядел как восточная коробка для игры в нарды — такие же узоры, выполненные тончайшим резцом. А внутри замысловатых фигур, словно с обложки «Тысячи и одной ночи», чернением, изваяны парусник и маяк, навстречу которому на всех парусах и мчится корабль. И даже вымпелы развеваются по ветру, а не так, как обычно на картинках — по ходу судна. Художники, как правило, забывают, что парусник априори не может идти быстрее ветра. Так, чтоб вымпел с мачты указывал за корму.

Здорово смотрелись и волны. И тоже с резьбой и чернением. Первое в пене, на гребне, второе — в затенённых местах у подошвы каждой волны. Было и ещё немало мелких деталей, делавших картинку произведением искусства. Может, и кустарного наполовину, но работа была сделана твёрдой и умелой рукой.

— Сколько? — спросил Гребнев, переворачивая портсигар и так, и эдак, и не находя изъянов.

— Ну так хотя бы червонец. Надо бы четвертной, но деньги нужнее прямо сейчас, — по-деловому отозвался юный мошенник.

Игорь мысленно прикинул, что вероятно даже без работы, чистым серебром, портсигар стоит не меньше четвертного, запросить который малец забоялся, чтоб не упустить клиента. Вес портсигара был едва ли не больше, чем у вернувшегося к нему смартфона. А в том все двести граммов. Сколько весит грамм чистого серебра, он не знал, будь смартфон заряжен, не было б проблем — заходи на страничку Сбербанка и торгуйся. Правда, в своём времени. Но туда портсигар ещё нужно было довести. И всё ж явно вышло бы выгоднее отдать десятку из зарплаты Арендта, получив прибыль уже в своих рублях, пусть и деревянных. Деревянеющих...

Окинув взглядом портсигар ещё раз, Гребнев сунул серебряную диковину во внутренний карман пиджака.

— Э-э-э, дяденька! Мы так не договаривались! — малец вцепился в руку Игоря.

— Ты чего это? Я покупаю, деньги держи, вот, — Гребнев вытащил портмоне и извлёк жестом фокусника из него почти не мятую десятку. Красненькую.

Протягивая денежку мальчишке, Игорь заметил, как алчно сверкнули глазёнки юного торговца, заметившего в отделении для купюр ещё одну красненькую, а главное — фиолетовую бумажку.

— Эх, прогадал, — жалостливо бросил пацан, и червонец мгновенно исчез в его грязных ручонках.

А Гребнев, прижимая к себе саквояж Арендта, заторопился на платформу — а ну как подельники мальчика решат проверить содержимое его кошелька? Пусть и не его, и не кошелька, но мало не покажется ему. Даже если он успеет достать наган из саквояжа. Тогда это вообще будет невесть что. И ему или придётся отстреливаться, привлекая

к себе ненужное внимание властей, от которых он бежал, или сдаться грабителям. И что лучше, он не выбрал. А выбрал бежать из злачного места. Сгущавшиеся сумерки обещали скрыть его, если поторопиться.

...Его обтекали пассажиры прибывшего электропоезда, спешившие на выход, а он стоял у края платформы и думал. О том, что сейчас вроде как не имело никакого значения.

Он думал о том, что миллионы сограждан, свято верующие в непогрешимость власти, не убедят его в том, что власть достойна слепой веры. Нынешняя — тем более. Всякая власть хороша лишь до той поры, пока она под приглядом. А едва начинает властвовать над людьми, как превращается в пожирающего своих детей дракона. В религии, кстати, боги тоже насылают своим чадам смертельные испытания. Вроде как из любви к ним. Хотя, как и люди во власти, любят лишь деньги. Или это любовь тех, кто говорит от имени богов?

12

Игорь не стал возвращаться к месту посадки в предпоследний вагон, из которого ему и открылись новые миры. Или времена. Он сел в третий с головы. И не пошёл дальше тамбура — людей было не так много.

Прижавшись лбом к стеклу в рамке двери, Гребнев следил, как мимо пролетают окраины Москвы. Но так и не увидел, когда поезд стал притормаживать у Лигово. Была и была себе Москва, которую он не знал, а потом сразу бац — и Лигово.

Москву, в которой прожил тридцать лет и три года, он не узнавал. А вот Лигово, где бывал наездами в своих путешествиях во времени, признал сразу. Едва поезд, катясь вдоль перрона, миновал какого-то странного субъекта. В полупальто с каракулевым воротником, в подобии кубанки на голове. И, самое примечательное, в необъятных галифе.

Необъятных в том смысле, что они не столько скрывали кривизну ног, для чего и были задуманы, сколько превращали фигуру человека в снеговика — большой шар, стоящий на тонких ножках-веточках. Только вместо веточек ног были начищенные до блеска сапоги. Они сияли даже в вечернем сумраке, на фоне снежной каши, намёрзшей на платформе по всей её длине.

Сапоги Игорь углядел, а вот лицо... Лицо так и осталось серым пятном. Зато вместо него выплыло другое. Заставившее сердце Гребнева судорожно рвануться наружу из плена грудной клетки.

Он едва не вскрикнул, когда мимо двери, сквозь окно в которой наблюдал за заполняющей всё поле зрения платформой, проплыла бросающая косые взгляды вправо и влево голова... Якова. Которого здесь быть не могло. Ну разве что поезд прибыл во время, предшествующее драке Игоря с милиционером-убийцей. Серийным, к тому же. И Гребнев его ещё не убил.

Но могло быть и другое объяснение. Которое резко отрезвило Игоря.

А ну как он просто не убил его?

Гребнев переложил саквояж в правую руку и взглянул на ладонь левой.

По ней узелками омертвевшей ткани тянулся шрам, о котором он и думать как-то забыл. Но Якушев, видать, ничего не забыл. И на платформе он не случайно.

Открыв дверь, Игорь спустился по ступенькам. Спустился, не выпуская Якушева из виду. А тот смотрел в конец состава. Что и дало Игорю фору. Но едва же и не отнял. С порывом ветра, швырнувшем ему в лицо обрывок газеты.

Во всех своих прежних путешествиях по былым временам, Гребнев отмечал: грязь, везде грязь. Подтверждающая немытость России. Но летающих газетных обрывков, тем более пластиковых пакетов и одноразовых упаковок он прежде не видел. Нигде. Ни в

Питере, ой, в Ленинграде, ни в Москве, ни в Казани. Что объяснялось довольно просто. Пластиком и бумажной упаковкой страна тогда не была богата. Хотя дело было не в богатстве, а в том, что заботиться о такой прозаичной потребности людей, как упаковка купленных товаров, правительство не спешило. Как и во все времена, потребности людей были у вождей под номером шестнадцать. В лучшем случае. А люди даже газеты экономии. Даже если не читали, то находили им применение. По прямому назначению, за неимением другой, более экологически чистой бумаги. Ибо на большее газеты если и претендовали, то не соответствовали: в «Известиях» не было «Правды», а в оной — известий... В смысле новостей...

Тем не менее свободной левой Игорь перехватил обрывок, буквально отдирая его от лица — прижимной ветер так и норовил облепить куском газеты гордый испанский профиль Гребнева. А смахнув бумагу с лица, подумал — точнее, озарило его, что негоже бросать мусор здесь же. Урна же была где-то у входа в каморку Якушева, поэтому Игорь машинально сунул обрывок себе в карман. Даже не подумав о том, что вряд ли он чист.

И тут же, пока Гребнев возился с бумажкой, справа от него раздался крик:

— Вот он! Я ж говорил! Явился-таки!

Вряд ли это походило на дружескую встречу. Тем более, что следом раздалось:

— Стоять!

Орал, не своим голосом, но вполне узнаваемо, Якушев. Затем ещё кто-то добавил:

— Держи его!

Ошарашенный Гребнев повёл головой вправо, на крик, потом влево. Потом оглянулся — за спиной лязгнула сцепка, подбирая вагоны перед тем, как вновь после небольшой передышки сорвать их в путь-дорогу.

За этим утробным стальным звуком он едва не упустил, что с двух сторон по платформе загрохотали сапоги. И с каждым мгновением их звук приближался.

Справа бежал Яков, хромая и приволакивая ногу. За ним, почти от хвоста состава бежал неуклюжий мужик в галифе и кубанке, которую он, чтоб не потерять, смял в кулаке. А слева...

Слева довольно-таки легко и непринуждённо, почти не топая, бежал высокий атлет в бушлате, без погон, но с ярко сияющими пуговицами. Чем и привлёк внимание Игоря. Не бегом. Пуговицами. Уж больно они блестели. Судя по всему, он их и в гражданской жизни драил, как на корабле. Хотя кто сказал, что он служил во флоте или был гражданским? Бушлат так себе примета флотской службы. Тем более службы специальной. Но гражданскому не было бы нужды нестись на зов милиционера. Этот явно видел цель, и не видел препятствий. Поэтому и налетел на дамочку, вышедшую из вагона, катившего перед тем, из которого на платформу шагнул Гребнев.

Женщина ойкнула, упала на пятую точку, выронив то ли ридикюльчик, то ли иную какую сумочку. Игорь только и заметил, что нечто чёрное улетело едва ли не за край платформы. А дамочка так и осталась сидеть. Зато спортсмен хоть и устоял на ногах поначалу, уже на следующем шаге запнулся, засеменил, а после и вовсе поскользнулся, смешно вскидывая ноги. Чтобы уж наверняка растянуться во весь рост.

Падая на спину, он ещё раз приложился к дамочке, на сей раз головой, та и пискнуть не успела. Но и атлет всё ещё барахтался на платформе, где нечищенный снег превратился в каток. Зато Якушев и страхующий его на ещё более дальних подступах к зданию станции ловец человеков в галифе приближались. Неумолимо.

У Гребнева было два пути. Сигануть через ограждение платформы и пытаться укрыться в темноте за железнодорожными путями. Или вернуться в вагон.

Который как раз подтянул к Игорю вторую свою дверь, с другого конца.

Он выбрал второе. Да и куда бы он бежал в темноте другого времени? Как долго бегал бы? Но эти мысли пришли куда позже. Гребнев уже вскочил на подножку и втиснулся в тамбур мимо высунувшегося из вагона юнца, привлечённого криками с платформы.

Беспардонно задвинув молодого человека вглубь тамбура, Игорь обернулся.

Мужик в галифе безнадёжно отстал, упустив уже и последний вагон. Якушеву же и в голову не пришло вцепиться в поручни и заскочить в ближайший к нему. А может, учитывая, как он тянул ногу, то было ему не по силам. Или просто не требовалось. Потому как переведя взгляд вперёд по ходу движения, Гребнев не увидел на платформе атлета.

Дамочка сидела в той же позе, широко раздвинув ноги в потрёпанных ботильонах. А спортсмена не было. Но не растворился же он?

Значит, вскочил в ближайший вагон. До того, как их пути сойдутся, ещё два вагона. Число которых немного увеличится. Ведь Гребневу-то нужно идти к третьему вагону с конца, иначе опять занесёт куда-то ещё. А идти вперёд, в голову состава, значило неминуемо столкнуться с атлетом. Кто он, Игорь не пытался гадать. Было ясно, что Якушев каким-то образом выжил. И сдал его, Гребнева. Кому? Спецслужбам? Или обычным операм, ищущим убийц девушек? Это значения почти не имело. Факт был в том, что на Игоря объявлена охота. И во времени Якова ему больше нечего ловить.

Кстати, в каком это году случилось?

Гребнев, хоть и был риск нарваться на ищущего его атлета, сунул руку в карман, нащупал обрывок газеты. В тусклом свете плафона в тамбуре с трудом различил на жёлтой бумаге убогий шрифт. Но он ему и не нужен

был особо. Газета порвалась очень удачно, и в руках Игоря был кусок с «шапкой» «Правды». 25 декабря 1953 года.

Что там говорил профессор Преображенский насчет чтения «Правды»? Он вообще убеждал — боже вас сохрани — не читать до обеда советских газет. А о «Правде» сказал особо. Пациенты, которых он заставлял её читать, теряли в весе. И это ещё не всё: у больных наблюдались пониженные коленные рефлексы, скверный аппетит, угнетённое состояние духа...

Но время обеда давно прошло, и иных газет, кроме «Правды», не было. Да и от той только обрывок, на котором ниже «шапки» шло: «Приговор суда — приговор народа». В тамбуре было слишком темно, чтобы прочесть кого там судили. Именем народа, как всегда. Хотя на самом деле — во имя благополучия начальников этого народа.

Чуть правее шло оборванное на полуслове «День наше...». Под ним — «В комитете по Сталинским премиям». Надо же, а ведь Хозяин-то того, помер. И Гребнев знает, кто к этому приложил руку. И даже досье на эту руку у него в саквояже. Пусть, конечно, и липовое частями, но всё ж. Хотя не в том дело. Вождь помер, а премии меж тем — по расписанию. Более того, они уже Сталинские. А были — Ленинскими. Король умер, да здравствует...

Нет, не король, подачка его имени...

Гребнев взглянул в окошко двери ведущей на переходную площадку. Сквозь грязь и копыт, копившуюся годами, было невозможно хоть что-нибудь разглядеть. Но атлета он бы угадал, даже если б и не увидел. Тот был не просто выше сгорбленных и полусонных пассажиров. Он был один из немногих, кто гордо нёс себя. И вот с этой-то гордостью Игорь никак не желал встречаться. Потому как догадывался, чем может закончиться такая встреча.

Оглянувшись на стоявшую в тамбуре парочку — юнца, который едва не помешал ему вернуться в вагон, и его подругу, зажатую у противоположной двери, Гребнев

воровато сунул правую руку в свой саквояж, застёжки на котором отщёлкнул, едва разобравшись с временем, в которое угодил. В этот миг обрывок газеты оказался на очень хорошем удалении от глаз, никакие очки оказались не нужны — Игорь разобрал строки, как в юности, когда мог читать в сумерках без огня и света.

«С глубоким удовлетворением встретили все трудящиеся нашей страны приговор Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР по делу предателя шпиона Берия и участников сколоченной им изменнической группы заговорщиков — Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского. Решение суда, приговорившего заговорщиков к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, приведение этого приговора в исполнение отвечают единодушному требованию советских людей»...

Дальше можно было не читать. Одни пожиратели трупов съели других. И радостно сообщили о том подданным. В надежде, что это на время остудит их пыл. Буде такой тлел хоть где-то. Но народ, как обычно, безмолвствует. Хотя чем дальше, тем больше глупеет, а потому одобряет уже даже без палки.

Игорь вспомнил митинги, на которые служащих министерства в добровольно-принудительном порядке отправляли даже в рабочее время — выражать горячее одобрение «возвращению в родную гавань Крыма». Потом были другие, не менее горячие волеизъявления. В коих он не участвовал. Принципиально. Из-за чего давно значился в чёрных списках. Но пока что был нужен, и его особо такой позицией не попрекали. Подумаешь, отпуск летом не дали. Так это и прежде случалось. Хотя в этот раз было однозначно за отсутствие присутствия в монолитных рядах. Уж если все измазаны, то чистеньких не должно остаться. Правда, после выбытия Благоевой из этих тупо монолитных рядов, как Игорь надеялся, наступят перемены. Впрочем, надеяться-то он надеялся, но в глубине души понимал, что

этим надеждам не суждено сбыться. Не настолько крупная фигура Наталия, чтобы с её арестом перемены были бы столь радикальны.

Однако сейчас нужно было думать не о том, он и так потерял время с чтением «Правды». В которой, как он сам только что убедился, правды не было ни на грош.

Прижимая саквояж к груди, Гребнев выудил из него наган и торопливо, чтоб молодняк в другом углу тамбура его не заметил, сунул в карман пальто. Вот теперь можно и встретиться с преследователем. Мы ещё посмотрим кто кого.

Правда, после того как выяснилось, что Якушев живой, эта уверенность не была такой уж неколебимой. Но деваться некуда. Гребнев торопливо прошёл через вагон, в тамбуре ступил на мостки, переброшенные меж двух вагонов. Взглянул через стекло, отделявшее салон от тамбура.

Ничего подозрительного.

Он ещё на вагон приблизился к заветному. Из которого выходил в иное время и возвращался в своё. Но теперь за ним по пятам шёл враг, изошрённый и коварный, поджидавший его в засаде. И только по чистой случайности пока не схвативший.

Перед третьим с хвоста поезда вагоном Гребнев оглянулся. И в конце салона, в его начале, если считать с головы состава, увидел атлета. Тот даже не запыхался, похоже. Теперь их разделял всего лишь салон, и даже если Игорь выскочит в тамбур, а там и на мостки переходной площадки, стычки всё равно не миновать. Уж больно быстр преследователь.

Гребнев сильнее сжал рукоятку нагана.

Пусть идёт, пусть догоняет. В тамбуре будет самое то — завершить этот побег, начавшийся ещё в Казани.

Игорь повернулся лицом к преследователю и замер, не убирая палец со спускового крючка.

Он устал убегать.

Если Лигово появилось внезапно, то Ховрино — вполне ожидаемо. Правда, платформа пребывала во мраке, словно пришла электричка не в то время, когда жил Гребнев неподалёку от этой станции и из которого начал свои вояжи в иные времена, а лет эдак на пять-семь раньше. Но этот морок постепенно развеялся. По мере того, как марево поглощало, растворяло происходящее в соседнем вагоне, который Игорь всё же покинул, не став задерживаться даже в тамбуре. Покинул, едва заметил, что происходит нечто странное.

Он во все глаза высматривал погоню. А потому сразу увидел, как догоняющий его атлет в бушлате начинает подрагивать. Словно это не человек, а кадр из фильма, плёнку которого зажевал проектор. И кино на экране пошло наперекосяк.

Нет, сам преследователь никуда не делся, и его не перекосило вслед за видом на экране. Которым был весь салон вагона, от начала и до двери, за которой стоял Игорь. И нужно было сильно вглядываться, чтоб заметить, как рябь пошла по фигуре атлета. Но Гребнев не выпускал врага из поля зрения, а потому видел, как тот по мере приближения вместо того, чтоб расти в размерах, становился... прозрачным, что ли...

Атлет буквально таял. А вместе с ним и те немногие пассажиры, что сидели по лавкам четвёртого от хвоста поезда вагона. Таяли и сами лавки. И салон уже был не салон, а так, размытая картинка. На которой Гребнев ещё углядел, как его преследователь выхватывает чёрный пистолет, целится. Наверное, и он увидел, что его жертва исчезает. В таком же марева или иначе. Но уходит. От погони уходит...

Игорь ещё видел, как испуганные пассажиры, вскакивая со своих мест, косясь на пистолет. Но прежде, чем понимают, что происходит, растворяются в воздухе, в

котором уже исчез центральный проход салона. Или же вначале исчезли боковые стенки вагона?

Возможно. Потому что вагона уже почти не было в поле зрения, которое заняли концентрические круги, расходящиеся от ствола пистолета в руках преследователя Игоря. Выстрел? Но звука не слышно. Зато видно. Колебание звуковых волн. И эти волны ещё больше размазывают изображение происходящего в вагоне. Который и сам исчезал вслед за пассажирами. Или они вслед за ним?

Тут Гребнев затруднялся сказать однозначно. Ибо, едва метаморфозы стали зримы и вроде как необратимы, он ринулся в свой вагон. И вовремя.

Электричка прибывала в Ховрино. Где что-то случилось с освещением — все фонари то вспыхивали, то погружали станцию во мрак.

Впервые на памяти Игоря межвременной переход обозначил себя ещё и зримым, вполне осязаемым явлением. Но Гребнев, шагнув в распахнувшуюся дверь, уже и думать о том забыл. Как и о преследователе. Слишком много всего случилось с той поры, как он вышел с работы. В своём времени вышел. В которое и вернулся теперь. Как он надеялся. Но прежде между двумя этими временными точками он дважды побывал в Питере, провёл неведомо сколько лет в Казани, прошёлся по Москве более чем полувековой давности... А ещё убил. То ли двоих, то ли только Арендта, прикрыл веки случайному попутчику, подельнику, можно сказать, убившему самого Сталина... Хотя может и не убил. Игорь же Якушева не убил. Да, был уверен, что на его совести смерть пусть и не самого порядочного милиционера. Скорее даже серийного убийцы. Но доказательств-то не было. Только умозаключения. Как и у самого Якова, признавшегося в убийстве девушки, которую он счёл недостойной жизни. Из-за её недостойного поведения. Так он стал судьёй и палачом в одном флаконе. Но и Гребнев поступил так же!

А ведь сказано было: не судите, и не судимы будете.

Игорь не совсем был согласен с Христом. Если совсем уж не судить, то распояшется вся нечисть. Она и так всегда оказывается у власти прежде всех порядочных. Ибо толкается, использует недопустимые и неразрешённые в приличном обществе приёмы. И её ещё и не судить... Нет, тут сын божий с его нагорной проповедью неправ. Разве только принять за истину вторую часть его заповеди — что судивший сам будет осуждён той же мерой. В смысле, если напраслину возвёл, то и огребёт по полной. Так что осуждение должно опираться на незыблемые доказательства. Которые никто не в силах будет опровергнуть. И, во-вторых, осуждая, сам не будь грешен тем же.

Впрочем, это тоже нужно было бы воспринимать с оговоркой. Иначе некому будет судить — грешны все. В той или иной мере, степени. Но должна быть некая черта. О ней, конечно, нужно будет договориться заранее: мол, всяко бывало, а теперь — ни-ни. Так, если Игорь не ошибался, в Сингапуре порядок навели. Или в Гонконге? Не суть важно где. Главное нашли в себе силы. Забыты были старые обиды, прегрешения и распри. Но недопустимы новые. Хотя и пришлось для этого посадить ближайшее окружение президента. Его лучших друзей в том числе, не понявших, что воровать всё же нехорошо. Особенно после того, как черта подведена.

Увы, в России подобное невозможно. И не потому, что страна большая, а чиновников много, и все норовят взять на лапу. А по той простой причине, что среди десяти заповедей нет главной: не лги. Ложь давно стала национальной идеей, и врут все, от мала до велика. Но хуже всего то, что лжива сама власть. И вся её природа, как и у религии, основана на лжи. Так что сколько бы власть ни призывала к порядку, к борьбе с коррупцией, мздоимством, это попытки укунить себя за локоть. Или за иное место. По которому если бить после каждой порции лжи, то сидеть

будет невозможно уже через полчаса. Потому как власть врёт как дышит. И чтобы определить, врёт ли представитель власти, независимо от его ранга, достаточно увидеть, что он открывает рот.

Гребнев спохватился, что он всё ещё сжимает рукоять нагана в кармане. После некоторых манипуляций — чтоб не засветиться перед случайными прохожими — оружие вернулось в саквояж, а Игорь продолжил путь. И вновь вернулся в свои мысли. О праведном и грешном. И о том, как Яков выжил, и почему сдал его. И кому. Кто за ним гонится?

Ответ на вопрос о жизни и смерти Якушева был самым простым. И вполне правдоподобным. Что снимало тяжкий крест с души Гребнева. Он хоть и не выносил на дух преступников, но палачом быть не нанимался. С него Пса и Арендта хватит. Но там аффект, битва не на жизнь, а на смерть... Впрочем, и с Яковым было то же. Но по рассуждению выходило, что вроде как убил его Гребнев за серийные преступления. Теперь же выяснилось, что в этом он не грешен. Не Яков — Игорь без греха убийства. Почему же брал грех на себя? Так за малым временем не удосужился проверить: а так ли уж смертелен был удар ножом? Точнее, его огрызком. Да, крови было много, и глаза у Якушева закатились. Но подтверждает ли это факт смерти...

У двери в свой подъезд, чуть не назвав её парадной — вот что питерский воздух делает, Игорь похлопал себя по карманам в поисках ключей.

— Игорь Николаевич! А хорошо ли заставлять девушку так долго ждать? Я уж продрогла вся...

Гребнев обернулся:

— Катя?

14

Откуда взялась вера? А как иначе можно было обучить гигиене, правилам здорового питания и ношения

одежд безграмотных пастухов? Меж тем речь шла о их выживании. И страх был самым доступным средством приучить их вести себя правильно. Может, не сразу по части мытья рук — всё-таки на востоке, там, где зарождались практически все мировые религии, с водой было напряжённо. Но не смешивать селёдку с молоком или что там по части кошерности, — это запросто. Беда в том, что после привития полезных навыков приходит толкование того, что уверовано, вместо праведной жизни — в права вступают обряды, и все кончается лицемерием жрецов в их ненасытности к власти и богатствам. Которых якобы жаждут боги. Пока никто не задумывается, что если уж боги всемогущи, то им доступны любые богатства мира без глупых подношений. Тем более — жертв. Это давно так ведётся. Едва ли не с зарождения религий. Которые суть рабская вера. Необходимая одним, малому числу, чтоб держать большинство в послушании. И для оправдания большинства в том, почему оно совершает глупость. Ведь если сверху на тебя смотрит бородатый мужик, и судит за каждое твоё слово и деяние, и не просто судит — карает, то поневоле будешь вести себя так, чтоб его не гневить.

Гребнев в слезку свыше не верил. Чтоб вести себя по-человечески, ему не нужен был ни ад, ни рай. А когда оступался, то готов был принять любое наказание. Не в прямом смысле любое, конечно, а сообразно тяжести проступка и кодексу — административному, уголовному, да пусть даже по кодексу строителя коммунизма. Главное — чтоб по писаному правилу, а не всякий раз по-всякому. Не веруя в одно, он не верил и в случайности. Потому как случайности — это стечение закономерностей. В которых нам просто неведомы правила их возникновения.

Поэтому появление Екатерины Геннадьевны Шевелюхи у своего подъезда он никак не мог назвать случайностью.

Да, у него была мысль заявиться к ней в гости. Пошалить. Без всяких обязательств. Они на этом вроде как сошлись. Или нет? Но сейчас это было неважно.

Свой адрес ей он не давал. В гости не приглашал. Случайно она не могла оказаться у его подъезда. Да ещё и ждать его. Причём зная, пусть и примерно, когда он появится. То, что Екатерина продрогла, не факт, что стояла она много дольше, чем требовалось. Просто день выдался промозглый, со снежком и ветром. Пусть и не очень низкая температура — на светящемся станционном табло термометра с часами Игорь заметил всего минус пять, однако эти градусы пробирали до самых печёнок. Почище чем в Казани пять десятилетий тому. С хвостиком, хоть и было это вроде как накануне...

Но сейчас не про мороз. Адрес, вот что имело значение.

В министерстве, конечно, был его адрес. В приёмной министра и в кадрах. Но Ольга не дала бы без спросу. Хотя... Она-то болеет, а кто там сидит вместо неё... Ещё проще было бы выяснить в отделе кадров, под предлогом поручения от министра — бумаги типа срочно отвезти или ещё какой повод можно придумать. Однако это тем более исключает случайность.

Значит, Катя-Катюша ехала к нему специально. Вот только зачем? Не виделись они давно, не созванивались. И вдруг на тебе, явление. А если бы он после работы отправился ещё куда? Неужто она знала, что он идёт домой? Это после всех-то его приключений... Даже если в этом времени он сегодня день и провёл в министерстве. Что с самого утра так и было, и только потом пошло наперекосяк, из которого он едва вырулил...

Чем больше Игорь размышлял — молниеносно, отменяя совсем уж немыслимые версии и тут же придумывая новые, тем меньше ему нравился визит молодой женщины. Той самой, о близости с которой он едва ли не мечтал не так давно.

Сейчас ничего такого Гребневу не хотелось. То ли от усталости, то ли из-за Марины, после появления которой в его жизни другие женщины, которых-то и прежде особо не было, отошли на второй план, если не дальше. Сейчас Игоря волновало, что Марина может их увидеть вместе. И что она подумает?

Ему не хотелось расстраивать свою новую добрую знакомую. Свою спасительницу. Свою Ярославну. Которую он не хотел заставлять плакать. На юру, или как там она плакала...

И в то же время... Любовницей или тем более женой он Марину не видел, и называть её так тем более не хотел. Но ведь и расстраивать её в его планы тоже не входило! Как и разрыв ни к чему не обязывающих отношений из-за внезапного появления ещё одной женщины. Более молодой. Куда более изящной. Загадочной. Не без изъяна, конечно, и связь любовная на рабочем месте не лучшая характеристика для начальника, пусть и такого мелкого пошиба, как Гребнев. Однако Игорь понимал, что появление Кати не может кончиться добром. Конечно, если Марина о том узнает. Так что нечего маячить у подъезда, Марине домой идти через его двор. Да и гостя нежданная продрогла. И что он за хозяин в таком случае, да и сослуживец, выходит, так себе...

— А ведь вы могли и не застать меня, не собирался я сегодня дома сидеть, — Гребнев издали начал подводку к тому, что не особо рад гостям. — Но проходите, чаем угощу, — и он распахнул дверь подъезда, пропуская даму вперёд.

— Ой, а у вас уютненько! — Катерина сбросила шубку в прихожей, оставшись в лёгкой кофточке и юбке-карандаш, легко вступила в предложенные Гребневым тапочки и осмотрелась. — А моделей-то, моделей! Я думала, что у нас шутят на работе о вашем хобби, а вы и вправду корабли строите!

Игорь смахнул со шляпы невидимую пылинку, положил её на верхнюю полку вешалки, снял пальто, одёрнул пиджак. Однако поддерживать разговор о хобби не стал. То было не увлечение. То была попытка забыться после смерти жены. Но не объяснять же это случайной гостье, явно претендующей на нечто большее, чем просто поздний визит.

— Вы извините, что я так, без предупреждения, — Катерина словно подслушала его мысли. Она ходила от модели к модели, некоторых касалась чуть пухлой ручкой, такой изящной, будто у фарфоровой куклы. И бросала быстрые взгляды через плечо на Игоря, застывшего на пороге гостиной. — Не виделись давно, на работу я всё ещё не хожу после болезни. Да и вы, как я знаю, тоже болели долго...

— Не очень, — поправил её Гребнев, теряясь в мыслях как себя вести дальше. — Я сейчас чайник поставлю. А в остальном, боюсь, в доме шаром покати.

— Ой, что вы, я не голодна! И даже чай... Мне б покрепче чего...

Игорь, чтоб не впасть в соблазн, покачал головой:

— Увы, не держу. — Хотя выпивки было в достатке. И чтоб гостью согреть, и самому дойти до кондиции, когда будет всё равно с кем. Лишь бы сбросить накопившуюся усталость и поднимавшуюся откуда-то из тёмных глубин души похоть. Но именно этого он и хотел избежать.

По лицу гостьи скользнула мимолётная тень. То ли недовольства, то ли обиды. Или понимание обмана. Но она промолчала. И присела на диван в гостиной, рядом с которым Гребнев бросил многострадальный саквояж:

— Вы не против?

— Грейтесь, — кивнул Игорь, — я на кухню.

Набрал воды в чайник, прислушиваясь сквозь шум воды к тому, что происходит в комнате. Но визуализировать ничего не смог. И это с его-то фантазией? Устал, очень устал. И этот визит совсем не ко времени. В

другое время Гребнев может и вернулся бы к своим потаённым желаниям насчёт дамы, сидящей в его гостиной. А то и попытался бы их осуществить. Однако не сейчас. Потому что...

В жизни нет ничего такого, чего стоило бы бояться. До тех пор, пока сам не решишь, что оно стоит страха. Вот и сейчас. У Игоря с Катериной ничего не было. Но он вздумал бояться, что об этом подумает Марина. Если узнает. И тут же страхи стали явью.

Чайник только зашипеть успел, как из коридора на кухню донеслась трель дверного звонка.

«Ну, вот, стоило мне только подумать. И страх материализовался. А может, это и к лучшему? Напою чаем и выпровожу? Но кого там чёрт принёс? Неужто действительно Марину?».

Гребнев прошлёпал к двери. Чтоб убедиться — мысли материальны.

На коврике за дверью, которую он распахнул, как обычно, не глядя в глазок, стояла улыбающаяся Марина. И только в уголках губ и глаз таилась усталость с невысказанной печалью.

Игорь отступил на шаг и торопливо заговорил:

— Привет! Вот уж не ждал! Я только вошёл, и у меня гости. С работы. А тут — такой подарок!

— И это ещё не всё, — продолжая улыбаться, но вместе с тем и насторожившись, Марина переступила порог. — Сегодня ведь рождество. Вот я и решила... К тому же коллега изъявила желание сменой поменяться. А я и не против...

Она протянула Гребневу коробку с пирожными, песочными, как он любил. И как узнала? Он вроде не упоминал о своей страсти к сладкому. Но в то же мгновение ему стало не до пирожных, не до сладкого.

Марина же заметила женскую шубку на вешалке.

— Я не помешала? — с изменившимся лицом и обидой в голосе спросила. И едва ли не отработала задний ход — за порог. Но Гребнев успел закрыть дверь.

— Ну что ты! Как ты могла бы помешать? Это с работы, Катя, я ей как-то помог...

Оправдываться дальше означало бы только ещё больше скатываться в пучину проблем. Да и Катерина всё слышала, что тоже не входило в его планы. И Гребнев потянул с плеч Марины её пуховик. Видать, всех заработков и приработков на шубку ей не хватало. Или же, как он и прежде это отмечал, деньги идут на что-то иное.

— Проходи, чайник сейчас закипит, твои пирожные кстати, как раз к столу.

Тапочки нашлись и для Марины, причём именно те, что он ей уже предлагал. И это малость успокоило врачевательницу. Но от подозрений не избавило. Которые тут же обрели зримое подтверждение, едва Игорь шагнул в гостиную, приглашая за собой новую гостью.

За те пару минут, на которые он оставил Шевелюху без присмотра, произойти могло всякое. И Гребнев всего мог ожидать. Но не такого...

15

— Катя! Что вы...

Спрашивать, «Что вы делаете?», было поздно — гостя уже всё сделала. Задаваться вопросом «Что вы себе позволяете?» — глупо. Во-первых, она вполне себе взрослая, и понимает, что позволяет. А во-вторых, как и с первым вариантом невысказанного вопроса, она уже себе позволила.

Впрочем, здесь всё было без вариантов. Потому как Кати в комнате не было. И уже поэтому обращаться к ней, выпрашивать что-то, смысла не было.

В гостиной, заломив назад белые предплечья рук, стояла обнажённая Венера Милосская.

Гребнев не мог видеть, как распахнулись глаза Марины, входившей в гостиную следом за ним. Ну не было у него глаз на затылке! Да и его собственные едва ли не вылезли на лоб, когда он понял, что видит перед собой не мраморную статую, а Катю. Без блузки. С руками, заломленными за спину в попытке избавиться от кружевного красного бюстгальтера. Трусиков на ней уже не было. То ли скользнули к ногам вместе с юбкой, то ли изначально дева о них не обеспокоилась. Рассчитывая именно на такую реакцию. С выпученными глазами и отнявшейся от неожиданности речью. Что у Гребнева, что у второй его гостьи. Хотя вряд ли она предполагала, что придёт кто-то ещё, помимо неё.

Но тут немая сцена ожила. Екатерина Геннадьевна закончила возиться с застёжками и отпустила бюстгалтер, упавший на ковёр у дивана. Она и не подумала его подхватить. Вместо этого Шевелюха вскинула заведённую за спину правую руку. В которой неожиданно оказался знакомый Гребневу револьвер.

Ну как знакомый... Разве что разверстой пастью ствола. Однажды из него уже вылетала пуля, предназначенная Игорю. Сейчас, судя по тому, что саквояж, который он опрометчиво оставил у дивана, был открыт и небрежно отброшен в сторону, его опять извлекли с той же целью.

Убить Гребнева.

— Я, может, и погорячилась, — для обнажённой, стоящей перед мужчиной, голос Екатерины звучал на удивление спокойно. И такое же спокойствие, если не умиротворение было у неё на лице. — Думала, наши пришли. Вот и разделась быстренько. Чтоб разом со всем покончить. Но не серчай. — Игорь не помнил, чтоб они перешли на «ты». Да, выпили бутылку шампанского на двоих, болтали о том, о сём. Но перешли ли на «ты»... Вроде как нет. Но Катя не придавала тому значения: — Пусть это будет последний подарок тебе. Лично от меня.

Всё ж ты был единственным, кто отнёсся ко мне по-человечески. Так что цени. Но на этом всё, подарки закончились. И так даже лучше, что пришла она.

Наган в руке Катерины описал полукруг, целясь уже не в лоб Игорю, а ему за спину. И он, ещё не поняв смысл происходящего полностью, догадался о намерениях стоящей перед ним женщины. Да она их и не скрывала.

— Мне не придётся паясничать в суде, изображая жертву насилия. Пусть и были потрачены усилия на заготовку заранее. Тогда ты впервые, — Катя сделала ударение на «ты», словно подчёркивая никчёмность Гребнева, — изобразил из себя праведника и защитника. А потом только слюни пускал, мечтая заполучить меня в койку.

Пусть это и было не совсем так, но Игорь уже посчитал варианты: по срокам, видать, имелось ввиду его заступничество на аттестации. И ведь тогда уже надо было ему заподозрить неладное! Когда Калиниченко, отставной гэбэшник, внезапно поддержал его, Гребнева. Штатного, можно сказать, оппозиционера министерства. А ведь гэбэшники бывшими не бывают. Они как рождаются мразью, так и подышают под тем же соусом. Не бывает в них ничего человеческого.

А Шевелюха меж тем продолжала откровенничать. Выставляя и себя напоказ, и свои навыки демонстрируя. Её ничуть не смущало, что стоит она голой над грудой своей одежды. Ибо всё решал наган в её руке. А рука у неё не дрожала.

— Так что не будет суда. По крайней мере со мной в качестве жертвы насильника. Будет суд над убийцей. И тогда уж ты никак не отвертишься...

И тут лицо Екатерины Геннадьевны подёрнулось какой-то поволокой, она на миг ушла в себя. Чтоб, вернувшись в гостиную, где перед стволом в её руках стояли двое, каким-то утробным голосом, совсем ей неприсущим, бросить в Гребнева:

— Мене, мене, текел, уфарсин.

Бросок, надо сказать, достиг цели. Игоря словно ушатом холодной воды окатили. Да что ушатом — это был удар ледяной струи из пожарного гидранта. Как в психушке, где его пытались отмыть перед тем, как убить. Может и не его убивать собирался Боров, и не боксёр должен был умереть, которому предстояло погибнуть «на Розочке», как он сам говорил. Но грудь, куда ударила струя воды, внезапно заняла испытанной однажды болью. А в голове всплыло воспоминание. О другой попытке убийства. В которой уж точно не было сомнения, кто должен был стать жертвой. Хотя тогда и погибли двое, совсем не тех, кому суждено было умереть.

Пёс.

Это он, перед тем, как броситься на Гребнева, впервые произнёс эти слова. Которым Игорь не то чтобы не придал значения — забыл с ними разобраться. Хотя и понимал подспудно, что они что-то значат. Особенно с упоминанием долга. О котором Пёс говорил при задержании. А Игорь решил, что, раз он никому не задолжал, то и с библейскими фразами нет смысла разбираться. А ведь мысль была о том, что не он должен — он не должен был! Что не должен, он и сейчас не понимал. Но начинал наконец-то догадываться.

Метаться меж мирами и временами не должен был. Ведь не зря же его ловили у Якушева, держали в психушке, куда потом засадят Ильина, Пёс дважды пытался убить. Теперь вот Катерина...

Стоп. А ведь она не его хочет убить! Жертвой должна стать Марина. Чтоб сделать Гребневу больней? Да тем, кто стоит за Шевелухой, такие понятия, как боль потери, не ведомы. Она, конечно, сейчас сама приняла решение. Но в рамках действующей парадигмы: суд, тюрьма.

Значит, задача не убить его, а изолировать! На какое-то время. Достаточно продолжительное. Сколько там за убийство дают?

Это уже не имело значения. Игра Катерины потеряла покров таинственности. За исключением разве что «мене, мене, текел, уфарсин». Но с этим он потом разберётся. Если опять уцелеет.

— Мне кажется, вы со своими, с этими, которые не пришли вовремя, к вашему обнажению в моей квартире, малость заигрались. И переиграли сами себя.

Гребнев сделал ещё шаг в гостиную, перекрывая сектор стрельбы в Марину собой.

— Не только вы, Катюша, — Игорь старался говорить спокойно и убедительно. Но получалось не очень. Голос временами предательски подрагивал. — Это чтоб вам не было так обидно. Вся ваша машина сработала вхолостую.

— Стой, где стоишь, — расширенными зрачками сопровождая каждое движение Гребнева, прошипела его обнажённая гостья. Но он и не думал останавливаться. Между ним и стволом оставалось чуть больше двух метров. Марина была надёжно защищена. На время. Потому что, хотя голая, но взбесившаяся Катерина не оставит её в живых. После того, как пристрелит Игоря. А он чувствовал свою вину в том, что подставил, не уберёт женщину. Которая, по сути, спасла его. И потому не боялся жертвовать собой. А ну как повезёт...

Смерть врага не цель. А возможность выжить самому. Вот только Гребневу нечего было противопоставить нагану. Это ж как он опростоволосился! Сам вложил револьвер в руку своей убийце...

И вот теперь ещё полшага... Шаг.

— Ты не понял... Ведь можно и без суда обойтись... Радикально...

Побелевшие губы Екатерины едва слышно разлепились. Впившийся в спусковой крючок указательный

палец чуть дрогнул. Следом провернулся на одну камору барабан.

Игорь в упор смотрел на пальчик с маникюром, который обещал смерть. Быструю и безболезненную на таком расстоянии.

И сделал ещё полшага.

Головка Катерины качнулась из стороны в сторону. Словно она отрицала саму возможность ещё одного шага. И была права.

Потому что в тот же миг грянул выстрел.

Пуля ударила Гребнева в грудь. И он не устоял — удар был такой силы, что его отбросило назад. На те самые полтора или два шага, что он прошёл от порога гостиной. Там он и рухнул к ногам Марины.

Сияясь что-то сказать, Игорь только выдавил ручеёк крови из уголка рта. Да так и затих.

А револьвер продолжал смотреть в дверной проём, в котором застыла, ничего не понимая Марина.

Раздался сухой щелчок.

Барабан провернулся ещё раз. И вновь щелчок.

Угасающим взором Гребнев увидел, как внезапно Марина, сообразившая, что жить ей осталось ровно до следующего щелчка, сорвалась с места и налетела на голую соперницу. Уже отнявшую у неё мужчину, а теперь ещё и норовившую свести счёты с ней.

Ударом кулака, пусть и не очень большого, но весомого, которым она уже не раз запускала остановившиеся сердца, Марина врезала голой дамочке промеж глаз. Точнёхонько в переносицу.

Катерина, не ожидавшая не только отпора, но и такой силы удара, отлетела на диван, путаясь в своей юбке. И в трусиках, которые так и не стянула до конца, изображая из себя жертву насилия. И вот теперь, со спутанными ногами, встать ей было не так-то просто. Да ещё и наган улетел в другой конец комнаты. А Марина уже замахивалась для нового удара...

Первый удар нос Шевелюхе не сломал. Но губа треснула. И малюсенькая струйка крови запеклась в углу нецелованных Гребневым губ. От второго у дамочки, путившей в Игоря пулю из его же револьвера, и вовсе могло перекоситься до недавнего времени почти прекрасное личико. Но...

Это голые мужики почти беззащитны. Голая женщина прибавляет в силах для своей защиты. Так и Катерина была готова драться и дальше. Получив удар в переносицу, от которого назавтра заплывут оба глаза, она, подтянув под себя ноги, резко выпрямилась, ударив свалившую её женщину в грудь.

Теперь уже Марине, улетевшей после тычка ногами в угол, пришлось собираться с силами. Но она, хотя и знала силу своего удара, предпочла добраться до револьвера. Вот только не представляла ещё как его пустить в ход.

Да, на уроках ОБЖ в школе она вполне сносно стреляла из автомата. Могла его разобрать и собрать с закрытыми глазами. Но древний наган был у неё в руках впервые.

Рискуя получить ещё один удар, Марина прикрыла на мгновение глаза — она вспоминала, как её противница держала оружие. Потом навела ствол на барахтающуюся на диване голую девицу. Без оценивающего взгляда Гребнева та потеряла всё своё обаяние и привлекательность обнажённого тела. А будь глаза Игоря, забытого обеими женщинами, открыты, он бы увидел, как страх и беспомощность в мгновение ока состарили лицо Катерины. Он бы точно увидел. Потому как расстояние между ним, лежащим на полу, и женщиной на диване, было кратным тому, с которого он прочёл обрывок газеты, влетевший ему в лицо.

Может, и не идеальным было это расстояние, но аккурат таким, чтоб Гребнев, одним взглядом мазнув по своей несостоявшейся пассии, убедился в её

непривлекательности. И даже больше того. В её ничтожности.

Черты лица Катерины мигом огрубели, в уголках глаз залегли даже не морщинки, а почти трещинки, губы отвисли. Как и обнажённые груди. А белое, почти мраморное тело посерело, и даже зеленоватый оттенок приобрело. Как у покойника. Которых Гребнев насмотрелся за минувший месяц. Можно было бы сказать, что насмотрелся на всю оставшуюся жизнь. Но он и так лежал на полу, навзничь, устремив потускневший взгляд в потолок и не подавал признаков жизни.

А вот Катерина была вполне себе живой. Хоть и посинела малость. И от холода — окна в квартире, несмотря на декабрь, были открыты для зимнего проветривания. И от напряжения — всё-таки теперь ей в лицо смотрел ствол револьвера, из которого она только что завалила хозяина квартиры. Которого нужно было всего лишь ограничить в свободе передвижения. Отправив на неопределённый срок в тюрьму. Или хотя бы в следственный изолятор. А там — следствие может идти неспешно, столько, сколько нужно. Однако этого уже не будет. Бездыханный хозяин квартиры, в которой надсадно, до кашля в груди, воняло порохом, лежал на пороге комнаты. Покинуть которую, мгновенно оценив ситуацию пока ещё не заплыли после удара в переносицу глаза, решила Шевелюха.

Она бы пришла к такому выводу и по долгому здравому размышлению. Но тут сообразила в доли секунды. На пороге комнаты — труп. Орудие убийства — в руках женщины, которая, вероятно, была равнодушна к убиенному. Вон как ринулась его защищать. Правда, поздно. Уже после того, как Катерина уложила его на пол. Одним выстрелом. Но сама она под выстрел подставляться не хотела.

Удар Марины всё ещё отзывался гулом в ушах, и Катерина предпочла не связываться с той, кого

опрометчиво назначила жертвой. Для осуждения Гребнева за её убийство. Даже если она не выстрелит, в драке ещё неизвестно кому больше повезёт. Да и случайный выстрел исключать нельзя.

Поэтому, резво подхватив с пола свои шмотки и смахнув кровь с разбитой губы, Шевелюха боком стала отступать к двери, не спуская взгляда с соперницы, оказавшаяся чуть в стороне от пути к её спасению. А Марина всё никак не могла взять в толк, как же заставить револьвер выстрелить.

Она помнила о передёргивании затвора автомата, видела, как взводят курок на пистолетах — в кино видела. Но здесь ничего похожего не было. Увы, в состоянии стресса, хотя она и принимала в нём не раз спасительные для жизни пациентов решения, решить задачку об убийстве Марина не смогла. Ведь прежде речь шла о жизни. А тут надо было убить. Может, поэтому не получалось? И она только провожала взглядом и стволом отступающую Катерину. С которой даже познакомиться не успела.

А Шевелюха прокручивала в голове свои варианты. Которые были, как ни крути, в её пользу. Даже без эффектно выстроенной мизансцены с убиенной любовницей Гребнева. Теперь он сам был главным объектом этого представления. В котором почётная роль убийцы плавно перетекла на его женщину. Так не вовремя, или, наоборот, в очень даже в нужную минуту появившуюся в его квартире. Ведь на нагане уже были её отпечатки. А то, что смыв не покажет наличие пороховых газов на руке... Так и не такие нестыковки обходили в российских судах, выносящих нужное решение.

В том же, что будет принято решение нужное, Шевелюха не сомневалась. И бочком, бочком выкатилась в прихожую, где торопливо, косясь на ствол, нацеленный в неё из гостиной, натянула юбку, сунула ноги в сапожки, подхватила шубку, а остальные вещи запихнула в сумочку,

довольно объёмную, чтоб там спрятать даже труп. Но труп оставался в квартире...

Марина проводила её стволом до самой двери. И встала на ноги, едва дверь за убийцей захлопнулась.

С тяжёлым сердцем, ковыляя, дошла до порога гостиной. Теперь, когда угроза её жизни почти миновала — мало ли кто заглянет в квартиру, дверь-то осталась открыта после бегства убийцы, она опустилась возле Игоря. Но продолжала смотреть на дверь.

Поэтому чуть не описалась от страха, когда кто-то холодными пальцами сжал её запястье. Руки, к которой буквально прикипел так и не выстреливший револьвер.

16

...Он бежал, под собою не чуя земли. Хотя нет, как раз наоборот. Чувствовал все камушки и неровности. Которые отзывались болью во всём теле. Но вопреки всему бежал. Куда — он не знал. Приказали, и он побегал. Он был хорошим служивым. Выполнял приказы беспрекословно. Сказали: надо бежать. И он бежал. Бежал, хотя уже и воздуха не хватало. А от удушья давило в груди. И это было плохо.

Чтоб стало хорошо, или хотя бы немного лучше, он перешёл на шаг. Но это не помогло. Дышать было нестерпимо больно. И ноги отказывались двигаться. А лыжи...

Лыжи стали неподъёмными. Никто не сказал ему о смазке, вот он и побегал, так, на голом энтузиазме и обычных «дровах». С брезентовой петлёй вместо крепления. И нога всё время «хлюпала», когда он пытался подтянуть лыжу. Получалось плохо. Но надо было бежать, и он бежал, не обращая внимания на все неудобства.

Но почему же ему так трудно дышать? И взмок он, хотя мороз обжигает щёки молодого матроса.

Он согнулся в пояс, руками опираясь о колени. А куда девались палки? Ведь он не столько скользил на лыжах, сколько вытягивал себя палками из лыжни...

Но палок не было. Как и снега под ногами. На которых не было лыж. А была брусчатка. Которую он и ощутил в полной мере своими пятками. И никакой он не матрос. Курсант. Первого курса. И бежит кросс. В котором решается, получит ли он отпускной билет, или с такими же неудачниками половину лета проведёт в учебном лагере, подкрашивая и ремонтируя казённый инвентарь.

Чтоб бежать дальше, нужно было не просто перевести дух. Для начала нужно было вдохнуть. Горячий разрежённый воздух, словно он высоко в горах. Такое он испытал однажды. Но там хоть высота была. А тут — ровная, как стол, степь. И марево... Которым не надышишься.

Понимая, что это его последний шанс прийти к финишу в пределах норматива, Игорь, преодолевая боль в груди, судорожно вдохнул. И едва не потерял сознание.

Перед глазами, давно уже закрывшимися и закатившимися куда-то далеко, под лоб — как только не стало воздуха хватать, полыхнули и поплыли не только искры. Вся его короткая жизнь проплыла. Все его двадцать неполных лет.

Боль заполнила не только грудь, но и каждую клеточку его тела. Но он не только вдохнул, но и выдохнул. И открыл наконец глаза.

У его ног, пробираясь от трещинки к трещинке, в тени склонившейся над асфальтом фигуры, торопливо перебирала сотнями своих маленьких ножек мохнатая гусеница.

«Дави её!», — прохрипел голос где-то в глубине его истерзанной утробы.

«Зачем? — возразил ему другой голос, — она не сделала ничего плохого...».

«У тебя аллергия на этих тварей, ты вон уже задыхаешься. А если она коснётся тела, то я за себя не отвечаю. И за тебя тоже».

«Ну и пожалуйста, — шепнул второй голос, — и не надо за меня отвечать. Сам разберусь. Кого давить...».

17

Человек всегда может сделать чуть больше того, что вчера казалось пределом его сил.

Эта мысль, немного в иной формулировке, уже посещала Гребнева. Но сейчас она была куда как свежа. Потому что он был убит. Но... жил.

Когда первый испуг прошёл, Марина, едва не пальнувшая из нагана, с которым наконец-то совладала — оказалось, что нужно просто жать и жать на спусковой крючок, а дальше револьвер сам, самовзводом подаст под боёк камору с патроном и выстрелит, опустила очи долу. Туда, где лежал Гребнев. Слабо шевельнувшийся. И взявший её за руку.

Да что там взявший! Схвативший! Как утопающий хватается за соломинку.

Она видела, что Игорь силится что-то сказать, но понять не могла. Пока он не положил её руку себе на грудь. И тут же сморщился от боли. А на губах появились новые пузырьки крови.

Только тогда до неё дошло, что Гребнев живой, и пришла пора ей применять свои основные навыки. По спасению жизней. В чём она должна была преуспеть куда лучше, чем в убийстве. Которое, к тому же, так и не состоялось. Хотя она и целилась в убийцу своего мужчины. Незнамо как нашедшего её. Или она его нашла, когда поехала на вызов под самый занавес смены. Едва держась на ногах. Но поехала! А потом увезла его в свой медцентр, потом... Потом было много ещё чего. За короткое время. И она не прогадала.

Это был он. Тот, кого она искала всю жизнь. Правда, поняла она это не сразу. А когда едва было не лишила его надежды дожить до дня рождения. По глупости. Потому что протокол такой. Она должна была в него внести число полных лет. А то, что их количество изменится со дня на день, протокол не учитывал.

Но это было уже в прошлом. Как и их первая брачная ночь. О чём он, конечно же, не знал. Однако знала она. Знала, что не отдаст его никому. Даже смерти. Но его убили. А он — живой!

Будь она просто влюблённой женщиной, то первым делом зацеловала бы Игоря. На радостях. Что живой. Но она была профессионалом. Врачом, обученным спасать жизни. И поэтому первым делом она отбросила с груди Игоря простреленную полу пиджака, в которой красовалась небольшая, со слегка обугленными краями дырочка.

Коснувшись пола, клетчатая ткань загрохотала. Или то просто показалось так после временной глухоты, последовавшей за выстрелом в закрытом помещении.

— Портсигар, — слабо прошептал Игорь, но не рискнул потянуться за спасшей его покупкой в карман — поднять руку уже было больно. Саднила вся грудь. Как минимум сломано ребро. Куда уж тут по карманам шарить. А ведь пришлось бы ещё и на бок перевернуться. Так что он положился на Марину. Которая сообразила, что он имеет в виду. И сама сунула руку во внутренний карман пиджака.

Изящная вещица, белого металла, с чернёным парусником и маяком была безнадёжно испорчена. Безобразной вмятиной с одной стороны и выпуклостью с другой. Но сквозь портсигар пуля не прошла.

«Какое там было серебро по словам мальчишки? Кубачинское? Не знаю, что это, но вещь хорошая», — подумал Гребнев, уже пытаясь встать, как пытался после своей первой, клинической смерти. Чем едва не вогнал в гроб молоденькую докторшу, не ожидавшую такой прыти от пациента, пережившего инфаркт. Однако он уже понял,

что смерть опять промахнулась. В который уж раз. Значит, ещё не конец. Значит, для чего-то он нужен. Не просто же так он опять выжил.

А как же «Мене, мене, текел, уфарсин»?

Это совсем не то, что «пришёл, увидел, победил».

Но смысл, пусть и противоположный, в том же русле.

Пир Валтасара. Последний. Таинственные письма, начертанные невидимой рукой. Суть которых — исчислил Бог царство твоё и положил конец ему, ты взвешен на весах и найден очень лёгким, почти ничтожным, и разделено царство твоё...

В переводе на современный — взвешен, измерен и признан недостойным жизни. Не сам взвешен — деяния твои оценены. Измерены. И признаны неприемлемыми. Отсюда — приговор.

Валтасару — смерть в ту же ночь, что и письма явились на стенах его дворца. Гребневу — вновь мимо. Хотя и Пёс уже объявлял вердикт, и психушка для него едва ли не стала последним домом. И Катерина поторопилась его списать, сбежала, не убедившись в том, что выполнила миссию. Или что там ей было поручено. А он всё ещё жив.

Конечно, ещё не факт, что ему удастся нормально вернуться в мир живых. Ведь в дверь квартиры могут хоть сейчас вломиться те, кого Шевелюха ждала, разоблачаясь перед Игорем. И потом нелегко будет объяснить наличие незарегистрированного оружия, простреленный пиджак...

Однако это уже было меньшим из зол. Для которого он даже объяснение нашёл, мол, домой вернулся и застал грабителя, который и пальнул в грудь. А то, что пиджак испортил, а не пальто, так квартира-то не самая маленькая, раздеться успел...

Но всё это будет потом. Если потребуется.

Гребнев был жив, и это главное. Оставалось понять — зачем. Как, почему он вновь обвёл вокруг пальца старуху с косой? Что должен сделать такого, ради чего

мироздание его оберегает? А ведь были и ещё две смерти, вовсе не криминальные, и уж там-то отвертеться без вмешательства неких сил — высших или потусторонних — точно не обошлось. Пусть и подняли его со смертного одра умелые руки эскулапов. Но кто-то же ими водил по бездыханному в течении двух минут клинической смерти телу Игоря...

Ладно, проехали. Он был жив и верил в то, что не исполнил ещё своё предназначение. А чем нелепее вера, тем больше цепляются за нее непросвещенные люди, с тёмными душами и убогим разумом, фанатичные и не способные мыслить.

Игорь, как минимум, фанатиком не был. Но в свою миссию уверовал. И намеревался жить, и жить долго. Опять же, как минимум — гарантировано до исполнения своего предназначения.

Поэтому он, дыша уже почти ровно и только морщась при вдохе из-за сломанных ударом пули в портсигар рёбер, откинулся навзничь и расслабился.

Всё идёт так, как должно. И не стоит пытаться что-то изменить. По крайней мере, до тех пор, пока не будет дан знак. Очередной. Свыше, из потусторонних миров или ещё откуда — этого Гребнев не знал. Но собирался дожждаться. А пока...

Пока же у него, как только отдышится, есть более приятное дело. Прокушенная в падении губа тому не помешает. Ну, будет немного больно целоваться, так это не смертельно. Зато Марина широко распахнутыми глазами влюблённо смотрит на него, и ждёт, когда в эту рождественскую ночь случится чудо. Хотя и понимает, что одно чудо уже случилось. И гром уже грянул. Пусть и был это гром выстрела. Но он обозначил Ильин день. Ильи-пророка, а не погибшего даже после психушки Ильина. У которого с чудом не срослось. А вот Гребнева ждёт и второе чудо...

Второе чудо будет их с Мариной жизнью. Долгой ли, короткой, но их. Не это ли то, ради чего он выживал всё это время?

Гребнев понимал, что это неправильно, нельзя ограничиваться рамками своих удовольствий. Ибо это — клетка. Попав в которую очень трудно выйти на волю. Но...

Меня мироустройство для кого-то, ради благополучия людей, стоит прежде подумать и о себе. Это, конечно, эгоистично, из таких мыслей Прометей не явится в этот мир. Однако, начав менять мир под себя, рано или поздно изменишь его и для других. Главное при этом не тянуть одеяло на себя. В общем, счастья всем, поровну. А пока...

Пока у него есть дело. Пожить с Мариной. Для себя пожить. Поэтому другого объяснения своей живучести, по крайней мере, сейчас, Игорь искать не собирался. Ему было достаточно того, что он жив. И рядом — Марина. С её влюблёнными глазами...

Потом может быть всякое. И дверь в прошлое не закрылась. В прошлое, в котором можно изменить будущее. Но ведь и в будущее можно попасть той же дорогой. Хотя это может и подождать. Мы и так все там будем...

Конец первой книги